

ОШО

Раджаним

I

МЕССИЯ

LITRU.RU

"Мессия" — это весь Ошо: это широко распахнутая дверь в его необъятный духовный мир. Эта книга не оставляет сомнений: перед нами — одна из высочайших вершин человеческого духа.

В сущности, здесь три книги: во первых, это цитаты в начале глав, которые составляют полный текст поэмы "Пророк" великого арабского поэта-мистика Калила Джебрана; во вторых, комментарии Ошо к поэме — блестящий образец толкования сложной восточной поэзии и философии; в-третьих, сам Ошо: глубокий — и радостный, непринужденный, язвительный — и уязвимый, взволнованный — и мудрый, и неизменно ясный, как солнечный день.

Мессия?

Не торопитесь с иронией. Кто знает...

Ошо Раджниш. Мессия. Том I

Мессия?

Не торопитесь с иронией. Кто знает...

ОШО РАДЖНИШ

Мессия

К «пророку»

ХАЛИЛЯ ДЖЕБРАНА

том I

THE MESSIAH

commentaries by

Bhagwan Shree Rajneesh

on Kahlil Gibran's "The Prophet"

Volume One

The first of two volumes

Ошо родился в Кучваде, штат Мадхья Прадеш, Индия, 11 декабря 1931 года. С самого раннего детства проявился его бунтарский и независимый дух, стремящийся к личному постижению истины, а не к усвоению знаний и верований, предложенных другими.

В возрасте 21 года он завершает свое академическое образование и в течение нескольких лет преподает философию в университете Джабалпура. В это же время он много путешествует по Индии, встречается и беседует с самыми различными людьми, участвует в публичных дискуссиях, бросая вызов ортодоксальным религиозным лидерам, подвергая сомнению и критике традиционные верования.

В конце 60-х Ошо приступил к разработке своих уникальных Техник Динамической Медитации. Современный человек, говорит он, так перегружен отжившими традициями прошлого и тревогами ежедневной суеты, что ему необходим процесс глубокого очищения, прежде чем перед ним откроется путь к безмятежному, свободному от мыслей состоянию медитации.

В ходе своей деятельности Ошо исследовал практически все аспекты развития человеческого сознания. Он выделил самое существенное из того, что требуется современному человеку в его духовных поисках, основываясь не на интеллектуальном понимании, а на собственном экзистенциальном переживании, на собственном опыте.

Он не принадлежит ни к какой традиции. «Я есть начало совершенно нового религиозного сознания, — говорит он. — Пожалуйста, не связывайте меня с прошлым, о нем не стоит даже вспоминать».

Его беседы с учениками и искателями со всего мира изданы более чем в шестистах томах и переведены на три с лишком десятка иностранных языков. «Мое послание, — говорит он, — это не доктрина и не философия. Мое послание — это некая алхимия, некая наука трансформации, преобразования; и только те, кто полон решимости умереть таким, как он есть, и родиться вновь чем-то столь новым, что сейчас он неспособен даже вообразить это... — только эти немногие смельчаки готовы слушать. Ибо слушание будет опасным.

Слушая, вы уже сделали первый шаг к новому рождению. То есть это вовсе не философия, которую можно накинуть на себя как плащ и пойти куда-нибудь покрасоваться. Это не доктрина, в которой можно найти убежище и утешение от разрушительных вопросов. Нет, мое послание не сводится к какому-либо словесному сообщению. Оно гораздо более опасно. Это не что иное, как смерть — и возрождение».

Ошо покинул свое тело 19 января 1990 года. Его огромная коммуна в Индии остается крупнейшим в мире центром духовного развития, привлекающим тысячи гостей из многих стран мира; они приходят, чтобы принять участие в его медитационных, лечебных, оздоровительных и творческих программах или просто побыть, в своего рода, поле будды.

27 февраля 1989 года ученики Раджниша коллективно решили называть Его *Osho Rajneesh*. *Osho* — термин, пришедший из древней Японии и впервые использованный Эка для обращения к своему мастеру Бодхидхарме.

«О» означает «с великим почтением, любовью и благодарностью», а также «синхронизация» и «гармония».

«SHO» означает «расширение сознания на множество измерений» и «сущее, льющееся отовсюду».

На заре этого столетия из-за пределов мира грубости и торговли пришла книга, которая

затронула сердца миллионов людей. «Пророк» Халиля Джебрана — вдохновенное выражение поэтического видения за пределами мирского, прозрения в чудесное. Из мгновений инсайта Джебран создал повесть о пророке, Альмустафе. Прежде чем оставить мир, Альмустафа говорит с людьми Орфалеса о том, что всегда было самым дорогим для человека, — о радости, печали и страдании, работе, преступлении и наказании, любви, браке, детях, жизни и смерти.

Но как бы эту книгу ни любили — она переводилась на многие-многие языки и передавалась от друга к другу, от влюбленного к возлюбленной, от искателя к искателю, — она не оказала видимого воздействия на столь многих людей, чтобы вызвать какое-либо изменение в мире. Разумеется, поэзия Джебрана взывает ко всему самому высокому и чистому в нас; она пробуждает мечту — о лучшем человечестве, о более совершенной жизни, — мечту, которая должна стать всеобщим стремлением; поэтому так привлекательны подобные книги. Творение Джебрана — написанное мечтателем — волнующе, однако, это мечты, а не реалии; он поэт, но не мистик.

«Мессия» — двухтомный комментарий к «Пророку» — найдет свое место рядом с произведением Джебрана на книжной полке каждого, кто любит истину и красоту. В «Мессии» вклад Ошо Раджниша намного больше, чем просто еще одна точка зрения на поэта. Ведь Ошо не просто поэт, и не просто мистик с реальным опытом того, о чем мечтает поэт, — это просветленный Мастер. И, как таковой, он усовершенствовал искусство общения почти до степени единения. Там, где поэт дарит нам проблески иного измерения, далекие от ежедневной реальности, мистик приносит это измерение прямо к нашему порогу. Он не говорит: «Есть еще одна реальность, о которой мы можем вместе помечтать», — он говорит: «Вы не исследовали действительность, которой вы окружены прямо здесь и сейчас: это «иное» — внутри вас!»

1. ЗАРЯ СВОЕГО ДНЯ

8 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Альмустафа, избранный и возлюбленный, заря своего дня, двенадцать лет ждал в городе Орфалесе возвращения корабля, который должен был увезти его на остров, где он родился.

На двенадцатый год в седьмой день Айлула, месяца урожая, он поднялся на холм, лежащий за стенами города, обратил взор к морю и заметил свой корабль, приближающийся вместе с туманом.

Тогда распахнулись врата его сердца, и радость его полетела далеко над морем. Он закрыл глаза и молился в безмолвиях своей души.

Но только сошел он с холма, как его охватила немая грусть, и подумал он в сердце своем: «Как уйти мне с миром и без печали? Нет, не оставить мне этот город, не поранив дух.

Долгими были дни страданий, проведенные за его стенами, и долгими были ночи одиночества; а кто может расстаться со своим страданием и одиночеством без сожаления?

Слишком много осколков духа рассеял я по этим улицам, и слишком много детей моих стремлений бродят нагими меж этих холмов, и я не могу уйти от них легко и без боли.

Не одежду сбрасываю я сегодня, а собственными руками сдираю с себя кожу.

Не мысль я оставляю после себя, а сердце, умягченное голодом и жаждой».

Халиль Джебран... само имя приносит столько восторга и радости, что невозможно представить другое, сравнимое с ним. При звуке его имени колокольчики начинают звучать в сердце, и сердце не принадлежит этому миру. Халиль Джебран — это чистая музыка, тайна такая, что одна лишь поэзия может изредка уловить ее — но лишь изредка.

Вы выбрали самого любимого человека этой прекрасной земли. Позади столетия, были великие люди — но Халиль Джебран сам по себе категория. Я не могу представить, чтобы даже в будущем возможен был еще один человек такого глубокого проникновения в человеческое сердце, в неведомое, что окружает нас.

Он совершил нечто невозможное. Он сумел принести в человеческий язык, по крайней мере, несколько фрагментов неведомого. Он возвысил человеческий язык и человеческое сознание как никогда и никто другой. Как будто все мистики, все поэты, все творческие души благодаря Халилю Джебрану взяли за руки и слились.

Хотя он чрезвычайно преуспел в воздействии на людей, он все же чувствует, что это не вся истина, а только проблеск. Но увидеть проблеск истины — это и есть начало паломничества, ведущего вас к окончательному, абсолютному, к всеобщему.

Еще один замечательный человек, Клауди Брегдон, сказал о Халиле Джебрane прекрасные слова. Он говорит: «Его сила пришла из какого-то огромного хранилища духовной жизни — иначе она не могла бы быть столь всеобщей и могущественной. Но величие и красота языка, в который он облакает ее, — это его чистая заслуга».

Я всегда любил это утверждение Брегдона, хотя и не согласен с ним.

Не нужно соглашаться с прекрасным цветком; не нужно соглашаться с небом, полным звезд, — можно только ценить их. Я делаю четкое различие между согласием и высокой оценкой, — а человек цивилизован, если он может различить. Если он не умеет различать, он все еще живет в первобытном, нецивилизованном состоянии сознания.

Я согласен в том смысле, что все сказанное Брегдоном прекрасно; отсюда моя высокая оценка. Но я не могу согласиться, поскольку все, о чем он говорит, просто догадки. Это не его собственное переживание.

Вы заметили? — он говорит: «Его сила пришла из какого-то огромного хранилища духовности, духовной жизни, иначе она не могла бы быть столь всеобщей и могущественной».

Это рационально, логично, но не имеет корней в переживании. Он чувствует, как что-то за пределами понимания ума приходит через Халиля Джебрана, но он не уверен. И он не может быть уверенным, ведь это не его опыт. Он чрезвычайно впечатлен прекрасным языком: каждое слово — само по себе поэзия. Но сам он не осознает это огромное хранилище духовности. Сам он не испробовал его. Он любил Халиля Джебрана, но он не жил им.

У меня ситуация совершенно другая. Поэтому некоторые вещи мне хотелось бы сказать вам прежде, чем давать комментарии на изречения Халиля Джебрана.

Первое: он великий поэт, быть может, величайший из когда-либо рожденных на Земле — но он не мистик; а различие между поэтом и мистиком огромно. Поэт время от времени обнаруживает себя в том же пространстве, что и мистик. В такие редкие мгновения розы сыплются на него. В таких редких случаях он почти Гаутама Будда — но помните, я говорю: почти.

Эти редкие мгновения приходят и уходят. Он не хозяин тех редких мгновений. Они приходят подобно ветерку и аромату, и со временем вы осознаете — они ушли.

Гениальность поэта в том, что он схватывает те мгновения и облекает их в слова. Такие мгновения приходят и в вашу жизнь тоже. Это свободные дары сущего — или, другими словами, проблески, побуждающие вас к поиску, к достижению момента, когда это пространство станет вашей истинной жизнью, вашей кровью, вашими костями, вашим костным мозгом. Вы будете дышать этим, ваше сердце будет биться этим. Вы никогда не сможете утратить этого, даже если захотите.

Поэт — это мистик на мгновения, а мистик — это поэт навсегда.

Но это всегда порождало очень трудный вопрос, и никто не смог разрешить его.

У меня есть простое решение. Проблема ставилась снова и снова тысячи раз во всем мире: если поэт получает только проблески и все же творит столько красоты, столько поэзии — слова оживают вмиг, когда он дотрагивается до них, — почему же мистики не могут предъявить поэзию такого уровня? Они пребывают двадцать четыре часа в сутки, день и ночь, в этом творческом состоянии, но их слова не несут такой красоты. Даже слова Гаутамы Будды или Иисуса Христа тускнеют перед словами таких людей, как Халиль Джебран, Михаил Нейми, Рабиндранат Тагор. Это, разумеется, кажется странным: люди, у которых есть только мгновения, создают так много, а те, кто обладает универсальным сознанием, доступным для них наяву или во сне... Что происходит? Почему среди них нет Халилов Джебранов? Никто не ответил на это.

Мой собственный опыт говорит, что если нищий найдет золотую жилу, он будет петь, он будет плясать, он сойдет с ума от радости. Нищий — но не император.

Поэт время от времени становится императором, но только время от времени — вот почему он не может считать это само собой разумеющимся. Мистик же не просто на мгновение сливается с универсальным сознанием — он поглощен, обратного пути не существует.

Те небольшие проблески еще можно перевести в слова, ведь это только капли. Но мистик стал океаном, и поэтому безмолвие становится его песней. Все слова кажутся такими бессильными, и ничто не способно свести его переживание к какому-нибудь виду сообщения. Океан так огромен, а он непрерывно — одно с ним; естественно, он сам забывает, что отделен.

Для творчества должны быть вы, чтобы творить.

Чтобы петь песню, должны быть вы.

Но мистик стал песней сам.

Его присутствие — это его поэзия. Вы не в силах напечатать ее, вы не в силах изобразить ее, вы можете лишь пить ее.

Общаться с поэтом — это одно дело, но быть в общении с мистиком — совершенно другое. Но начинать хорошо с поэтов, потому что, если вы не способны впитать даже капли, — океан не для вас. Или, лучше сказать, вы не для океана.

Вам даже капля покажется подобной огромному океану.

Разговор о Халиле Джебрane — настоящая редкость, вещь почти невозможная, ведь я не поэт.

Я — поэзия.

Я не художник; я — живопись. Где художник затерялся в живописи? — я не знаю.

Есть древняя история. Один японский император объявил всем художникам своей страны и соседних стран, что хочет картину, которая выглядела бы как реальность: «Если вы изобразите дверь, она не должна выглядеть как нарисованная. Всякий должен принять ее за настоящую и попытаться войти туда. Если картина не будет настолько реальной, я не признаю такую живопись. Тот, кому удастся изобразить такую вещь, чего бы он ни захотел, даже если предмет его желания — вся моя империя, — будет вознагражден». Тысячи художников прибыли во дворец. Они пытались... но как написать картину, которая даст полное впечатление реальности?

И все же один художник вызвался писать, но при одном условии: пока он пишет, его не должны беспокоить и он не должен быть ограничен временем. Кроме того, он будет писать не на холстах, а на внутренней стене дворца, и пока картина не завершена, никому нельзя входить. Первым человеком, увидевшим ее завершенной, должен быть император.

Условия были приняты. Это заняло у художника около шести лет. Император старился, но он пообещал не вмешиваться, и он сдержал свое слово. Через шесть лет художник пришел и сказал императору: «Можете войти».

Художник проводил императора в комнату. Император не мог поверить... это действительно выглядело реальным. На картине были высокие деревья и небольшая извилистая тропинка. Император спросил: «Куда ведет эта тропа?»

Художник сказал: «Можете пройти по ней...»

И хотите верьте, хотите нет (я не верю, хоть это так красиво) — художник пошел с императором, чтобы показать тропу, и они не возвратились.

Если вы попытаетесь думать об этом как об историческом событии, вы упустите всю суть. Это притча. И она абсолютно истинна — не фактична.

Настоящий художник растворяется в своей живописи, а настоящий поэт исчезает в своей поэзии. Однако именно такой вид творчества у мистика, а поскольку мистик исчезает в своем творчестве, у него нет времени даже подписать свою живопись или свою поэзию. Поэты могут сделать это, потому что на мгновение окно приоткрывается — они видят запредельное — и сразу закрывается.

Халиль Джебран, написал почти тридцать книг. «Пророк», которого мы собираемся обсуждать, это его первая книга; остальное — ерунда. Это удивительное явление. Что произошло с человеком? Когда он написал это, он был совсем молод — двадцать один год. Можно было подумать, что дальше сила его творчества будет нарастать, и он старался упорно, всю свою жизнь писал, — но ничто даже не приблизилось к красоте и истине «Пророка». Возможно, окно так и не открылось вновь.

Поэт — мистик волей случая. Просто нечаянно... какое-то дуновение... — вы не в силах вызвать его.

А поскольку он стал мировой знаменитостью — одну эту книгу перевели почти на все языки мира, — он упорно пытался создать что-то еще лучшее, в чем и потерпел неудачу. К несчастью, он так и не столкнулся с человеком, который высказал бы ему простую истину: «Ты не старался, создавая «Пророка», — это случилось. А сейчас ты пытаешься сделать это».

Это случилось; это не ваше действие. Вы, возможно, были средством. Нечто, не принадлежащее вам... точно ребенок, рожденный матерью... Мать не творит ребенка, она лишь проходит. «Пророк» относится к категории очень немногих книг, которые не зависят от вашей деятельности, вашего разума, от вас; напротив, они возможны, лишь когда вас нет, когда вы позволяете им случиться, когда вы не стоите на дороге. Вы настолько расслаблены, что не препятствуете.

Это одна из таких редчайших книг. Здесь вы не найдете Халиля Джебрана, и в этом красота книги. Он позволил Вселенной течь через себя; он просто медиум, проход, — полый бамбук, не препятствующий флейтисту.

Мой опыт говорит, что такие книги, как «Пророк», более святы, чем ваши так называемые святыне книги. А поскольку такие книги подлинно святы, они не создали религий вокруг себя. Они не дают вам никакого ритуала, они не дают вам никакой дисциплины, они не дают вам никаких заповедей. Они просто позволяют вам испытать проблеск того же переживания, которое описано в них.

Полное переживание не может прийти через слова, но кое-что... возможно, не вся роза, но несколько лепестков... Они — достаточное доказательство того, что роза существует. Ваше окно должно быть открытым, чтобы дуновение ветерка иногда могло занести лепестки.

Те лепестки, занесенные ветерком в ваше существо, на самом деле есть приглашения неведомого. Бог зовет вас в долгое паломничество. И пока это паломничество не свершилось, вы остаетесь лишенными смысла, вы влачите существование, но не живете на самом деле. В вашем сердце не будет смеха.

Халиль Джебран избегает собственного имени, создав вымышленное, Альмустафа. Это и есть начало «Пророка». Альмустафа — пророк.

Альмустафа, избранный и возлюбленный, заря своего дня, двенадцать лет ждал в городе Орфалесе возвращения корабля, который должен был увезти его на остров, где он родился...

Великие истины могут быть высказаны только в притчах.

Альмустафа — просто вымышленное имя. Почему он назван *избранным и возлюбленным!* Почему о нем сказано *заря своего дня?* Потому что он ждал двенадцать лет...

Весь секрет Альмустафы в ожидании.

Он не спешил, не требовал, не просил. Он просто ожидал. Чтобы ждать, требуется огромное доверие, при котором все происходящее не имеет значения. Если ваше ожидание тотально, ваш корабль все-таки придет однажды, чтобы забрать вас обратно к вашему началу, к истокам вашей жизни, любви, смеха.

Каждое зерно должно научиться только одному: ждать подходящего сезона, прихода весны. Нет ничего, что могло бы сделать зерно. Оно не в силах привести весну; весна придет сама собой.

А если зерно старается слишком сильно, от самих своих усилий оно может стать невосприимчивым, закрытым. Зерну следует быть просто открытым, восприимчивым, ожидающим... когда бы весна ни пришла. Одно несомненно в сердце сердец зерна: весна приходит, потому что зерно видело цветы повсюду, целый сад.

Вы видели цветение Гаутамы Будды, но доверие не возникло. Вы заглянули в мои глаза, но доверие не возникло — по-прежнему есть вопросы, есть сомнения, есть недоверие.

Обычно цветы не говорят с зернами. Но я пытаюсь... кто знает? — вдруг кто-то услышит,

вдруг кто-то увидит, вдруг кто-то научится искусству пробуждения. И это единственная религия, известная мне.

На двенадцатый год в седьмой день Айлула, месяца урожая...

Есть время, когда вы должны сеять зерна, и есть время, когда вы должны пожинать урожай. Когда Альмустафа увидел, что время года пришло, пришел Айлул — время жатвы... *он поднялся на холм, лежащий за стенами города, обратил взор к морю и заметил свой корабль, приближающийся в тумане.*

Так это и происходит, почти дословно. Если вы ожидаете и ожидаете, ваше доверие продолжает расти; а когда доверие созревает в вас, будьте уверены — пришло время возвращаться к своим истокам. Поиски Бога — это не поиски некоей цели впереди. Это поиски истоков, это поиски пространства, откуда вы приходите.

Ожидание означает, что вы не просите, не желаете, не стремитесь, не говорите, что уже достаточно. Когда ваше ожидание углубляется, это означает, что вы приближаетесь к истоку, а исток — в самом центре вашего существа.

Кстати, в санскрите для обозначения человека употребляется слово *пуруш*. Пуруш происходит от корня *город* — *пур*. Вот как образованы названия Канпур, Нагпур, Джабалпур: *пур* означает город.

И вы — это обнесенный стеной город. Прямо в центре вашего обнесенного стеной города находится ваш истинный исток; это отсюда вы выросли. Однажды вы возвратитесь к своим истокам.

Когда вы появились из своих истоков, вы были бессознательны. Религия — это путешествие обратно — вы все пришли с обратным билетом. Но на этот раз, возвращаясь, вы будете двигаться вполне осознанно, бдительно, сознательно. Это и было целью всего паломничества: завершить круг от бессознательного к сознанию, от темноты к свету, от смерти к вечности. В этом и состоит вся цель нашего пребывания здесь.

И он заметил свой корабль, приближающийся в тумане...

И, естественно, выходя из бессознательного, вам придется всегда проходить период, полный тумана.

Если вы хоть раз были под хлороформом, вы поймете это. Поскольку у меня не было опыта с хлороформом, я обратился к одному из моих друзей, очень известному доктору. Он спросил: «Что ты предлагаешь? Без операции? Зачем это надо?»

Я сказал: «Я просто хочу увидеть круг — от сознания к бессознательному, от бессознательного к сознанию. Я увидел его в себе, но я хочу это пройти, чтобы давать пример людям, которые не являются бдительными, осознающими и сознательными».

Он сказал: «Но это идет вразрез с нашей медицинской практикой. Невиданное дело...»

Я ответил: «Кто говорит о медицинской практике? Не бойся, никто и не узнает об этом». Он покрылся испариной. Я продолжал: «Не бойся! Но если ты не поможешь мне, я непременно расскажу».

Он воскликнул: «Но это же шантаж!»

Я ответил: «Это не "черная", а "белая почта"! Говори "да" или говори "нет!"»*

Он взмолился: «Погоди! Ведь если ты расскажешь людям, все поверят этому. Будь потвоему».

Итак, он провел меня к себе в хирургию, дал мне хлороформ и сказал: «Считай: один, два, три и т. д.» Я продолжал... когда я достиг пятидесяти одного, он сказал: «Постой! Я никогда не видел никого, кто бы вышел за пределы семи-восьми, самое большее девяти».

Я сказал: «Твоей дозы недостаточно, тебе придется дать дозу, по крайней мере, втрое большую».

Он ответил: «Боже мой... но, во-первых, хлороформ уже не действует. И тройная доза! Но я же вижу... то состояние, в котором ты повторял, и когда я сказал постой — ты сразу открыл глаза».

Наконец он дал мне хорошую дозу. Я сказал: «Я сочту это хорошей дозой, только если остановлюсь на девяти».

Он спросил: «Что ты имеешь в виду? Ты еще и будешь знать, что останавливаешься на девяти?»

Я ответил: «Я буду знать это, и я скажу тебе, когда остановился. Так что не пытайся провести меня».

Игра слов: blackmail — шантаж; дословно «черная почта».

Он дал мне хорошую дозу, и я помню, что начал двигаться медленнее, глубже; числа как бы приходили издали, и когда пришло девять, я сказал: «Порядок».

Он сказал: «Ты не должен разговаривать под хлороформом!»

Я ответил: «Нужно было предупредить об этом; я очень послушный пациент. Твоя доза все еще не годится».

Я почувствовал, как мои числа становились неразборчивыми. Но это неважно — и после трех я смог кое-как невнятно выговаривать их. Под хлороформом я был точен, безошибочно дойдя до пятидесяти одного; без хлороформа я не пройду дальше трех!

Ему пришлось дать мне пятикратную дозу, но это был хороший опыт. При возвращении можно увидеть весь круг, если вы достаточно внимательны. Если вы и недостаточно внимательны, вы сможете почувствовать многое: когда вы остановились, когда вы снова вспоминаете, что останавливались на девяти. А когда сознание возвращается, вы видите, что проходите сквозь темный туннель.

Это всего лишь забава.

Но и в реальном переживании это происходит подобным образом. Когда вы появляетесь из своего бессознательного, есть период, который может быть назван только периодом тумана. Все неясно, окружено туманом.

Тогда распахнулись врата его сердца, и радость его полетела далеко над морем. Он закрыл глаза и молился в безмолвиях своей души.

В то мгновение, когда он увидел, как корабль прибывает, подходя все ближе, *распахнулись врата его сердца*. Если сможете ожидать в безмолвии, гость обязательно постучится однажды в ваши двери; корабль обязательно придет. Он всегда приходит, без всяких исключений. А доказательство и основание того, что вы не спите, не галлюцинируете, состоит в том, что вы вдруг впервые видите врата своего сердца распахнутыми. До сих пор ваше видение своей открытости было лишь поверхностным. А теперь радость возвращения домой так сильна, что сила радости, изобилие радости распахивает все двери сердца настежь.

Ваше сердце — зерно.

Когда оно раскрывает свои двери с радостью, оно становится цветком.

Вы приходите домой.

Было много темных ночей и было много мучений и кошмаров, но все это кончено. Ваша радость так велика, что охватывает весь океан. Она океанична. Это и есть то чувство, которое Уильям Джеймс назвал океаническим.

Только один психолог этого века слегка прикоснулся к вашему внутреннему существу, и этот человек — не Зигмунд Фрейд, этот человек не Альфред Адлер, этот человек не Карл Густав Юнг. Этот человек — Уильям Джеймс, который никого не интересуется. Он определил религиозное переживание как «океаническое». Это не может быть чисто логическим; вам не добраться до определения «океанический» через логику, через вывод, через психоанализ, пока

вы не почувствовали нечто настолько значительное и безбрежное, что не сможете подыскать никакого слова в языке...

«Океаническое» никогда не употребляли до Уильяма Джеймса; он создал это слово. Океан — это одна вещь, океанический — совершенно другая.

Он закрыл глаза...

Эти незначительные детали — не пустяк; они потрясающе значительны. Когда вы чувствуете внутри такую океаническую радость, безусловно, так и должно быть — вы закрываете глаза, ведь теперь снаружи не видно ничего стоящего. Вы узрели зрящего. Теперь все то прекрасное вокруг вас, чего вы желали, — потускнело. Оно утратило всю свою ценность. Глаза должны быть закрыты.

Поэтому если вы увидите статуи Махавиры, Адинатхи, Парашуньятхи — вы удивитесь: почему они все с закрытыми глазами? Они смотрели на внешнее — теперь они видят внутреннее своего существа. Это — качественно иное. Не то чтобы оно было намного прекраснее, нет, это красота совершенно иного рода.

Оно настолько реально, что люди, переживавшие его, тоже говорили, что мир иллюзорен, потому что они увидели нечто гораздо более реальное, чем камни, предметы, горы и звезды...

Такие незначительные детали удостоверяют подлинность человека. Халиль Джебран не просто философствует, иначе он не вспоминал бы о закрытых глазах.

Он закрыл глаза...

И очень многозначительное: и молился в безмолвиях своей души...

Миллионы людей молятся каждый день — но не в безмолвиях своих душ. Просто слова — христианские слова, индуистские слова, мусульманские слова; еврейский, санскрит, арабский...

Молитва, состоящая из слов, это не молитва вообще.

Молитва состоит только из безмолвий.

И помните, он мог просто сказать: «И он молился в безмолвии своей души», — и вы бы не задумались ни на один миг. Фактически, литературно так было бы правильнее: «Он молился в безмолвии своей души». Но экзистенциально это было бы ошибочно, потому что нет одного безмолвия внутри вас; там находятся слои, слои и слои безмолвий.

Те, кто вошел, знают: есть семь слоев безмолвий, связанных с семью центрами вашего тела. Каждый центр становится безмолвным; поэтому вместо использования единственного числа — безмолвие, он воспользовался множественным — безмолвия.

И вы удивитесь: он единственный, кто использовал *безмолвия души*. Есть другие великие поэты, но они всегда употребляли «безмолвие души». Разумеется, они просто повторяют то, что слышали из поколения в поколение. Это не их собственный опыт.

Выражение Халиля Джебрана — *безмолвия души* — показывает, что у него не только интеллектуальный, философский, теологический подход — его подход экзистенциален. Он сам погружался в те безмолвия. Он увидел, что безмолвие не единственно — здесь слои и слои безмолвий. И у каждого безмолвия свой собственный аромат, свой собственный вкус, поэтому их можно различить.

Но только он сошел с холма, как его охватила немая грусть, и подумал он в сердце своем...

Это настолько глубоко, что, если вы не были на пути, вы не сможете сделать такое утверждение. После переживания безмерной радости, охватившей весь океан, и после вхождения в глубины безмолвий... утверждение о грусти?

Он так достоверен, он не редактировал свое переживание вообще. Это выглядит нелогично — после такого захватывающего переживания вы вдруг охвачены грустью? Но что он может поделать?

Я полностью с ним согласен.

После достижения пиков радости вам придется столкнуться с грустью.

Но только сошел он с холма, как его охватила немая грусть... Все это символично — каждое слово. Это было, конечно, возвышенное переживание, но поэту не под силу оставаться на залитых солнцем вершинах гималайских пиков — он вынужден возвращаться. И естественно, увидев столько радости... а потом окно начинает закрываться; цветок снова становится бутонем, лепестки начинают складываться, словно за танцем вдруг наступает вечер — и всюду темнота. Сошедшего с горной вершины в темные долины жизни — *его охватила немая грусть...*

Но его грусть — грусть всех тех, кто реализовал нечто, пусть даже это не полная истина, а только фрагментарное переживание. Такими словами будет выражено не только переживание Халиля Джебрана, но и переживание каждого, кто некогда побывал в этом пространстве и возвратился вниз на землю.

Как уйти мне с миром и без печали?

Он увидел — корабль подходит. Теперь видна человеческая слабость, дилемма: этот мир познан, а тот корабль все еще окружен туманом. И никогда не известно, к какому берегу причалишь.

С момента, когда вы стали моими спутниками, разве не возникал то и дело вопрос в вашем уме: где же все-таки это паломничество заканчивается? *Как уйти мне с миром и без печали?*

Как только он приближается к земле, как только он приближается к внешнему миру, как только он приближается к цветам и звездам — проблема: *Как уйти мне с миром... без печали?* — насчет корабля неизвестно ничего. Вы даже не в силах разглядеть корабль ясно, он окружен туманом; как же вам увидеть другой берег? Он совершенно невидим. И кто знает, есть ли вообще какой-либо другой берег?

Ведь еще никто и никогда не возвращался с другого берега, чтобы представить отчет очевидца.

Как уйти мне с миром — он разорван надвое — *и без печали?..* и по многим причинам.

Нет, не оставить мне этот город, не поранив дух.

Мир наших переживаний, мир наших телесных удовольствий, мир нашего ума, его полетов... «Как же мне оставить? Столько красоты на одной стороне, осязаемой; я могу коснуться ее, я могу почувствовать ее, — и мне оставить все это ради чего-то неведомого, неосязаемого, невидимого?»

Вы можете понять; поставьте себя на его место — сердце будет разрываться надвое. Это будет почти мучением, — быть или не быть? — ведь все, что есть вы, ваши корни, — здесь, в этой земле.

Долгими были дни страданий, проведенные за его стенами.

Он осознает факт: в этом городе, который мне знаком, *долгими были дни страданий...* муки, тревоги. *И долгими были ночи одиночества.* Но до сих пор — и это должен понимать каждый медитирующий — из-за того, что каждый жил в этом мире, в этом теле, возможно, уже много-много жизней, мы даже привыкли страдать. Мы будем скучать за этим. Мы привыкли к страданию. Мы не в состоянии представить себя без несчастья, без страдания, без тревоги. Тогда что же будет вами? — ведь все эти вещи — то, из чего вы состоите. Поэтому хоть они и не являются вашими стремлениями, вашими желаниями, веками в них заключалось само переживание жизни, — и они стали вашей второй натурой.

Халиль Джебран дает психологическое понимание более значительное, чем любой психолог нашего времени:

А кто может расстаться со своим страданием и одиночеством без сожаления?

Утверждение кажется странным; но это не странно, это переживание всех вас. Такое же страдание, такое же несчастье — вы знаете, что на сердце тяжело, и к тому же осознаете, что

можете оставить это, но вы слишком страстно желаете. Со страданием в какой-то мере связаны и дружба, и любовь... в противном случае никто не помешал бы вам оставить все ваши страдания.

В тот день, когда я решил оставить, — я оставил. Я даже не пошел спрашивать никого, как оставить. Любой, спрашивающий, как оставить страдание, не желает оставлять его; это «как» будет создавать еще больше страдания.

Повсюду в мире есть люди, продающие вам страдание. Везде, где есть спрос, есть и предложение. Вы обращаетесь к таким людям: я хочу отбросить страдание, но как отбросить его?

Они говорят: «Встаньте на свою голову! Истязать свое тело — это и есть йога. Потребуется жизни для избавления — продолжайте стоять на голове и выкручивать свое тело».

Хорошо, что не все следуют таким торговцам страданием, лоточникам, иначе они превратили бы весь мир в цирк. Если весь мир вдохновится йогой, что получится? Повсюду вы увидите эти сцены.

Я слышал, что когда пандит Джавахарлал Неру был премьер-министром Индии, он очень увлекался йогой — в частности, стоял на голове каждый день ранним утром.

Один осел — это не был обычный осел, запомните, это был лидер всех ослов Индии, — пошел посмотреть на него, ведь ослы не представлены в ассамблеях и парламенте, хотя у них тоже есть права! Итак, он решил, что он — вроде делегации и что раннее утро — это хорошо, поскольку человек еще не утомлен; нет всех дневных проблем, он свеж. Джавахарлал занимался ширшасаной — стоял на голове в саду в своей резиденции. Разумеется, двое полицейских стояли у ворот.

Осел сначала подумал: «Мне спросить или просто войти?» Он рассуждал: «Если я спрошу, возможна неприятность». Но тех полицейских он не интересовал — если он войдет, вреда не будет, пускай идет.

Он прошел прямо туда, где Неру занимался своей стойкой на голове. Он заглянул в глаза Неру. Неру спросил: «Боже мой! Что с тобой произошло, почему ты стоишь вверх ногами?» Неру спросил осла!

Хорошо, что только это... иначе вы могли бы обнаружить ослов в стойках на голове, и в любых возможных позах йоги...

В тот момент, когда вы спрашиваете, как оставить страдание, вы отлично знаете, что не желаете оставлять его, поскольку нет смысла. Если вы не хотите быть несчастными... это так просто — не будьте несчастными.

Я так и решил; прошло тридцать пять лет — и я не был несчастным, несмотря на то, что весь мир старался сделать меня несчастным. Но им следует запомнить: это невозможно. Раз я решил — я решил.

Когда я выходил из американской тюрьмы, надзиратель сказал мне: «Удивительно... люди попадают в тюрьму, выглядя очень хорошо. Когда же они выходят, то выглядят очень плохо. Однако вы выглядите лучше!»

Я сказал: «Двенадцать дней полного покоя: нет проблем, нет учеников... не нужна никакая безопасность» — я был самым спокойным заключенным. Я рассказал ему: «Даже президент Рональд Рейган не настолько спокоен. Если хотите, чтобы он действительно успокоился, поместите его в тюрьму — здесь полная безопасность!»

Он сказал: «Я еще не видел ни одного человека... скоро я собираюсь в отставку. Вы — первый за всю мою жизнь, кто выходит из тюрьмы таким счастливым».

Я ответил: «Не думал, что это будет так скоро; я планировал отдохнуть немного дольше». И так было не только с надзирателем. Мои адвокаты, когда я вышел к ним, сказали: «Что

произошло? Вы выглядите гораздо лучше». Когда я прибыл в свою резиденцию, Вивек спросила: «Почему здесь ты не выглядишь так хорошо?»

Я сказал: «Это не тюрьма. Я тренировался двенадцать дней, ведь мне наверняка известно, что если есть какой-нибудь ад, то я отправлюсь туда!»

Бог не потерпит меня. Его священники не выносят меня в этом мире. Даже если я достигну как-нибудь небес, Бог не пустит меня внутрь. Наверное, резолюцию уже приняли: «Этот человек опасен. Когда он приблизится — будьте бдительны!» Но им не стоит беспокоиться, я не собираюсь в их края.

Поэтому я сказал: «Эти двенадцать дней в американских тюрьмах, тюрьма в Англии на одну ночь, некоторый опыт в Греции... скоро я буду готов для кругосветного путешествия! Ведь прежде чем отправиться в ад, абсолютно необходима хоть какая-то тренировка. Я никогда не отправляюсь куда-либо без домашней подготовки!»

Слишком много осколков духа рассеял я по этим улицам, и слишком много детей моих стремлений бродят нагими меж этих холмов, и я не могу уйти от них легко и без боли.

Он говорит почти то же, что мог бы сказать и я. Как я могу оставить свое тело без всех вас? Мой корабль прибыл давным-давно, но я даже не смотрю на него.

Он прав. Каждый мастер будет чувствовать то же самое:

Слишком много осколков духа рассеял я по этим улицам, и слишком много детей моих стремлений бродят нагими меж этих холмов, и я не могу уйти от них легко и без боли.

Не одежду сбрасываю я сегодня, а собственными руками сдираю с себя кожу.

Не мысль я оставляю после себя, а сердце, умягченное голодом и жаждой.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

2. БЕСПРЕДЕЛЬНАЯ КАПЛЯ В БЕСПРЕДЕЛЬНЫЙ ОКЕАН

9 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Нельзя мне более медлить.

Море, которое зовет к себе все сущее, зовет и меня, и я должен отплыть.

Ибо остаться — значит замерзнуть, заледенеть, сделаться застывшим слепком, хотя часы ночные и пламенны.

Хотел бы я взять с собою все. Но как? Голос не может взять с собой язык и уста, которые дали ему крылья. Он должен устремляться в эфир один. И орел один летит к солнцу, оставив родное гнездо.

Дойдя до подножия холма, он вновь обернулся к морю и увидел, что его корабль приближается к берегу, а на палубе моряки — сыновья его земли.

И воззвала к ним его душа, и он сказал:

Сыновья праматери моей, вы, оседлавшие гребни волн, Сколько раз приплывали вы в моих снах. Вот вы пришли в мое пробуждение, которое есть — мой более глубокий сон.

Я готов пуститься в плавание, и мое нетерпение, подняв все паруса, ждет ветра.

Лишь глотну этого спокойного воздуха, взгляну с любовью назад, и тогда я встану среди вас, — мореплавателю среди мореплавателей.

О, бескрайнее море, дремлющая мать, только в тебе находят мир и свободу река и ручей.

Лишь один поворот сделает этот ручей, лишь еще один его всплеск раздастся на этой поляне, — и я вольюсь в тебя, беспредельная капля в беспредельный океан.

Альмустафа говорит: ...*Нельзя мне более медлить. Море, которое зовет к себе все сущее, зовет и меня, и я должен отплыть.*

Это переживание всех, кто пробудился к своей реальности, чья духовная сущность реализована. Их работа на себя завершена; им не нужно больше медлить в темных долинах жизни. Но они медлят, пока сущее позволяет им.

Причина в трансформации, преображении: как только вы узнаете себя, ваша страсть — та же энергия, которая тянула вас вниз и вниз, — становится новой силой. Отсюда слово *сострадание* — страсть становится состраданием*, вождение становится любовью. У страсти тысяча и одна проблема; у сострадания только одна проблема.

Мне вспоминается Гаутама Будда. Говорят... слова не важны, но смысл — самое прекрасное и самое значительное, что можно пережить. Когда Гаутама Будда стал просветленным, была ночь полнолуния. В первый раз он столкнулся с новой проблемой. Он сталкивался со многими проблемами — и из-за того, что он был способен решить все эти проблемы, он даже не осознавал прежде, что эта проблема, последняя, тоже появится в определенный момент путешествия к звездам. Это было сострадание.

Когда он стал просветленным, исчезли все его собственные волнения, тревоги, как будто их никогда не существовало прежде, как будто он спал, и это было просто ночным кошмаром. Теперь он пробудился, все эти сновидения исчезли. Однако нечто новое — настолько новое, что он даже не грезил о нем, — внезапно стало всем его существованием.

Называется это состояние состраданием. Вся энергия, которая раньше вовлекалась в страсть, очистилась и утончилась. Она уже не движется вниз, она раскрывает свои крылья и готова лететь. А как же те миллионы и миллионы людей, которые до сих пор блуждают в темноте, в слепоте? Неужели он настолько эгоистичен, что забудет о них? — друзей и врагов, любивших и тех, кто ненавидел его, людей, лелеявших его всю жизнь, и людей, желавших уничтожить его. Но когда возникает сострадание, различие между врагом и другом исчезает. Теперь весь караван человечества — просто спутники. Следует ли ему оглядываться, или просто идти вперед и исчезнуть в тотальном блаженстве? Он подошел к точке, в которой для него исчезли все препятствия. Он может двигаться и летать, подобно орлу в открытом небе истины, красоты, благодати — сатьям, шивам, сумдерам.

Но как же те, кто остался позади? Может, они и ненавидели его — они таки ненавидели его, на его жизнь покушались много раз. Но в тот миг, когда возникает сострадание, чувствуешь его даже к тем, кто предпринял все усилия, чтобы уничтожить тебя, уничтожить твое послание, разрушить тебя настолько полно, чтобы и само имя исчезло, забылось. Но все же... и они человеческие существа, стоящие перед лицом тех же тревог, тех же проблем, той же зависти; страдающие в том же аду.

Passion — страсть; compassion — сострадание.

История говорит, что Будда остановился у врат рая, ради которого трудился всю жизнь. Была музыка, празднество, потому что лишь изредка дверь открывается; лишь изредка появляется человек, восходящий к таким высотам, что рай может ликовать. Привратники просили, приглашали: «Ты прибыл! Входи». Но они были удивлены — он выглядел грустным, потому что не думал в этот миг о рае и его благословении. Он задумался о миллионах душ, блуждающих, не ведающих куда идти, не знающих что делать, страдающих в страшных мучениях.

Может, ему возвратиться и забыть все о рае и его удовольствиях, его вечной жизни, всех его мгновениях ликования? Он достиг его огромными усилиями. Теперь он прибыл, и рай празднует, принимая его, — но должен ли он вступить во врата? Ведь это будет огромный эгоизм, безобразие, недостойное такого человека, как Гаутама Будда.

Он сказал привратникам: «Пожалуйста, затворите двери. Я не могу войти. Я буду ждать до тех пор, пока последнее человеческое существо не войдет в рай. Я буду последней человеческой душой, и эти двери больше не откроются после того, как войду я.

Возможно, потребуется вечность, но это не имеет значения. Я вижу миллионы грустных лиц, сердца, полные слез, людей, никогда не улыбающихся, вся их жизнь — это адское пламя. Нет. Пожалуйста, закройте двери. Я боюсь — при открытых дверях в какой-то миг слабости я могу соблазниться и войти».

Будда все еще стоит перед райскими вратами — потому что все мы до сих пор идем наощупь — ради нас, ради миллионов ушедших, и ради миллионов других, которые еще придут.

Может быть, это всего лишь прекрасная сказка, однако она содержит чистую, незамутненную истину.

Альмустафа в том же положении. Его корабль прибыл, *нельзя более медлить...* Он все еще хочет быть в мире. Он полюбил мир, — хоть здесь и были темные ночи... но здесь были и прекрасные солнечные восходы; были шипы, но были и прекрасные розы. Хоть здесь были люди, которые пытались убить его, но были и люди, готовые умереть ради него в любой миг — было бы довольно одного его слова. Тысячи людей говорили ему всем своим сердцем и существом:

буддам шаранам гаччами — я преклоняюсь перед просветленным; сангхам шаранам

гаччами — я преклоняюсь не только перед просветленным, но и перед общиной, возникшей вокруг него, — перед всеми искателями.

Дхаммам шаранам гаччами — не только перед Буддой, не только перед его общиной, но и перед его посланием.

Они тоже были там.

Будда остался у врат — быть может, та же ситуация возникает в жизни каждого мистика. Но у сущего определенные космические законы: оно никогда не делает никаких исключений. Вот почему я сказал, что это прекрасная сказка, выражающая истину огромного значения. Не забывайте: сущее не допускает исключений — Будда это или нет. Если вы прибыли, вы прибыли. Мне известно из собственного опыта: нет ворот в рай и нет привратников... *нельзя мне более медлить.*

Альмустафа хочет помедлить чуть-чуть, но это против правил нашей подлинной жизни. Он вынужден идти; ему придется идти — с глубокой грустью в сердце.

Он достиг блаженства, умиротворения, безмолвия, безмятежности. Он расцвел тысячами цветов. Его весна пришла... но другие все еще зерна. Миллионы даже забыли, что они зерна, что у них есть возможность, расти.

Поэтому каждой реализованной душе хотелось бы чуть-чуть задержаться, чтобы сказать то, что сказать почти невозможно... но то, что невозможно высказать, можно, по крайней мере, продемонстрировать, — если не словами, так молчанием.

Ему хотелось бы помедлить немного, чтобы живущие в темноте люди смогли увидеть возможности человека — его аромат, его присутствие, — помедлить немного, чтобы хоть некоторые смогли напиться от его глаз, его присутствия, его милости. И вот, когда он способен стать мостом между этими двумя несоединимыми мирами, правила не позволяют этого. Как бы сильно он ни хотел помедлить, он должен будет идти:

Море, которое зовет к себе все сущее, зовет и меня, и я должен отплыть.

Когда Вселенная зовет вас — невозможно сказать нет.

Вы — часть ее.

Ваш пульс не отличается от пульса Вселенной. Вы не разделены. Вы изолированы лишь в своем неведении. Когда вы становитесь просветленными, когда изнутри вы наполняетесь светом, великое потрясение и удивление ожидает вас: «Боже мой, сейчас я могу помочь, но Вселенная зовет меня. Вопреки желанию, неохотно... но я вынужден идти. *Я должен отплыть.*

Это совершенно иной вид грусти. Все вы познали эгоистичную грусть. Вы чего-то лишались, — возлюбленного, друга, матери, отца. Ваша грусть всегда была из-за потери того, чего бы вы не хотели терять никогда. Ваша грусть — это грусть банкрота. Но грусть Альмустафы, говорящего об этом, — не ваша грусть. Даже ваши мгновения счастья ниже, гораздо ниже мгновений грусти человека, стоящего у двери, — ибо это совершенно иная ситуация. Он грустит не о себе. Его уже нет. Он только блаженство, он только экстаз; вопрос грусти не возникает.

Его грусть — о других. Он чем-то занят, но корабль приближается и море зовет, а сущее не допускает исключений — он должен сесть на корабль.

Радость в сердце оттого, что произошло с ним, а слезы на глазах... ведь он должен оставить всех тех, с кем он долго жил, долго страдал. Он стал почти одно с ними.

Ибо остаться — значит замерзнуть, заледенеть, сделаться застывшим слепком, хотя часы ночные и пламенны.

Он в двойном затруднении: ему невозможно оставаться более — правила против этого, — и ему нельзя задержаться, даже если сущее сделает исключение, ведь остановившийся между этим и тем миром будет помещен в чистилище. *Ибо остаться — значит замерзнуть, заледенеть,*

сделаться застывшим слепком, хотя часы ночные и пламенны.

Есть только два пути: либо вернуться и жить жизнью, которой он никогда не хотел жить, — как все, — либо идти вперед и войти в новую, высшую жизнь, жизнь, не ведающую смерти. Но если вы останетесь между ними, вы станете кристаллизованной формой, превратитесь в каменное изваяние.

Жизнь — это движение, она течет. Это река, она всегда движется. В тот миг, как она останавливается, она становится грязной, мутной, начинает умирать. Текущая — она становится свежей и молодой, взволнованной и смелой, ведь ей неизвестно, что должно случиться в следующее мгновение.

Сущему известно лишь течение — всегда в движении, никогда не останавливаться. Остановиться — еще одно наименование смерти. В любом направлении, в любом измерении — в момент остановки вы мертвы.

Потому я против идеи, что Бог есть совершенство. Если Он совершенен — тогда Фридрих Ницше прав, что Он умер. Совершенство означает смерть. Коль скоро что-нибудь совершенно — ничего не осталось делать, некуда идти, нет возможности какого-либо роста. Причина, по которой Ницше говорит, что Бог умер, состоит в том, что все религии мира создали своих богов абсолютными, совершенными. Но Ницше был только философом — великого разума, но не медитации.

Я говорю вам, это зависит от вас, будет ваш Бог жить или умрет. Продолжайте движение — тогда ваш Бог жив.

Остановитесь — и ваш Бог мертв.

Он почти как птица в полете — если крылья продолжают движение, птица жива. Если крылья замрут — птица упадет вниз на землю и погибнет. Движение — это синоним жизни. Все неизменное, неподвижное — это синоним смерти.

Только смерть никогда не движется.

Жизнь не знает иного закона, кроме движения.

Мне всегда нравилась прекрасная древняя история. Великий король увидал во сне, как перед ним остановилась черная тень. Даже во сне его охватил огромный страх. Кое-как он ухитрился спросить у тени: «Кто ты и почему здесь, в моем сне?»

Тень сказала: «Я пришла намеренно. Я не враг тебе, не бойся. Я пришла предупредить, что завтра на закате солнца ты умрешь. Поэтому сделай все возможное, чтобы избежать смерти».

Это беспрецедентный случай. Смерть не осведомляет заранее о своем приходе.

«У тебя почти целый день, чтобы сделать что-нибудь!»

После такого не уснешь. Король сейчас же велел своей страже быть начеку. Его старый слуга был ему почти отцом: король-отец умер давно, и этот слуга воспитывал наследника и защищал его империю, а когда он стал совершеннолетним — короновал его. Естественно, король вызвал старика.

Он рассказал: «Я увидел этот сон... я усилил стражу — что еще можно сделать? Времени очень мало, никогда не видел, чтобы время бежало так быстро».

Старик сказал: «Стража не поможет. Если смерть может войти даже в твои сны, как эти люди помешают ей? Лучше тебе немедленно созвать всех мудрецов страны: астрологов, философов, маститых ученых, великих священников. Поищи совета у них. Я всего лишь старый слуга».

Тотчас же были созваны все мудрецы столицы. Они прибыли со своими писаниями и начали спорить друг с другом. Ночь прошла, взошло солнце. А раз солнце взошло, закат совсем близок. Но все те мудрецы — философы, астрологи и другие — были так сильно заняты спором, критикой взглядов друг друга, что старый слуга сказал королю: «Оставь этих людей, им не

прийти к согласию и за века! Не было еще двух философов, которые бы согласились по какому-либо вопросу. Они пришли с этими великими писаниями... им потребуются столетия. У всех у них свои собственные гипотезы, теории по поводу смерти. Я предлагаю — пусть себе обсуждают. Ты же бери своего лучшего коня — а у тебя лучший в мире конь — и беги из этого дворца как можно быстрее. Не останавливайся, пока солнце не зашло и ты еще жив».

Идея была привлекательной.

В тибетской пословице сказано: почему собаки лают друг на друга непрерывно день и ночь? — пословица говорит, что это философы: из своих прошлых жизней они помнят, что нужно лаять друг на друга. Все, что они знают, это лаять. При этом довольно странно, что они лают на луну. Какое им дело до луны? Они не астронавты, но дискутируют они красиво! По-нашему это лай — но для них это речь.

Они всегда лают на людей в мундирах — полицейских, почтальонов. Незнакомые люди... с чего бы им лаять на бедных почтальонов, полицейских, саньясинов? Они против, они не могут согласиться ни с чем, а униформа их раздражает. Они озабочены своими мнениями о смерти».

Король бежал из дворца. Казалось, это был самый рациональный выход. Смерть появилась во дворце, так что лучше было уйти из дворца как можно дальше. У него действительно был замечательный конь, который вывез его за границы королевства. Он был очень счастлив. Солнце садилось, ему встретилась прекрасная роща манговых деревьев, — тихое и прохладное место для отдыха. Весь долгий день они ничего не ели. Они даже не утоляли жажду, ибо нельзя было терять ни мгновения — вы не умрете за день, не поев и не попив.

Но теперь все это было почти позади. Едва ли не половина солнца скрылась за горизонтом; другая половина должна была вот-вот соскользнуть... и наступит ночь, а он отыскивал прекрасное место.

Итак, он сказал: «Это прекрасное место». Он остановился, спешил и похлопал коня со словами: «Ты мой величайший друг, я никогда не видал коня, способного двигаться так быстро». В тот момент, когда он хвалил коня, солнце зашло. Он почувствовал руку у себя на плече. Он обернулся... черная тень, которую он уже видел во сне.

Она произнесла: «Я тоже должна поблагодарить твоего коня. У тебя и впрямь лучший в мире конь, я так беспокоилась, — это место предопределено для твоей смерти, — я беспокоилась, как тебе удастся добраться вовремя? Но ты прибыл вовремя, и в нужный момент ты остановился... я следовала за тобой, моя работа завершена».

Всякий раз, как что-либо останавливается, это и есть точка смерти. *Ибо остаться — значит замерзнуть, заледенеть, сделаться застывшим слепком, хотя часы ночные и пламенны.* Вы не можете медлить дольше. Раз вы увидели корабль, раз вы услышали зов океана, — делать нечего.

Хотел бы я взять с собою все. Но как? В тот миг, когда вы пересекаете границу этой жизни, входя во Вселенную, вы оставляете все позади. Вы не можете ничего взять с собой, за исключением себя самого. Вот почему все разумные люди в мире были заинтересованы только в том, чтобы узнать себя, найти себя, — ведь это единственная вещь, которую вы принесли в мир, и только эту вещь вы унесете из мира.

Все, кроме этого, принадлежит миру — ничто не принадлежит вам.

Голос не может взять с собой язык и уста, которые дали ему крылья. Он должен устремляться в эфир один.

Хотя язык и губы и дали рождение голосу, песне, поэзии... но песня не может взять с собой губы, язык. Песня вынуждена оставлять их позади.

Он должен устремляться в эфир один, в эту вечную бесконечность пространства.

И орел один летит к солнцу, оставив родное гнездо.

Вы не можете взять свое гнездо. Вы построили его, оно было уютным. В дождь, зимой, летом оно укрывало вас. Но вы не можете забрать его с собой. Вы не можете взять тех, кого вы любили, вам не забрать тех, без кого вы считали жизнь невозможной. Это было ваше гнездо любви... Сам — совершенно одинокий — орел должен *лететь к солнцу*.

У орла нет возможности нести какой-либо багаж, сколь бы драгоценен он ни был.

Все эти мысли внезапно стали очень отчетливы. Они никогда не были такими прежде. Раньше он думал, как выйти из этого сумасшедшего дома, который мы называем миром, как выйти из этой безумной толпы, окружающей вас.

Но вот приходит тот миг — и вы можете; внезапно вы понимаете — вы останетесь одни, а вы никогда еще не бывали одинокими; вы родились в семье, в обществе, религии, в стране. Вы росли с миллионами людей вокруг, и вдруг вы должны оставить все, без всякого выбора.

Идея отречения пришла из такого переживания. Махавира отрекся от своего королевства, которое он должен был унаследовать от отца. Младший брат пытался отговорить его: будь королем, зачем же ты уходишь?

Ответом было: «Это только вопрос времени, однажды придется уйти в одиночестве. Завтра — неопределенно; поэтому я должен уйти прямо сейчас. А тебе — быть здесь королем, ты — король». И он был настолько тотален в своем отречении, что отказался даже от одежды. Он ушел нагим.

Только три имени достойны, чтобы их помнили. Одно — Махавира из Индии; другое — Диоген из Греции; и третье — Лейла из Кашмира. Они отвергли все по простой причине: когда уходишь, лучше выбросить все сразу. Когда определено, совершенно определено отказываешься, зачем тогда тащить ненужную ношу вместе с проблемами и затруднениями, которые будут вызваны ею?

Из них Лейла наиболее значительна, потому что она женщина. Быть обнаженным не так трудно мужчине, но для женщины — и женщины прекрасной... Кашмир дает самых прекрасных женщин в мире. И Кашмир любил Лейлу так, как почти невозможно для мусульман, а Кашмир на девяносто процентов мусульманский. Лейла была индуисткой... но мусульмане Кашмира говорили: мы чтим лишь два слова в мире, Аллах — Бог — и Лейла. Этих двух слов достаточно.

Они возвели Лейлу в тот же статус, что и Бога. Они не поступали так даже с Хазратом, Мухаммедом, основателем ислама. Лейла даже не мусульманка, но ее смелость, ее грация, ее красота и ее абсолютная решимость не владеть ничем, быть орлом, совершенно свободным от собственности...

Это парадоксально, но стоит запомнить: в тот миг, когда вы отрекаетесь от всего, вы получаете целую Вселенную. Тогда все небо — ваше.

Дойдя до подножия холма, он вновь обернулся к морю и увидел, что его корабль приближается к берегу, а на палубе моряки — сыновья его земли.

Теперь это становится все более и более трудным для него. Сначала — корабль вдалеке, окруженный туманом. Была возможность решить в пользу известного, не беспокоясь насчет неведомого. Но стоило ему спуститься с холма, и он оглянулся снова, — корабль почти достиг берега, — и он увидел моряков, и он увидел многих *сыновей его земли*.

Все это символы. Халиль Джебран через Альмустафу пытается сказать, что невозможно предпочесть известное, когда неведомое подступает ближе и ближе. И в тот миг, когда он увидел людей своей родной земли... неведомое начинает становиться известным. Это уже не так рискованно — он знает этих людей, он узнал их. Уже нет проблемы выбора.

К тому времени, как он достиг подножия холма, он знал в своем сердце, что время уходит пришло. Теперь ничто не может помешать ему. Единственное, что могло бы помешать ему, это непостижимость, чуждость корабля. Но он больше не чужд.

Те люди представляют опыты, опыты, которые он теперь узнает как свой подлинный источник жизни — не этот мир, в котором он был посторонним, чужаком, кое-как обманывая себя: «Я не посторонний. Я индуист. Я мусульманин. Я христианин». Это обманы, фальшивые отождествления, созданные нами, чтобы не чувствовать себя чужими в незнакомом месте, которому мы не принадлежим.

Никто не индуист, никто не мусульманин, никто не христианин. Нет немца, нет японца, нет американца. Это фальшивые отождествления, подпорки — кое-как мы продолжаем верить в них; без этого мы будем чувствовать себя очень одиноко.

Никто не муж, никто не жена. Просто, сидя у огня, священник повторяет мантры на санскрите — непонятные ни ему, ни вам, — а лишь несколько минут назад вы были чужими...

В Индии — то же верно и для других стран в различных формах — главное — это некий ритуал. Священник творит ритуал. Муж и жена семь раз обходят вокруг огня и двое незнакомцев становятся как будто рожденными друг для друга.

Когда я был профессором в университете, у одного профессора были трудные времена со своей женой, она по-настоящему била его. В конце концов, он пришел ко мне. Он не знал меня, но кто-то намекнул ему: «У этого человека необычные идеи; пожалуй, он сумеет что-то придумать».

Он сказал: «Я не стану скрывать ничего», — и показал мне свою спину, потому что в то утро жена побила его палкой; спина кровоточила.

Он спросил: «Что делать?» Я сказал: «Идиот! Как она стала твоей женой?»

Он ответил: «Как? Мы обошли семь раз вокруг бога огня». Я сказал: «Обойди семь раз в обратном порядке! Это же так просто. Огонь не проблема: если ты шел по часовой стрелке, на этот раз пойдя против; если ты шел против часовой стрелки, в этот раз иди по. И распрощайся с ней — к чему беспокоиться?»

Он сказал: «Люди, посылавшие меня к тебе, были правы: ты человек необычных идей. Я никогда не думал об этом — такое простое решение. Если семь кругов могут сделать двоих людей мужем и женой, тогда то же в обратном порядке — и они свободны». Он добавил: «Но ты пойдешь со мной».

Я сказал: «Зачем ты создаешь для меня хлопоты?»

Он сказал: «Необходим священник!»

Я сказал: «Тогда я иду».

Он спросил: «Ты знаешь санскрит?»

Я сказал: «Не беспокойся. Ни ваш священник не знал его, ни ты, ни твоя жена; к тому же, на сей раз не свадьба. Я сделаю это на древнееврейском».

Он услышал слово «еврейский» и спросил: «Ты еврей?»

Я сказал: «Я — нет; я просто подумал: если санскрит сделал вас мужем и женой, то древнееврейский может пригодиться. Во всяком случае, вы должны идти против часовой стрелки».

Он попросил: «Дай мне немного времени...»

Я сказал: «Ты получишь еще одну трепку от своей жены. Ты просишь времени, чтобы узнать у жены ее мнение — она побьет тебя, и тогда я не приду: если она может бить тебя... я совершенно посторонний, и не хочу быть битым ни за что».

Мы создали друзей, взаимоотношения, нужные лишь для видимости, что мы не одиноки. Но что бы мы ни делали, все это ложь. В глубине души вы знаете, что вы одиноки. В глубине души вам известно, что даже прожив со своей женой тридцать или сорок лет, как вы не знаете ее, так и она не знает вас. Даже пять минут вы не можете поговорить по-хорошему. Муж приходит домой и тут же начинает читать газету, только бы избежать жены.

Но это не так легко. Жены швыряют газеты, книги, выключают радио, телевизор: «Прежде я ждала целый день, и ты приходил домой... а теперь, чтобы избежать меня, ты придумал эти хитрости». Пойдите в любой дом, и вы удивитесь: в каком направлении находится жена, в том же муж держит свою газету... Он не читает ее, или читал уже много раз.

Что бы мы ни делали, нет такого клея, который сделает из двух человек одного. Даже если клей изготовлен в Германии, он не поможет.

И воззвала к ним его душа, и он сказал:

Сыновья праматери моей, вы, оседлавшие гребни волн, сколько раз приплывали вы в моих снах. Вот вы пришли в мое пробуждение, которое есть мой более глубокий сон.

Нет ни единого человеческого существа, принявшего свое положение как оно есть. Есть мечта о лучшем мире, в котором он мог бы жить, а сам пребывал бы в более высоком сознании.

Сколько раз приплывали вы в моих снах. Вот вы пришли в мое пробуждение, которое есть мой более глубокий сон.

В медитации вы будете проходить много слоев ума: от сознания к бессознательному, от бессознательного к коллективному бессознательному, от коллективного бессознательного к космическому бессознательному. Это ваша темная сторона, ночь вашей души. Там вы встретите удивительные сновидения, необычайные явления.

Западная психология совершенно потерялась в бессознательной части вашего существа, более темной стороне вашей сущности. Они не могут увидеть простой логичной истины: если есть ночь, должен быть и день; если существует бессознательное, более бессознательное, и еще более бессознательное, то должно быть и другое крыло вашей жизни — сознательное, более сознательное...

Медитация и психология движутся в двух разных направлениях. Психология продолжает копаться в темных частях вашего существа и находит только сновидения. Это становится психоанализом — просто анализом сновидений.

На Востоке не заботились о бессознательной части, поскольку с тем же усилием можно двигаться к другой стороне своего существа — светлой стороне, дню вашей жизни — где сияет солнце в безоблачном небе. От сознания — к сверхсознанию, от сверхсознания — к коллективному сверхсознанию, и от коллективного сверхсознания к космическому сверхсознанию; это космическое сверхсознание и есть миг пробуждения.

Халиль Джебран говорит: я видел вас в моих ночах, сейчас я вижу вас полностью пробужденным сознанием. Но самая глубокая мечта — осуществить себя, стать собой, реализовать свой потенциал. Поэтому хоть я и вижу вас в моем полном пробуждении, моя глубочайшая мечта, мое сильнейшее стремление — прийти домой. Теперь становится все трудней и трудней задерживаться на этом берегу.

Я готов пуститься в плавание, и мое нетерпение, подняв все паруса, ждет ветра.

Я просто ожидаю ветра, который заберет меня домой, — *Я готов пуститься в плавание, и мое нетерпение, подняв все паруса, ждет ветра.*

Я ожидаю только ветра, который наполнит паруса, и я смогу отправиться назад к своим истокам, к земле глубочайшей мечты и моего глубочайшего пробуждения.

Лишь глотну этого спокойного воздуха, взгляну с любовью назад. И тогда я встану среди вас — мореплаватель среди мореплавателей. Из-за того, что воздух сейчас спокоен, корабль неподвижен. Этот краткий миг я могу использовать. Я хотя бы сделаю последний вдох на память об этом необыкновенном мире.

Взгляну с любовью... Любящими глазами я могу оглянуться на мир, в котором я жил, любил, страдал, наслаждался. Он был мне домом до сих пор.

Теперь я понимаю, это только караван-сарай, но прежние прекрасные воспоминания... Только один взгляд назад.

Еще один вздох — и я готов, *и тогда я встану среди вас, — мореплавателю среди мореплавателей.*

*О, бескрайнее море, дремлющая мать,
только в тебе находят мир и свободу река и ручей.
Лишь один поворот сделает этот ручей...*

Халиль Джебран, несомненно, обладает магическим прикосновением — какого бы слова он ни коснулся. Все вы пользуетесь обычными словами, но как только он касается их, они становятся золотом.

Он говорит: каждая река, прежде чем влиться в океан, мгновение колеблется, хочет оглянуться. Долгое путешествие с гор, все переживания, хорошее и плохое...

*Лишь один поворот сделает этот ручей,
лишь еще один его всплеск раздастся на этой поляне, —
и я вольюсь в тебя...*

Только дай мне срок...

Беспредельная капля в беспредельный океан. Я готов.

Его утверждение прекрасно: что бы ни происходило, все перемешано, и никогда не известно, представится ли случай когда-либо еще посетить это удивительное место, этих необыкновенных людей, которых я считал своими друзьями, женами, мужьями, детьми, увидеть все эти деревья, горы; всего один взгляд, время есть, ведь воздух недвижим. Как только воздух начнет наполнять паруса корабля, я готов.

Он приходит к решению, к которому когда-нибудь придет каждый искатель истины.

Я надеюсь, каждый из вас придет к той же точке, в которой река оглядывается назад, а затем растворяется в океане — и становится океаном...

Беспредельная капля в беспредельный океан.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

3. ИСКАТЕЛЬ БЕЗМОЛВИЙ

9 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Когда он шел, то увидел издали мужчин и женщин: они — оставили свои поля и виноградники и спешили к городским воротам.

И он слышал их голоса, которые выкрикивали его имя, неслись от поля к полю и возвещали друг другу приход его корабля.

И сказал он себе: «Будет ли день расставания днем жатвы?»

Скажут ли, что вечер мой воистину был моей зарей?

Что дать мне тому, кто бросил свой плуг посреди борозды, или тому, кто остановил колесо своего виноградного точила?

Станет ли мое сердце плодоносным деревом, чтобы я собрал плоды и дал им?

И будут ли мои желания подобны роднику, чтобы я мог наполнить их чаши?

Разве я арфа, чтобы рука могущества касалась меня, разве я флейта, чтобы его дыхание излилось сквозь меня?

Я искатель безмолвий, но какое сокровище нашел я в безмолвиях, чтобы с уверенностью раздавать?

Если это день моего урожая, то какие поля засеял я зернами и в какие незапамятные времена?

Если это воистину час, когда я поднимаю свой светильник, то не мое пламя будет гореть в нем.

Пустым и темным подниму я свой светильник, и хранитель ночи наполнит его маслом, и он же зажжет его».

Такие слова сказал он. Но много неизреченного осталось в его сердце. Ибо сам он не мог высказать своей более глубокой тайны.

В тот миг, когда кто-то возвращается к самому себе после долгих скитаний в незнакомых землях, прожив бессмысленные жизни, — не только он приходит домой; истину его прихода домой тотчас же чувствуют тысячи сердец повсюду.

Вам не скрыть пламя истины.

Те, у кого есть глаза, обязаны видеть его.

И вам не скрыть аромат своего цветения от тех, кто не умер, кто все еще жив, кто все еще чувствует, все еще открыт восприятию.

Произошло вот что. Как только Альмустафа увидел свой корабль, приближающийся к гавани, как только он понял, что этот корабль — не что-то неведомое, а лишь забытое им... он узнал его. Он узнал людей, моряков на корабле, и сразу же страх неведомого исчез. А с исчезновением страха решимость возникла в нем: «Сейчас я должен идти. Пришло время оставить это темное и мрачное существование ради вечного и окончательного».

Когда он шел вниз с холма, то в изумлении увидел издали мужчин и женщин: они оставили свои поля и виноградники и спешили к городским воротам.

Еще ничего не было сказано, но нечто достигло сердец тех, кто не окаменел, кто все еще может чувствовать, кто все еще может любить. Он не сообщил никому, что его корабль прибыл, и время отъезда приблизилось. Только сейчас он пришел, чтобы сказать: «Долго я жил с вами.

Тысячи прекрасных воспоминаний я несусь с собой, но должен буду покинуть вас. Я услышал зов океана. Люди моей земли, моей родины, моих истоков прибыли. Я ожидал их двенадцать лет».

Без какого-либо указания люди устремились к нему со всех сторон: *они оставили свои поля и виноградники и спешили к городским воротам.*

Для общения не всегда нужны слова. На самом деле, чем ценнее послание, тем меньше требуется слов. А если это сообщение из последнего дома — довольно молчания.

Почему эти люди, простые и невинные, вдруг устремились к нему — *спешили*? Они никогда не беспокоились о нем. Он был с ними двенадцать лет, и никто не обращал на него никакого внимания, а сегодня, когда он уезжает, мужчины и женщины бросились к нему.

Так было всегда. Никто за всю историю человечества не мог скрыть истину. Она подобна свету — разве можно скрыть свет? Она может быть для вас далекой, как звезда, вы не способны достичь ее — но никто не в силах помешать вам, узнать ее.

И запомните: узнавание — не пустяк. Ваше сердце затронуто, ваше существо полно радостью. Один из вас, по крайней мере, один из вас расцвел: его благоухание достигло вас. Прежде чем лепестки опадут и цветок исчезнет, вы должны как можно скорее прийти к нему — по крайней мере, попрощаться, высказать свою благодарность; ведь его осуществление показывает определенно, что вы несете такое же зерно. Быть может, вы не искали его, игнорировали его, потеряли среди многих-многих вещей в мире.

Один человек, вспомнивший себя, напомним многим: Что делаете здесь? Вы пришли сюда не для того, чтобы заниматься пустяками, в которые сейчас вовлечены. Вы забыли, что эта земля предназначена для того, чтобы стать дисциплиной, школой, тренировкой, обучением, ученичеством.

И он слышал их голоса, которые выкрикивали его имя, неслись от поля к полю и возвещали друг другу приход его корабля.

Они никогда не верили ему. Он повторял им не раз: «Еще совсем немного, моя весна уже в пути. Вот-вот мой корабль прибывает». Они смеялись над ним, они передразнивали его. Они разуверились в нем. Они считали его поэтом грез и сновидений, они никогда не допускали, что, быть может, его корабль и в самом деле подходит.

И вот они *от поля к полю возвещают друг другу...* «Мы ошибались, а он был прав. Нас было много, он был один. Он не мог удостоверить, он не мог дать никакого свидетельства о тех неведомых землях, о которых рассказывал, но теперь не нужно никакого свидетельства. Корабль прибыл».

Есть небеса по ту сторону небес. Просто нужно сердце достаточно сильное, чтобы ждать.

И сказал он себе:

Будет ли день расставания днем жатвы?

Он пытался собирать этих людей все время, когда находился среди них, но никто не слушал. Он был посторонним, чужаком, говорящим об удивительных и таинственных вещах, относительно которых у него не было ни фактов, ни логических доказательств.

Будет ли день расставания днем жатвы... сейчас, когда я собираюсь уезжать? Они стремятся и выкрикивают его имя, *от поля к полю*: «Хоть он был и один, он был прав. Нас было много, но мы ошибались».

Истина — это не вопрос большинства или меньшинства.

Истина всегда индивидуальна, она никогда не принадлежит толпе. Толпа признает только во время расставания, но тогда уже слишком поздно.

Скажут ли, что вечер мой воистину был моей зарей?

Двенадцать лет он трудился — настаивал, уверял, стучался в каждую дверь, — «Не волнуйтесь, мой корабль придет». Но люди уже двенадцать лет слышали одно и то же: «Мой

корабль придет, мой корабль придет», — а он все не приходил... И никто не знал, откуда, и никто не знал, что существует другой берег.

Как настойчиво стремился он убедить этих людей: «Это не ваш настоящий дом. Назовете ли мой канун, мой вечер *воистину моей зарей?* Мои последние слова, мой отъезд обязательно докажут мою истину».

Это не только об Альмустафе — это обо всех мистиках мира. День отъезда, их вечер... только когда они собираются уезжать, люди признают. Такова слепота человечества; таково безумие мира.

Но он не жалуется. Напротив, он чрезвычайно озабочен одной вещью:

Что дать мне тому, кто бросил свой плуг посреди борозды, или тому, кто остановил колесо своего виноградного точила?

У человека реализации нет ни жалобы, ни недовольства. А мир никогда не обращался с таким человеком гуманно — даже внешне. Мир всегда обращался с ним бесчеловечно, варварски. Они распяли Иисуса... а теперь половина мира — христиане.

Никто не слушал Гаутаму Будду. На земле, где произошло просветление Будды, буддизм совершенно исчез. Эта страна продолжает заявлять на весь мир: «Мы страна Гаутамы Будды», — но там нет ни одного буддиста, нет даже в храме, созданном в память о нем на том самом месте, где Гаутама Будда стал просветленным. Он был — как и каждый человек истины — против священников, потому что они эксплуатируют людей во имя религии. Он был против прошлого, ведь прошлое уже прошло; вы должны жить в настоящем, а если прошлое слишком давит на вас, вы обязательно потеряете это мгновение.

Это мгновение невелико.

Вы должны быть очень свежи, необременены, непредвзяты.

До Гаутамы Будды Индия была не чем иным, как псевдорелигиозной империей браминов. Он был решительно против браминов-священников. Он был против Вед, ведь если вы заглянете в них, то увидите, что там девяносто восемь процентов хлама. А вы поклонялись им.

В присутствии Гаутамы Будды никто не мог возвысить свой голос, ибо его лицо, его глаза, его присутствие были столь могущественны, что все сказанное им становилось вечной истиной. Его присутствие было властью. Но когда он ушел, то даже храм, который возвели в память о его просветлении, пришлось отдать на попечение брамина-священника, потому что не удалось найти буддиста. И вот уже двадцать пять столетий, и даже сегодня, брамин-священник владеет храмом. Его семья в течение двадцати пяти веков владела им. Что за противоречие!

Человек так слеп: он всегда опаздывает, всегда пропускает поезд. Он выбегает на перрон, когда поезд уже ушел. И все же... недовольства нет, есть только сострадание: *Что дать мне тому, кто бросил свой плуг посреди борозды, или тому, кто остановил колесо своего виноградного точила?*

Забота пробужденного человека заключается в том, чтобы дать вам больше... как разбудить вас, как дать вам глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, сердце, которое чувствует... как сделать вас более любящими.

Станет ли мое сердце плодоносным деревом, чтобы я собрал плоды и дал им? Времени не так много — нужен какой-нибудь дар... Его не волнует, что они сделали ему. Он понимает: все, что они сделали, они сделали во сне, бессознательно.

Человек сознания — не нищий. Это император, всегда стремящийся отдать больше и больше, — больше, чем вы можете вместить, больше, чем вы можете понять. Он продолжает раздавать. Даже когда вы по-прежнему распинаете таких людей, то, понятно, делаете лишь то, на что способны. Иисус на кресте молил Бога только об одном — и не для себя: он просил о тех, кто распинал его: «Отец, прости этих людей, ибо они не ведают, что творят».

*Станет ли мое сердце плодоносным деревом, чтобы я собрал плоды и дал им?
И будут ли мои желания подобны роднику, чтобы я мог наполнить их чаши?
Арфа ли я, чтобы рука могущества касалась меня?..*

Время так коротко. Он озабочен: что делать? — ему нечего давать. *Арфа ли я, чтобы рука могущества коснулась меня...* чтобы я мог уйти, оставляя позади свою музыку. Они не понимали меня; может быть, моя музыка сможет пробудить их.

Или флейта, чтобы его дыхание излилось сквозь меня?

Что касается Альмустафы — он знает, что его больше нет. У него нет ничего, чтобы дать. Но он может стать флейтой, полым бамбуком, так что дыхание вселенной *может излиться* сквозь него и стать песней в сердцах людей, которые устремлены к нему.

Я искатель безмолвий... «Всю мою жизнь я разыскивал безмолвия. Я не собирал деньги, которые мог бы раздавать. Я собирал безмолвия. Вы можете взять их, но я не в силах дать их вам».

Это нечто чрезвычайно важное для понимания.

Величайшее сокровище может быть взято, но не может быть дано.

Георгий Гурджиев, один из самых выдающихся людей этого столетия, вынужден был даже сказать, что пока ученик не готов украсть у мастера, он не получит ничего. Это в самой природе вещей. Двери мастера открыты; он хочет дать, он старается дать тысячью способов — но не в его силах дать вам, если вы не готовы принять. Но если вы готовы увидеть — сокровище здесь, двери открыты. Мастер призывает вас: «Бери, сколько сможешь» — или, возможно, притворяется спящим, чтобы вы не смущались.

Гурджиев высказал нечто такое, что никогда не говорилось за долгую историю человека: «Если ученик не готов даже украсть у мастера, он не сможет взять», — потому что мастер не может навязывать. Все навязанное вам становится ложью, превращается в зависимость. Вы сами должны набраться смелости и взять это.

Я искатель безмолвий, но какое сокровище нашел я в безмолвиях, чтобы с уверенностью раздавать?

Он нашел себя, он нашел то, что мир знает под именем «Бога». Но сокровище так безбрежно, столь значительно... искатель исчезает в нем. Человек, который уходил в поиски, нашел исток; но это происходит одновременно: в миг, когда вы находите исток, вас больше нет.

Нет человека, когда-либо сумевшего увидеть окончательное, по той простой причине, что окончательное никогда не может быть сведено к объекту.

Вы не в силах быть просто наблюдателем. Окончательное, как только вы подходите ближе к нему, начинает тянуть вас с такой силой, с такой гравитацией, что у вас даже нет времени сказать: «Я нашел это!» У вас нет времени крикнуть: «Эврика!» Прежде чем вы скажете что-нибудь, вы исчезаете. То, что вы разыскивали, найдено, но человек, который начинал поиски, потерян.

Или вы, или Бог — оба не могут существовать вместе. В этом причина, почему мы назвали Гаутаму Будду «Бхагваном», почему мы назвали Махавиру «Бхагваном»: человека, который начинал путешествие, больше нет; он нашел, и тем самым он стал единым с этим.

И одну вещь — очень многозначительную — говорит он: с *уверенностью*. Он хочет дать, но он не уверен, что сокровище, которое он нашел, возможно дать. Оно никогда не было данным, оно всегда было найденным. Каждый должен найти его по-своему. Никто не в силах дать его вам, оно не может быть подарком. Вы не можете позаимствовать его. Вы должны умереть, чтобы найти его; вы должны исчезнуть, чтобы Бог появился. Ваше исчезновение — это одна сторона монеты; на другой стороне — Бог.

Вот почему он говорит: «Меня нет больше, какая же уверенность может быть у меня? Если

эти люди сами не начнут брать, дать будет невозможно».

Если это день моего урожая, то какие поля засеял я зернами и в какие незапамятные времена?

Всякий раз, когда я читал это утверждение, оно неизменно обращалось на меня самого. Всю жизнь я засеял зернами поля повсюду в мире... *и в какие незапамятные времена?* Я не ждал подходящего сезона, чтобы сеять зерна, ведь следующий миг неведом. Может быть, я буду здесь, а может, меня не будет. И если сейчас вы здесь — не стоит ждать весны. Пускай зерно ожидает внутри вас — с приходом весны оно станет ростком.

Если это день моего урожая... Альмустафа, очевидно, думает: «Скоро во многих-многих полях должно наступить время урожая. Я, возможно, уже совсем забыл, *в какие незапамятные времена...*»

Я вспоминаю одну очень значительную женщину... Совсем не много было женщин, которых можно назвать значительными, но госпожа Блаватская была определенно значительной женщиной. Она основала великое движение — Теософию.

Она путешествовала по всему свету — за исключением России; а Россия была ее родной землей.

Это происходит снова и снова, это кажется почти правилом, законом. Блаватская скиталась по всей земле, но не было ей дороги в Россию, на собственную родину, на свою землю. И куда бы она ни шла, всегда на обоих ее плечах висели две сумки, наполненные семенами прекрасных цветов. Сидя в поезде, она нередко разбрасывала семена из окошка. Люди считали ее безумной. Люди спрашивали: «Зачем вы это делаете? Быть может, вы никогда не придете в эти места».

Она говорила: «Суть не в этом. Я может, и не приду, но весна придет. Я может, и не приду, но каждый, кто пройдет здесь, увидит прекрасные цветы».

Альмустафа прав: *Если это день моего урожая, то какие поля засеял я зернами?* Но люди, подобные Халилю Джебрану, — а это он говорит устами вымышленной фигуры, Альмустафы, — не хранят счетов. Они не ведут учетных книг, в которых указано, *какие поля засеял я зернами и в какие времена.*

Они не ориентированы на цель, это не деловые люди. Они — любят, и не имеет значения, чье поле. Если прекрасные розы цветут... кто бы ни проходил рядом, ветерок донесет до него аромат цветения. И эти люди не математичны. Им нет дела, день теперь или ночь. Им нет дела, достойны вы или нет. Они никогда не спрашивают вас: «Достаточно ли вы квалифицированы, чтобы принять зерно?» Нет, не вспоминая, какое зерно, в каком поле, в какой сезон, они продолжают сеять, потому что доверяют. Они знают одно: рано или поздно весна обязательно приходит к каждому.

Каждое человеческое существо должно стать богом — продолжайте сеять зерна. Столетия не имеют значения.

В бесконечности времени ваши столетия подобны секундам.

Если это воистину час, когда я поднимаю свой светильник, то не мое пламя будет гореть в нем.

Светильник мой, но пламя должно быть божественным.

Пустым и темным подниму я свой светильник, а хранитель ночи наполнит его маслом и он же зажжет его.

Миг, когда пробужденный говорит... Он пуст, его светильник без пламени. Однако он предоставляет для овладения божественному свой светильник, свои слова и жесты, свое присутствие. Реализованный человек — это одержимый человек, одержимый целым.

Отсюда его влияние — ведь те слова не его; те слова от целого.

Те слова святы.

Если это воистину час, когда я поднимаю свой светильник, то не мое пламя будет гореть в нем.

Альмустафа говорит: «Меня нет больше. Не смотри на меня, я только пустой светильник. Посмотри внутрь светильника на пламя. Пламя не мое, пламя также и не твое — пламя принадлежит целому».

Это одно и то же пламя. Дан ли светильник Аль-Хилладж Мансуром или Моисеем, Кабиром или Нанакон — значения не имеет. Имеет значение пламя, свет, который излучается от тех, чей корабль прибыл.

Такие слова сказал он. Но его слова к тому же чистый мед. Его слова к тому же абсолютно безмолвны. Его слова к тому же — не те, которые вы найдете в словарях и книгах. В них есть определенный привкус. Они исходят от его пустоты. Они исходят от запредельного.

Такие слова сказал он. Но много неизреченного осталось в его сердце.

Каждая реализованная душа умирала с глубокой грустью — ведь наш язык так беден; наш язык с базара, а не из храма. Он вполне пригоден, когда дело касается вещей, но становится абсолютно беспомощным, как только вы начинаете погружаться в себя. В безмолвиях вашей души... что бы там ни обнаружилось, словами его не выразить.

Но много неизреченного осталось в его сердце; не только в его сердце — во всех великих сердцах, которые расцвели, которые благословлены божественным, многое осталось невысказанным. В сущности, невысказанным оказывается наиболее важное. Именно поэтому вы должны учиться языку безмолвия. Именно ради этого вы должны сидеть у ног мастера — ни о чем не спрашивая, просто безмолвно ожидая — и, быть может, у сердца с сердцем возникнет синхронизация, гармония, и все, что танцует в сердце мастера, начнет свой танец и в вашем сердце. Все значительное передавалось только таким образом.

Запад очень беден — не в материальных вещах, а духовно, потому что не обучился искусству пребывать в молчании с тем, кто переполнен истиной, красотой, блаженством... но не может высказать это. Вы должны быть способны слышать это без высказывания.

На Западе даже сидеть у чьих-то ног считается нецивилизованным, бесчеловечным. Они не знают, они не могут узнать, потому что они не видят, что же передается. Но время от времени это происходит...

Один из моих адвокатов в Америке — один из лучших; он глава судебного департамента Калифорнийского университета. Он обычно каждый день приходил навестить меня в каждой новой тюрьме, куда меня переводили — и так во все шесть тюрем. В первый же день, когда он пришел навестить меня, я был за решеткой, сидел на стуле. Снаружи решетки был стул для него. Питер Шей — его имя, он очень красивый человек. Я почувствовал, что ему физически тяжело сидеть на том стуле.

«В чем дело, Питер?» — спросил я.

Он ответил: «Странно, я никогда не чувствовал такого в своей жизни. Если вы не возражаете, я хотел бы сесть на пол».

Я сказал: «Питер Шей, вы замечательный адвокат, декан факультета права в известном университете. С какой стати вы просите об этом?»

Он ответил: «Об этом же я спрашиваю и себя. И все-таки позвольте. Что-то происходит, когда я прихожу навестить вас, и я чувствую, что мне не следует сидеть на стуле, я хочу сесть прямо на пол».

Я сказал: «Если это делает вас счастливым, садитесь на пол».

На третий или четвертый день он спросил меня: «Что за чудеса? Стоит мне посидеть на полу перед вами пять или семь минут, и весь день я чувствую себя таким легким. Я ничего не знал о безмолвии. Я человек закона, я никогда не чувствовал свое сердце, и вот впервые я

услышал, что и мое сердце бьется. Впервые любовь пришла ко мне».

Я сказал: «Питер Шей, вы превратились в саньясина!»

Он сказал: «Вы перехватили мои слова, я как раз собирался сказать это».

Есть вещи невидимые. Вы не можете увидеть воздух, но вам не прожить без него. Вы не можете увидеть, что струится к ученику, когда он безмолвно сидит рядом с мастером. Но когда он вкусил ту сладость, то, даже если и сумеет убедить всякого, это уже не имеет значения: он убежден.

Я спросил Питера Шея: «Можете ли вы убедить других адвокатов?»

Он сказал: «Это невозможно, ведь я даже не в силах поверить в происходящее. Для меня в этом нет никакой логики, нет никакой причины для этого. Возможно, ваши враги правы, когда говорят, что вы гипнотизируете людей».

Я сказал: «Возможно, они и правы!» Потому что гипноз, если он *сделан*, становится обычной вещью — уличный фокусник это умеет. Но если гипноз происходит сам собой, тогда это совершенно другое явление. Если вы расслаблены и безмолвны, другая логика не нужна. Если вы любите... любовь относится к более высокому порядку, к *высшему* порядку закона.

Но много неизреченного осталось в его сердце. Ибо сам он не мог высказать своей более глубокой тайны.

Не то чтобы мистики не пытались выразить всю свою душу... но тайна так глубока, а пределы действия наших слов и наших рук так незначительны, что никому никогда это не удавалось. Но знать, что у вас есть тайна, которую вы не можете выразить, — это великая реализация.

Думали ли вы когда-нибудь, что в вас есть нечто такое, чего вы не в силах высказать? Вы обнаружите, что все, что у вас есть, вы можете высказать, потому что все, чем вы обладаете, вы слышали. Оно пришло из книг, от общества, от учителей, от образования, — все это заимствовано. Все это поверхностно. Вам не отыскать в себе ни одной вещи, которую вы не смогли бы выразить.

Только медитирующий уходит так глубоко, что вскоре оставляет язык далеко позади. Он оказывается на девственной земле, никогда никем нехоженой — даже им самим. Она так девственна, что слова, которыми пользовались миллионы людей на протяжении миллионов лет — это, должно быть, самые грязные вещи на свете!

Вы пьете чай из чашки. Только представьте: из той же чашки миллионы людей продолжают пить чай. Скоро они будут пить не чай, а слюни!

Слова не могут быть девственными. А ваши безмолвия — девственны.

Поэтому: *Ибо сам не смог высказать своей глубочайшей тайны.* А он хотел бы.

В день просветления Гаутамы Будды первым в его уме возник вопрос: «Как же мне высказать это? Ведь не высказывать — это выглядит таким жестоким, таким бесчеловечным; в мире есть миллионы искателей, а ты обнаружил то, что они разыскивают, — дай им хотя бы несколько намеков, несколько маршрутов, небольшую карту, путеводитель. Хранить это при себе и не высказывать — само бесчувствие».

Семь дней подряд он был встревожен. Он никогда раньше не испытывал такой тревоги. У него были тысячи других тревог — все они исчезли. Теперь была лишь одна забота, одна проблема: как указать? Как будить людей и кричать в их уши, чтобы хоть что-то достигло их безмолвий?

Очень красивый рассказ. До этого момента — я это вижу и понимаю — это не рассказ, это истина. Дальше она превращается в рассказ — но без этого рассказа вам не понять той истины, с которой Гаутама Будда столкнулся лицом к лицу внутри себя. Поэтому я соглашаюсь — до этого момента, — что это экзистенциальное переживание, ибо это также и мой собственный опыт.

Рассказ таков: Боги на небесах очень забеспокоились. За миллионы лет... кто-то достиг просветления! Столь великое явление не должно остаться невыраженным. А как же те миллионы людей, которые остались в темноте, в бессознательности? Если пробужденная личность не может помочь им, то кто же поможет? Кому надлежит показать им другой берег, дальний берег?

Семь дней ожидали они, и пришли к выводу, что Гаутама Будда не собирается разговаривать. Поэтому они, в конце концов, спустились вниз вместе со своим царем Индрой, коснулись стоп Гаутамы Будды и попросили его не оставаться безмолвным. Подобный расцвет — огромная редкость, она не должна просто так исчезнуть, не оставив следов, по которым другие будут искать источник. Разумеется, вся эта беседа происходила в безмолвии: то были боги с небес; ни они, ни Будда не говорили, но беседа от сердца к сердцу была возможна между ними.

Гаутама Будда сказал им: «Уже семь дней я обдумываю все за и против. Я не вижу смысла в разговоре. Люди глухи, люди слепы. Они могут слушать, но не в силах внимать. Они смотрят, и все же видят только несущественное. Так зачем пустые хлопоты?»

Я могу понять его. Я проводил в ненужных хлопотах каждый день. Я мог бы просто молчать и наслаждаться своим блаженством, и меня не изводили бы политики, религиозные священниками — почти весь мир, — а я занимался именно попытками сообщить то, что сообщить очень трудно.

Но мне некоторым образом повезло. Никогда прежде никому не удавалось достичь столь многих человеческих сердец.

Вот отчего я не обращаю никакого внимания на их тюрьмы, козни, на их варварство. Они не могут даже сказать мне, почему они изводят меня, — я, видите ли, «противоречивый человек». Но кто же спросит этих идиотов — где и когда они слышали о великом человеке, который не был противоречив? Вы думаете, Кришна не был противоречивым? Вы думаете, Иисус не был противоречивым, или Сократ, или Пифагор?

Уничтожьте всех противоречивых людей — и вы уничтожите все человечество. Будут только буйволы, ослы и полицейские.

Если я противоречив, то это значит, что противоречива истина.

Это значит, что ваши, умы так заполнены предубеждениями, что вы не в силах понять простые вещи, и делаете из них противоречия. Из-за этого ваши умы становятся обеспокоенными, ваши предрассудки в панике. Лучше отравить Сократа и успокоиться, распять Иисуса и успокоиться.

Но вспомните: всякая эволюция сознания происходила только через противоречивое, а не через послушное, традиционное, ортодоксальное. Она совершалась исключительно благодаря бунтарям. Однако бунтаря понимают только в день ухода: его вечер оборачивается утром — но слишком поздно.

Гаутама Будда сказал: «Оставьте меня одного. Я думаю об этом непрерывно вот уже семь дней. Те, кто способен слушать меня, придут ко мне и без моих речей, а тем, кто не способен слушать меня, я могу хоть кричать с крыши дома — они просто сообщат полицейскому инспектору, что какой-то человек учиняет здесь беспорядок: «Противоречивый человек кричит с крыши дома и нарушает спокойствие и тишину людей». В каком спокойствии живут люди? В какой тишине живут люди?»

У Будды не было ни малейшего желания, и я могу понять его. К чему беспокоиться, если никто не собирается тебя слушать, и каждый поймет неправильно? Лучше быть безмолвным. Те, кто жаждет, могут прийти, могут не прийти — это не твоя забота. Ты прибыл, твой поиск завершен.

Но богов было не так легко убедить.

Они пошли и стали говорить между собой: «Что делать? Ведь произойдет бедствие, если Будда останется безмолвным; это будет величайшим оскорблением человечеству, если Будда останется безмолвным. Это будет величайшей утратой для будущего, для грядущих поколений. Они никогда не простят нам, ведь только нам известно, что он достиг цели, — наша обязанность как-нибудь убедить его».

Они пришли к выводу — и этот вывод Будда не смог отрицать. Их аргументация была очень простой, они сказали: «Ты прав на 99,9 процента. Но подумал ли ты о немногих редких душах, которые, может быть, ждут как раз на грани, у пограничной черты, и им нужен лишь толчок? И что за беда? — ты не теряешь ничего. Но если хоть несколько человек сумеют прийти к той же реализации, что и ты, мир останется в долгу перед тобой навсегда».

Они сказали: «Ты не станешь отрицать, что в мире есть немногие люди, которые, быть может, как раз на грани, но никто не толкает их, а они боятся неведомого. Им нужен кто-то, для кого нет неведомого. Его уверенность, его авторитет помогут им предпринять *один* шаг. И этого достаточно — они будут в том же состоянии сознания, что и ты. Не лишай же нас немногих просветленных существ, человечество так несчастно. Сделай его хоть немного богаче, хоть немного прекраснее».

Миг тишины — и Будда закрыл глаза и произнес: «Ради тех немногих я буду говорить, хотя и не могу высказать всю истину. Я не смогу открыть самую большую тайну, но я смогу сказать многое, с тем, чтобы они смогли двигаться к самой дальней звезде. Я могу указать им звезду... вот мой палец; это не проблема для меня. Я не думал о таких второстепенных вещах».

Говорил Альмустафа, говорю я, — именно для тех немногих, которые решили не оставаться буйволами, которые ищут трансформации, которые намерены узнать все об этой жизни.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

4. НЕ РАНЬШЕ ЧАСА РАЗЛУКИ

10 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Когда он вступил в город, весь народ вышел ему навстречу, и все плакали перед ним в один голос.

И старейшины города вышли вперед и сказали: «Не покидай нас. Ты был полуднем в наших сумерках, и твоя молодость даровала нам мечты. Ты не чужой среди нас и не гость, а сын и возлюбленный наш. Не заставляй же наши глаза тосковать по твоему лику».

И жрецы и жрицы сказали ему:

«Не дай волнам морским разлучить нас теперь, и не дай, чтобы годы, которые ты провел среди нас, стали воспоминанием.

Ты блуждал среди нас, дух, и твоя тень была светом на наших лицах.

Мы так любили тебя! Но молчалива и скрыта покровами была наша любовь.

А сейчас она громко взывает к тебе и открыто встает пред тобою.

Всегда было так — глубина любви не познается раньше часа разлуки».

Халиль Джебран — под именем Альмустафы — дает самую сущность мистицизма. Он не проповедует какую-либо религию, он проповедует религию как таковую [Здесь и далее слово «религия» употребляется в двух значениях, смысл которых ясен из контекста. — Прим. перев].

В сущности, само существование трех сотен религий на земле определенно показывает, что человек утратил подлинный дух религии. Не может быть трех сотен химий — даже трех; не может быть трех сотен математик. Что касается объективного мира, то нам совершенно ясно: наука одна, и может быть только одной, без всякого прилагательного. Глупо было бы говорить об индуистской науке, мусульманской науке, христианской физике, джайнской математике. Но именно это произошло с религией.

А ведь религия — это ваша настоящая душа, ваше настоящее внутреннее, настоящая субъективность. Как же возможно, чтобы было так много религий? Может быть только одно: *религиозность*. Я даже не назову это религией — просто потому, что в тот момент, когда вы используете имя существительное, рост остановился. «Религия» означает: что-то полностью остановилось. Религиозность же означает нечто постоянно растущее, цветущее, приносящее новые пространства и новые тайны, не раскрытые вами, небывалые.

Религиозность — это сама река существования. Она не знает начала; она не знает конца.

Все религии против меня просто потому, что я разоблачаю их лживость, их фальшь, их личины.

Халиль Джебран выбрал имя Альмустафа, в котором можно было бы объединить весь опыт всех мистиков мира — прошлого, настоящего и будущего. У человека есть ограничения, ведь он родился в ограниченном обществе, обусловлен своими родителями как индуист, как мусульманин, как христианин. Альмустафа не рожден никакими родителями. Он не рожден вообще, его не существует. Альмустафа просто символ всех тех пылающих, которые пробудились, пока мы оставались спящими.

Альмустафа представляет истинную, центральную суть чистой религиозности. Запомните это: он не проповедует никакой религии. И в этом одна из причин того, что он не был понят до часа своего ухода. Каждый подозревал... Из-за того, что он не индуист, индуисты не могут

принять его. Он не мусульманин — и мусульмане не могут принять его. Он не относится ни к какой организованной религии.

Халиль Джебран проявил великую проницательность: вместо того, чтобы взять историческую личность, он выбрал фиктивное имя, безбрежное и значительное, которое не нужно к кому-либо относить. И в то же время каждого можно отнести к нему.

Это также и моя позиция — разумеется, более трудная, чем Альмустафы. Альмустафа не может быть заключен в тюрьму, Альмустафа не может быть отравлен. Альмустафа не может быть застрелен. Альмустафа не может быть распят, ведь Альмустафа — это просто идея. Но, хотя он и был чистейшим выражением глубочайших возможных переживаний, его не осуждали, его не побивали камнями — только игнорировали; он — «мечтатель».

Но когда время ухода наступило, и когда его мечта воплотилась, то переменилось все.

Когда он вступил в город, весь народ вышел ему навстречу...

Все люди вышли — не заботясь о своих идеологиях, теологиях, философиях, забыв свои пустые различия. Было не время терять. Они забыли, что они мусульмане, христиане или евреи. Человек уходит, и то, о чем он говорил вот уже двенадцать лет, но во что никто не верил, теперь — реальность. Никто не может отрицать это... *весь народ вышел ему навстречу, и все плакали перед ним в один голос.*

Они упустили возможность. Он жил среди них двенадцать лет, а они не распознали. Они все находили у него недостатки, и мало-помалу он перестал волновать их. Он говорил бессмыслицу: кто слышал когда-либо, что наступает день, когда сущее приветствует вас? Что приходит день, когда все сущее танцует, потому что вы открыли секрет жизни и смерти, вы нашли золотой ключ к двери Бога?

Все они *плакали с ним в один голос*. Увы, если бы они смеялись с ним в один голос, мир стал бы совершенно другим местом, сам по себе красотой — без войн, без конфликтов, без дискриминации. Они плакали вместе, но время было упущено.

Если вам так посчастливится, что вы обнаружите мастера, — не упускайте ни одного мгновения! Позвольте ему танцевать в вас. Позвольте ему смеяться через вас одним голосом с вами, и сама эта земля превратится в рай. Просто мы слепы, и не в силах увидеть это.

Вышли вперед старейшины города и сказали... Эти слова вызывают отзвук в моем сердце — отзвук песен тех дней, когда человечество было невинным, когда не было наций, и человек был так же свободен, как птицы небесные. Только представьте себе птицу, таскающую с собой паспорт и визу на шесть недель...

Человек был гораздо прекрасней, когда он меньше знал; был более искренним, подлинным, когда был таким же невинным, как ребенок. Мы живем очень испорченной, загрязненной, предвзятой жизнью. Теперь старейшины не приходят. Альмустафа все еще случается, однако вместо старейшин приходят полицейские уполномоченные — не приветствовать, а вручить уведомление: «Вы должны покинуть это место в течение тридцати минут».

Человек постарел, но не повзрослел. Он не становится более невинным. Он не становится более проницательным.

Эти слова Халиля Джебрана относятся к детству человечества; ибо они сказали:

Не покидай нас. Теперь, когда мы признали тебя, ты уходишь. Не будь так жесток. Будь сострадательным. Теперь, когда мы готовы слушать, ты оставляешь нас. *Не покидай нас*, ведь мы блуждаем в своей тьме зависти, гнева, страха, муки, — и ты уходишь? Это должно быть моментом прихода! Прости нам, что мы не сумели увидеть тебя, хоть ты и провел двенадцать лет среди нас.

Ты был полуднем в наших сумерках, и твоя молодость даровала нам мечты.

Ты не чужой среди нас и не гость, а сын и возлюбленный наш.

Не заставляй же наши глаза тосковать по твоему лику.

Всего лишь в первый раз мы увидели тебя, и мы увидели тебя не просто как одного из толпы; теперь твое лицо стало для нас ликом Божьим. Невыносим будет этот отъезд. Было бы лучше, если бы ты уходил и мы не признали тебя. Но сейчас, когда мы увидели твое лицо, твою тайну, сейчас, когда мы заглянули в твои глаза и увидели твое сияние, когда коснулись твоего присутствия, — тысячи цветов выросли в наших душах! Дай еще один шанс, теперь мы не будем прежними.

Ведь ты больше не та личность, какой мы привыкли считать тебя, — немного безумным, ожидающим какого-то неведомого корабля — о котором никто не слышал — без всякого подтверждения, даже без письма с другого берега с уведомлением о прибытии корабля в определенный час и определенное время года.

Но ты был так невинен, ты продолжал ждать: «Корабль на подходе». Твое ожидание, наверное, стало тяжестью на сердце самого Бога. За эти долгие годы ожидания ты превратился в магнит. Не время оставлять нас. Мы будем жаждать увидеть твое лицо снова, где нам разыскивать тебя? Пожалуйста, не покидай нас.

Таким было детство человечества... и таково детство до сих пор. Ребенок доверяет, мечтает о неведомых землях, надеется, никогда не бывает пессимистом. Если это не произошло сегодня, то произойдет завтра — но обязательно произойдет.

Моим собственным девизом в жизни, было: надейся на лучшее и предполагай худшее. В любом случае ты победитель: либо твоя надежда исполнится, либо твое предположение исполнится, — и будет по-твоему.

Жрецы и жрицы сказали ему... Само упоминание о жрицах подтверждает, что Альмустафа говорит в те золотые, древние дни, когда не было вопроса о том, мужчина ты или женщина; женщина могла стать даже жрицей. Мужчина еще не стал самцом-шовинистом, женщина была еще свободна, имела равные с ним возможности.

Мне вспомнился замечательный исторический факт. В самой древней книге мира, Риг Веде, упоминается женщина — Гарджи. Император страны обычно каждый год устраивал великое собрание всех мудрецов, мужчин и женщин, — обсуждать смысл жизни. И дарил победителю тысячу прекрасных коров: их рога были покрыты чистым золотом, усыпаны бриллиантами.

Яджнавалкья был тогда одним из величайших учителей, но он не был мастером... — редкое явление и в те времена. Гарджи была мистиком и мастером. Ее не интересовала награда. Яджнавалкья и тысячи других прибыли рано утром, и дискуссия началась. Яджнавалкья был так уверен в своей победе, что прибыл... с опозданием — точно как любой политик. Он пришел с пятьюстами учениками, просто чтобы продемонстрировать императору: «Я не прихожу один. Эти другие люди, которые дискутируют, не имеют никаких последователей». Он мог бы быть хорошим шоуменом.

А его уверенность в своей победе показывает его эго. Вы слышали, как Альмустафа говорит: «Как могу я быть уверен в том, что смогу разделить свою истину, свое переживание?» Тот, кто знает, — сомневается. Только идиоты не сомневаются, ведь для сомнения нужен какой-то разум. А в сравнении с главным, ум столь незначителен — какая тут может быть уверенность.

Другой великий пророк, Махавира, любил отвечать на вопрос таким странным способом... каким никто и никогда не отвечал: один вопрос требует одного ответа, а Махавира давал семь ответов, противоречащих друг другу.

Вы спрашиваете его: «Существует ли Бог?»

И его слово было: «Возможно... *шайот* — может быть».

Это «возможно», это «может быть» не исходит из неведения. Оно исходит из

бесконечности слова *Бог* и незначительности ума, который собирается выразить это. Он может выражать только один аспект за один раз. Поэтому у него была семисложная логика. Аристотель просто ребенок по сравнению с Махавирой, а Аристотель — отец западной логики. Но его логика двусложна — «да» или «нет». А жизнь — это радуга; вы не можете быть настолько уверены, чтобы говорить «да» или «нет». Возможно «да», возможно «нет».

Так что первое, что Махавира обычно говорил: «Возможно, "да". Но подожди, это только один аспект; язык очень беден. Возможно, "нет". Но подожди... возможно, "да" и "нет" одновременно. Но не спеши делать заключение... возможно, "да" и "неопределимое" (ни "да" ни "нет"), возможно, "нет" и "неопределимое". Возможно, "да" и "нет" вместе и "неопределимое"».

Это и есть характеристика человека, который хочет дать вам все возможные аспекты. Бог не может быть заключенным в единственное слово, поэтому он присоединил «неопределимое». Существует и много других аспектов, но я не хочу запутывать вас. Он уже и так запутал!

А Яджнавалкья пришел с такой уверенностью... Было полуденное время, припекало солнце, и разомлевшие коровы стояли перед дворцом. У него была уверенность эрудированной личности, — это был образованный человек, великий ученый. Он сказал одному из своих учеников: «Отведи этих коров в нашу общину. Зачем этим несчастным коровам терпеть жару понапрасну? Насчет победы будь уверен», — он присвоил награду раньше, чем вошел во дворец.

Но следом за ним пришла Гарджи. Она молча просидела все дискуссии, которые тянулись долго, а когда Яджнавалкья победил всех соперников и обратился к императору: «Пожалуйста, прости меня. Вознаграждение — коров — мои ученики давно забрали», — Гарджи встала. Возможно, она бы и не встала, если бы Яджнавалкья не проявил такую идиотскую уверенность в величайших вопросах.

Гарджи сказала: «Подожди. Ты победил всех, потому что все они относятся к *твоей* категории: эрудированные личности. Все, что ты доказал, не означает, что ты прав; доказано только одно — что ты более учен, более образован, более эрудирован. Однако быть более осведомленным еще не означает знать истину. Я сидела молча, наблюдая... если кто-то утверждает истину, к чему мне высказываться? Но теперь это заходит слишком далеко, я вынуждена дискутировать с тобой».

То были прекрасные дни. Даже женщина могла бросить вызов величайшему ученому страны. Она задала только два или три вопроса, и Яджнавалкья был повержен.

Она спросила: «Ты сказал, Бог создал мир, — почему? Почему ты сказал так? Ты был свидетелем, когда он создавал мир, или нет? В любом случае ты делаешь ошибку. Если ты был свидетелем, значит, мир уже тогда был создан, ведь был *ты*, а ты — часть мира. А если ты не был свидетелем, то на каком же основании ты...»

Яджнавалкья был потрясен. Те тысячи других ученых тоже были потрясены. Даже император был потрясен. Она права: свидетель необходим; и очевидец необходим. И она сказала: «Только ради дискуссии — даже если я согласна, что Бог создал мир, — я хочу знать: по каким причинам ты веришь в эту гипотезу?»

Яджнавалкья сказал: «Все должно быть созданным. Бог подобен гончару. Эта прекрасная и безбрежная жизнь не может прийти к существованию из ничего — кто-нибудь должен создать ее».

Гарджи сказала: «Допустим. Но ты уже упустил свою победу — верни тех коров».

Яджнавалкья сказал: «Что ты имеешь в виду?»

Она сказала: «Если сущее нуждается в Боге для создания, тогда кто создал Бога? Если это принято за критерий — что все сущее должно быть созданным... Ты говоришь, этому безбрежному существованию нужен создатель. Конечно, создатель должен быть еще безбрежнее, больше, величественней, чем вселенная. Кто же создал *его*?»

И Яджнавалкья понял суть — теперь стало невозможным избавиться от этой женщины. Потому что Бог создан Богом-два, Бог-два создан Богом-три... но где же это закончится? В конце концов остается вопрос: кто создал Первого Бога? И Гарджи сказала: «Если первый Бог не нуждается в создателе, зачем без нужды навязывать гипотетические идеи? Если Бог может быть безо всякого создателя, почему не может существование быть безо всякого создателя?»

Яджнавалкья сильно разгневался: это было таким поражением, поражением уверенности ученого, что он позабыл всю учтивость и сказал: «Женщина, если ты не остановишься, то скоро увидишь, как твоя голова катится по земле!»

Гарджи сказала: «Это аргумент? Ты полагаешь, что срубив мне голову, ты будешь победителем? Это, безусловно, станет несомненным подтверждением твоего поражения. Ступай, приведи коров назад».

И коров пришлось возвращать — женщине!

А сегодня величайшие из религий не допускают для женщины никакой возможности равенства с мужчиной. Джайнизм говорит, что пока женщина не рождена снова как мужчина, она не может найти истину; только мужчина способен обнаружить истину, он имеет монополию. Даже истина монополизирована. Мусульмане не позволяют женщинам даже показывать миру свои лица. Они не допускают их в свои мечети. Евреи выделяют женщин в отдельную категорию. У них нет равных прав даже на следствии. Индусы не позволяют женщинам читать Веды, Упанишады, — совершится грех.

Халиль Джебран пишет о тех чистых и невинных днях. Вот почему он говорит, — *Жрецы и жрицы сказали ему: не дай волнам морским разлучить нас теперь...* До сих пор мы совершенно не осознавали, кто ты. Не уходи, не давай морю разлучить нас... *и не дай, чтобы годы, которые ты провел среди нас, стали воспоминанием.*

Останься с нами, дай нам такие же глаза, как и у тебя. Покажи нам путь, который ты познал, которым ты путешествовал; иначе ты останешься просто воспоминанием, увиденным, словно в сновидении. Нет, не становись просто воспоминанием для нас. Нам будет мучительно, что мы не замечали тебя все эти двенадцать лет. Это будет нестерпимо. Живи с нами, преобразуй нас, ведь мы же видим — все, о чем ты говорил, ты претворил в жизнь.

Это, конечно, самые древние, чистые дни, когда священники не превращались в эксплуататоров человека, когда священники не объявляли себя посредниками между человеком и Богом. Они тоже были искателями, скромными искателями.

Сегодняшние священники — в любой религии — настолько пали, что Папа несколько месяцев тому назад заявил: никто не может исповедоваться Богу непосредственно, он должен исповедоваться священнику, а священник передаст послание Богу. Без священника вы даже не имеете права быть в прямом контакте с сущим!

Нетрудно увидеть в этом бизнес, политику, жажду власти. Ну что за власть у священника, кроме претензии на посредничество, — как будто Бог отправляет свои послания через него? И вы тоже должны направлять свои молитвы, свои исповеди через него. Это и есть весь его бизнес. Он больше не искатель, он стал частью базара.

Из-за этого феномена все священники против людей, подобных Альмустафе. Почему они сердиты на меня? — просто потому, что я называю вашим правом по рождению быть в прямом контакте с сущим. Посредника не нужно. Весь этот бизнес духовенства должен исчезнуть. Они — не что иное, как ваши кровопийцы. Они не знают ничего о Боге; все их знания на словах, из книг.

И они унизили вас до такого состояния, что вы не можете даже петь песню Богу или существу — ибо я считаю, что Бог есть просто имя сущего. Они отняли ваше право петь песню деревьям, звездам, плясать в ночь полнолуния на берегу моря — посредник необходим. Но эти идиоты не

знают, как петь; они не знают, как танцевать.

Я слышал, что один католический епископ очень дружил с еврейским рабби. Они решили сыграть в гольф, и к определенному часу, который был оговорен заранее, рабби подошел к церкви. Но никогда не известно, сколько исповедующихся придет. И вот епископ провел его внутрь кабинки, где он сидит за занавесом, — с другой стороны сидит исповедующийся в своих грехах.

Он сказал: «Прощу прощения. Если вы поможете мне немного, я быстро соберусь. А пока займите мое место».

«Но, — сказал рабби, — я не знаю, что такое исповедь».

Он сказал: «Это ничего. Я приму двух или трех исповедующихся перед вами, так чтобы вам стало ясно. Процесс простой: нужно выслушивать человека и соответственно его греху назначать ему наказание — пять долларов, десять долларов...»

Рабби сказал: «Это просто, доллары я понимаю. Вы можете идти».

Но все же епископ продемонстрировал ему двух исповедующихся. Одному он сказал: «Пять долларов — внести церковному казначею».

Другому он сказал: «Десять долларов».

И рабби сказал: «Я понял. Что касается бизнеса, то никто не превзойдет нас. Можете идти — собирайтесь поскорей, а я тем временем отпущу всю эту очередь исповедующихся. Это не займет много времени — зачем? Настоящий смысл в долларах. К чему суетиться, выслушивать ненужные истории?»

Пришел первый человек и сказал: «Отче, мне очень стыдно. Прошлый раз я изнасиловал женщину и пообещал не делать этого впредь, но человеческие слабости... я сделал это опять».

Рабби сказал: «Довольно, — тридцать долларов».

Человек сказал: «Но прошлый раз вы наказали меня только на десять долларов».

Рабби сказал: «Не беспокойся, вноси тридцать долларов, — двадцать долларов авансом. Проваливай».

Это и есть посредники между вами и Богом. Их Бог — величайший обман. Они не что иное, как паразиты. Всякий раз как вы видите священника, ищите самый сильный порошок от насекомых — они просто москиты Пуны.

Если бы эту землю больше не обременяли жрецы... Я не отношу сюда жриц, потому что жрецы убили их всех. В средние века тысячам жриц... им просто изменили название, назвали их ведьмами и сожгли. Поэтому сейчас есть только жрецы.

Но это просьба жрецов и жриц: *Не дай волнам морским разлучить нас теперь...* Сейчас все совершенно иначе. Мы не признавали тебя, мы даже не утруждались подумать о тебе. Мы просто игнорировали тебя — человека, беседующего со стеной, говорящего, что подходит корабль, который заберет его на другой берег, в настоящий дом, к истокам жизни и сознания, к Богу.

Но сейчас, когда мы признали тебя, будь милосердным, будь сострадательным.

Годы, которые ты провел среди нас... не дай им стать просто воспоминанием. Мы хотим тебя здесь, живого — ведь воспоминание будет угасать, и скоро мы усомнимся: видели мы сон или на самом деле был такой человек Альмустафа.

Такова была позиция западного историка. Для них потребовалось три столетия, чтобы признать, что такой человек, как Гаутама Будда, возможен. Посмотрите старые исторические книги, написанные западными учеными, — в них Гаутама Будда просто миф, мифология. Как мог такой человек быть реальным? И они говорили это не только о Гаутаме Будде, они говорили то же самое об Иисусе Христе. Три столетия тому назад историки писали книги, говорящие, что Иисуса Христа никогда не существовало, что это была древняя драма, которая мало-помалу становилась реальностью в человеческом уме. Ну как поверить в такого человека, как Иисус, —

необразованного, бедного плотницкого сына, который говорит так авторитетно?

Никто не сказал слов столь значительных, как Иисус Христос. Простые, обычные слова в его руках превращались в бриллианты, становились крылатыми. Даже враги Иисуса признали как факт, что он, может быть, ошибается, он, может быть, безумец, но одна вещь несомненна — никто еще не говорил так, как говорит он. Никто не обладает способностью говорить так авторитетно. Ему не нужны другие доказательства, довольно просто его утверждения — такой огромной энергией оно наполнено. Однако историки говорили: «Не может человек говорить так, как говорит Иисус. Не может человек жить так, как жил Гаутама Будда. Ни у кого нет такого присутствия, сияния, какое было у Заратустры. Несомненно, эти люди — создания великих поэтов, они не реальны».

Вот почему жрецы и жрицы просили: «Не становись просто воспоминанием для нас. Мы могли не признавать тебя при жизни, когда ты кричал нам в уши, живя среди нас. В миг, когда ты уйдешь, мы начнем думать, что наверное видели сон».

Иначе, где найти вам человека, подобного Альмустафе?

Ты блуждал среди нас, дух, и твоя тень была светом на наших лицах.

Теперь, в момент ухода, они видят его не как физическое тело, а как духовный феномен: Ты был для нас дух... прости нас; вот почему мы не могли видеть тебя. Мы просто видели твоё тело. Теперь нами завладел твой дух, а ты уходишь. И вот мы признаем, что даже *твоя тень была светом на наших лицах*.

Даже твоя тень была светом на наших лицах — что сказать о тебе сейчас? Ты больше не тень. Ты лишился своей тени, ты превратился в чистый свет для нас. Возможно, ты был всегда светом, а тень была нашим творением.

Я был студентом в университете и всегда жил по-своему, совершенно не заботясь об остальном мире. На мне обычно был длинный халат без каких-либо пуговиц. И в те дни у меня тоже было тело — я разрушал его целых тридцать лет, потому что теперь тело для меня бесполезно. Где-то здесь должна быть Сохан. Она видела меня в те дни, и она часто говорила: «Твое тело выглядит как мраморная статуя».

Я ездил на все дискуссии в стране — где бы они ни происходили, в любом университете, — представляя свой университет. Я собрал столько грамот и кубков, что единственной проблемой моей матери было: «Куда складывать весь этот ненужный хлам, который ты продолжаешь приносить домой? Тебе нужен отдельный дом только для хлама!»

Мои профессора были счастливы, мое начальство было счастливо — их учреждения становились известными, грамоты целой страны приходили в их школы. Начальник сам проводил меня в студию к фотографу, потому что они хотели дать публикацию в газеты и журналы, чтобы показать, что, наверное, нет студента, собравшего столько грамот и кубков.

Он был очень правильным человеком. Все у него было правильным — он даже брился дважды в день.

Когда мы приехали в студию и фотограф все приготовил, начальник взглянул на меня и сказал: «Без пуговиц?»

Я сказал: «Вы хотите мое фото или свое собственное? Я очень неправильный человек».

Но он сказал: «Мы можем немедленно найти пуговицы для вас... пиджак или что-нибудь, чтобы прикрыть это».

Я сказал: «Тогда почему бы вам, не сесть тут — кто меня знает? — и не сделать свое фото. Мое фото должно быть моим фото, а я никогда не пользовался пуговицами».

Он сказал: «Вы странный. Почему же вы не пользуетесь пуговицами?»

Я сказал: «Я обожаю прохладный ветерок, проходящий по моей груди. Я терпеть не могу пуговиц!»

Я сказал: «Решайте быстро; иначе я уйду».

Он сказал: «Нет, не уходите, — будь по-вашему. Однако вы странный парень».

Я сказал: «Я не странный парень, я — просто я. Это вы — странный парень, навязывающий свою идею пуговиц мне! Приберегите ваши пуговицы для себя, своих детей и их потомков».

Времена изменились. Люди, у которых есть авторитет, у которых есть хоть какая-нибудь власть, стараются вам что-то навязать. Но эти невинные крестьяне, садовники, мужчины и женщины сказали Альмустафе:

Мы так любили тебя. Но мы бессознательные люди, и только сейчас мы вспоминаем, что любили тебя всегда, однако это было глубоко в бессознательном. Мы не могли высказать тебе этого, ведь мы и сами не осознавали. Пришел твой отъезд — и столько всего всплыло на поверхность в наших существах. Твоя реализация — это не только твоя реализация; что-то произошло со всеми нами.

Мы так любили тебя.

Но молчалива и скрыта покровами была наша любовь.

Покровы за покрывами — мы сами не осознавали. И вот когда мы осознаем, мы можем вспомнить, что даже если бы мы осознавали прежде, то не смогли бы облечь нашу любовь в слова — *Но молчалива была наша любовь...*

А сейчас она громко взывает к тебе и открыто встает пред тобою. Только подожди чуть дольше, задержишься совсем немного среди нас, так чтобы ты стал для нас зеркалом, и мы смогли увидеть себя и свои скрытые сокровища, а наша любовь могла быть выражена. Если не в словах, то в действиях, но дай нам время проявить ее к тебе; иначе что ты подумаешь? Двенадцать лет ты жил среди нас, и никто даже ни разу не сказал: «Я люблю тебя». Но теперь все переменялось.

Всегда было так — глубина любви не познается раньше часа разлуки.

Это слова такого огромного значения:

Всегда было так — глубина любви не познается раньше часа разлуки.

Есть прекрасная история. Гаутама Будда объявил, что собирается умирать — то же самое, его корабль прибыл. И он спросил: «Прежде чем я оставлю вас, есть ли у вас какие-нибудь вопросы?»

Только один человек среди десяти тысяч саньясинов задал вопрос — со слезами на глазах — и это был его собственный брат, его старший брат Ананда. Ананда прожил с ним сорок два года, днем и ночью, почти как тень, следуя за ним. Он спал в его комнате, он гулял с ним. Никто не был так близок ему, как Ананда, и только у него был вопрос. Другие сказали: «Ты давал нам так много, мы не будем беспокоить тебя вопросами в этот миг разлуки. Просто позволь нам тихо посидеть».

Но Ананда спросил: «А как же я? Сорок два года я был с тобой. Другие, пришедшие позже и не прожившие так долго с тобой, стали просветленными, а я до сих пор не просветлен. И вот ты уходишь».

Будда сказал: «Не беспокойся. Как только я оставлю тело, в течение двадцати четырех часов ты станешь просветленным».

Ананда сказал: «Мне непонятна такая арифметика — сорок два года с тобой, и я не стал просветленным, а двадцать четыре часа без тебя, и я стану просветленным?»

Гаутама Будда рассмеялся и сказал: «Ананда, из-за того, что ты был так близок ко мне, и к тому же мой старший двоюродный брат, ты начал воспринимать меня как само собой разумеющееся. Только разлука, только моя смерть сможет пробудить тебя. Меньшее чем это — не даст результата. Я испробовал все, но ты думал: он со мной, он мой брат и безусловно

позаботится о моем просветлении!., и будучи рядом столь долго, ты совершенно забыл. Очевидное всегда забывают, это человеческая склонность — забывать то, что имеешь. Ты вспомнишь только в момент разлуки».

Всегда было так — глубина любви не познается раньше часа разлуки.

Мастер дает вам свою жизнь — как благоприятную возможность пробудиться. Он к тому же дает вам свою смерть — вторую и последнюю благоприятную возможность для вас стать пробужденными.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

5. ОТКРОЙ НАМ НАС САМИХ

10 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

И пришли также другие и умоляли его, но он не отвечал им.

Он только склонил свою голову; и те, что стояли рядом, видели его слезы, падающие ему на грудь.

Вместе с людьми пошел он к большой площади перед храмом.

И вышла из святилища женщина по имени Альмитра, была она прорицательницей.

Он взглянул на нее с глубокой нежностью, ибо это она первая нашла его и поверила в него, когда он пробыл всего день в их городе.

И она приветствовала его, сказав:

«Пророк Божий, разыскивая окончательное, долго искал ты в далях свой корабль.

И вот корабль твой прибыл, пора тебе отправляться.

Глубока твоя тоска по земле твоих воспоминаний и обители твоих сокровенных желаний; и любовь наша не свяжет тебя, и не удержат тебя наши нужды.

Однако об одном мы просим, прежде чем ты оставил нас: поведай нам и дай нам от твоей истины.

А мы передадим нашим детям, они своим детям, и это не погибнет.

В одиночестве ты взирал на наши дни, и, бодрствуя, слышал плач и смех нашего сна.

Поэтому теперь открой нам нас самих, и расскажи нам все известное тебе о том, что есть между рождением и смертью».

И ответил он:

«Люди Орфалеса, о чем еще могу я сказать, как не о том, что и сейчас шевелится в ваших душах?»

Халиль Джебран охватил в этих немногих словах весь спектр духовного роста. Сначала мы увидели простых людей, идущих к нему, — крестьяне, садовники, покинув работу на своих полях, устремились к нему.

Всякий раз как достигнута истина, невинные — вот те блаженные, кто узнает ее. Размышляли вы когда-либо над этим? — ни один рабби никогда не приходил послушать Иисуса. Это может показаться странным — ведь дни, когда жил Иисус, были высшим пиком еврейской мудрости, и в Иерусалиме были более знающие, ученые рабби, чем в любом городе мира.

Люди, которые приходили слушать Иисуса, были необразованными, некультурными — крестьяне, рыбаки, садовники, плотники. Среди его апостолов не было никого из высших слоев общества. Никто не был брамином, никто не был пандитом, никто не был профессором.

Иерусалим был местом еврейской высшей школы, люди приходили из дальних земель в Иудею, чтобы получить образование в Иерусалиме. Иерусалим был в самом расцвете своей юности. Однако никто из этих ученых людей не приходил слушать Иисуса. Почему? — потому что они полагали, что им известно все это. Они прочли все писания, они знакомы со всеми мудрыми изречениями прошлого. Их память была полной, но память — это не разум.

На самом деле, чем более осведомленными вы стали, тем меньше у вас возможность стать когда-либо достаточно разумными, чтобы обнаружить самих себя. Ваше познание не дает вам вашу реальную сущность, оно только создает псевдо-эго — а эгоист не может пойти к сыну

плотника, Иисусу, — который не знает ничего, ведь у него нет удостоверений.

Только один человек... и из-за того, что он был единственным, его имя помнят до сих пор. Он был профессором университета; звали его Никодимом. Но даже он не смог набраться достаточно смелости, чтобы прийти к Иисусу в свете полудня. Он боялся: «Что скажут люди?» Он профессор религии, а идет и задает вопросы необразованному молодому человеку, который никогда не видел писаний. Поэтому он пошел среди ночи, когда все до одного спали; спали даже близкие апостолы Иисуса. Он разбудил Иисуса, представившись: «Я профессор религии в университете; мое имя Никодим. Пожалуйста, прости меня, что потревожил твой сон».

Иисус сказал ему: «Не беспокойся об этом, ибо я нарушу твой гораздо более глубокий сон. Но ты трус, а по этому пути трусы не могут двигаться. Он требует мужества, и первый шаг отважного человека — признаться в своем незнании, признать, что все его познание заимствовано, что он повторяет слова других, что он никогда не входил в безмолвия своей собственной души, что он слеп».

Само признание — великое начало. В миг, когда вы признаете, что не знаете, вы уже движетесь по пути, ведущему к знанию. В писаниях только мертвые слова, истинный искатель не может быть удовлетворен ими. Ему хочется войти в контакт, пока слово еще живое, кровь и плоть.

Писания необходимы тем, кто избегает столкновения с человеком, подобным Иисусу, потому что он даст сильный толчок для их пробуждения: «Все, что ты выучил, было узвано во сне, и все, что ты повторяешь, механично. Это не твое собственное переживание».

Истина может быть лишь пережита. Только ложь можно изучить. Миллионы библиотек полны лжи — прекрасной лжи. Не всегда это было ложью... однажды оно тоже было живым, однажды оно тоже было произнесено кем-то, кто нашел. В этот миг слово крылато. В этот миг слово наполнено безмолвием, любовью, красотой, истиной.

Но все это благоухание живого слова скоро пропадет — цветок умрет, лепестки исчезнут в земле. Даже следа не останется. Но далекое эхо будет все отражаться и отражаться в писаниях, собранных учеными, прокомментированных исследователями. Однако все, чем они занимаются, — это анатомирование трупа, а посредством анатомирования трупа вам не найти душу.

То, чем продолжает заниматься медицинская наука, с самого начала делали идиоты. В каждом медицинском колледже они анатомируют трупы, чтобы найти — что же это такое, то, что мы называем жизнью. Вы можете вообразить людей более слепых? А они наиболее ученые. И из-за того, что они не в силах найти в трупе живое начало жизни, они отрицают это начало.

Очень легко отрицать, очень легко говорить нет. Вы можете делать это, сидя на своем стуле, паломничество не нужно. Но чтобы раскрыть, найти и исследовать, вам придется двигаться в неведомое безо всякого предубеждения. А все заимствованные познания создают лишь предвзятость, и ничего другого.

Разумный человек откладывает все свои познания в сторону и становится невинным ребенком, который не знает ничего, но который открыт, доступен, восприимчив; его глаза полны удивления, он озадачен незначительными вещами. Морская раковина на пляже, дикий цветок, который не привлекает никого, — они для него окружены таинственностью. Он живет в стране чудес. Не только Алиса вошла в страну чудес, каждый ребенок живет в стране чудес.

Это и есть то, что Иисус сказал Никодиму. Если ты не рожден снова в этой самой жизни, если ты не стал ребенком опять, для тебя нет надежды.

Когда Альмустафа увидел проходящих людей... это все были невинные люди — не рабби, не папы, не профессора, не шанкарачарьи, не аятоллы, — простые люди, которые знали, что они не знают. Но это начало бесконечного путешествия, в котором постепенно исчезаешь.

Однажды находишь истину, но не обнаруживаешь себя. Искатель утрачен, а искомое найдено. Знающего нет больше, но знание, осознание расцвело.

Пришли также другие... Кто же эти «другие»?

Пришли также другие и умоляли его. Но он не ответил им.

Эти «другие» — президенты, премьер-министры, губернаторы, полицейские уполномоченные — все виды слепых и глухих людей. Они увидели, что целый Орфалес устремился к тому безумному парню Альмустафе, эти так называемые лидеры людей, а на самом деле последователи толпы, ведь это толпа дает им власть. Куда бы ни двигалась толпа, лидер претендует на то, что это он показывает им путь. Он продолжает подсматривать — есть ли позади него толпа или нет. Все лидеры — просто последователи своих собственных последователей. Из-за этих глупых людей мир остается жалким, безумным, глупым.

Пришли также другие... Альмустафа отвечал невинным людям, которые говорили ему: «Прости нас: мы знали тебя, и все же мы увидели твое лицо в первый раз. Какое несчастье, что это день твоего ухода; ты был среди нас двенадцать лет, а мы считали тебя просто создателем грез. Прости нас. Не уходи, побудь с нами еще немного. Раздели твою истину с нами; сейчас мы готовы».

Но потом прибыли слепые, глухие, всезнающие. И из-за того, что все простые люди, толпы их, были под таким сильным впечатлением от самого присутствия Альмустафы, они тоже умоляли его — но это было лицемерием. Те проблемы не были подлинными; они не исходили из их собственных сердец. Они просто показывали людям: «Не только вы признали его, мы тоже признали его». Они всегда хотят убедить людей: «Мы впереди вас».

Но Альмустафу не обманешь, невозможно обмануть.

...Но он не отвечал им. Напротив: Он только склонил свою голову; и те, что стояли рядом, видели его слезы, падающие ему на грудь.

Те слезы — его ответ этим людям, которые все еще притворяются. В момент отъезда — когда бескультурные, нецивилизованные, необразованные и бедные признали — они все еще не могут признать, они не могут увидеть. Сильные слепы. Знающие слепы.

Он плачет, слезы падают ему на грудь, — от сострадания: «Что за люди правят миром?»

Губернатор Калифорнии захотел встретиться со мной. Он прислал посыльного. Я сказал: «Я доступен. Он должен был прийти сам, а не присылать вас. Что мешает ему? Если бы я захотел увидеться с ним, я пошел бы и постучал в его дверь; именно так надлежит поступать. Он должен прийти и постучать в мою дверь. Каждому добро пожаловать». Женщина, приходившая с поручением, сказала: «Но он губернатор».

Я сказал: «Он может быть Богом — и тогда, если ему захочется встретиться со мной, он должен прийти». Однако власть, престиж, респектабельность... Один президент Индии, Джакархуссейн, прислал поручение с одним из старейших членов парламента, Сетхом Говиндасом, — и я принял Сетха Говиндаса. Он попытался убедить меня.

Я сказал: «Забудь это. Если он хочет увидеть меня и встретиться со мной, я доступен, но мне незачем ходить в президентский дом».

Он сказал: «Ты не понимаешь, он может оказать огромную помощь».

Я сказал: «Всю свою жизнь я доверял только существу, а не чьей-то помощи».

Фактически, это была его проблема, ведь если бы ему удалось проводить меня к президенту, он обязал бы президента. Но мой прямой отказ... он сказал: «Как же мне сообщить это ему?»

Я сказал: «Повтори точно мои слова: жаждущие приходят к источнику, а не источник бежит за жаждущими людьми. Жаждущий человек может быть президентом, это не имеет значения; нищий или император, кем бы он ни был, если он жаждет, то должен прийти к

источнику».

Я тоже плакал, потому что я тоже встречал столько слепых людей. Даже мои собственные саньясины иногда пытались убедить меня: «Если губернатор, премьер-министр или президент благоволят к тебе, то эти мелкие сошки, полицейские уполномоченные и другие, не будут изводить тебя. Наоборот, они будут приветствовать тебя».

Я сказал: «Я не бизнесмен».

Мой отец часто говорил мне: «Ты прекрасно знаешь, что нехорошо спать и прятать свою голову и лицо под одеялом. Это негигиенично».

Я говорил: «Я знаю. Но у меня нет никакого другого времени для моих слез».

Темной ночью, накрывшись одеялом, я могу рыдать и плакать от всего сердца, видя всевозможную глупость, происходящую вокруг во всем мире.

И если вы скажете этим людям: «Вы причина того, что земля становится адом», — они будут раздосадованы, они будут раздражены. Они станут мстительными. Теперь, по крайней мере, я могу утверждать: ни у кого за всю историю человека не было так много врагов, как у меня. Это в полном смысле слова большое отличие. А я не вредил никому.

Я приложил все усилия, чтобы разбудить вас, вручить послание, которое я несу в своем сердце, поделиться моим безмолвием и моим блаженством. А люди раздосадованы, раздражены. Почти все страны мира решили, что я не имею права ступить на их землю.

Я полагал, что хотя бы моя родная страна поступит по-другому, но я ошибся.

Идиоты есть идиоты.

Американцы они или индийцы, безразлично.

Я находился в Бомбее. Один из лидеров, президент некоей влиятельной политической группировки, написал письмо главному министру и прислал копию мне. Письмо уведомяло главного министра, что мое присутствие в Бомбее осквернит атмосферу.

Я сказал: «Боже мой, может ли кто-либо осквернить Бомбей? Наихудший город во всем мире...» Четыре месяца я был там: я никуда не выходил ни разу, я никогда не выглядывал из своего окна, я оставался в совершенно закрытой комнате, — и все же запах был неистребим... Как будто вы сидите в туалете! Вот что такое Бомбей.

Я начал думать, как можно осквернить его еще больше, но, стыдно признаться, не мог найти никакого способа. Это выше моих сил.

А затем было оказано давление на одного из моих саньясинов, в доме у которого я гостил четыре месяца: если я не удалюсь из его дома, он, его семья и его дом вместе со мной будут сожжены.

Иногда не знаешь — плакать или смеяться.

Кто-то непрерывно звонил по телефону каждый день: «Когда вы прибываете в Пуны? Я полицейский офицер и должен знать это, чтобы обеспечить вашу охрану».

Мы справлялись в полиции Бомбея, мы справлялись в полиции Пуны — нам отвечали: «Мы не звонили вам. Кто-то выдает себя за полицейского офицера».

Я собирался прибыть в прошлое воскресенье, но мой хозяин настолько встревожился, что попросил защиты у полиции. В ночь на субботу полиция информировала его: «Мы можем обеспечить вашу защиту до Тана. Дальше вам придется просить другой округ, до Чинчвада; от Чинчвада вам придется просить у полиции Чинчвада защиту вплоть до Пуны».

Я сказал ему: «Не беспокойся. Чем просить защиты у этих людей... Знаю, я их защиту».

«Что ты имеешь в виду?» — спросил он.

Я сказал: «Когда меня арестовали в Америке, я был в наручниках, тяжелая цепь вокруг пояса, цепи на моих ногах. Я не мог даже идти. Они боялись, что вдоль всей улицы будут люди, и я могу поднять свои руки; поэтому они наложили еще одну цепь, соединяющую мои

наручники с цепью вокруг пояса, так что я не мог двинуть руками. Они бросились как безумные в свой автомобиль... а причина была в людях, которые стояли вокруг, — они махали и показывали мне знак победы. Тогда я понял, почему они так спешили: вокруг были фотографы, вокруг были представители прессы, и если они увидят, что люди приветствуют меня, — а меня арестовали без всякого ордера на арест, — то будет похоже, что все разговоры о демократии просто вздор. Бесконечная пропаганда о правах личности, о свободе слова, просто дурачит весь мир».

Судебный исполнитель, сидевший в автомобиле спереди, провожая меня в тюрьму, сказал: «Здесь вы абсолютно защищены».

Я сказал: «О чем вы? Если быть в наручниках, закованным — это защита, то сначала предоставьте ее своему президенту, своим губернаторам, ведь их жизни в постоянной опасности. В Америке двадцать процентов президентов было убито. Это не малое число. Держите всех своих президентов в тюрьме, а не говорите мне ерунду!»

Сторонясь полицейской защиты, — потому что я видел полицейскую защиту, — вместо того чтобы отправляться из Бомбея в воскресенье, я выехал в субботу ночью. Мой хозяин не был уверен, но на следующее утро его убедили, — его дом окружили пятнадцать полисменов с винтовками.

Он был со мной, и его семья сообщила ему: «Полиция вокруг дома. Мы почти под арестом, и говорим, что Бхагван уехал прошлой ночью».

Они сказали полиции: «Вашей защиты просили, но потом он уехал сегодня в двенадцать часов. Зачем вы прибыли утром с винтовками? И мы просили только шесть полицейских офицеров в штатском — зачем целый полк?»

Они оставались целый день, считая, что я могу уехать в двенадцать. В конце концов, они подумали, что, возможно, меня нет в доме. Тогда начальник сказал сыну моего саньясина: «Бхагван обманул нас».

Странно — мы просили защиты, но если мы не хотим, вы не вправе навязывать ее нам — «мы будем охранять вас, хотите вы этого или нет».

Откуда же возник разговор об обмане?

Я добрался сюда в четыре часа ночи, и через три часа полиция была здесь. Я спал. Когда я открыл глаза, я увидел двоих полицейских у себя в спальне.

Я сказал: «Я никогда не вижу снов, особенно кошмарных. Как же эти птицы ухитрились попасть внутрь?» Я спросил: «У вас есть какой-нибудь ордер на обыск?» — У них его не оказалось. — «Тогда почему вы вошли в мою частную спальню?»

Они сказали: «Мы должны вручить вам уведомление». Иногда удивляешься, не пользуемся ли мы словами во сне. Это способ вручать уведомление? Это способ обслуживать людей? Все это слуги людей; мы платим им. Они должны вести себя как слуги... но они ведут себя как хозяева.

Я сказал: «Я не совершал никакого преступления. Я просто поспал три часа, это преступление?»

Один из них сказал: «Вы любите полемику, и полицейский комиссар чувствует, что ваше присутствие может спровоцировать насилие в городе». Сейчас эти люди даже не в курсе, что я был здесь в течение семи лет, и насилие не было вызвано в городе мною — какое еще доказательство нужно? Наоборот, человек из этого города пытался зарезать меня, убить меня — перед десятью тысячами саньясинов и двадцатью полицейскими офицерами он бросил в меня кинжал на утренней лекции. Почти невозможно было проиграть это дело — даже если бы мы захотели его проиграть. Десять тысяч очевидцев вам не найти ни в каком подобном деле — а еще двадцать офицеров полиции!

Однако дело было закрыто, чего никогда не бывало. Таковы наши судьи, такова наша полиция. Таковы наши полицейские комиссары. Если бы они хотели сохранить тишину в городе, им следовало бы вышвырнуть того человека, который пытался убить меня.

Но на следующий день, когда мой адвокат пришел увидеть комиссара, он был удивлен. На его календаре для приемов было имя того самого человека; оказалось, все дело было в нем. А я был здесь уже два дня, и до сих пор насилия в городе не произошло.

За семь лет, пока я был здесь, я выходил в ваш город только четыре раза. Я никогда не покидал ашрам. И те четыре раза были совершенно необходимы. Я ходил не смотреть фильм — мой отец умирал в госпитале, и поэтому я должен был идти. Один из моих саньясинов был в госпитале в коме — и я должен был идти. Все четыре раза я ходил только в госпиталь проводить кого-то, кто был при смерти — и умирал. Сидя у себя в комнате, как мог я вызвать насилие в городе?

А в уведомлении... Я сказал: «Читайте. В чем мое преступление?» Мое преступление в том, что я полемик? Но скажите мне — был ли когда-либо человек, хоть немного разумный, который не был полемиком? Быть полемиком не преступление. Фактически, вся эволюция человеческого сознания зависит от дискутирующих людей: Сократ, Иисус, Гаутама Будда, Махавира, Бодхидхарма, Заратустра. Им повезло, что никто из них не заходил в Пуна. Этот город осужден, потому что этот город убил Махатму Ганди, этот город пытался убить меня... И они еще пытаются рассказывать мне, что я противоречив и опасен. Им даже не совестно.

Махатма Ганди был убит той же группировкой людей, которая пыталась убить меня. В грядущих столетиях Пуна запомнится как город убийц.

Поскольку у него не было веской причины — в противном случае вы снова увидели бы меня в наручниках и в тюрьме — за то, что я делаю что-то беспрецедентное, — тот полицейский офицер повел себя дурно: я лежал на своей кровати, а он швырнул уведомление мне в лицо! Я не могу терпеть такое нечеловеческое поведение. Я тотчас же разорвал уведомление, отбросил его прочь и сказал тем полицейским офицерам: «Ступайте и доложите своему комиссару».

Я знаю, что уведомление от правительства не следует швырять прочь, но есть же пределы!

Сперва закон обязан проявить гуманность и уважение к человеческим существам. Только тогда можно ожидать уважения от других. Это наши слуги; мы платим налог. А они превращаются в хозяев.

Прав был Альмустафа, что не отвечал им; они не заслуживают. Но я другого сорта человек, чем Альмустафа.

Он только склонил свою голову... Я никогда не сделаю так. Вы можете срубить мне голову, но я не склоню ее. *И те, что стояли рядом, увидели его слезы, падающие ему на грудь.*

Да, я тоже плачу и рыдаю из-за человечества, но я рыдаю в темноте, скрываясь. Я не хочу, чтобы вы видели мои слезы, потому что мои слезы будут тяжелыми для вас. Мои слезы будут как раны для вас. Вы видели только мои песни... но и у моих глаз тоже есть слезные железы.

Но те слезы из-за слепых и глухих, бессердечных. Те слезы из-за всех категорий идиотов.

Пуна может похвастать одной вещью: У вас высшая категория идиотов в мире.

Вместе с людьми пошел он к большой площади перед храмом.

Каждое утверждение Халиля Джебрана значительно: почему к храму? Во всем мире тысячи и тысячи храмов, церквей, мечетей, гурудвар и синагог — люди ходят туда молиться. Их молитвы вроде повторяющихся слов попугаев; они даже не знают смысла тех слов.

Нет, функция храма совершенно другая. Функция храма в том, что когда кто-нибудь прибывает домой, как Альмустафа, то храм служит местом для объявления об этом. Альмустафа вступает в храм, храм становится священным.

Но без Альмустафы храм просто постройка — пустая, бессмысленная.

Вместе с людьми пошел он к большой площади перед храмом.

Вам следовало бы вступать в храм, только когда вы заслуживаете, когда вы заработали, когда чувствуете, что у вас есть что предложить — нечто священное, нечто запредельное.

И вышла из святилища женщина по имени Альмитра. Была она прорицательницей.

Между прочим, я хочу, чтобы вы помнили, что Халиль Джебран, возможно, один из тех очень немногих людей, для которых женщина ближе к священному, чем мужчина, — по той простой причине, что она больше сердце, чем голова. Она знает, как любить. А если вы не знаете, как любить, откуда же вам знать, как молиться?

Молитва — это не что иное, как самая чистая форма любви. Любовь, не адресованная кому-либо, любовь к целому. Альмитра была прорицательницей. Халиля Джебрана нужно запомнить навсегда как того, кто дарит уважение и достоинство женщинам. Все ваши так называемые религиозные, а на самом деле поддельные лидеры мира лишь осуждали женщину. Даже, величайшие из них, которых я глубоко уважаю, хотя и с оговорками, даже Гаутама Будда, несомненно, высочайший пик, когда-либо достигнутый до сих пор, Эверест, — даже он был непочтителен по отношению к женщинам. Годами он неизменно отказывался инициировать, какую бы то ни было женщину. И, в конце концов, после двадцати лет непрерывного отказа, непрерывного оскорбления, унижения, он изменил решение. Благодаря необычной ситуации, он вынужден был допустить и принять женские инициации. Он, наверное, делал это очень неохотно даже в тот момент. Он вынужден был согласиться, ведь та женщина была почти настоящей его матерью... потому что его мать умерла, когда он родился, в тот же час. Родная мать никогда не видела его; он тоже совершенно не помнил своей матери.

Младшая сестра его матери осталась незамужней именно потому, что она хотела позаботиться об этом редком ребенке, у которого была харизма с самого начала. Астрологи и провидцы объявили, что ему либо предстоит стать императором всего мира, либо отвергнуть мир и стать величайшим пробужденным человеком, известным человечеству.

Эта женщина воспитывала ребенка, заботилась о нем и пожертвовала своей собственной жизнью, ведь если бы она вышла замуж, то имела бы своих родных детей для забот, и жила бы своей собственной жизнью, своими детьми, своим мужем. Нет, она осталась незамужней, чтобы иметь возможность излить всю свою любовь на Гаутаму Будду.

Когда эта старая женщина, бывшая, можно сказать, настоящей матерью для него, пришла и попросила инициации, наступила великая тишина, великий миг сомнения. Двадцать лет непрерывного отказа... но как может он отказать *этой* женщине — которая пожертвовала всей своей жизнью ради него, а он не может сделать почти того же для нее, инициировать ее в саньясу? Неохотно, говорю я, он инициировал ее. Почему я говорю «неохотно»? Потому что немедленно вслед за этим он объявил: «Моей религии предназначалось длиться пять тысяч лет. Теперь она будет длиться только пятьсот лет из-за того, что женщина вошла в паству». Как будто женщина была болезнью, как будто религия Будды стала недостаточно здоровой, чтобы оставаться живой в течение пяти тысяч лет. Приход женщины, видимо, означал, что его религия сделалась раковой.

Отвратительное утверждение — и так же в случае с Махавирой, так же в случае с Иисусом, так же в случае с Мохаммедом. Так же в случае с Моисеем. А это наши высочайшие взлеты к звездам.

У Халиля Джебрана, похоже, гораздо больше человеческого, и гораздо глубже понимание. Прорицатели были во всех религиях, но Альмитра — прорицательница. И довод, даваемый им, необходимо понять очень глубоко и хранить в глубочайшей части вашего существа:

Он взглянул на нее с глубокой нежностью, ибо она первая нашла его и поверила в него, когда он был всего день в их городе.

Двенадцать лет он был в городе, и она была единственной, кто признал его — с первого же дня его прихода в город.

Люди продолжают спрашивать меня: «Почему у тебя столько саньясинов в женских телах?» — как будто саньяса имеет отношение к телу. Каким образом саньяса касается тела?

Саньяса относится к душе. И женщина более открыта и более достижима, потому что ей известна не логика, а любовь. А закон любви — это высший закон в жизни; законы, основанные на логике, — низшие.

Мужчине сначала нужно быть интеллектуально убежденным. У меня миллионы саньясинов — определенно, семьдесят пять процентов это женщины, двадцать пять процентов — мужчины. Это редкостный феномен, ведь Будда или Махавира, Мохаммед или Иисус — никто не допускал их.

Мужчину сначала необходимо убедить логически, он начинает с низшего. А потом — долгая лестница достижения пыла любви. Любовь абсолютно вне пределов логики, трансцендентна логике. Даже мои собственные саньясины — сначала они убеждаются: этот человек как будто прав; все, что он говорит, кажется существенным. Они воздвигают все виды сомнений в своих умах, они стараются любым способом быть скептическими. Когда же, в конце концов, их скептицизм и их сомнения разрушены, тогда толстый слой интеллектуальности устранен и их сердце достигнуто.

Но женщина сначала влюбляется в меня, а потом она думает: «Все сказанное им должно быть правильным. Как может любовь быть неправа?»

У них различный подход. Мужчина выбрал длинный маршрут — в этом нет необходимости, но это выглядит так мужественно, смело, тяжело, — и он будет продолжать долгое путешествие, прежде чем возвратится домой.

Женщина выбрала короткий путь любви — только один шаг. Не нужно даже второго шага. Единственный шаг, и вы прибыли. Это же говорю и я, потому что будет трудно понять, если я скажу в точности то, что происходит: нет даже и одного шага.

Мужчина делает много-много шагов, мили и мили, просто чтобы вернуться домой — усталым, опустошенным, грустным.

Вот почему святые выглядят такими печальными. Как вы называете их в Англии? — как побитые псы*. Хорошие люди, но без необходимости бегают во всех направлениях в поисках места, где они пребывали всегда.

Так что, строго говоря, женщине не требуется даже единственного шага. Истина состоит в том, что требуется шаг по направлению к женщине; женщина просто влюбляется — и она дома. Она и была там, любовь просто открыла ей глаза.

Альмитра первая признала, что Альмустафа принадлежит другому берегу, он посторонний здесь. Он не грезит о корабле — но он настолько любящий, такой прекрасный, что она не может сомневаться, даже если он и грезит. В ее глубокой любви его мечта становится реальностью. Корабль, который прибудет только через двенадцать лет, уже прибыл для Альмитры с самого первого дня. Той двенадцатилетней дистанции не существует для нее.

Люди спрашивают меня, почему так много женщин становятся саньясинами. Это просто: потому что они женщины, потому что они сердечны, потому что они знают только один язык, и это язык любви.

И она приветствовала его, сказав... — вы можете видеть разницу. Люди, которые признали в последний день, когда они увидели надвигающуюся разлуку, вдруг осознали свою слепоту — среди них был человек, мессия, послание с другого берега. Но они были просто глухи и слепы, и сейчас уже слишком поздно.

Поэтому они говорят: «Задержишься немного дольше... совсем немного. Мы не были

способны вкусить твою истину, и мы не смогли напиться из твоих глаз. Прояви свою милость еще немного».

Но Альмитра произносит нечто совершенно иное:

(англ.) — виноватый, пристыженный.

Пророк Божий, разыскивая окончательное, долго искал ты в даях свой корабль.

И вот корабль твой прибыл, пора тебе отправляться.

Только любовь может видеть так.

Ум жаден. Ум *есть* жадность.

Все те люди, которые говорят: «Задержись немного»... Я говорю вам: если Альмустафа согласится с ними, они забудут все о нем *снова*. Снова они будут принимать его за само собой разумеющееся: «Что за спешка? А если корабль придет опять, мы сможем уговорить его остаться с нами».

Человек живет в завтрашнем, которое никогда не приходит. Ум не имеет контакта с настоящим; либо он живет в прошлом, либо он живет в будущем. Они потрясены: они не смогли признать, и двенадцать лет прошло — какая утрата! И они к тому же видят, что если бы он остался, то, быть может, завтра или послезавтра они сумели бы понять его истину, его опыт.

Но я повторяю еще раз: Если Альмустафа останется с ними, они забудут его снова.

Но Альмитра говорит ему: «Тяжело, больно, но другого пути нет. Ты ожидал долго, ты дал достаточно благоприятных возможностей этим людям. Теперь *пора тебе отправляться*.

Глубока твоя тоска по земле твоих воспоминаний и обители твоих сокровенных желаний; и любовь наша не свяжет тебя, и не удержат тебя наши нужды.

Это и есть красота любви — она дарит вам свободу. В этом критерий — есть любовь или ее нет. Если любовь препятствует вашему росту, это не любовь. Любовь может страдать, но не будет ревновать; любовь может страдать, но не станет кандалами.

Альмитра говорит: *и любовь наша не свяжет тебя, и не удержат тебя наши нужды*. Мы нуждаемся в тебе, конечно, мы нуждаемся в тебе, но ты был здесь двенадцать лет — этого довольно. Мы игнорировали тебя, — возможно люди не жаждут. Поэтому не обращай никакого внимания на человеческие мольбы о том, чтобы ты остался. Я знаю — *глубока твоя тоска по земле*, твоя любовь к людям, но все, что ты мог сделать, ты сделал. Нам хотелось бы, чтобы ты был здесь, но любовь не хочет связывать тебя; мы нуждаемся в тебе, но из-за нашей собственной бессознательности мы, потеряли тебя — *и не удержат тебя наши нужды*.

Однако об одном мы просим, прежде чем ты оставишь нас: поведай нам и дай нам от твоей истины. Мы не хотим, чтоб ты был здесь, мы не хотим превращаться в тюрьму для тебя из-за наших нужд, из-за нашей любви и из-за твоего сострадания. Но, по крайней мере, прежде чем уйти, *поведай нам и дай нам от твоей истины*.

Запомните, истина всегда индивидуальна. Не существует истины коллективного ума, толпы. У толпы есть только обманы — индуизм, джайнизм, буддизм, ислам.

У толпы есть только обманы. Истина всегда индивидуальна.

Она пережита в самой сокровенной сути вашего существа, куда вы не можете взять с собой никого. Вы не можете взять предмет своей любви, вы не можете взять своего друга с собой. Вам предстоит идти одному, и только в вашем одиночестве есть реализация. И из-за того, что реализация случается индивидуально, не нужна никакая организованная религия.

Да, религиозность необходима — неорганизованная, доступная каждому индивидууму, в соответствии с его потенциалом, его возможностями.

Настоящее человеческое общество, настоящая цивилизация предоставит каждой индивидуальности возможность искать, исследовать и открывать свою истину. Истина Гаутамы Будды бесполезна для вас. Моя истина бесполезна для вас. Самое большее, что может дать вам

реализовавший истину человек, — это уверенность, что истина не просто гипотеза, что это действительность, что она преображает людей.

Я не могу дать вам мою истину, но мое присутствие может дать вам толчок для путешествия к высшей святине.

Но женщина думает не так, как мужчина, потому что ее мышление не основано на мыслях. Ее мышление основано на чувствах. Почему же она сказала так?

Ведь она говорит:

А мы передадим нашим детям...

Это не жадность.

... они своим детям, и это не погибнет.

Мы хотим, чтоб твое пламя оставалось живым. Мы будем продолжать, передавая его от сердца к сердцу.

В одиночестве ты взирал на наши дни, и, бодрствуя, ты слышал плач и смех нашего сна».

Она говорит: «Во всем, что ты видел, — как мы смеялись в нашем сне, как разговаривали в нашем сне, как действовали, занимались делами в нашем сне, — мы не осознавали происходящего».

Потому теперь открой нам нас самих... Мы не просим ничего больше. Просто *открой нам нас самих и расскажи нам все известное тебе о том, что есть между рождением и смертью.*

Вопрос потрясающе могущественный: *что есть между рождением и смертью?* Вот принцип вашей жизни — между рождением и смертью есть Бог, но из-за того, что вы спите, вы никогда не осознаете этого. Вы родились и вы умрете, так и не зная того, что было посредине. А посредине была ваша истина.

И ответил он:

«Люди Орфалеса, о чем еще могу я сказать, как не о том, что и сейчас шевелится в ваших душах?»

Каждый мастер просто пробуждает вас к вашей собственной реальности, к вашей собственной истине. Он не дает вам ничего.

Вы уже обладаете этим. Вы просто не смотрели внутрь.

Немного безмолвия, немного медитативности, и вы начнете раскрывать себя. Истина — это открытие внутри.

Альмустафа прав, когда он говорит: *о чем еще могу я сказать, как не о том, что и сейчас шевелится в ваших собственных душах?* Я могу видеть пламя, но вы ведь не смотрите внутрь. Закройте же глаза, посмотрите внутрь. Продолжайте искать все глубже и глубже, пока не придете к водам вечной жизни.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

6. СКАЖИ НАМ О ЛЮБВИ

11 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Тогда промолвила Альмитра: Скажи нам о Любви.

И он поднял голову и посмотрел на людей, и воцарилось молчание. Тогда он сказал громким голосом:

«Когда любовь зовет вас, следуйте за ней, хотя дороги ее трудны и тернисты.

Когда ее крылья осенят вас, отдайтесь ей, даже если вас ранит меч, скрытый в ее оперении.

И если она говорит с вами, верьте в нее, даже если её голос рушит ваши мечты, как северный ветер опустошает сад.

Ибо как любовь венчает вас, так она вас и распинает. Как она растит вас, так она и подрезает.

Как восходит она к вашей вершине и ласкает ваши нежные ветви, трепещущие на солнце, так же она спускается к вашим корням, вросшим в землю, и сотрясает их.

Как снопы пшеницы, собирает она вас вокруг себя.

Она обмолачивает вас, чтобы обнажить.

Она просеивает вас, чтобы освободить от шелухи.

Она размалывает вас до белизны.

Она месит вас, пока вы не станете мягкими.

А потом она предает вас своему священному огню, чтобы вы стали святым хлебом для святого Божьего праздника.

Все это творит над вами любовь, чтобы вы познали тайны своего сердца и через это познание стали частью сердца жизни.

Но если, убоившись, вы будете искать в любви лишь покой и уладу, то лучше вам прикрыть свою наготу и покинуть ток любви.

Уйти в мир, не знающий времен года, где вы будете смеяться, но не от души, и плакать, но не в упоении.

Познавшие смысл жизни обращаются только к тем, кто может понять любовь, ибо любовь — это смысл жизни. Очень немногие люди познали, что любовь и есть ваше истинное пламя. Не пища поддерживает вас живыми, а любовь, которая не только хранит вас в живых, но и дарит жизнь красоты, истины, безмолвия и миллионы других бесценных вещей.

Мир можно разделить на две части: мир, где все имеет цену, и мир, где цена бессмысленна. Там, где цены уже неуместны, появляются ценности. Цены существуют для вещей, для мертвых вещей.

Жизнь не признает того, что мертво, но и такую простую истину человек никак не осознает. Он даже пробует купить любовь — иначе не было бы проституток. И вопрос не только в проститутках. Что у вас за браки? — устойчивый институт проституции.

Помните, только когда вы вступаете в мир ценностей — где ни деньги, ни власть, ни поклонение не приносят никакой помощи, — вы вступаете в подлинную жизнь. И вкус той жизни — любовь.

Из-за того, что человек настолько привык все покупать, он забывает, что уже попытка

купить то, что купить невозможно, — это убийство. Муж требует любви от своей жены, потому что он купил ее — то же самое относится к жене. Но они не осознают, что убивают друг друга. Они не знают: в тот момент, когда цена входит в любовь, любовь умирает.

Любовь — это самое тонкое, самое священное. Во всех наших взаимоотношениях мы стараемся унижить другого человека до вещи. Жена — это вещь. Если вы хоть немного разумны, позвольте ей оставаться просто женщиной. Муж больше не живой. Предоставьте ему оставаться свободным, ведь только в свободе любовь может цвести.

Но человек в своей абсолютной глупости уничтожил все ценное. Вы даже пытаетесь купить Бога. До чего же глубока ваша слепота!

Люди, кому это по средствам, — запомните слово «по средствам» — устраивают храмы в своих жилищах. Можно купить статуи, но все, что вы делаете с теми статуями, — сущий вздор; купленная статуя никогда не сможет превратиться в живого Бога. А они не только покупают статую, они к тому же покупают и священника, чтобы отправлять богослужение.

Я видел священников, бегающих от одного дома к другому дому, потому что они должны были провести богослужение, по крайней мере, в десяти или двенадцати храмах; только тогда они могли насытиться. И люди, покупающие даже молитву, богослужение, полагают, что они совершают акты великой добродетели. Это грешники!

Ваша жизнь никогда не расцветет, если в ней не будет того, что бесценно. У вас в жизни есть бесценное?

Люди продают даже свои жизни. Что такое ваши солдаты? — а их число, наверное, достигло миллионов на всей земле. Они продали себя. Единственная их функция — убивать и быть убитыми. Но, насколько я понимаю, это уже не важно; они убили себя в тот день, когда продали себя. Они, может быть, все еще дышат, но только дышать — это еще не жизнь. Деревья дышат, растительность дышит. Капуста и цветная капуста дышат, но они не живут и ничего не знают о любви. На них назначены цены. Возможно, капуста подешевле, цветная капуста немного подороже: цветная капуста — не что иное, как капуста с университетским дипломом. Только не делайте такого, ни с каким человеческим существом.

А если вы не можете купить вещь, вы также не можете обладать ею. В своем глубоком сне вы даже завладели вашими детьми, совсем не осознавая, что уже само обладание — «это мой ребенок» — убийство.

Дети пришли благодаря вам, но они принадлежат вселенной. Вы только проход. Тем не менее, вы прилагаете все усилия, чтобы ваш ребенок имел вашу фамилию, вашу религию, вашу политическую идеологию. Чтобы он был просто послушной вещью.

Когда я был студентом в университете, индийское правительство приняло постановление: если вы не участвуете в военной подготовке, то вам не будет присвоена аспирантская степень. Это было принуждение, и я обратился к проректору: «Я хочу оставаться без всякой аспирантской степени. Я не желаю принимать участие в подготовке, которая есть не что иное, как специальный психологический процесс разрушения сознания, жизни, сведения человека просто к номеру».

В армии, когда кто-нибудь умирает, на доске объявлений появляется: «Номер Шестнадцать погиб». Когда вы читаете, что «номер Шестнадцать погиб», ничего не происходит в вашем сердце, ведь у номера Шестнадцать нет жены, нет детей, нет старой матери, нет старого отца, о котором нужно заботиться. Номера не производят детей. Такова стратегия.

Но если вы увидите имя, вы вдруг почувствуете грусть. Что же будет с детьми, с женой, со старой матерью, со старым отцом, который живет только для того, чтобы увидеть возвращение своего сына домой? Но он не знает, что его сына больше нет. Он превратился в номер Шестнадцать. Номер Шестнадцать может быть заменен — и *будет* заменен. Кто-то другой

станет номером Шестнадцать.

Soldier — солдат; sold — продан.

Вам не под силу заменить живое человеческое существо... А мертвый номер? И не только солдаты; посмотрите на себя — разными способами вы позволяли толпе вокруг вас делать из вас номер. Даже люди, которые говорят, что любят вас, хотят просто владеть вами, эксплуатировать вас. Вы предмет их стремлений, их желаний.

Любовь не купить на базаре. Для любви вы должны будете понять, что сущее не мертво. Оно исполнено света, переполнено любовью, но чтобы переживать эту любовь, вы должны быть созвучны с миром ценностей.

Альмустафа не отвечал некоторым людям. Возможно, они не заслуживали ответа. Они потеряли свои души: кто-то стал губернатором, кто-то стал президентом. Президенты, губернаторы, премьер-министры... У них нет никаких душ; иначе не смог бы такой человек, как Иосиф Сталин, убить один, миллионы русских. И это были не капиталисты, Россия никогда не была столь богатой; это были бедные люди, но они не хотели быть ни под чьей властью, они восстали против рабства. И прежде, из столетия в столетие, цари убивали их, но Сталин превзошел всех царей.

Но иногда я думаю: а может, он убивал только мертвых людей? Адольф Гитлер убил много миллионов человеческих существ — но быть может неправильно осуждать его, ведь эти миллионы лишились своих душ задолго до этого. Кто-то стал мужем, кто-то — женой, кто-то стал отцом, кто-то — матерью.

В естественном мире женщина — это именно женщина, а не леди. Леди — это женщина, живущая посмертной жизнью. В природе есть подлинные мужчины — неотесанные, укорененные в земле, — но вам не найти джентльменов. Эти лицемеры умерли давным-давно, а теперь просто дышат, питаются, — ползут от колыбели к могиле. Если бы они были действительно живыми, они узнали бы тайну, которая существует между рождением и смертью.

Альмустафа просто отказался отвечать тем людям — может, они и были хорошо осведомлены, может, они и были богаты, однако их вопросы были фальшивыми. Это были американские вопросы.

Я должен напомнить вам: Слово «phone»* пришло из Америки. Оно произошло от «telephone»: когда вы говорите с кем-то по телефону, вы замечаете особенность? Голос не тот, тон не тот, и неизвестно — на другой стороне еще один американец или призрак.

Я слышал, один великий психоаналитик лечил сверхбогатого миллиардера. И хотя гонорар превосходил доходы миллионов людей, для сверхбогача это было ничто.

«Phone» — фальшь, подделка.

Богач лечился и лечился. Год прошел, а ему бы все лежать на кушетке психоаналитика и говорить всевозможную ерунду — которой заполнены и ваши головы; одно дело, если вы храните их внутри, но в психоанализе их полагается выявлять.

Психоаналитику это надоело, но он не мог отказаться от сверхбогача, ведь от него шло столько денег. В конце концов, он нашел американское решение — он сказал богачу: «У меня так много других пациентов, а занятия с вами иногда требуют трех часов, четырех часов, пяти часов — у вас есть время, у вас есть деньги. Я хочу сделать маленькое предложение. Я заведу магнитофон, который будет выслушивать вас, и мои четыре или пять часов будут сэкономлены, а ночью, когда у меня будет время, я смогу прослушивать ленту».

Богач сказал: «Великолепно!»

На следующий день, когда психоаналитик входил в свой офис, он увидел вышедшего богача. Он сказал: «Так быстро? Вы закончили?»

Тот сказал: «Нет, я тоже принес свой магнитофон. Мой магнитофон разговаривает с вашим

магнитофоном. Зачем мне тратить пять часов? Если магнитофоны могут делать это, что за нужда мне приходиться каждый день?»

Вот так, мало-помалу, человек становится все более и более механистичным. Он говорит о чем-то важном, он проживает жизнь, однако все это роботообразно.

Дейл Карнеги — один из наиболее известных философов Америки (его не могли бы признать философом нигде, кроме Америки); а его книга «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей» распродавалась так, что сравнялась в этом с «Библией». Это же полная чепуха. Он предлагает, чтобы каждый муж, по крайней мере, три или четыре раза в день говорил своей жене: «Дорогая, я настолько люблю тебя, что не в силах жить без тебя. Я не могу представить себя без тебя». И неважно, соответствует ли это его истинному мнению.

Вы видите фальшь? Если вы любите, то так трудно сказать: «Я люблю тебя», — потому что слов не хватает. А повторить три-четыре раза механический шаблон... вы не подразумеваете ничего, вы просто граммофонная пластинка. Как иголка, заскакивающая на пластинке: «Дорогая, я люблю тебя». И «дорогая» отвечает, и оба внутри ненавидят друг друга: «Это та женщина, которая уничтожила мою свободу»; «Это мужчина, который заключил меня в тюрьму».

Любовь — высшая ценность. Вот почему Иисус сказал: «Бог есть любовь». Но его утверждению две тысячи лет. Оно нуждается в некотором усовершенствовании, его необходимо сделать современным. Бог не есть любовь.

Я говорю вам: Любовь есть бог. И есть огромная разница между этими двумя утверждениями, хотя в них использованы одни и те же слова. Если Бог есть любовь, то просто подразумевается, что это только одно из качеств Бога. У него может быть много других качеств: он может быть мудрым, он может быть справедливым, честным. Он может быть прощением.

Но когда вы говорите: «Любовь есть бог», — то смысл совершенно другой. Теперь сам бог становится качеством тех, кто знает, что значит любить. Теперь не нужно верить в Бога — ведь это лишь гипотеза, и вам самому решать, что делать с этой гипотезой.

Еврейский Бог в Ветхом Завете говорит: «Я очень гневный Бог, Я очень ревнив. Я не милостив! Запомните, Я не ваш дядя! Я не потерплю еще одного Бога». Мусульмане унаследовали еврейскую концепцию Бога. Вот почему они разрушали статуи и храмы, прекрасные произведения искусства: ведь существует только один Бог, одна священная книга и один посланник, Мохаммед. В чем проблема, если существуют миллионы богов? Мир будет гораздо богаче. Почему вы застряли на одном боге?

Иудаизм, христианство, ислам — это те религии, которые верят в одного бога, верят в диктатуру, а не в демократию. В чем проблема?

Гаутама Будда, пожалуй, был первой демократической религиозной личностью, заявившей, что каждый человек — это потенциальный бог и что в конце концов все непременно расцветут в божество. В этом есть красота.

Альмустафа не отвечал тем людям. Вместо этого он рыдал, плакал, слезы текли из его глаз, ведь их вопросы были фальшивы. Их задавали, чтобы показать перед другими свою осведомленность. Вам прекрасно известно различие между эрудированным вопросом и подлинным поиском. Когда вы хотите выставить свое познание, в вашем сердце нет поиска: вы спрашиваете, чтобы продемонстрировать, что вы не невежда.

Фактически, прежде чем задать вопрос, вы уже знаете ответ — не из своего собственного опыта, а заимствованный...

Великий философ времен Гаутамы Будды пришел увидеть его; он привел своих пятисот учеников с собой. Будда никогда никому не отказывал. Даже в последний момент перед смертью он спросил, был ли у кого-нибудь вопрос: «Сейчас я уйду, мой корабль прибыл. И я не

хочу, чтоб грядущие поколения говорили, что Гаутама Будда был жив и все же не ответил на подлинный вопрос». И этот человек спросил философа: «Это ваш вопрос или поиск?»

Философ сказал: «Какая разница?»

Будда сказал: «Разница в несоединимости земли и неба. Поиск это жажда. Вопрос это игра ума. Если у вас поиск, я готов ответить. Но если это только вопрос, не расточайте моего времени».

Альмустафа не отвечал тем людям, среди которых он прожил двенадцать лет, и которые никогда ни о чем не спрашивали. Но когда Альмитра, женщина, признававшая его с первого же дня в городе Орфалесе, спросила — он ответил. И он ответил с такой красотой, с такой поэзией, с такой истиной.

Быть может, никто другой не отвечал таким образом — даже такая личность, как Кришна, который отвечал на нескончаемые вопросы своего ученика Арджуны. Вопросы Арджуны, возможно, и подлинны, но ответы Кришны — нет. Его не интересует поиск. Весь его интерес политический — как-нибудь склонить Арджуну к участию в войне. Поэтому он продолжает отвечать разными способами, которые противоречат друг другу, и в конце концов, когда обнаруживает, что его ответы не убедили Арджуну, он прибегает к последнему средству, которое обязательно применяет всякий диктатор.

В конце концов, он говорит: «На то Божья воля, чтобы ты участвовал в войне». Странно, что Бог разговаривает с ним, а не напрямую с Арджуной. Если бы я был на месте Арджуны, я сказал бы: «Быть может, это и Божья воля — для тебя, сражайся! Но что касается меня, то Божья воля — не сражаться, а отвергнуть всю эту бессмыслицу уничтожения и убийства людей и отправиться поглубже в Гималаи медитировать».

Но он испугался. Если такова Божья воля, он должен сражаться. Он забыл простую вещь — почему Богу всегда нужны посредники? Почему он не может сказать прямо?

В действительности Бога нет. Эти посредники — самые ловкие люди в мире. Во имя Бога они насаждают свои собственные идеи. Поскольку они не в силах убедить своими доказательствами, их решающая стратегия состоит в том, чтобы привлечь Бога.

Я удивлялся всегда: является ли Бог вашим настоящим вопросом? Хоть чьим-нибудь? Все это философски, интеллектуально, гипотетически — но что вы станете делать, если встретите Бога? И где место встречи с Богом? Нет, это не настоящие поиски для человека.

Альмитра не просит Альмустафу: «Скажи нам о Боге». Нет, она просит:

Скажи нам о Любви.

Следует заметить, что только женщина может спросить о любви. Мужчина хочет узнать Бога или стать Богом. Это погоня за могуществом.

Любовь — не погоня за могуществом. Любовь — это единственное переживание, где вы становитесь смиренными, простыми, невинными.

И что же говорит Альмустафа? Медитируйте над этим. Каждое отдельное слово — необъятного значения:

Он поднял голову, посмотрел на людей...

Прежде чем отвечать, вы должны заглянуть в сердца людей — увидеть, нет ли здесь какой-то суеты, ищут ли они любви. Альмитра задала весьма фундаментальный вопрос, самый фундаментальный вопрос. Ну, а как же насчет людей, толпы, которая собралась там? *И воцарилось молчание.*

Великая тишина. Ведь то были простые люди, и когда Альмустафа посмотрел вокруг, в их глаза, в их лица, наступила великая тишина. Те простые люди действительно хотели узнать то, о чем спросила Альмитра. Быть может, они не достаточно ясно выражали свои мысли, чтобы задать вопрос; Альмитра стала их голосом. Она представляет их сердца. Увидев это, *Тогда он*

сказал громким голосом: «Если любовь зовет вас, следуйте за ней...»

Не сомневайтесь, не будьте скептичны, ибо любовь призывает к чему-то неведомому для вас. Хотя у вас и есть зерно... но зерну неизвестен собственный цветок. *Если любовь зовет вас, вы благословенны; следуйте за ней.*

Хотя дороги ее трудны и тернисты. Любовь не просто ложе из роз. Когда ее крылья осенят вас, отдайтесь ей...

Не сопротивляйтесь, не будьте упрямы, не идите вразвалку. Не будьте ни то ни се.

Даже если вас ранит меч, скрытый в ее оперении. А любовь обязательно ранит людей, но эта рана — нечто вроде хирургической операции. Вы носите столько ненависти — эту ненависть нужно удалить. Какое-то время вы можете чувствовать рану, пустоту — там, где обычно была ненависть. *И если она говорит вам, верьте в нее...*

Он не призывает верить в то, что она говорит, запомните. Он говорит, чтобы вы верили в нее, когда она обращается к вам. Это очень тонкое различие. Если я разговариваю с вами, вы можете верить в то, что я говорю, — тогда это будет от головы и не поможет никоим образом, ведь завтра же кто-то может возразить против этого с лучшей аргументацией, более логично, и вы поменяете позицию.

Альмустафа говорит: *верьте в нее*, а не в то, что она говорит. Это громадной силы изречение: всякий раз как мастер говорит, не будьте слишком сильно озабочены его словами. Если слова только помогут вам поверить в достоверность мастера, они уже выполнили свою работу. Если вы верите в человека, это — от сердца, это не аргумент. Если вы верите в слова — это от головы, это просто аргумент.

Жизнь — не аргумент, и любовь не аргумент. Это встреча двух сердец двух существ — два тела становятся одним. Это то о чем говорит Альмустафа:

Даже если ее голос рушит ваши мечты...

Она разрушит ваши грезы. Она разрушит ваш сон, она разрушит вас. Всего лишь вера в слова не разрушит ничего. Напротив, вы станете более осведомленными, ваше эго украсится.

Даже если ее голос рушит ваши мечты, как северный ветер опустошает сад.

Ибо как любовь венчает вас, так она вас и распинает.

Никогда прежде никто не высказывал в единственном предложении всей алхимии человеческого преображения. Любовь будет венчать вас, но она же вас и распнет. Она будет распинать вас таких, какими вы были, — ваше прошлое, и она увенчает вас таких, какими вы должны быть, — ваше будущее. Любовь — это и то, и другое: венчание и распятие. Из-за этого миллионы людей упускают славу любви — распятие пугает их. Что за смысл быть увенчанным, если тебя распнут?

Но ты не един, ты — множество. Настоящий Ты будет увенчан, а фальшивые личности будут распяты, и этим процессам положено произойти одновременно.

По одну сторону смерть; по другую сторону воскресение.

Как она растит вас, так она и подрезает,

Вы вырастили так много безобразного в своей жизни, его необходимо подрезать — и подрезание не препятствует вашему росту. В сущности, те безобразные вещи, которые вы собрали вокруг себя, — зависть, доминирование, постоянные попытки достичь владычества — не позволяют вам испытать любовь.

Когда я прочитал это предложение, я вспомнил мою садовницу Мукту. Она подрезает мои деревья. Я знаю, то, что она делает, правильно: ведь если их не подрезать, они не будут развиваться.

Но всякий раз, как она видит меня — время от времени я выхожу из комнаты, — она прячет свои садовые ножницы. Мукта, с сегодняшнего дня прятать не нужно, но обрезай лишь то, что не

дает расти дереву. Но не обрезай по своим понятиям о том, каким следует быть дереву: пусть дерево будет самим собой. Дай ему свободу... Если садовник не любит свои собственные деревья, кто же их полюбит? Подрезай всегда, если ты видишь, что это увеличит крону, даст больший рост, больше листьев, больше цветов.

Я не против обрезки. Я запретил ей делать это, потому что шесть лет назад на задней изгороди моего сада было прекрасное ползучее растение. Но оно было диким, а Мукта — гречанка. Лишь для того, чтобы срезать, она назвала его «Чудовище». Это одна из стратегий человеческого ума: всякий раз как вы хотите уничтожить что-то, вы сначала даете ему имя, которое становится для вас аргументом. То несчастное ползучее растение не было чудовищем. Да, оно было диким, но быть диким еще не значит быть чудовищем. Я дик... но считаете ли вы, что можете подрезать меня? Я не срезал ни единого волоса с моей бороды, все они первичные. У всех вас не первичные бороды. Я никогда не срезал ни одного волоса с моих усов.

Как раз несколько дней тому назад мне задали вопрос: «Бхагван, все, что вы говорите, достигает моего сердца, но один вопрос остается: как вы ухитряетесь есть?»

Я могу понять его вопрос — неподстриженные усы почти скрыли мои губы. Вот почему я никогда не прихожу есть с вами. Я всегда ем в одиночестве, просто чтобы придерживать свои первичные волосы. Это трудновато.

Как она восходит к вашей вершине и ласкает ваши нежные ветви, трепещущие на солнце...

Вы будете наслаждаться, когда любовь достигнет ваших вершин, с нежностью лаская ваши ветви, танцующие на ветре, на солнце, на дожде. Но это только половина всего.

Так же спускается к вашим корням, вросшим в землю, и сотрясает их.

И вы не в силах выбрать одно и избежать другого. Любовь цельное явление, она не может быть разрезана на фрагменты. Точно так же, как вершины следует заливать любовью, ваши корни, которые цепляются за землю, необходимо встряхивать, ибо всякое цепляние — это тюрьма. Любви хотелось бы дать вам крылья для полета, но с цепляющимся умом, с привязанностью невозможно летать в открытом небе. Именно чтобы цепляться за землю, вы вырастили большие корни, уходящие глубоко вниз, так что никому не под силу встряхнуть вас. Это от страха, а страх — как раз противоположный полюс свободы.

Не цепляйтесь ни за что — даже за того, кого вы любите.

Цепляние разрушает саму любовь, за которую вы уцепились.

Не впадайте в рабство.

Я слышал рассказ о том, как один великий борец за свободу пошел отдохнуть в горы. По пути он остановился на ночлег в небольшом караван-сараяе. У хозяина дома был прекрасный попугай, и подстать его красоте хозяин сделал золотую клетку, усыпанную бриллиантами. Хозяин то любил свободу, поэтому он обучил попугая только одному слову: «Свобода». Целый день попугай обычно взывал: «Свобода! Свобода!» — и его голос вторил и отдавался эхом по долинам.

Борец за свободу подумал: «Странно. Я знаю хозяина, он мой друг. Мне известна его любовь к свободе — потому он и обучил своего попугая только одному слову: «Свобода». Но это очень противоречиво. Если он любит свободу, пусть попугай будет свободен. Даже золотая клетка, усыпанная бриллиантами, — это не свобода». Поэтому он ждал. В полночь попугай снова прокричал: «Свобода! Свобода!» — и в окружающей тишине голос попугая разнесся эхом повсюду.

Гость вышел. Была ночь и хозяин спал. Вокруг никого. Он открыл дверцу клетки и подождал: такой свободолюбивый попугай, увидя раскрытую дверцу, тотчас улетит в небо. Однако вместо того, чтобы лететь в небо, попугай сильнее вцепился в свою золотую клетку. Но

борец за свободу был не тем человеком, которого мог победить попугай. Он просунул руку в клетку и вытащил попугая наружу, а пока он вытаскивал попугая, тот бил и царапал его руку, крича при этом: «Свобода! Свобода!» Вся его рука была окровавлена, но он швырнул попугая в открытое небо, в полнолунную ночь. Рука была ранена, но он испытывал глубокое удовлетворение оттого, что попугай освобожден.

Он отправился спать. Утром его разбудил тот же самый голос: «Свобода! Свобода!» Он произнес: «Боже мой, он вернулся!» Приглядевшись, он заметил, что дверца все еще открыта, а попугай находится внутри.

Любовь будет ласкать вас, но она также спустится глубоко вниз, к вашим корням, и встряхнет их, чтобы освободить вас.

Следует запомнить одну вещь: большинство из нас продолжает жить в противоречии. С одной стороны мы хотим свободы, с другой стороны мы продолжаем за что-то цепляться. Свобода — это риск. В клетке попугай невредим, обеспечен. На свободе, хоть он и приобретает полное существование, полное небо, он лишается безопасности и уверенности.

Но свобода — это такая ценность, ради которой можно пожертвовать чем угодно. И любви необходима абсолютная свобода, чтобы расти: только так, вы сможете сделать все небо своим домом. Люди, испуганные ненадежностью, незащищенностью, выбирают просто слово «любовь», и никогда не переживают ее.

Если вы хотите испытать любовь, вам придется рисковать всем и вся — всеми своими зацепками, всей своей будущей безопасностью. Но вместо того, чтобы жертвовать зацепками, сохранностью и гарантиями, человек в своем глубоком сне пожертвовал любовью и сохранил безопасность.

Вот что такое ваш брак — любовь принесена в жертву; безопасность достигнута. Разумеется, брак надежен, безопасен; гарантировано, что и завтра жена будет в вашем распоряжении; муж позаботится о вас. А как же любовь? Любовь превращается в пустое слово.

Распознавайте пустые слова, особенно такие слова, как любовь, которая *выше* чем Бог — Бог только качество любви. Не носите с пустым сосудом без всякого содержимого в нем. В этом ваше несчастье, несчастье всего человечества. Никто не любит.

Любовь рискованна.

Я учу вас рисковать всем, ибо даже единственный миг любви равен целой вечности. А жизнь без любви, пускай и бессмертная, будет просто кладбищем. Ничто не расцветет. У вас будет безопасность, но что вы станете делать со своей безопасностью?

Подобно снопам пшеницы она собирает вас вокруг себя.

Но если вы цепляетесь за что-то еще, как может существовать, Бог или любовь собрать вас вокруг себя?

Она обмолачивает вас, чтобы обнажить, потому что вы прикрыты многими фальшивыми личностями. Ваше лицо — не ваше настоящее лицо. Там столько масок.

Она обмолачивает вас, чтобы обнажить.

Она просеивает вас, чтобы освободить от шелухи.

Она размалывает вас до белизны.

Слово «белизна» необходимо понять — это не цвет. У вас может быть целая радуга, но вы потеряете два цвета, к которым привыкли, — черный и белый. Почему же все мистики осуждали черный и восхваляли белый?

Белый — это не цвет, но *все* цвета. Если вы смешаете все цвета радуги, появится белизна. Так что белизна — это, по существу, великий синтез всех цветов жизни. А если вы уберете все цвета, тогда будет чернота. Чернота негативна, чернота — это «нет». Чернота это смерть.

Белизна позитивна, белизна — это «да», белизна это Бог. Белизна это любовь.

Она месит вас, пока вы не станете мягкими;

А потом она предает вас своему священному огню, чтобы вы стали святым хлебом для святого Божьего праздника.

Все религии мира учили людей поститься, Альмустафа говорит о празднике. Вопреки всем религиям, я согласен с Альмустафой. Жизнь — не пост, это непрерывный праздник — празднование, фестиваль света.

Любовь превращает вашу жизнь в фестиваль света. И если ваша жизнь не стала праздником и фестивалем, запомните: вы не исполнили того, ради чего пришли на эту землю.

Все это творит над вами любовь, чтобы вы познали тайны своего сердца и через это познание стали частью сердца жизни.

Но если, убоявшись, вы будете искать в любви лишь покой и уладу, то лучше вам прикрыть свою наготу и покинув ток любви...

Люди желают любви, но они совсем не хотят готовиться к обмолачиванию, к огню, через который им нужно пройти. Они считают любовь просто удовольствием. Это не так. Любовь гораздо больше: это блаженство, это окончательное благословение. Но вам придется отбросить страх.

Человек, полный страха, никогда не узнает сладости любви. А если вы не знаете любви, вы не знаете ничего; все ваши познания бесполезны, все ваши сокровища бесполезны. Вся ваша респектабельность бесполезна.

Альмустафа говорит правильно:...лучше вам прикрыть свою наготу и, покинув ток любви.

Уйти в мир, не знаящий времен года, где вы будете смеяться, но не от души, и плакать, но не в упоении.

Вы никогда не узнаете ничего в полноте, в тотальности. Вы будете смеяться, но ваш смех будет поверхностным. Вы будете плакать, но слезы ваши будут крокодильими слезами. Ваша жизнь всегда будет оставаться просто потенциальной возможностью, она никогда не станет действительностью. И вы проживете свою жизнь во сне — бессознательно.

Я хочу дать вам пример сна и бессознательности. Полицейский комиссар — я могу простить его, но не могу забыть — вынужден был отменить свое распоряжение о том, что мне следует покинуть Пуну в течение тридцати минут, поскольку ему не удалось придумать никакой причины. Я никогда не совершал преступления, и это мое право по рождению — двигаться свободно, по крайней мере, в этой стране. Но отменять свой приказ было против его эго. Это заняло почти весь день: как сформулировать незначительную отмену? Если он отменит приказ, то продемонстрирует свою глупость: «Почему же вы издавали приказ, если у вас не было никакой причины?» Он не отменит его: «Если вы собирались отменять его, то зачем же сперва издали?»

Мои адвокаты сидели в его ведомстве, а он выходил в заднюю комнату советоваться с подчиненными — или, возможно, с индуистскими шовинистами, которые стояли за всей этой сценой, с тем же человеком, который бросал кинжал в меня, — они были его консультантами!

В конце концов, он вышел с формулировкой... которая покажет вам сонливость и бессознательность человека.

Он сказал: «Я не могу сказать, что это отмена; я не могу отменить его. Я могу только приостановить его. Из чего следует, что в любой момент я могу отменить приостановку».

Он не может дать никакого объяснения немедленно. Но он хочет сделать его «приостановленным приказом», да и то не без условий. Я уже говорил моему адвокату Татхагате: «В любом случае компромисс невозможен. Я предпочел бы даже быть расстрелянным или распятым, — но не компромисс. Так что запомни, если слово «компромисс» будет хоть где-нибудь фигурировать, я не приму его».

Поэтому он сказал: «Вы навязываете условия и компромисс. Мой мастер не примет этого, вам придется это изменить».

Опять он ушел внутрь и вернулся с идеей: «Мы не будем называть это компромиссом, и мы не будем называть это условиями; мы назовем это *нормами*. Я даю вам эти нормы, а вы должны подписаться, что это нормы вашего ашрама».

Кто он такой, чтобы диктовать нам нормы? Он может диктовать нормы мусульманам? Он может диктовать нормы индуистам? Он может диктовать нормы христианам? Он знал это, поэтому и сам не подписывал.

Мы вручили ему — в письменном виде — «наши» нормы, хотя *он* диктовал их. Каждое слово он обсудил со своими людьми. Неизвестно, кто стоял за этим — некий святой дух! — но нормы очень глупые.

Одна норма гласит, что никому не позволено курить сигареты. Пока он вручал эти нормы, все люди в его ведомстве курили сигареты, и он спросил Татхагата: «Можно, я закурю?»

Такова бессознательность. Этот человек, очевидно, в глубоком сновидении. Он сам курит!

Другая норма: никому не позволено употреблять алкоголь. В этой стране алкоголь не запрещен. Много раз они пробовали — особенно люди вроде Морарджи Десая, которые готовы пить свою собственную мочу! — пытались навязать правило, чтобы никто не употреблял алкоголя. Это стало преступлением. Много раз это делалось и отменялось — почему? Как только они запрещали, люди тут же начинали готовить свой собственный алкоголь. Это уходит в подполье. Еще больше людей начинает пить, ведь всякий раз, когда вы препятствуете людям в чем-то, оно становится более притягательным: наверное, что-то в этом есть.

Тысячи людей погибли в Индии из-за запрещения алкоголя. Люди выпускали свой собственный алкоголь. Они не знают, как делать его, они не знают, что продается на черном рынке. Тысячи людей отравились алкоголем, который доставали на черном рынке, поскольку теперь не было и речи каком-либо стандарте или правительственном контроле.

Алкоголь, по крайней мере, вегетарианский продукт. Я скажу Татхагате когда он вернется: «Сходи туда; еще одна норма необходима: никому в позволено пить свою собственную мочу. Можно употреблять чью-нибудь; еще, это дело другое...»

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

7. ЛЮБОВЬ НИЧЕМ НЕ ВЛАДЕЕТ

11 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Любовь дает лишь себя и берет лишь от себя.

Любовь ничем не владеет и не хочет, чтобы кто-нибудь владел ею; ибо любовь довольствуется любовью.

Если ты любишь, не говори: «Бог — в моем сердце», — скажи лучше: «Я — в сердце Божиим».

И не думай, что ты можешь направлять пути любви, ибо если любовь сочтет тебя достойным, то она будет направлять твой путь.

У любви нет другого желания, кроме как обрести саму себя. Но если ты любишь и нуждаешься в желаниях, пускай твоими будут желания — таять и походить на бегущий ручей, который напевает ночи свою мелодию.

Познавать боль от слишком сильной нежности.

Ранить себя собственным постижением любви. И истекать кровью добровольно и радостно.

Подниматься на заре с окрыленным сердцем и возносить благодарность за еще один день любви.

Отдыхать в полуденный час, размышляя о любовном экстазе. Возвращаться вечером домой с благодарностью.

И засыпать с молитвой о возлюбленном в сердце своем и с песней хвалы на устах.

У Альмустафы глубочайшее проникновение в любовь — такого не показывал никто и никогда. Это не слова философа, это переживания мистика.

Альмустафа — просто имя. Это Халиль Джебран говорит через него — и по особой причине. Он мог бы говорить прямо от своего собственного имени, и не было бы нужды в медиуме, Альмустафе. Но Халиль Джебран не хочет создавать религию, хотя все, что он сказал, — это основы религиозности. Избежать... Ведь во имя религии было причинено столько бесчеловечного человеческим существам, было столько кровопролитий...

Миллионы людей были убиты; тысячи были сожжены заживо. В миг, когда любая религия становится организованной и кристаллизованной, она превращается в угрозу для всего ценного в жизни. И тогда она — уже не путь к Богу, она становится предлогом для войны.

Халиль Джебран скрывает себя за Альмустафой, поэтому люди не бросаются поклоняться ему, поэтому люди не продолжают свое безобразное прошлое. Не говоря прямо того, что он хочет сказать, он создал средство — Альмустафу. Из-за Альмустафы его книга не считается священной книгой, хотя она одна из самых священных книг мира. В сравнении с ней все другие святые книги не выглядят святыми.

Он создал Альмустафу с тем, чтобы его книгу принимали за вымысел, за поэзию. В этом его сострадание, и в этом его величие. Можете заглянуть во все священные писания — вам не найти слов настолько живых, что они летят прямо, как стрелы, в ваше сердце. И вы увидите, как много бесчеловечного, недостойного остается в тех священных писаниях. Но человек так слеп — небольшой вымысел Альмустафы, и люди забыли о простом факте: эти истины невозможно утверждать, если вы не пережили их, если они не ваши собственные.

Халиль Джебран подготовил почву для меня. Он посеял зерна в неведомых полях, «в незапамятные времена».

Я здесь, и сейчас самое время для жатвы.

Вы — мой урожай. Вы — плоды и цветы.

Беседа о Халиле Джеброне нужна лишь затем, чтобы напомнить вам о ваших зернах. А также о чем-то более значительном...

Есть древняя легенда в стране Халиля Джеброна, в одном из самых прекрасных мест на планете — Ливане. Ливан знаменит лишь двумя вещами: Халилем Джебраном и тысячеletними кедровыми деревьями, которые упорно стремятся достичь звезд.

Халиль Джебран тоже стремился к звездам. Ливанские кедры еще не достигли успеха, а Халиль Джебран достиг. Быть может, однажды те кедры тоже достигнут звезд.

Один из наиболее значительных голландских художников, Винсент ван Гог, — возможно, самый значительный, если речь идет об интуиции, понимании; во всех его картинах деревья растут выше звезд, звезды остаются внизу. Современники считали его безумным. Его спрашивали снова и снова: «Где ты видел деревья, растущие выше далеких звезд?»

Винсент ван Гог говорил: «Я не видел их, но сидя рядом с деревьями, я слышал их стремления. И я пишу цветок раньше, чем посеяно зерно».

Все его звезды удивительны: он изображал их в виде спиралей. Даже художники смеялись над ним: «Ты, должно быть, безумец. Звезды не спирали». Он отвечал: «Что я могу поделывать? Не только в своих снах, но даже наяву я всегда ощущаю своим сердцем, что они — спирали». Ему не удалось продать ни единой картины за всю свою жизнь — кто станет покупать такие картины? А он писал их своей кровью, самой своей жизнью. Он обычно брал у своего младшего брата немного денег каждую неделю — лишь чтобы питаться дважды в день в течение семи дней. Он голодал три дня в неделю и благодаря этому покупал краски, холсты. Ни один художник не писал с таким страстным желанием, с такой глубокой любовью.

Он жил только для того, чтобы заниматься живописью; он умер, когда ему было тридцать три. А всего несколько месяцев назад — сто лет спустя — физики пришли к заключению, что звезды являются спиралями.

Поэт каким-то неведомым путем сокращает познание вещей. Он не может доказать этого. Он не ученый, он не логик. Но современники отстают от него на тысячи лет. Очень редко встречается подлинно современная индивидуальность. Раджив Ганди, премьер-министр Индии, победил на выборах единственным лозунгом: «Я хочу, чтобы Индия вступила в двадцать первое столетие». И ни один человек в этой огромной стране девятиста миллионов людей не спросил его, достигла ли страна даже двадцатого столетия! Люди живут суевериями тысячеletней давности, в их идеологии нет места истине. И они не желают выходить из своей темноты.

Мне хотелось бы, чтобы мои люди были людьми не только этого столетия или двадцать первого столетия; мне хотелось бы, чтобы мои люди были людьми всего будущего. Когда вы можете быть хозяевами всего будущего, зачем оставаться нищими?

Прислушайтесь к этим словам, ибо это не слова, это живое пламя. Чистый огонь. Если он не может охватить вас, вы не услышали его: *Любовь дает лишь себя и берет лишь от себя...*

Такое потрясающее утверждение всегда будет оставаться свежим. Я не могу представить себе какое-то время в будущем, когда это утверждение станет устаревшим. Если вам удастся понять его, если вам удастся прожить его, — все будущее также становится вашим. Оно может открыть двери неведомой реальности, которая ожидает вас.

Любовь дает лишь себя... Вы тоже даете, когда любите, — цветы, мороженое, бхелпури. Но это не любовь, это торговля, бизнес.

В небольшой школе учительница настаивала на величии Иисуса уже почти целый час перед

школьниками. Школа принадлежала церкви; это была интернациональная школа.

Спустя час она спросила: «Может кто-нибудь сказать, кто величайший человек в истории?»

Маленький мальчик, американец, сказал: «Авраам Линкольн».

Учительница не могла поверить этому. Уже целый час она вдавливалась в их головы, что Иисус Христос — высший пик человеческого сознания, достигнутый когда-либо, а этот идиот говорит: «Авраам Линкольн»!

Она сказала: «Ты не ошибся, но также и не прав. Садись».

Другая девочка встала, чтобы ответить на тот же вопрос, она сказала: «Уинстон Черчилль».

Учительница произнесла: «Боже мой!» Но так как школа находилась в Англии, а Уинстон Черчилль был премьер-министром, она не могла сказать: «Ты не права». Она сказала: «Ты очень близка к истине».

И тогда совсем маленький мальчик замахал рукой — странно, он никогда раньше не делал этого. Он был самым тихим.

Учительница спросила: «Что же ответишь ты?»

Он сказал: «Нет проблем. Всем известно: Иисус Христос величайший человек в мире».

Учительница поразилась еще больше: ведь мальчишка-то был еврей. Но грамота дождалась — всякий, кто дает верный ответ, выигрывает грамоту. Следом за маленьким мальчиком, уносившим большую грамоту, пошла учительница, и догнала его возле школы. Учительница сказала: «Послушай, ты разве не еврей?»

Он ответил: «Разумеется, да. В чем дело? Почему вы идете за мной?»

Она сказала: «Будучи евреем... ты объявляешь Иисуса Христа величайшим человеком в мире?»

Рассмеявшись, он сказал: «О, да. В самой глубине своего сердца я знаю, что Моисей величайший человек в мире. Но бизнес есть бизнес».

Любовь не бизнес, но человек свел любовь к бизнесу.

Любовь дает только себя, ибо невозможно дать ничего выше. Можете ли вы придумать что-то более великое? Что-то более ценное?

Любовь дает лишь себя и берет лишь от себя — это еще важнее для понимания. Любовь знает только отдачу; даже идея получения чего-то взамен не возникает.

Но в этом и состоит чудо сущего: если вы даете любовь, назад к вам любовь возвращается в тысячу раз больше вашей собственной любви.

Вам не приходится быть нищим. Любовь делает императором. Она дает себя, и, удивительно, та же самая любовь становится в тысячу раз больше и возвращается со всех сторон. Чем больше вы отдаете ее, тем больше ее у вас есть.

Человечество выглядит таким несчастным потому, что мы забыли космический закон. Вместо того чтобы давать, любовь становится нищей, непрерывно просящей. Жена просит: «Полюби меня». Все до одного просят: «Полюби меня». Кто же будет давать? — все нищие.

Вам бы следовало приблизиться к императору, подобному мне, который дает и продолжает давать, ибо это неисчерпаемый источник.

И чем больше я любил людей, тем больше меня удивляло: моя любовь увеличивалась, и я мог дать еще.

Я слышал легенду.

У одного человека умерла собака. Он очень любил собаку, а собака была редкой — прекрасное произведение искусства. Это была не обычная собака; поколения скрещиваний создали ее. Человек очень грустил. Он пошел в тот же магазин животных, где приобрел первую собаку, и сказал, что хотел бы купить что-то еще лучшее, иначе он не сможет забыть свою прежнюю собаку.

Хозяин сказал: «Не волнуйтесь. У меня есть очень редкая собака — и совсем дешево». Он показал ему собаку — конечно, человек никогда не видал такой прекрасной собаки, с таким философским выражением, с такими любящими глазами, так превосходно сложенной.

Он произнес: «Я готов заплатить сколько угодно».

Хозяин сказал: «Вы не понимаете. Сперва купите ее, тогда поймете».

Так он приобрел собаку — по такой дешевой цене! Вам не заполучить даже бродячую собаку с улицы за такую низкую цену.

Озадаченный, он пошел домой. Утром он увидел, что собака исчезла. Он подумал: «Боже мой, куда девалась собака? Дом был заперт, я один...»

Он бросился назад в магазин — собака была там, сидела на своем месте. Хозяин сказал: «Вам ясно, почему это самый дешевый пес? Он всегда возвращается. Его покупали уже тысячу раз, но он так привязан... Вы можете забрать его, но какой смысл?»

Во время чтения этой легенды я смог припомнить только одну подобную историю из своего опыта... ведь у меня нет собаки, хотя они и приходят, время от времени. Зато я знаю, что такое любовь. Она не только дешева, она не имеет цены вообще.

Любить не стоит ничего, и все же она всегда возвращается в тысячекратном размере. Вы продолжаете становиться все богаче и богаче. Такова удивительная экономика сущего.

Любовь дает лишь себя и берет лишь от себя.

Любовь ничем не владеет и не хочет, чтобы кто-нибудь владел ею.

В миг, когда вы завладели чем-нибудь, вы убили это. В мире есть миллионы людей, которые убили свою любовь своими собственными руками. Им нужно посмотреть на свои руки — они в крови от их собственной любви. Теперь они несчастны — они никогда не хотели убивать, не было у них намерения убивать, однако в своей бессознательности они принялись овладевать. Если они любили кого-то, они хотели владеть этим человеком *безраздельно*. Мужья владеют своими женами, жены владеют своими мужьями, родители владеют своими детьми. Учителя стараются любым возможным путем завладеть своими учащимися. Политики стараются завладеть странами. Религии стараются завладеть миллионами людей и их жизнями.

Все они убийцы, потому что в тот миг, когда вы пытаетесь завладеть, вы убили.

Жизнь расцветает только в свободе.

Если вы любите, вы будете давать все больше и больше свободы своему возлюбленному.

И любовь никогда никому не позволит завладеть собой, ведь любовь — сама ваша душа. Если вы позволяете кому-то владеть ею, вы совершили самоубийство.

Так любовь или убита, или совершает самоубийство. Люди просто гуляют по трупам с чашами для подаяния, разыскивая любовь, теплоту, нежность. И им не найти этого, потому что они создали глупое общество, они создали безумный мир.

Основа любого невроза или психоза проста: эта душа не получила питания. Любовь — истинное питание. У вас могут быть все богатства мира, но если у вас нет любви — вы несчастнейший человек, обремененный ненужными богатствами, дворцами, империями.

Но тот, кто любит, кто узнал тайну любви — не владеть и не быть во власти, — действительно рождается вновь. Он становится в истинном смысле живым. У него будут самые прекрасные переживания жизни, великие экстазы существования.

Если любовь растет в вашем сердце, вы беременны Богом. Это Бог растет внутри вас. Мало-помалу вы исчезнете, и будет только чистая божественность. Это можно почувствовать...

Те, кто был рядом с Гаутамой Буддой или Махавирой, чувствовали это. Странное дело, но ни Махавира не верил в Бога, ни Будда не верил в Бога. Люди считают их атеистами, однако это не так, абсолютно не так. Они не верят в Бога из-за того, что *сами* являются Богом.

Вы верите в Бога потому, что ваш Бог где-то высоко, по ту сторону неба; вы просто

создание, ползающее по земле. Зачем Будде верить в Бога? Бог внутри него, он сам стал храмом Бога. Поэтому хотя они и отрицали существование Бога, причина отрицания была не той, что у атеиста.

Атеист отрицает Бога потому, что Бог не может быть доказан логически. Атеисту придется отрицать также и любовь, поскольку любовь тоже нельзя доказать логически.

Я знал многих атеистов, и я задавал им только один вопрос: «Вы когда-нибудь влюблялись?»

И они удивлялись. Они говорили: «Почему вы изменяете тему? Мы же беседовали о Боге», — Я отвечал: «Я не меняю темы, я подхожу к теме. Вы когда-нибудь влюблялись?»

Они говорили: «Да, мы любили».

— Тогда, — говорил я, — подумайте еще раз. Можете вы доказать научно, рационально, логически, что любовь существует?

— Не можем, — говорили они.

— Тогда, — говорил я, — перестаньте отрицать Бога, ведь вы отрицаете Бога по той же самой причине.

Только такой человек, как Гаутама Будда, имеет право отрицать Бога, потому что он нашел его. И он нашел его не где-нибудь еще, а в себе самом. Теперь Бог уже не объект, а его собственная субъективность.

И удивительно, что эти двое, Гаутама Будда и Махавира, — единственные люди в целом мире, которые проповедовали ненасилие. Ненасилие — это их название любви. Они избегали слова любовь, потому что любовь попала в дурную компанию. Вы идете к проститутке и говорите: «Я люблю тебя». Любовь упала в сточную канаву. Вот почему им пришлось найти нечто девственное, чистое. Но это означает любовь: «ненасилие».

И в то же самое время я должен напомнить вам, что люди, которые верили в Бога на небесах, не были ненасильственны. Мохаммед не является ненасильственным; также ни Моисей, ни Иисус.

За двадцать столетий христиане убили столько людей, что невозможно сосчитать их. Мусульмане убивали непрерывно в течение четырнадцати столетий; и люди, ставшие мусульманами, не были обращены по истине; они обратились по своему малодушию.

Ислам приходил к людям с мечом в одной руке и Святым Кораном в другой: «Можете выбирать. Не нужно никаких аргументов, меч — вот аргумент». Те, у кого было хоть какое-то мужество, умирали быстрее, чем выбравшие ислам от страха.

Любовь не может возникнуть от страха. Христиане изменили тактику, потому что времена переменились, но сказка одна и так же: Святая Библия в одной руке и каравай хлеба в другой: «Можете выбирать». Вы видели кого-нибудь, обращенного в христианство благодаря его более высоким ценностям, великой истине, более глубоким прозрениям? Вы видели кого-нибудь богатого, культурного, образованного, обратившегося в христианство? Нет, это необходимо нищим, это необходимо сиротам, ведь это *им* нужна пища. Они голодны. Они не проголодались за истиной; они проголодались за хлебом, они проголодались за приютом, они проголодались за одеждой. И это обращение?

Христианская церковь в Америке была возмущена мною только из-за того, что хорошо образованное, талантливое молодое поколение приходило ко мне. А мои руки пусты — ни меча, ни хлеба, ни Святого Корана, ни Святой Библии.

Я могу давать вам только свою любовь, потому что знаю — она возвратится.

Христиане возмутились. Они не были возмущены Вивеканандой, потому что Вивекананда был политиком. Он рассказывал им: «Все это одно и то же: христианство, индуизм, их учения все одинаковы». С ним не было проблемы. Они не боялись Раматиртхи...

Отчего же им так возмущаться мною? Уже почти год мои саньясины в Италии — цитадели католического христианства — добиваются всего трехнедельной туристической визы для меня, а Папа продолжает препятствовать правительству. Как раз сегодня я получил сообщение, что это уже стало насущным вопросом в Италии — что правительство не говорит «нет». Если они скажут «нет», тогда мои саньясины подадут в суд. А «да» они не могут сказать из-за Папы и голосов...

В конце концов, одна политическая партия, радикальных революционеров, увидела всю игру: уже целый год — непрерывно! — требуется ответ, либо «да», либо «нет», — но они все время продолжают говорить «завтра», а завтра никогда не приходит. Теперь радикальная революционная партия настойчиво потребовала от премьер-министра Италии: «Или вы даете визу, или вы отказываете в ней».

Если Папа может приехать в Индию, то кто вы, чтобы препятствовать мне? И когда Папа прибыл в Индию, я приветствовал его, и осудил людей, швырявших в него камни и требовавших, чтобы он убирался. Я осудил тех людей, индуистских шовинистов. Это признаки слабости. Если Папа приходит, пригласите его — добро пожаловать на дискуссию. У вас есть свои шанкарачарьи — начинайте открытые дискуссии по всей стране. И если он окажется прав, позвольте этой стране стать христианской, ведь вопрос не в том — индуизм или христианство; вопрос в том, чтобы всегда быть с истиной.

Я постоянно вызывал Папу — я готов прийти в Ватикан, его родной город, к его собственным людям. Я готов дискутировать — о католическом христианстве и ни о чем ином. И у меня простое условие: если вам удастся победить меня, я стану католическим христианином, но если вы будете разбиты — тогда вы должны стать саньясином! А Ватикан должен стать моим штабом.

Но люди так бессильны... они не скажут ничего, а будут продолжать давление на премьер-министра: «Голоса... если пустить этого человека, то голоса католиков не будут отданы за вас».

Сейчас вся страна католическая, и вам не найти политиков, у которых есть хоть какой-нибудь позвоночник. Это беспозвоночные создания.

Один молодой человек, Сурадх Калмадхи из Пуны, оппозиционный лидер в парламенте, послал мне сообщение: «Возвращайтесь в Индию, я буду сражаться за вас в парламенте». И я прибыл в Пуну; теперь ему нужно сразиться — хотя бы с полицейским комиссаром. Но беспозвоночность...

Да, есть немногие люди, которые не попадают в категорию этих беспозвоночных: Баласахиб Р. Борад из Муниципального молодежного конгресса написал мне: «Мы будем бороться за вас». А сегодня пришел мэр Пуны, Улхас Дхол Патил, и сказал так: «Все происшедшее настолько безобразно, что я пришел просто извиниться. Простите нас; этого не должно было произойти». Он написал мне письмо, где заявил: «Приглашаем вас в город Пуну; я хочу, чтобы вы остались здесь навсегда». Недавно он приходил снова и сказал моему секретарю, Нилам: «Я собираюсь передать резолюцию в Акционерное общество Пуны, чтобы Акционерное общество извинилось и уговорило вас не уезжать из Пуны, а оставаться здесь».

Есть немного людей, похоже, все еще живых в этом городе мертвых. Возможно, еще немного мертвых людей поднимется из своих могил, потому что я не намерен терпеть этого полицейского комиссара здесь. Либо я буду здесь, либо он будет здесь! Я не верю в компромисс.

Я человек ненасильственный; я никогда не убил даже муравья. Но в день, когда я обнаружил ранним утром в темноте своей комнаты орущих, взламывающих двери... я открыл глаза. Еще полусонный, я увидел двух похожих на привидения людей. Я удивился: с каких это пор привидения стали носить мундиры? Я спросил их: «Кто вы? И по какому праву вы вошли ко мне в спальню?» И те глупые парни не ответили, они просто бросили бумагу мне в лицо. Я не знал,

что это было; я порвал ее и отшвырнул прочь. Это был единственный момент в моей жизни, когда я подумал о револьвере; те двое привидений не ушли бы из моей спальни живыми.

Мне хотелось бы сказать Улхасу Дхол Патиму: если вы на самом деле подразумеваете то, что говорите, — а я думаю, что подразумеваете, — тогда этот полицейский комиссар и те два идиота должны быть немедленно переведены отсюда. Они становятся поводом к осуждению всего города и грядущих поколений на все времена.

Вы посмотрите, что за идеи он предлагал и навязывал. И этих людей Раджив Ганди думает брать в двадцать первое столетие! — в воловьих телегах, надеюсь. Было бы неплохо заменить волов этими людьми.

Его условия... а у него кишка тонка сказать: «*Это мои условия*». Он убедил управление, заведующего ашрамом, Свабхаву, поставить подпись, и тем самым сказать: «*Это наши идеи, мы будем твердо следовать нормам*». Вы только посмотрите на эти нормы.

Относительно двух норм я говорил этим утром. Но, кроме того, я обнаружил еще длинный перечень. Вы должны ознакомиться с ним, вы должны ознакомиться с ним весь город.

Первое: разрешается только двухчасовая лекция, и это свобода, ради которой тысячи людей погибли? Это свобода, ради которой Бхарат Сингх был распят? Это свобода, ради которой уже в течение целого столетия страна была отстающей? Это же противоречит конституции Индии. Третьесортный правительственный служащий нарушает конституцию Индии — кто он такой, чтобы говорить мне, что мои лекции должны продолжаться только два часа? Этого не будет никогда.

Но его глупость не знает пределов.

Второе: только пять медитаций, по одному часу каждая. В стране, где медитация родилась, в стране, где существует сто двенадцать медитаций, в стране, где все гении уже почти десять тысяч лет не занимаются ничем, кроме медитации, — полицейский комиссар указывает нам, чего мы должны придерживаться, и повелевает нам проводить только пять медитаций, по одному часу на каждую.

Что же знает он о медитации? Если у него есть какое-то мужество, он должен прийти сюда и сначала позволить нам определить, известно ли ему, что такое медитация. Я не думаю, что он знает хотя бы названия ста двенадцати медитаций; знать же сами медитации — дело совершенно другое.

Конституция дает нам религиозную свободу. Почему только нам? — если вы сделали это законом, тогда это должно быть для всей страны; для всех храмов, для всех мечетей, для всех гурудвар.

Здесь храм Божий. Никто не имеет права говорить нам, что мы не можем медитировать больше одного часа.

Сегодня он говорит... Я предостерегаю людей Пуны: этого ненормального следует устранить немедленно, потому что сегодня он навязывает свое небольшой ненасильственной группе людей, которые никому не вредят: «Вам следует медитировать только один час». Мои лекции должны быть только двухчасовыми. Скоро он станет навязывать это и вам: «Ваше общение должно быть только двухчасовым». А как насчет половых сношений? Как там у него самого? Какой предел он установил для себя — три минуты? [Игра слов: intercourse — общение, половое сношение]

Третье: лекции будут открыты для полицейских офицеров. Почему? Лекции — для учеников; это не полицейская академия. И вы думаете, ваши полицейские офицеры сумеют понять лекции? Только идиоты идут на службу в полицию. И почему лекции должны быть открыты полицейским офицерам? — если им интересно, пусть приходят сюда как ученики: вход свободен. Но мы не можем давать специальное разрешение полицейским офицерам — они

могут приходить сюда как человеческие существа. Они что, совсем потеряли свою человечность?

И не только полицейские офицеры — *с сопровождающими лицами...* Что это за «лица»? Люди Шив Сены? Индуистские шовинисты? Что это за «лица», которые будут сопровождать полицейских офицеров? Почему они не могут прийти сами? Они и в прошлый раз — когда тот человек, Вилас Тупе, бросил кинжал в меня, — предложили двадцать полицейских офицеров для моей защиты. Удивительно... Теперь-то, глядя ретроспективно, все намного яснее. Сама полиция информировала нас: «Кто-то собирается бросить кинжал в Бхагвана, поэтому двадцать полицейских офицеров должны быть допущены на лекцию — для защиты».

Кинжал был брошен, а двадцать офицеров полиции просто стояли — они не делали ничего! Абсолютно ясно: они пришли, чтобы защитить Виласа Тупе. В противном случае десять тысяч саньясинов могли бы уничтожить Виласа Тупе, так что даже частей его не нашли бы нигде. Это был, разумеется, сговор полиции и Виласа Тупе.

И кроме того, полиция утверждала, что нам не нужно беспокоиться: «Это будет делом полиции». Двадцать полицейских офицеров, очевидцев; десять тысяч саньясинов, очевидцев, — а магистрат просто аннулировал дело. Кажется, заговор был глубже — даже магистрат был вовлечен в это. Это было такое ясное дело, настолько определенное, что, даже если бы мы захотели не заметить, это было бы невозможно.

Стратегия стала ясной. Они сказали: «Вам не нужно беспокоиться, мы берем это в свои руки. Полиция заберет Виласа Тупе в суд». А полиция не сделала ничего. Кинжал был в руках полиции, но полиция молчала. В течение пяти минут Вилас Тупе был освобожден.

Подобный человек, подобная группа — и снова то же число полицейских, просящихся войти сюда. Простой логический вывод: лица, сопровождающие их, — не кто иной, как Вилас Тупе и его группа. Он, должно быть, еще и попросил, чтобы, по крайней мере, одному из них было позволено пронести кинжал!

Пятое: лекции не должны быть провокационными. Тогда какова же цель лекции? Она должна провоцировать ваши спящие души, она должна провоцировать ваш потенциал. Она обязана быть провокационной; в противном случае она напрасна.

Это не детский сад. Это школа мистицизма и попытка спровоцировать в вас стремление, огромное желание увидеть истину.

Но кто этот человек, который пытается разрушить *мою* свободу и *вашу* свободу?

Шестое: они не должны быть направлены, против какой бы то ни было другой религии.

Индуисты могут быть против мусульман; иначе, почему они не идут в мечети со своими молитвами? Мусульмане могут быть против индуистов, христиане могут быть против остальных.

Я против *всех* религий, потому что я религиозная личность, а религиозная личность не является ни индуистом, ни мусульманином, ни христианином, ни буддистом. Я буду говорить против всех религий, потому что они псевдо — они не истинные религии. А если он обладает хоть каким-то разумом, чтобы доказать обратное, добро пожаловать. Если он может доказать, что организованные религии — это истинные религии... но разрушать свободу людей быть *религиозными* — против всех человеческих ценностей.

Я буду выступать против всех религий.

Я должен, ибо я стою за *религиозность*, но не за религии.

Седьмое: число иностранцев, пребывающих в ашраме, не должно превышать ста.

Мы не верим в страны и не верим в нации. Для нас никто не является иностранцем. Мы — дети одной вселенной, одной земли — кто же иностранец? И какое он имеет право? Где в конституции дано право полицейским комиссарам ограничивать число иностранцев, слушающих мастера? Откуда он взял это число — сто? Почему не десять тысяч? Как он принял

решение относительно ста? Это произвол.

А что касается меня и моих людей, то здесь никто не является иностранцем. В тот миг, когда вы входите в этот дом Божий, вы просто человеческие существа.

И я не намерен меняться, ведь эти глупцы — обыкновенные служащие, которым ничего не известно о религии, которые не знают ничего о человечестве, — и все же у него хватило нахальства. Но я собираюсь проучить его. Он полез в ссору без нужды. Кто бы ни лез со мной в ссору, будет раскаиваться всю свою жизнь.

И их имена нужно сообщать полиции.

Здесь у каждого саньясинское имя, все корни этих имен — из санскрита. Как же вы собираетесь определять, что это имя иностранца? У меня свои собственные пути...

Девятое: число иностранцев, ежедневно посещающих ашрам для лекций, не должно превышать одной тысячи.

У этого человека, похоже, либо что-то разболталось в голове, либо слишком затянуто. Но ему не нужно беспокоиться; у нас в ашраме есть специалисты по механическим умам. Он может приходиться — либо мы подтянем ему гайки, либо отпустим.

Только одна проблема меня беспокоит: а вдруг там внутри вообще ума нет? — вот тогда будет неприятность. Ну, да что-нибудь придумаем.

Он не понимает. Есть демократия; это свободная суверенная страна. И если правительство позволяет людям со всего мира въезжать в страну... он, похоже, превосходит правительство.

Мы не намерены придерживаться всякой чепухи, и если этого человека не отстранят, ему придется встретиться со мной в суде. И в суде я не собираюсь нанимать адвоката; я сам буду защищать дело.

Десятое: ни одному из посетителей ашрама не позволяется носить огнестрельное оружие.

А как же насчет двадцати полицейских офицеров? Им придется оставлять свое огнестрельное оружие снаружи, согласно его собственным предписаниям. У него, похоже, ночные кошмары — ни у кого нет здесь никакого огнестрельного оружия, и он хочет, чтобы двадцать полицейских офицеров принесли огнестрельное оружие.

Мой поверенный, Тотхагат, уже говорил ему: «Обычно бывало от семи до десяти тысяч людей со всего мира. Вы не можете сократить число до одной тысячи».

А он сказал: «У нас не хватит людей проконтролировать десять тысяч человек». И это сказано комиссаром! Он может проконтролировать целый округ и у него достаточно людей во всем комиссариате, но для земли площадью всего в шесть акров у него недостает людей для контроля. А кто просил его контролировать?

Мы находимся здесь с 1974 года, и никогда не требовалось контролировать наших людей. В ашраме не было драк. Он даже не понимает, что люди, которые приходят сюда, приходят не затем, чтобы драться. Они приходят сюда, чтобы стать более любящими, чтобы быть более искренними, более честными, более истинными, — они искатели. Нет нужды ни в каком контроле. Никто здесь не контролирует.

Так что он должен запомнить: всякому, кто приходит к дверям этого храма — как искатель, не как полицейский офицер — белая у него кожа или черная, длинный у него нос или короткий, — добро пожаловать. Если у комиссара есть какая-то проблема с этим, он может прийти сюда... либо, если он поднимет этот бессмысленный вопрос снова, я потащу его в суд. И пусть не думает, что судьями Пуны можно будет манипулировать таким же образом, как это было прежде. Пока это было дело полиции, мы не вмешивались. Теперь это будет прямая борьба со мной, и дело не закончится в Пуне — оно дойдет до Верховного Суда в Дели. Если справедливость не будет восстановлена, я обращусь к народу всей страны. Это правительство — не что иное, как служащие. Кроме того, я собираюсь просить людей страны вышвырнуть всех

этих идиотов. Лучше ему собрать свои чемоданчики. У него есть те двое ослов — пусть кладет чемоданчики на тех двух ослов и бежит! Чем скорее он сделает это, тем будет лучше.

Одиннадцатое: членам ашрама запрещается предаваться любому непристойному поведению в ашраме или снаружи ашрама,

Известно ли ему, что означает слово «непристойность»? Храмы Каджурахо должны быть разрушены по приказу комиссара Пуны, потому что они непристойны. Храмы Пури должны быть разрушены, храмы Конарак должны быть разрушены. Прекрасные пещеры Аджанты и Эллары должны быть разрушены.

Эти феномены привлекают весь мир; если они не являются непристойными, то ему придется показать перед моими людьми, что такое непристойность.

У вас есть обнаженные джайнские монахи, и это не является непристойным. И по всей стране у вас шивалинги. Шивалинга изображает пенис Шивы и вагину Парвати, и их можно найти по всей стране — везде, в каждом городе, под любым деревом. Они не являются непристойными.

Мне хотелось бы знать: родился ли этот полицейский комиссар от женщины, и не был ли его отец непристойным; не была ли его мать непристойной? И что если бы в то время, когда его отец занимался всеми видами непристойностей с его матерью, мои саньясины вошли в комнату, чтобы передать ему приглашение: «Вы приглашены на лекцию...»

Он говорит: «...внутри ашрама или снаружи ашрама». Вся Индия непристойна. Их письма непристойны. Он должен отправиться в какую-нибудь библиотеку и просто заглянуть в Шивапураны — он обнаружит, что такое непристойность. А Шива — это один из богов индуизма.

И эти люди собрались учить *меня*? Нет ничего непристойного в мире, все естественно. Это ваша интерпретация. Да, я еще мог бы понять, если бы он говорил: «Они не должны предаваться какому-нибудь поведению, которое непристойно *снаружи* ашрама». Меня не интересует то, что снаружи ашрама. Это их индивидуальная ответственность, что им делать или не делать.

Придется полицейскому комиссару и его полиции отправиться в суд и получить четкое определение непристойности. До сих пор во всем мире не было суда, способного решить, что является непристойным, а что нет. Но, я думаю, вам достался полицейский комиссар, который знает, что такое непристойность. Мы бы хотели увидеть его, пусть покажет небольшой пример своей непристойности — мы тоже смогли бы понять, что такое непристойное поведение, и не делать этого снаружи ашрама.

Двенадцатое: полицейские офицеры должны иметь право посещать ашрам в любое время дня и ночи. Их законные распоряжения должны исполняться неукоснительно.

А моим саньясином тоже позволено входить в ваши дома в любое время дня и ночи? Нет нормального человека, который бы просил, чтобы полицейских офицеров пускали ночью. Для чего? Мы не нуждаемся в них даже днем! Их лица, их мундиры, их тугодумие — что нам делать с ними? Нет, это храм Божий, и вам придется действовать согласно *нашим* указаниям. Вы не можете приказывать нам, ведь мы не совершали никакого преступления. Если бы мы убивали людей, разумеется, было бы законным требовать для вас разрешения на вход в помещение.

Вы видели, что произошло в гурудваре Амритсара. В течение трехсот лет британцы были более разумны: они никогда не вступали в храм сикхов. Храм следует уважать.

Это наш храм. Вы хотите еще один Амритсар? Тогда, конечно, нам понадобится десять тысяч лицензий на пулеметы. Естественно, они будут законными. Но если полиция ведет себя таким образом, то я не гандист. Я не верю в насилие, но я также не верю в того, кто применяет насилие к моим людям.

Мы люди ненасильственные. Нам не нужна никакая полиция. И нет необходимости им

входить на территорию ашрама без разрешения вести себя как в своих собственных храмах. Они могут подойти к воротам, но не дальше. По другую сторону — то, что принадлежит Богу и не входит в компетенцию полицейского комиссара.

Любовь ничем не владеет... Мы верим в любовь, мы не верим в пулеметы. Но если вы вынуждаете нас, мы сами добьемся уничтожения вашей конституции, вашей демократии, вашего престижа во всем мире.

И не хочет, чтобы кто-нибудь владел ею.

Ибо любовь довольствуется любовью.

Если ты любишь, не говори: «Бог — в моем сердце», — потому что это может стать вашим эго. Потому Альмустафа говорит: скажи лучше: «Я — в сердце Божием».

Он усовершенствовал первое утверждение, но и второе утверждение, хотя оно и лучше, можно усовершенствовать. Я предлагаю, чтобы вы говорили: «Любовь есть, а меня нет».

И не думай, что ты можешь направлять пути любви, ибо если любовь сочтет тебя достойным, то она будет направлять твой путь.

Расслабьтесь и доверьтесь любви, и позвольте любви взять вас. Как каждая река движется к океану, каждый небольшой ручей любви, возникший из вашего сердца, движется ко всеобщему, к окончательному, к Богу.

У любви нет другого желания, кроме как обрести саму себя.

Но если ты любишь и нуждаешься в желаниях, пускай твоими будут желания...

Но если вы недостаточно сильны, чтобы всецело сдаться любви, и у вас есть также другие желания, тогда, говорит Альмустафа, по крайней мере, пусть будут такие желания:

Таять и походить на бегущий ручей, который напевает ночи свою мелодию.

Познавать боль от слишком сильной нежности.

Ранить себя собственным постижением любви; и истекать кровью добровольно и радостно.

Подниматься на заре с окрыленным сердцем и возносить благодарность за еще один день любви.

Отдыхать в полуденный час, размышляя о любовном экстазе.

Возвращаться вечером домой с благодарностью.

Если вам не удастся отдаться всецело, тогда мало-помалу, шаг за шагом, двигайтесь к благодарности.

И засыпать с молитвой о возлюбленном в сердце своем и с песней хвалы на устах.

И не беспокойтесь ни о каких полицейских комиссарах!

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

8. ПУСТЬ БЛИЗОСТЬ ВАША НЕ БУДЕТ ЧРЕЗМЕРНОЙ

12 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Потом вновь заговорила Альмитра: «Что скажешь ты о браке, Мастер?»

И отвечал он: «Вы родились вместе и вместе пребудете вечно.

Вы будете вместе, когда белые крылья смерти развеют ваши дни.

Вы будете вместе даже в безмолвной памяти Божией. Но пусть близость ваша не будет чрезмерной, и пусть ветры небесные пляшут между вами. Любите друг друга, но не превращайте любовь в оковы:

Пусть лучше она будет волнующимся морем между берегами ваших душ.

Наполняйте чаши друг другу, но не пейте из одной чаши. Давайте друг другу свой хлеб, но не ешьте от одного каравая. Пойте, танцуйте вместе и радуйтесь, но пусть каждый из вас будет одинок, как одиноки струны лютни, хотя они трепещут единой музыкой.

Отдайте ваши сердца, но не во владение друг другу. Ибо лишь рука Жизни может вместить ваши сердца. Стойте вместе, но не слишком близко друг к другу: Ибо колонны храма стоят порознь, И дуб и кипарис растут не в тени друг друга».

Альмустафа уже говорил о любви; теперь надлежит рассмотреть, очевидно, брак — но не тот брак, который знаете вы. Не тот брак, которому подчинился весь мир, потому что он не по любви. Он не коренится в любви; фактически, наоборот — это уловка хитрого общества, священников и политиков для того, чтобы обойти любовь.

Поэтому в прежние дни — а в древних восточных странах даже сегодня — существовали детские браки. Дети не знают ничего о жизни. Они не знают ничего о браке. В их невинности все культуры и цивилизации нашли хорошую возможность эксплуатировать их. Прежде чем любовь появляется в их сердцах, они попадают в крепостную зависимость.

Нынешний брак не только не за любовь, он *против* любви. Он так разрушителен, что невозможно найти ничего более разрушающего человеческий дух, человеческую радость, игривость, чувство юмора.

В детском браке детей, которых собираются поженить, даже не спрашивают. Спрашивают астрологов, спрашивают хиромантов, советуются с Ицзин, заглядывают в карты Таро. Решающий фактор не жизни детей, которых собираются поженить, решающий фактор — это родители обеих сторон. Любовь вообще не принимают во внимание. У них есть свои собственные соображения — семья, престиж семьи, их респектабельность в обществе, деньги, которые собираются передать родители девушки родителям юноши. Странно, что людей, которых собираются поженить, которым предстоит прожить долгую жизнь, исключили полностью. Это бизнес; все другое принято в расчет.

Например, королевские семьи позволяют своим детям состоять в браке только с другими королевскими семьями. Это политика — чистая политика. Просто взгляните на европейские королевские семьи: все они связаны, так или иначе, через брак. Это предотвращает конфликты, это предотвращает вторжение, — и это делает их крепче. Когда четыре или пять королевских семей связаны через своих детей, они в пять раз сильнее. И хоть это абсолютно противоречит

психологии, противоречит находкам медицины, тем не менее, все продолжается так, будто в королевской крови есть еще какое-то особое качество, которого нет в крови человека из народа.

Здесь есть Турья. Ее муж, Вималкирти, тоже был одним из моих самых близких саньясинов. Он был правнуком германского императора; хотя империя и потеряна, но королевское достоинство остается.

Вималкирти был мятежным духом. Он женился по любви — Турья человек из народа. Вся семья была против этого, и не только его собственная семья, но и многие семьи в Европе, королевские семьи, — ведь это против их традиции. И, естественно, поскольку все они связаны, Вималкирти стал почти отверженным.

Если бы империя еще существовала, Вималкирти был бы императором Германии. Его мать — дочь королевы Греции. Она также сестра мужа английской королевы Елизаветы, принца Филиппа. У нее, очевидно, есть другие сестры, другие братья, которые вошли в другие королевские семьи. Все они были против, они упорно старались помешать Вималкирти жениться на Турье. Но он был человеком целостным и разумным; он не понимал суеверий. Если бы взяли несколько образцов крови, то не нашлось бы эксперта, который сумел бы обнаружить среди них королевскую кровь. Кровь есть кровь.

А когда Вималкирти и Турья пришли сюда, это был, в самом деле, скандальный случай — правнук германского императора, из старейшей королевской семьи в Европе, станет саньясином и будет телохранителем нищего, вроде меня, у которого нет ничего своего собственного. Они были настолько взбешены, что когда королева Греции умирала, — а она стала королевской матерью, ведь у нее было столько детей, почти все королевские семьи породнились благодаря ее детям, — ее последними словами было: «Как угодно верните Вималкирти, Турью и их дочь, заберите их от этого опасного человека».

Но Вималкирти умер — из-за этой глупой идеи бракосочетания королевских семей. Так вы действительно вступаете в брак со своими сестрами, со своими братьями — все близко связаны. А чем ближе связь, тем более она опасна; так говорит современная наука, медицина, психология, химия. Браки должны заключаться между как можно более далекими людьми — тогда дети здоровее, умнее, красивее. В противном случае определенные болезни ходят по кругу в двенадцати или пятнадцати семьях.

Когда умер Вималкирти, мы подумали, что это была случайность, потому что он упражнялся, внезапно упал и потерял сознание. Все возможное было сделано, в лучшем госпитале... Здесь есть Зарин, моя саньясинка, — Вималкирти лечился у ее мужа, доктора Моды. Но все доктора пришли к заключению: «Мы бы могли продолжать поддерживать его на искусственном дыхании, но он фактически мертв. Это кровоизлияние в мозг, ничего не удастся сделать». Через четыре дня они настояли, ведь у них есть другие пациенты, и только одна аварийная комната для человека, который в коме: «Вималкирти мертв. В момент, когда вы уберете искусственное дыхание, вы увидите — это труп».

Однако я настоял, чтобы они, по крайней мере, позволили прибыть его матери и отцу, его братьям. Те приехали. Мать и брат пришли, и доктор сказал: «Это уже бессмысленно». И как только искусственное дыхание выключили, это был труп.

Отец опоздал — и это королевская семья, старик, который мог бы быть императором Германии! Его не волновала смерть, близкая смерть сына, будущее невестки и их ребенка — он отправился веселиться со своей подружкой. Он простой начальник почтового отделения, но королевская кровь и в почтмейстере...

Мы оказали Вималкирти наивысшие почести. Ему не посвятили бы столько любви, такого прекрасного празднования, даже если бы он был императором Германии, — и все же его мать, а позже отец рассердились на меня. Весь их гнев против Вималкирти обратился на меня. Они

консультировались с юристами — нельзя ли привлечь меня к суду за смерть их сына. Им пришлось прекратить это, ведь они дали бы мне шанс доказать всему миру, что этот абсурд королевских браков должен быть запрещен.

Они перестали преследовать меня через суд, потому что Вималкирти умер от болезни, которую он унаследовал. Буквально через несколько дней его дядя умер точно так же — внезапная потеря сознания, кровоизлияние в мозг и конец. А позднее я узнал, что их дедушка тоже умер таким же образом. Без причины, не болея — просто из ниоткуда: кровоизлияние в мозг, и человека нет.

Они перестали судиться со мной, увидев ситуацию, которую я смог бы привести в суде: ваш отец не был моим саньясином, дядя Вималкирти не был моим саньясином. Лучше не судитесь со мной, а позаботьтесь о себе, потому что вы умрете таким же образом; это только вопрос времени, болезнь наследственная.

И все королевские семьи Европы унаследовали болезни. Только вдумайтесь: ни один человек из этих королевских семей не проявил никакой изобретательности, никакой одаренности. В чем причина? Они должны быть самыми разумными людьми в мире, однако, они самые отсталые. Это просто научный факт: не должно быть брака между близкими родственниками.

Если вы индеец, не вступайте в брак с индианкой; мусульманка лучше, христианка лучше. Если вы еврей, найдите индианку. И не беспокойтесь, ведь они тоже были близки в далеком прошлом. Теперь вы видите их отдельными, как видите отдельными ветви большого дерева — а небольшие ветки еще больше разнесены. Но как только вы пойдете глубже, вы обнаружите ствол — они все выходят из одного источника.

Мое видение таково: если человек хочет стать суперменом — пусть ищет, нет ли людей на Марсе или на какой-то другой планете. Брак между ними и людьми Земли создаст супермена. Его жизнь будет долгой, его здоровье будет великолепным. Его разум будет высочайшим. Но решают родители, советуясь с идиотами-астрологами; какое дело звездам до вас? Вы живете на такой маленькой планете, что звезды, может, даже и не знают о ней... они так далеко. Некоторые звезды настолько далеки, что они никогда не будут знать, что какие-то планеты, вроде Земли, вообще существовали.

У лучей света огромная скорость — предельная скорость. Когда Земли не было — ведь Земле только четыре миллиарда лет, — четыре миллиарда лет назад начали движение лучи от тысяч звезд — не ради Земли, это их естественное излучение. Но они так далеко... хотя скорость их лучей предельна — нет другой скорости, большей, чем эта; луч проходит сто восемьдесят шесть тысяч миль в секунду. Просто представьте себе одну минуту; вам придется увеличить число в шестьдесят раз. Представьте целый день; вам придется увеличить это число в двадцать четыре и еще в шестьдесят раз. Представьте себе целый год! Вам придется увеличить это число в триста шестьдесят пять раз.

У нас не было подходящего понятия, ведь мили не могут служить мерой: вам придется исписать целую книгу! Тысячи и тысячи нулей, просто чтобы сказать о ближайшей звезде. Ближайшая звезда присылает свои лучи за четыре года, поэтому там, где вы видите ее, помните — ее уже нет. Она находилась там четыре года назад. Поэтому ночью вы видите полную иллюзию — нет звезды там, где вы видите ее. Может быть, тысячу лет назад, миллион лет назад, четыре миллиона лет назад она была там. За это время она могла переместиться на миллионы миль...

А есть звезды еще более далекие, их лучи до сих пор не достигли Земли, и, быть может, ко времени, когда их лучи подойдут, ее здесь не будет вообще.

(Тут электричество погасло, и остановились аудио- и видеозапись. После нескольких

мгновений молчания, Бхагван возобновляет разговор.) Возможно, кто-то пытается следить за нами — это похоже на полицейского комиссара, ведь, по его приказам, нам не дозволено делать перерывы в наших лекциях!

В этой огромной Вселенной Земля так мала, ничтожна. Даже по сравнению с Солнцем она очень маленькая, Солнце в тысячи раз больше, чем Земля, — а наше Солнце само по себе весьма посредственно. Есть солнца в тысячи раз большие, их вы видите как звезды. Они выглядят маленькими из-за того, что они так далеко. Такая небольшая Земля, а мы поделили ее на сотни мелких частей и сделали человека иностранцем для других людей.

Только посмотрите на всю эту глупость: до 1947 года некоторые люди, живущие в Пакистане, не были иностранцами — теперь они иностранцы. Люди, живущие в Бангладеш, не были иностранцами — теперь они иностранцы.

Политики не могут прожить, не создавая конфликты, борьбу, войну. Для этого и нужны все эти деления, и каждая часть пытается удержать своих людей внутри своего загона. Это и есть причина, почему вы не можете вступить в брак с мусульманской женщиной или мужчиной индуистом. Ваше общество возжаждет крови — один мужчина или одна женщина выходит из загона, это одним голосом меньше. Истина не в счет, как и благополучие человека. Все, что учитывается, это власть, — а власть нужна самым худшим людям.

Человек не может есть власть, не может пить власть — зачем столько усилий? Зачем он хочет быть наверху, контролировать все? Он страдает комплексом неполноценности. В глубине ему известно, что он никто, и он боится, что если не покажет себя чем-то особенным, необычным, то перед людьми откроется его ничтожность, его заурядность.

Настоящая личность высшего порядка не имеет жажды власти. Жажда власти возникает от внутренней нищеты; страсть к деньгам — от внутренней нищеты. Родители не заинтересованы в радостной жизни своих детей, они заинтересованы в их богатстве, больших связях, потому что те связи, те контакты полезны в восхождении по лестнице власти.

Поэтому уже тысячи лет брак был одной из отвратительнейших вещей, изобретенных властью имущими людьми.

Альмустафа не ведет речь о браке, известном вам. Он не говорит даже о браке по любви — этом последнем достижении в развитых странах. Детские браки исчезли, и люди вступают в брак, когда влюбляются. Но любви они не знают; тайна любви абсолютно неведома для них. Фактически, они зовут любовью нечто другое. Они называют *страсть* любовью — ваши так называемые браки по любви — не что иное, как слепая страсть.

Любовь не бывает слепой. Из-за того, что существует путаница и не разграничены понятия, люди начали говорить о «слепой любви». Любовь дает вам кристальное зрение, свежие глаза. Страсть без сомнения слепа, ведь она биологична, у нее нет ничего общего с вашей духовностью.

Потом вновь заговорила Альмитра: «Что скажешь ты о браке, Мастер?»

Впервые она обращается к Альмустафе как к *Мастеру*... потому что время разлуки близится. А все, что он сказал о любви, может сказать только Мастер — тот, кто знает, тот, кто знает из своего собственного опыта.

И отвечал он: «Вы родились вместе...» Не поймите неверно это утверждение. Он не говорит, что каждый мужчина рождается одновременно с возможной женой где-то в другом месте. Он говорит нечто совершенно иное. Он говорит: *Вы родились вместе*. Вы рождены вместе в любви, ибо вы стали обновленными, вы стали свежими, вы стали молодыми, вы превратились в песню, вы превратились в танец, которого у вас никогда не было. *И вместе вы пребудете вечно.*

Если вы рождены из любви, если ваша совместность не от страсти, ваша любовь будет углубляться день ото дня. Страсть все уменьшается, ведь биологию не интересуется, остаетесь ли

вы вместе или нет. Она заинтересована в воспроизведении; для этого любви не нужно. Вы можете продолжать производить детей без всякой любви.

Я наблюдал все виды животных. Я жил в лесах, в горах, и меня всегда озадачивало: всякий раз как они занимались любовью, они выглядели очень печальными. Я никогда не встречал животных, занимающихся любовью радостно; будто какая-то неведомая сила принуждает их делать это. Это не их собственный выбор; это не их свобода, а их зависимость. Поэтому они грустны.

То же я видел и у человека. Встречали вы мужа и жену на улице? Вы можете не знать, что они муж и жена, но если оба они грустят — можете быть уверены, это так и есть.

Я путешествовал из Дели в Шринагар. В моем купе с воздушным кондиционером было только два места, и одно было резервировано для меня. Пришла пара, прекрасная женщина и молодой красивый мужчина. Оба они не могли разместиться в этом небольшом купе, так что он оставил женщину и ушел в другое купе. Но он приходил на каждой станции, принося конфеты, фрукты, цветы.

Я наблюдал всю сцену. Просто был свидетелем. Я спросил женщину: «Сколько вы были замужем?»

Она сказала: «Пожалуй, уже лет семь».

Я сказал: «Не лгите мне! Вы можете провести кого-то другого, но вам не удастся провести меня. Вы не замужем за ним».

Она была шокирована. От незнакомца, который не разговаривал, который просто наблюдал... Она сказала: «Как же вы узнали?»

Я сказал: «Здесь все просто. Если бы он был вашим мужем, он бы сразу исчез, и если бы возвратился на станции, где вы собрались сходить, то вам бы здорово повезло!»

Она сказала: «Вы не знаете меня, я не знаю вас. Но то, что вы говорите, верно. Это мой любовник. Он друг моего мужа».

Я сказал: «Тогда все верно».

Что же не так между мужьями и женами даже после брака по любви? Брак — не любовь, но каждый принимает его, как будто знает, что такое любовь. Это чистая страсть. Скоро вы уже сыты по горло друг другом. Биология обманула вас для воспроизводства, и скоро здесь не будет ничего нового — то же лицо, та же география, та же топография. Сколько раз вы все это исследовали? Весь мир печален из-за брака, и все же до сих пор не понимает причины.

Любовь — одно из самых непостижимых явлений. Об этой любви говорит Альмустафа.

Вы родились вместе в тот миг, когда любовь возникла в вас. Это было ваше настоящее рождение.

И вместе вы пребудете вечно, потому что это не страсть. Вам не может быть скучно, потому что это не страсть.

Раз вы произвели детей, биология оставила вас и перед вами открывается странная жизнь с посторонним человеком. Женщина не узнает вас, мужчина не узнает вас. Вам остается только ссориться, придирааться, изводить друг друга. Это не любовь.

Любовь — это цветение медитации.

Медитация приносит много сокровищ, но, пожалуй, любовь — это самая замечательная роза, растущая на кусте медитации.

Вы будете вместе, когда белые крылья смерти развеют ваши дни.

Вы будете вместе даже в безмолвной памяти Божией.

Но пусть близость ваша...

Запомните эти утверждения: *пусть близость ваша не будет чрезмерной*. Будьте вместе, но не пытайтесь доминировать, не пытайтесь владеть и не разрушайте индивидуальность другого. А

это делается повсюду.

Почему должна женщина брать фамилию мужчины? У нее есть собственная фамилия, у нее есть своя индивидуальность. Только представьте: мужчина, берущий фамилию женщины, — нет, мужчина не готов к этому. Но вы разрушили женщину, ведь она хрупка, нежна, покорна.

Почему должна женщина идти в дом мужчины? Почему мужчина должен идти в дом женщины? Время от времени случается так, что мужчина приходит, потому что он женился на женщине с условием, что будет жить в ее доме; из-за отца женщины, у которого нет сына, присматривать за собственностью, имуществом. Но вы замечали? — всякий раз как мужчина идет жить в дом своей жены, его осуждают все. Над ним потешаются, как будто он потерял свое мужское достоинство... но никто не смеется над женщиной.

Фактически, мужчине более пристало идти в дом женщины. Она более слабая. Забирать ее из сада, где она выросла, вырывать ее с корнем, — это начало разрушения. Ей никогда не удастся быть индивидуальностью в доме мужчины. Она станет просто рабыней — разукорененной, разъединенной со всеми. Просто как прислуга. И так с ней обращались всегда и везде в мире.

Мое предложение таково: в момент, когда мужчина и женщина решили жить совместно, у них должен быть свой собственный дом. Никому не следует идти в чей-то дом, ведь всякий, кто идет в чей-то дом, становится невольником. А невольники не бывают радостными. Они лишились своей целостности, своей индивидуальности. Они продали себя.

Но когда вы живете вместе, *пусть близость ваша...* Муж приходит домой поздно; нет нужды, нет необходимости для жены расследовать, где он был, почему он опаздывает. У него есть свое собственное пространство, он свободная индивидуальность. Две свободные индивидуальности живут совместно, и никто не покушается на пространство другого. Если жена приходит позже, нет нужды спрашивать: «Где ты была?» Кто вы такой? У нее есть свое собственное пространство, своя собственная свобода.

Однако это происходит каждый день в каждом доме. Они сражаются из-за незначительных вещей, но глубинная проблема в том, что они не готовы позволить другому иметь свое собственное пространство.

Вкусы различны. Вашему мужу может нравиться что-то, а вам нет. Это не означает, что в этом начало сражения, что если вы муж и жена, то и ваши вкусы должны совпадать. А все эти вопросы... Каждый муж по дороге домой обдумывает: «О чем она будет спрашивать? Как мне ответить?» А женщина знает, о чем ей спросить, что он ответит и что все те ответы фальшивы, вымышлены — он обманывает ее.

Что это за любовь, которая всегда подозрительна, всегда напугана ревностью? Если жена видит вас с какой-то другой женщиной — просто смеющимся, беседующим, — этого довольно, чтобы испортить всю ночь. Вы будете злиться: из-за легкого смеха — это уж слишком. Если муж видит жену с другим мужчиной, и она кажется более радостной, более счастливой, — этого довольно, чтобы поднять скандал.

Люди не догадываются, что, и понятия не имеют о любви. Любовь никогда не подозрительна, любовь никогда не ревнива. Любовь никогда не препятствует свободе другого. Любовь ничего не навязывает другому. Любовь дает свободу, а свобода возможна, только если есть пространство в вашей близости.

В этом красота Халиля Джебрана, потрясающее прозрение. Любовь будет счастлива, увидеть женщину счастливой с кем-то, ведь любовь желает женщине счастья. Любовь желает мужу радости. Если он просто беседует с какой-то женщиной и радуется, жена будет счастлива, нет и речи о ссоре.

Они вместе, чтобы сделать свои жизни счастливее; однако происходит прямо

противоположное. Как будто жены и мужа находятся вместе для того, чтобы сделать друг другу жизнь несчастной, разрушить ее. Причина в том, что они не понимают даже смысла любви.

Но пусть близость ваша не будет чрезмерной... В этом нет противоречия. Чем больше пространства вы дадите друг другу, тем больше вы вместе. Чем больше свободы вы позволите друг другу, тем более вы близки. Не близкие враги, а близкие друзья.

И пусть ветры небесные пляшут между вами.

Это фундаментальный закон существования: чересчур тесная жизнь, без пространства для свободы, разрушает цветок любви. Вы раздавили его, вы не предоставили ему пространства для роста.

Как раз недавно ученые сделали открытие о животных: территориальный императив. Вы, очевидно, видели собак, задирающих ногу на столб, — думаете, бесполезно? Отнюдь, это они чертят границу: «Это моя территория». Запах их мочи будет запрещать другой собаке войти. Если другая собака пройдет совсем рядом с границей, то собака-хозяин не обратит никакого внимания. Но лишь одним шагом больше — и начнется сражение.

Все животные на воле поступают одинаково. Даже лев, если вы не переходите его границу, не будет нападать на вас, — вы джентльмен. Но если вы пересечете его границу, тогда, кем бы вы ни были, он убьет вас.

Нам еще предстоит открыть территориальный императив человеческих существ. Вы, конечно, ощущали его, но он все еще не получил научного обоснования. Местный поезд в городе вроде Бомбея так переполнен — все люди стоят, очень немногие находят сиденья. Но посмотрите на людей, которые стоят: хоть они и очень близко, они стараются всеми силами не касаться друг друга. Как только мир становится переполненным, все больше и больше людей сходят с ума, совершают самоубийства, убийства — по той простой причине, что у них нет никакого пространства для себя.

По крайней мере, любящие должны чувствовать, что жене необходимо свое собственное пространство, так же как и муж нуждается в собственном пространстве.

Одна из моих наиболее любимых книг — Акхари Кавита, «Последняя Поэма» Рабиндраната Тагора. Это не стихи, это новелла — но очень необычная новелла, очень глубокая.

Молодая женщина и мужчина влюбляются, и как только это случилось, тотчас же хотят пожениться. Женщина говорит: «Только при одном условии...» Она очень культурная, очень искушенная, очень богатая. Мужчина сказал: «Любое условие принимаю, я не могу жить без тебя».

Она сказала: «Сначала выслушай условие, потом обдумай его, это необычное условие. Условие таково: мы не будем жить в одном доме. У меня есть обширная земля, прекрасное озеро, окруженное красивыми деревьями, садами и лужайками, — я сделаю дом для тебя на другой стороне, прямо напротив того места, где я живу».

Он сказал: «Тогда какой смысл в браке?»

Она сказала: «Брак — это разрушение друг друга. Я даю тебе твоё пространство, у меня есть свое собственное пространство. Время от времени, катаясь на лодке по озеру, мы можем встречаться — *случайно*. Или иногда я смогу пригласить тебя на чай к себе, или ты пригласишь меня».

Мужчина сказал: «Эта идея просто нелепа».

Женщина сказала: «Тогда забудь совсем о браке. Только эта идея правильна — только так может наша любовь, продолжать расти, потому что мы всегда будем свежими и новыми. Мы никогда не примем друг друга как само собой разумеющееся. Я имею полное право отказаться от твоего приглашения, как и у тебя есть все права отказаться от моего приглашения; наши свободы нерушимы. Между этими двумя свободами растет прекрасное явление — любовь».

Разумеется, мужчина не сумел понять и отбросил идею. Но у Рабиндраната то же понимание, что и у Халиля Джебрана, они и писали почти в одно и то же время.

Если такое возможно — иметь и пространство, и близость обоих, — тогда *ветры небесные пляшут меж вами.*

Любите друг друга, но не превращайте любовь в оковы. Она должна быть свободным даром, отданным или полученным, но не должна быть требованием. Иначе очень скоро вы будете еще вместе, но так же далеки друг от друга, как звезды. Понимание не соединит вас, вы не оставили пространства даже для моста.

Пусть лучше она будет волнующимся морем между берегами ваших душ.

Не делайте ее чем-то неподвижным. Не превращайте ее в рутину.

Пусть лучше она будет волнующимся морем между берегами ваших душ. Если свобода и любовь одновременно смогут быть вашими, вы не нуждаетесь больше ни в чем. Вы получили то, ради чего вам дана жизнь.

Наполняйте чаши друг другу, но не пейте из одной чаши.

Он просто старается заставить вас понять как эти противоречивые вещи — пространство и близость — возможны: *Наполняйте чаши друг другу, но не пейте из одной чаши.* Различие совсем неуловимо, но поистине прекрасно.

Давайте друг другу свой хлеб, но не ешьте от одного каравая.

Пойте, танцуйте вместе и радуйтесь, но пусть каждый из вас будет одинок.

Не притесняйте другого никоим образом.

Как одиноки струны лютни, хотя они трепещут одной музыкой. Струны лютни одиноки, но они трепещут одной музыкой. Разделение, пространство — в индивидуальности струн. А встреча, растворение, слияние — в музыке.

Та музыка есть любовь.

Отдайте ваши сердца, но не во владение друг другу. Отдача велика. Любовь отдает безусловно, но она не отдает своего сердца во владение другого.

Ибо лишь рука Жизни может вместить ваши сердца.

Стойте вместе, но не слишком близко друг к другу... Нужно быть очень, очень бдительным. Стоять рядом, но не разрушая другого, не слишком близко — оставив пространство. *И колонны храма стоят порознь...*

Взгляните на эти колонны. Они стоят порознь, и тем не менее поддерживают одну и ту же кровлю.

И дуб и кипарис растут не в тени друг друга.

Так много пространства необходимо, чтобы другой не был у вас в тени.

Иначе роста не будет.

Почему люди, которые любят, постоянно сердиты, печальны? — потому что не происходит их собственного роста. Один из двоих занял все небо и не оставил даже маленького пространства солнцу, ветру, дождю для другого. Это не любовь, это собственничество, имущество.

Любви хотелось бы, чтобы вы росли с одной скоростью, к одной высоте, чтобы вы вместе танцевали на солнце, ветре, дожде. Ваша близость должна быть искусством. Любовь есть величайшее искусство существования.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

9. ВАШИ ДЕТИ НЕ ДЕТИ ВАМ

12 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

И просила женщина, державшая ребенка на руках: «Скажи — нам о Детях».

И он сказал:

«Ваши дети — не дети вам. Они сыновья и дочери тоски Жизни по самой себе. Они приходят благодаря вам, но не от вас, И хотя они с вами, они не принадлежат вам. Вы можете дать им вашу любовь, но не ваши мысли, Ибо у них есть свои мысли.

Вы можете дать пристанище их телам, но не их душам, Ибо их души обитают в доме завтрашнего дня, где вы не можете побывать даже в мечтах.

Вы можете стараться походить на них, но не стремитесь сделать их похожими на себя.

Ибо жизнь не идет вспять и не задерживается на вчерашнем дне.

Вы — луки, из которых ваши дети, как живые стрелы, посланы вперед.

Стрелок видит цель на пути бесконечности и сгибает вас Своей силой, чтобы стрелы летели быстро и далеко.

Пусть ваш изгиб в руке стрелка станет вам радостью;

Ибо как любит Он летящую стрелу, так любит Он и лук, остающийся на месте».

Почти невозможно найти книгу, сравнимую с «Пророком» Халиля Джебрана, — по той простой причине, что она обладает потрясающей внутренней согласованностью: сначала он говорит о любви, затем он говорит о браке, а потом он говорит о детях. Так же течет река жизни: от любви — к браку, к детям.

И просила женщина, державшая ребенка на руках: «Скажи нам о Детях».

Прежде чем я начну свои размышления о Халиле Джебрane, еще одну деталь нужно отметить: все эти три вопроса исходили от женщин. Мужчины тоже задают вопросы, но они всегда абстрактны: о Боге — что за черт этот парень? — да просто выдумка мужского ума, ничего больше; это не подлинный вопрос — насчет небес, ада и тысяч других вещей, — все это абстрактно. Это не касается вашей жизни никак. Вы сумеете прекрасно прожить и без Бога. Фактически, вы и *живете* прекрасно, есть Бог или нет — вам безразлично.

Я видел теистов, и я видел атеистов. Если вы разговариваете с ними, их идеи диаметрально противоположны, но если вы посмотрите на их жизнь — это одно и то же. Их настоящие проблемы вы сможете увидеть, наблюдая их жизнь: любовь, брак, дети. Но в своих книгах, в своих философиях они говорят о вещах, которые не имеют никакого значения.

Вы видите разницу? Женщина более реалистична, более прагматична, более земная. У нее есть корни. Ее вопросы не просто игры и головоломки из пустых слов. И столетиями женщине не позволяли даже спрашивать. Это из-за того, что умы людей наполнены отбросами всех видов, их жизни пусты. Они не знают ничего о реальных проблемах, которые необходимо проживать каждый миг, от колыбели до могилы.

Один великий философ Индии, современный человек, доктор Ранаде, был самым уважаемым и самым знающим ученым, логиком; он был профессором философии Аллахабадского университета. В те дни философское отделение Аллахабадского университета стало самым известным отделением философии в Индии, а в Индии около тысячи университетов.

Я видел его всего за несколько дней перед тем, как он умер. Он был совсем старым, отошел от дел, но все же люди обычно приходили к нему отовсюду — не только из этой страны, но и со всего мира — задать вопросы, выяснить что-нибудь.

Я сидел с ним. Он сказал мне: «Что у вас за вопросы?»

Я сказал: «Не знаю».

— Тогда зачем вы пришли ко мне?

Я сказал: «Просто посмотреть на вас и на людей, которые непрерывно идут к вам с утра до вечера».

Я наблюдал за ним около шести часов, и все люди, которые приходили, шли с абстрактными вопросами: «Существует ли Бог? Действительно ли есть душа? Есть ли жизнь за смертью?» И он отвечал им.

Через шесть часов я сказал ему: «Вы стары, а я слишком молод; мне не подобает говорить такое, скорее всего мы не увидим друг друга снова; простите меня, если это обидит вас, — вы бесполезно растратили всю вашу жизнь. За эти шесть часов я увидел, как вы растратили ее. Я не услышал ни одного вопроса и ни одного ответа, который *действительно* относится к жизни. Эти люди пришли из далеких мест, а вы прожили долгую жизнь, однако что касается меня... не думайте, что я не почтителен к вам, я потому и говорю это, что уважаю вас. Каким бы кратким ни было оставшееся у вас время, не расточайте его. Хоть на закате своей жизни исследуйте что-нибудь подлинное».

Он был шокирован, потому что никто никогда не говорил ему такого. Но он был искренним человеком. Он сказал: «Я стар, а вы молоды, но правы вы».

Настоящий вопрос не в том, существует ли жизнь после смерти; настоящий вопрос в том, живы ли вы до смерти.

Настоящий вопрос не в том, является ли Бог любовью — справедливой, совершенной, сострадательной. Настоящий вопрос в том, известно ли вам, что такое любовь? Известно ли вам, что такое справедливость? Известно ли вам, что такое сострадание? Действительно ли вы жили и испытали все эти сокровища существования?

Настоящий вопрос не в том, существует душа или нет. Настоящий вопрос таков: входили вы когда-либо в себя, чтобы увидеть — есть ли там какая-нибудь внутренняя реальность, или вы просто сосуд без всякого содержимого?

Халиль Джебран — не абстрактный философ. Люди, которые так сильно заинтересованы в абстрактном, на самом деле убегают от реальных проблем жизни. Это трусы, а не философы. Но эти трусы доминируют в мышлении всего мира.

Все те вопросы задавали женщины. А там была большая толпа людей — были ученые люди, были священники, были философы. Но когда они спрашивали, Альмустафа — представляющий Халиля Джебрана — не отвечал им. Спрашивающий может быть идиотом, и вы вовсе не обязаны отвечать на его глупые вопросы.

Но когда Альмитра вышла из храма, Альмустафа начал отвечать так, как, наверное, еще никто никогда не отвечал.

Если вы спросите великих философов, вроде Мартина Хайдеггера, Жана Поля Сартра или Эммануила Канта, о детях, они рассмеются. Они скажут: «Мы философы, и нас не интересует обыденное. Дети? — и это философский вопрос? Брак? — и это философский вопрос?» Ну-ка, просмотрите содержимое великих философских трактатов мира — вы не обнаружите там ни любви, ни брака, ни детей.

Но я говорю вам: все те великие трактаты — просто бегство от реальностей жизни. Эммануил Кант заинтересован в существовании Бога, но не способен любить никого.

Он не был другом никому — что за пустяковые вещи! Эти люди — великие философы... Но

я повторяю снова: они трусы.

Женщина спросила Эммануила Канта... Она ждала уже долго, ведь это не свойственно женскому сердцу — проявлять инициативу; это выглядит неподобающе. Но жизнь коротка, и нет сил, ждать слишком долго. А юность еще короче, и красота — цветок, который расцветает утром и вянет вечером. В конце концов, женщина — вопреки женской природе, вопреки себе — обратилась к Эммануилу Канту: «Я люблю тебя. Любишь ли меня ты? Просто короткое «да», и я смогу ждать всю жизнь».

Однако Эммануил Кант не мог сказать «да». Он сказал: «Сперва я должен обдумать это». Это заняло у него три года — нужно было проконсультироваться во всех книгах разных народов, стран, разных веков, собрать данные о браке — за и против. И он был сильно озадачен, ибо все они находились в равновесии. Там были причины, благоприятствующие браку, и были причины против брака, и их вес был одинаков.

Его слуга — он жил со слугой всю жизнь — наблюдал за ним все эти три года. Он сказал: «Послушайте меня: я не философ, я бедный человек, ваш слуга, и это совсем не мое дело, но это уже слишком. Я боролся с искушением сказать что-то вам, но сегодня я решил высказать это. Когда вы уходили в университет, я заглядывал в ваши записи — за и против брака. Они равны; выходит, вы не можете принять никакого решения. Всего одну вещь я хочу сказать вам: вы не испытывали любви. А все эти аргументы бессильны, они не могут дать вам никакого переживания. Мой скромный совет таков: если обе стороны уравновешены и решение затруднительно, всегда решайте в пользу «да», потому что это открывает дверь к переживанию. «Нет» будет закрывать дверь к переживанию».

Эммануил Кант был потрясен: такая мысль еще никогда не приходила ему в голову. Он бросился к двери женщины, постучался. Дверь открыл старик. Философ представился: «Я — Эммануил Кант; а вы, наверное, отец женщины? Я пришел сказать — «да»».

Старик произнес: «Слишком поздно. Она уже замужем, и у нее двое детей. Идите, постучитесь в какую-нибудь другую дверь».

Однако Кант был так труслив, что у него так и не набралось смелости обратиться еще к одной женщине. Вся его великая философия... и то же самое происходит со всеми другими философами. Но никто не заглядывал в психологию — почему они заинтересованы в нелепых, бессмысленных вопросах, а не в реальных проблемах жизни? Потому что реальные проблемы нуждаются в отваге.

Мир не знал ни одной женщины, которая была бы великим философом. И как может женщина быть великим философом? Она просит: *Скажи нам о детях...* она хочет узнать о браке, о любви. Женщина обладает несомненной достоверностью просто потому, что весь ее интерес сосредоточен на небольших делах жизни, сокровенных делах жизни, — на делах, с которыми ей приходится сталкиваться каждое мгновение.

Увы, это великая потеря. Мир полон глупых философий, коренящихся в страхе и трусости. Человечество обрело бы неоценимую помощь, если бы к женщине прислушались, если бы ее вопросы уважали и отвечали не просто из головы, но сердцем.

Мужскому вопросу сердце не нужно. Каким образом Бог или жизнь по ту сторону смерти связаны с вашим сердцем? Все это — мысли в голове.

Запомните: «Пророк» Халиля Джебрана, открывает совершенно новое измерение философии, с доверием и уважением к мелочам жизни — потому что жизнь соткана из мелочей, и если вам не под силу разрешить их, забудьте совсем о великих проблемах. Как вы сможете решать их? Вы спрашиваете о них потому, что не хотите и знать о реальных, практических проблемах жизни.

И он сказал... Слушайте очень внимательно, потому что существует совсем немного

утверждений во всей мировой литературе, в которых есть такая красота, такая истина, такая искренность:

Ваши дети — не дети вам.

Ребенок не вещь. Вы не можете владеть ребенком. Говорить: «Это мой ребенок» — значит, отстаивать свое невежество.

Жизнью невозможно завладеть. Она может быть в ваших раскрытых руках, но в тот самый миг, когда ваши руки сжались в кулаки, жизнь вырывается из них. Почти все родители в мире разрушали своих детей, потому что претендовали на право собственности. Владеть ребенком? Вы не в силах создать жизнь, как можете вы владеть ею? Это дар от изобилия сущего, будьте благодарны, что вы избраны в качестве средства.

Ребенок приходит благодаря вам, но это не означает, что он принадлежит вам. Вы — не больше чем проход. Если бы родители запомнили эту небольшую и простую истину, мир был бы совершенно другим. *Они сыновья и дочери тоски Жизни по самой себе.* Это вечная жизнь — текущая через горы, через леса, через равнины. Ребенок, который пришел благодаря вам, приходит благодаря многим другим людям прежде вас. Вечность у него позади, и вечность впереди него. Он побывал во многих жилищах, во многих городах, во многих удивительных местах. Среди тех миллионов средств — и вы одно. Будьте скромны и будьте почтительны к ребенку. До сих пор в мире не было общества, почтительного к детям. Все уважение старшим, все уважение старым, почти умершим. Все уважение кладбищам — и нет уважения колыбелям. А ребенок — это чистейшая жизнь, незамутненная. Альмустафа прав, когда говорит: *Они сыновья и дочери тоски Жизни по самой себе.*

Они приходят благодаря вам, но не от вас... Они пришли от самого начала. *И хотя они с вами, они не принадлежат вам.*

Эти небольшие изречения потрясающе многозначительны, если вы понимаете, что ребенок — это *тоска жизни по самой себе.* Это означает, что ребенок ближе к истинному истоку жизни, чем самый старый человек. Старый человек ближе к смерти... Но удивительно — смерти поклонялись, уважали, а жизнь разрушали, уничтожали всеми возможными способами.

Если вы знаете, что они пришли от вас, но не принадлежат вам, тогда родитель не будет навязывать свою религию, свою политику, свои идеи невинному ребенку. Он приходит как чистый лист — ничто не записано на нем — а родители так торопятся сделать его христианином, сделать его индуистом, сделать его буддистом.

Я вспоминаю свое детство. Мои родители, естественно, хотели, чтобы я был с ними, когда они шли в храм той религии, к которой принадлежали; но я был немножко безумным с самого начала. Я говорил им: «Это ваша религия, это ваш храм. У вас должно быть немного больше терпения. Дайте мне время. Я найду свою религию, свой храм».

Они говорили: «Что за ерунду ты говоришь? Каждый ребенок принадлежит религии, в которой рожден».

Я говорил: «Любой другой ребенок может принадлежать, может не принадлежать — это их дело. Что же касается меня, то я не принадлежу ни к какой религии. Я даже не искал ее. Позвольте и помогите мне стать на свои собственные ноги. Не калечьте меня. Не разрушайте меня. Если истина есть, я найду ее; но она не может быть заимствована — вы не в силах дать ее мне».

Конечно, они не были счастливы. Я никогда не писал вместе с моим именем название религии. Хорошо, что я пошел в школу немного позже, чем другие дети; это случилось из-за того, что у дедушки была только одна дочь — моя мать. Жил он в далекой деревне, где люди не видели железнодорожного поезда, автомобиля, автобуса, — туда не было дороги.

Он просил моего отца: «Я совсем одинок с тех пор, как ты взял мою дочь в жены. Пусть

твой первый ребенок побудет с нами. Все опустело для нас, радость нашей жизни померкла».

А моей матери было только семь лет, когда она вышла замуж. Вот какие вещи бывали в Индии — и до сих пор случаются в деревнях.

Старики сказали: «Наша дочь была нашей радостью, она была нашей песней. Она была нашей жизнью... она так молода. Она, наверное, не в состоянии как следует позаботиться о ребенке. Пусть ребенок растет у нас, а позже, конечно, вы заберете его обратно. У вас будет еще много детей...»

Это было великое благословение для меня, потому что мать моего отца умерла, когда он женился; ему тогда было только десять лет. Когда я родился, ему было двадцать лет, а моей матери семнадцать. И они сами понятия не имели, как растить ребенка. Так что мне здорово повезло. Я рос у дедушки и бабушки, родителей моей матери. Но там не было и школы — мне повезло во всем: там не было храма, там не было священника. Я рос почти как дикий ребенок, и я остался диким ребенком до сих пор.

Мой дедушка по матери умер, когда мне было семь лет. Этого было достаточно, чтобы сформировать собственные идеи, поэтому, когда я вернулся к родителям, мы были чужими. Я никогда не знал мою мать как мою. Я знал мою бабушку.

Первые семь лет — самые важные в жизни, потому что они дают основу. Поэтому когда мой отец привел меня в школу и заполнял анкету, где от него требовалось написать, к какой религии я принадлежу, я остановил его.

Я сказал: «Напиши внизу так: пока что он не принадлежит ни к какой религии. Он будет искать, он постарается найти».

Мой отец сказал: «Но это будет выглядеть очень странно».

Я сказал: «Нет, истина, какой бы странной она ни была, никогда на самом деле не странная. А ложь, какой бы знакомой ни была, никогда не знакома. Она не существует вообще».

И это оказывалось проблемой каждый раз, когда я переходил из одной школы в другую, из колледжа в университет, — повсюду. Считается само собой разумеющимся, что каждый рожден в какой-то религии; но это же абсолютная глупость. Как можно быть рожденным в религии? Вы можете родиться у отца, доктора, — вы же не стали доктором из-за того, что появились на свет у доктора. Ваши отец и мать, оба могут быть докторами — это тоже не имеет значения. Если вы хотите быть доктором, вам предстоит пройти через все образование, экзамены — только тогда вы сможете стать доктором.

Что касается вещей обыкновенных, вы знаете прекрасно: ребенок не рождается доктором, не рождается профессором, не рождается ученым. Как же может он родиться мистиком?

Заполнение анкет всегда создавало проблемы. Секретарь обычно говорил: «Анкета должна быть заполнена вся. Вы пропустили одну графу».

Я говорил: «Я вынужден пропускать ее, поскольку еще не знаю своей религии». И меня отправляли снова и снова к директорам: «Что делать с этим мальчиком? Он говорит, что еще не нашел свою религию, но положение таково, что анкета должна быть совершенно заполненной. Ничто не должно быть пропущено».

Я говорил: «Вы можете отвергать мою анкету, вы можете отказаться принимать меня в ваш институт, но я не могу лгать. У меня нет религии».

Они уговаривали меня. Они ласково уговаривали: «Это же просто анкета. У вашего отца должна быть религия».

Я говорил: «Эта анкета относится ко мне, не к моему отцу. Что касается моего отца, я помещаю его религию вместе с его именем. Но у меня нет никакой религии».

Им приходилось принимать это. Я говорил: «Фактически, вам следовало бы отменить такой тип анкет, где требуется религия».

Даже когда я закончил университет... Министр образования прекрасно знал меня, потому что он был проректором, а я бывал в его университете много раз на конкурсных дискуссиях. Я забирал все их грамоты и кубки, так что он был хорошо знаком со мной.

Существовало положение, по которому вы должны выиграть грамоту в течение трех лет подряд, и тогда она становится вашей. В противном случае вы храните ее один год и возвращаете на следующий, когда снова проводится дискуссия. Но я все время побеждал. Он говорил мне: «Вы необычный человек. Эти грамоты, эти кубки оставались у нас с тех пор, как университет был основан — пятьдесят лет назад, — потому что никому не удавалось побеждать три года подряд. И вот мы обеспокоены: каждый год мы вынуждены приобретать новую грамоту, новый кубок, и мы уже знаем, что если вы появитесь снова...»

Он стал министром образования, поэтому я пошел прямо к нему. Я сказал: «Я сдал свой кандидатский экзамен, я превзошел всех в университете, и теперь я хочу быть назначенным немедленно в любой университет, который вы сочтете подходящим».

Он сказал: «Так не делается. Сначала заполните анкету». И снова та же проблема: «Какова ваша религия?»

Я сказал: «Что общего у религии с моей квалификацией преподавателя? У меня нет никакой религии. А если вы отказываете мне, я собираю свою первую пресс-конференцию».

Он сказал: «Не делайте ничего такого. Просто напишите что угодно, любую религию. Напишите это так, чтобы никому не удалось прочесть этого. Но анкета должна быть заполненной».

Я сказал: «Я не могу этого сделать».

С той поры, как я впервые поступил в школу, эта строка в моих анкетах оставалась пустой. Она до сих пор пуста. Я нашел религиозность, но я не нашел никакой религии. И я безмерно счастлив, что никому не удалось навязать мне свою идею, своего бога, свою концепцию сущего.

Каждый ребенок по праву рождения не должен быть искажен и обусловлен своими родителями, ибо самое основное право каждого — это поиск, исследование, паломничество.

И хотя они с вами, они не принадлежат вам.

Вы можете дать им вашу любовь, но не ваши мысли... А делается как раз противоположное.

Вы помните своих родителей? Были они заинтересованы в том, чтобы отдать вам свою любовь безоговорочно? Или они стремились воспользоваться любовью для заражения вашего ума своей религией, своей политической идеологией, своей национальностью? Как же иначе человечество могло так разделиться? Кто повинен в этом? Зачем должно быть так много наций? Зачем должно быть так много религий?

Человечество одно. Истина одна. Но людям не позволялось искать свое подлинное лицо. Им выдавались маски, и люди всю жизнь верили, что это и есть их подлинное лицо.

Как вы узнаете, что вы христианин? Вы никогда не были с Христом. Вам не предоставлялось выбора, благоприятной возможности выбирать, нравится ли вам любить Христа, Гаутаму Будду, Махавиру, Лао-цзы или Заратустру.

Ваша религия — это ваше рабство. Это ваша тюрьма. Ваше христианство, ваш индуизм, ваш ислам, ваш джайнизм — все это цепи, которые вы не в силах увидеть, поскольку они не сковывают ваше тело, они сковывают саму вашу душу. Любой человек, который воспринял идеологию от других, продал себя. Он раб, несмотря на то, что с каждой кафедры в каждой стране утверждается, что рабство исчезло.

Я говорю, что это не верно. Да, рабство изменило свою форму; оно сделалось более опасным. Если вы надеваете на меня наручники, то все же мой дух свободен; если вы сковываете цепями мои ноги, мой дух свободен. Вы можете уничтожить мое тело; однако мой дух свободен.

Но загрязнять ваш ум индуизмом, буддизмом, исламом, христианством — это сковывать невидимыми цепями сам ваш дух. Это и есть *настоящее* преступление, и все родители мира до сих пор ответственны за него.

Вы можете дать им вашу любовь, но не ваши мысли, Ибо у них есть свои мысли.

Их мысли еще не созрели, они пока в форме зерна. Это все еще только возможности, но получив свободу и любовь, они станут реальными, они будут актуализированы. А когда ваша собственная мысль становится реальностью, это приносит такую радость вашему существу, такое осуществление, такое блаженство, о каком вы не в силах и мечтать. У вас не могло быть никакого представления об этом, постичь это — за пределами способности вашего ума, ибо оно созревает в вашем сердце, оно расцветает в вашем сердце.

Вы можете дать пристанище их телам, но не душам...

С лучшими намерениями все родители убивают своих собственных детей. Вы видите, как по всей земле ходят только мертвые люди, которые лишились своих душ даже прежде, чем получили хоть какое-то представление, что это такое.

Ибо их души обитают в доме завтрашнего дня, где вы не можете побывать даже в мечтах.

Вы принадлежите прошлому; ваши дни окончены. Родители не могут представить себе будущего — но дети не собираются жить в прошлом, так что не обременяйте их вашими мертвыми писаниями. У них будут свои собственные писания, у них будут свои собственные святы. У них будут свои Будды, у них будут свои Христы. Зачем взваливать на них прошлое? Для них открыто будущее.

И если вы любите ваших детей, вы должны убрать свои руки. Помогите им стать крепкими, помогите им быть способными продолжить поиск неведомого, но не давайте им своих идей; они абсолютно бесполезны. Из-за них они упустят свою собственную судьбу — вы отвлекаете их.

Просто понаблюдайте за малыми детьми, и вы увидите ясность их видения.

Я слышал: в небольшой школе христианский священник учил детей, что Бог создал все вещи, целую вселенную за шесть дней, а на седьмой он отдыхал.

Один маленький мальчик встал и сказал: «А как насчет железнодорожных поездов?»

Священник растерялся. Разумеется, ни в Новом Завете, ни в Ветхом Завете нет упоминания, что Бог создал железнодорожные поезда. Еще один маленький мальчик начал тянуть свою руку. Учитель сказал: «У тебя тоже есть вопрос?»

Он сказал: «Нет, я хочу ответить».

Он не мог поверить, что ответ удалось найти не ему, а этому маленькому мальчику... Он сказал: «Ладно, попробуй. Что же ты ответишь? — этот мальчик спрашивает насчет железнодорожных поездов».

Второй мальчик сказал: «Написано, что Бог сотворил всех ползучих тварей — железнодорожные поезда включительно!»

У маленьких детей есть понимание и ясность. По мере того как вы становитесь старше, вы начинаете покрываться пылью. И каждый дает вам совет; совет — это единственная вещь в мире, которую каждый дает и никто не берет; но это развращает зависимые от вас умы маленьких детей.

Альмустафа прав: *...дать пристанище их телам, но не душам. Ибо их души обитают в доме завтрашнего дня.* Вы принадлежите вчерашним дням, они принадлежат завтрашним. Отдавайте так много любви, как можете. Настоящее является пунктом встречи, а также и пунктом отправления. Из настоящего, где вы встречаетесь, вы уйдете. С каждым днем разрыв между вами и вашими детьми будет становиться все больше и больше.

Рассказывают о разрыве поколений. Это одна из самых замечательных вещей, происшедших

в этом столетии, — разрыв поколений. Приложите все усилия, чтобы расширить его, сделайте его почти несоединимым. В противном случае вам придется нести трупы всю вашу жизнь.

Гаутама Будда умер двадцать пять столетий тому назад. Иисус умер две тысячи лет тому назад. Человек в своем уме? Зачем продолжать нести мертвые тела?

Вы же на двадцать пять столетий впереди. Эволюция не остановилась с Гаутамой Буддой; Гаутама Будда — это двадцать пять столетий тому назад. Но из-за того, что вы обременены этим прахом, вы не в состоянии создать своих собственных будд.

Если вы абсолютно свободны от прошлого, вы обнаружите более высокие пики сознания — выше, чем любой Христос, выше, чем любой Будда. Мы не опускаемся книзу. Наше сознание простирается к звездам, но как же трудно понять такую очевидную истину.

Прошлое является величайшим барьером в вашей жизни.

Полицейский комиссар... запомните, я могу простить его, но не могу забыть. Я буду продолжать стучать по его голове — даже в могиле мой молоток будет бить его.

Он требовал от управляющего ашрамом, чтобы я не критиковал никакую религию. Что это означает? Это означает, что я не должен критиковать прошлое, — но прошлое было так безобразно, что оно нуждается во всей возможной критике, чтобы его можно было стереть с ваших умов, чтобы ваши умы могли стать доступными для будущего.

Вы чреваты многими Буддами и многими Христами. Зачем вам возвращаться? Только из-за того, что вы уже обременены, я вынужден осуждать их и я вынужден критиковать их — так же, как я принимаю свободу каждого критиковать меня. Но я никогда не думал, что мне придется обратиться к такому бессильному человечеству. Это не что иное, как бессилие, которое требует: «Не критиковать никакую религию».

Мусульмане женятся на четырех женах. Если вы критикуете это, вы критикуете их религию, потому что в их священной книге, Коране, Мохаммед позволяет им жениться на четырех или больше женщинах. Женщина для вас — только объект сексуальной страсти; и вы хотите, чтобы я не критиковал этого? Я не критиковал бы этого, я не говорил бы об этом, если бы Мохаммед давал такое же право и женщинам тоже, так чтобы каждая женщина могла выйти замуж за четырех мужей. Это было бы справедливо. Но сейчас мужчина — самец-шовинист. И в этом одна из причин появления сексуальных извращений в мире, ведь природа создает равное число мужчин и женщин... К счастью, природа не знает ничего об исламе и святом Коране.

Почему я говорю «к счастью»? Потому что и одной женщины довольно, чтобы прикончить вас! Четыре женщины для каждого мужчины... тогда вы увидите в каждом доме одного Иисуса Христа, распятого на кресте.

Я слышал, что вора поймали на месте преступления, на воровстве в доме. Судья спросил: «В котором часу вы вошли в дом?»

Он сказал: «Около десяти вечера».

Судья сказал: «Но чем же вы занимались целую ночь? Ведь вас схватили рано утром, в шесть часов».

Он сказал: «Это долгая и грустная история. Я только хочу, чтоб вы помнили: любое наказание, какое угодно, можете назначить мне — даже распятие приемлемо — только не наказывайте меня женитьбой на двух женщинах».

Судья сказал: «Вы, похоже, странная личность. Целую ночь вы находились в доме. Вы не украли ничего, однако вас обнаружили в доме, а теперь вы просите, чтобы я не наказывал вас, заставив жениться на двух женщинах? Такого наказания не существует, не волнуйтесь об этом. Но что же это за история?»

Тот сказал: «Вот эта несчастная история... Я вошел в дом; у этого мужчины две жены. Одна жена живет на первом этаже, а вторая жена живет на втором этаже. И каждая тащила мужчину к

себе на этаж по ступеням; одна женщина пыталась втолкнуть мужчину наверх, а другая женщина пыталась стащить его назад, вниз. Это было так интересно, что я совершенно забыл о собственном деле, ради которого пришел сюда. Во всяком случае, воровать было невозможно, потому что мужчина вопил, а женщины визжали... пожалуйста — только не это наказание!»

Природа создает равное число мужчин и женщин.

Мусульманское представление противно природе, и никто не может помешать мне осуждать его, критиковать его. Да, каждый имеет право ответить на мою критику. Эти люди бессильны — ведь они не в состоянии ответить, они хотят помешать кому-то своими винтовками!

Сам Мохаммед был женат на девяти женщинах. За кого вы принимаете женщин? Они *вещи*? Товар? Скот? И если бы это было только тем, что произошло четырнадцатью столетиями раньше, историей — не нужно было бы беспокоиться об этом. Уже в нашем веке Низам из Хайдерабада имел пятьсот жен — и вы хотите, чтобы я не критиковал это? Но бедному Низаму не сравниться с индуистским богом Кришной — у того было шестнадцать тысяч жен!

И по крайней мере, в защиту Низама и Мохаммеда можно сказать, что они брали в жены женщин с согласия их родителей. Кришна, которого индуисты считают богом, просто забирал себе любую женщину, которая была красивой. Эти женщины — почти все — были замужем за другими мужчинами. У них были свои дети, у них были свои мужья, они заботились о своих жилищах, о собственных семьях.

Это преступное поведение — просто благодаря тому, что он имел власть, войска, его солдаты могли войти, в чей угодно дом и вытащить женщину, которую он хотел. Таким путем он собрал шестнадцать тысяч женщин — великий коллекционер женщин.

Но как же насчет тех шестнадцати тысяч семей? Их детей, их мужей, старого свекра и старой свекрови?

И мне не критиковать никакую религию!

Если у вас есть хоть какой-то ответ, я готов уделить ему все мое внимание. И если вы сумеете убедить меня, что такой тип поведения религиозен, морален, достоин человека, которого вы считаете богом, я приму его. Но сначала докажите это. Из-за того что вам не удастся доказать этого, чтобы скрыть свое бессилие, вы предупреждаете меня, заявляя, что я не должен критиковать никакую религию.

Все прошлое человечества — это и мое прошлое тоже, *мое* наследие; я имею полное право критиковать свое прошлое, свое наследие.

Везде, где я вижу нечто безобразное, бесчеловечное, варварское, я *обязан* критиковать как можно резче. А те, кто не хочет, чтобы их религии критиковали, должны оставить эти религии, они не стоят того.

Я никогда в своей жизни не говорил, что все сказанное мною не должно критиковаться. На самом деле я приглашал людей — критикуйте меня; ибо я знал: в том, что я говорю, есть истина. А если я не имею права критиковать прошлое — безобразное прошлое, гнилое прошлое, — то как же мы будем создавать лучшее будущее?

Вы слышали поговорку, что история повторяется. Она повторяется из-за людей вроде этого полицейского комиссара. Если прошлое критиковать, оно не повторится снова, но если вы способны продолжать заниматься чем угодно во имя религии...

Например, сикхам разрешено носить меч, поскольку это их религиозный предмет. Странно — если сикхам позволено иметь опасное оружие, которое может уничтожить любую жизнь, тогда где же гарантия и защита для других людей? Либо каждому следует позволить, либо никому не следует позволять. Двойная мораль просто показывает, что это политическая игра, следствие вашей боязни. Британцы боялись; в течение трехсот лет они позволяли сикхам носить

мечи.

Но тогда мы можем создать свои собственные религиозные идеи — никто не имеет права критиковать их. Я могу ввести правило: каждый саньясин должен иметь автомат. Это наше религиозное право. Что здесь не так? Полицейский комиссар приказал нам, чтобы не было огнестрельного оружия внутри ашрама. Пусть бы он посмотрел на себя в зеркало. Тогда почему сикхам позволено? И я не говорю, что сикхам *не должно* быть позволено, я только говорю, что должна быть единая норма для всех человеческих существ.

Эта двойная мораль безобразна, безнравственна, развращающа. Он потребовал, чтобы полицейским офицерам разрешалось присутствовать на лекциях. Может ли он потребовать того же от мусульман, чтобы полицейским офицерам позволялось присутствовать на их молитвах, на проповедях, в мечетях? А если не может, то он не имеет права делать этого и с нами.

Он требует, чтобы внутри ашрама или снаружи ашрама не было «непристойного поведения» саньясинов. Все писания индуизма непристойны, и всякого, кто имеет хоть какое-то мужество, я приглашаю: я покажу ему, что написано в его писаниях. В священной Библии пятьсот страниц абсолютной непристойности. И тем не менее это «священная Библия». Вам не найти более отвратительной книги в целом мире.

Один из моих друзей собрал все пятьсот страниц и опубликовал книгу. Нет правительства, которое позволит этой книге попасть в свою страну, она будет запрещена. Но удивительно — те пятьсот страниц слово в слово из Библии. Если вы запрещаете все, Библия должна быть запрещена. Но удивительно... двойная мораль повсюду.

Родители не должны передавать детям свои мысли, потому что их мысли уже устарели. У детей будут собственные мысли. Даже деревья знают лучше. Каждый листопад старые листья сбрасываются и исчезают в земле, давая место новым листьям — зеленее, моложе, свежее. Если бы они продолжали цепляться за свои старые листья, не было бы ни пространства, ни возможности появиться новым листьям.

Вас когда-нибудь удивляло, отчего в современном мире люди, подобные Будде, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Басе, Кабиру, Иисусу, Заратустре, — не рождаются? Что произошло? Человечество обессилело? Нет — человечество более могущественно, имеет больше энергии, чем когда-либо. Но прошлое становится все больше и больше. Естественно, ежедневно еще один день присоединяется ко вчерашним дням. И вот уже прошлое стало почти как Гималаи на хрупкой груди человеческих существ. В этом состоит причина, почему у вас нет таких прекрасных существ. А если время от времени человек появляется, он выглядит таким чужим, таким посторонним, что вы не в силах выносить его. Вы забыли вкус мира, наполненного тысячами просветленных людей. Никто не был раздражен, люди были полны благодарности.

Но сегодня ситуация совершенно иная. Все отягощающе ум мешает вам увидеть новое. И новое должно повелеть прошлому, мертвому убираться. Я заглядывал в священные писания всех религий — они все непристойны. Тем не менее, правительство не смеет запрещать их. И они требуют, чтобы мои люди не вели себя непристойно.

Сначала позаботьтесь о своем собственном жилище. Сперва очистите свой ум, а если вы не можете сделать этого — я здесь, мои люди здесь. Приходите сюда, мы делаем сухую промывку мозгов! Только одна вещь необходима — вам следует принести свои мозги с собой, потому что я слышал...

Политик был на хирургическом столе — фактически, каждый политик должен быть там, но этот стал психом. Даже другие психи начали говорить ему: «Ты перешел границу!» Так что, в конце концов, он пришел в мозговую хирургию. Они заглянули в его мозг и сказали: «Боже мой! Это, похоже, мозг политика — все неправильно».

Поэтому они вынули весь мозг, чтобы прочистить его. Они ушли в другую комнату, потому

что чистка потребовала около шести часов. Когда они чистили его мозг в другой комнате, убежали два человека и встряхнули политика, лежащего одиноко в операционной. Он открыл глаза.

Они сказали: «Что вы здесь делаете? Вас выбрали премьер-министром страны!»

Он вскочил и умчался со своими друзьями, а когда доктора прочистили мозг и возвратились, человек пропал. Они никогда не делали такой тяжелой работы. Они воскликнули: «Господи, куда он подевался — без мозга!»

Они разыскивали, расспрашивали... кто-то сказал: «Мы видели его с двумя сопровождающими, они шли к дому премьер-министра».

Хирурги отправились туда и нашли его. Он стал премьер-министром страны. Хирурги сказали: «Вы забыли свой мозг у нас в хирургии!»

Он сказал: «Не беспокойтесь, просто храните его в сейфе. Пока я премьер-министр, мозги не нужны».

Не передавайте ваше гнилое прошлое по наследству своим детям. У них есть свое будущее. Позвольте им, расти в соответствии с их собственным потенциалом. *Вы можете стараться походить на них...* Здесь Халиль Джебран просто превосходит сам себя: *Вы можете стараться походить на них, но не стремитесь сделать их похожими на себя.*

А что говорит Библия? «Бог создал человека по своему собственному подобию». С тех пор каждый отец старается сделать родного ребенка своим собственным подобием. Альмустафа говорит совсем противоположное:

Вы можете стараться походить на них, ведь они из будущего, и они невинны. Они ближе к сущему, чем вы. Для вас ничего уже не случится, кроме смерти, но с ними произойдут миллионы вещей: любовь придет, медитация придет, благодарность придет. Пожалуйста, сопротивляйтесь искушению сделать вашего ребенка вашей копией. Это возможно, сделать из ребенка свою копию, но вам придется убить его. Это и есть то, что говорю я: все родители убивают своих детей, просто чтобы сделать из них копию. А у детей есть возможность обрести свое подлинное лицо. В подлинном лице — красота, в подлинном лице нечто божественное. У подлинного лица есть харизма — у копии нет ничего.

Ибо жизнь не идет вспять и не задерживается на вчерашнем дне.

Вы — луки, из которых ваши дети, как живые стрелы, посланы вперед, по направлению к неведомому и непостижимому. Не мешайте им. Дайте им силу, дайте им любовь, чтобы они могли достичь самых дальних звезд.

Вы — луки, из которых ваши дети, как живые стрелы, посланы вперед.

Стрелок видит цель на пути бесконечности и сгибает вас Своей силой, чтобы его стрелы летели быстро и далеко.

Сущее хочет согнуть вас, подобно луку, перед вашими собственными детьми, потому что они должны идти далеко, а вы должны дать им силу.

Пусть ваш изгиб в руке стрелка несет радость.

Радуйтесь, когда ваш ребенок начинает удаляться от вас, когда он становится самостоятельным. Будьте счастливы, что он не послушный идиот. Кроме идиотов, никто не бывает послушным.

Разум — это восстание. Будьте счастливы и благословляйте ребенка, которому вы дали рождение к мятежному духу. Это должно быть вашей гордостью, а стало человеческой тревогой.

Пусть ваш изгиб в руке стрелка станет радостью;

Ибо как любит Он летящую стрелу, так любит Он и лук, остающийся на месте.

Сущее любит вас обоих.

Вы тоже дети того же сущего.

Просто ваше время окончено; дайте место новым стрелам и благословите их.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

10. КОГДА ВЫ ДАЕТЕ ОТ САМИХ СЕБЯ

13 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Тогда попросил богатый человек: «Скажи нам о Даянии».

И он ответил: «Вы даете лишь малую толику, когда даете от своего достояния. Вы истинно даете, лишь когда даете от самих себя. Ибо, что есть ваше достояние как не вещи, которые вы храните и стережете из страха, что они могут понадобиться вам завтра?»

А завтра? Что принесет завтра самой сметливой собаке, которая зарывает кость в песок пустыни, идя вслед за паломниками в святой город?

Что есть страх перед нуждой, как не сама нужда?

Разве боязнь жажды, когда ваш колодец полон, не есть неутолимая жажда?

Есть такие, которые дают мало от многого, чем владеют, — они дают с тем, чтобы прославиться, и это тайное желание делает их дары отвратительными.

И есть такие, которые дают все то малое, что есть у них.

Они верят в жизнь и в щедрость жизни, и их казна никогда не скудеет.

Есть такие, которые дают с радостью, и эта радость — награда им.

Есть такие, которые дают с болью, и эта боль — их крещение.

И есть такие, которые дают и не знают при этом боли, они не ищут радости и не дают в надежде, что им зачтется;

Они дают так же, как мирт, вон там в долине, струит свое благоухание в пространство.

Руками подобных им говорит Бог, и их глазами Он улыбается земле.

Хорошо давать, когда просят, но лучше давать без просьбы, предугадывая.

Для щедрого искать того, кто получит, — радость большая, чем само даяние. Есть ли такое добро, которого вы могли бы не дать?

Все, чем вы владеете, будет однажды отдано;

Поэтому давайте сейчас, чтобы время даяния было вашим, а не временем ваших наследников».

Альмустафа вступает в мир человека, в частности человека, который богат. Прежде чем я скажу кое-что о его изумительных изречениях, совершенно необходимо сделать несколько замечаний.

Жизнь до сих пор была испорчена амбицией. Нет другой отравы, более сильной, чем амбиция, потому что она убивает вас, оставляя, однако, вам дыхание. Амбиция превращает вас в растение; и соблазн амбиции достается каждому ребенку с молоком матери. С самого первого мгновения вся его жизнь основывается на принципах разрушения. Ничто не разрушает больше, чем честолюбие.

Всем вам твердили — родители, учителя, священники, соседи, все эти так называемые доброжелатели, — что вы обязаны стать кем-то особенным, значительным, могущественным. И деньги дают большую власть, чем что-либо еще, ведь даже политики — это товар на рынке: вы можете купить их.

Фактически, каждый политик продан в руки супербогача. Но супербогач — несчастнейшая личность на земле. Он преуспел в важности, в могуществе, однако утратил свою душу. Внутри только пустота и темнота.

Почему так случается? Каков механизм происхождения этого?

Честолюбие — это лестница, и вы всегда видите кого-то впереди себя. Это соперничество. Весь ваш ум непрерывно обдумывает пути и средства, праведные и неправедные, чтобы достичь большей высоты, чем другие. И если вы достаточно ловки, вы можете преуспеть, однако в мире честолюбия успех является окончательным крахом. Но человек становится бдительным и осознает крах, только когда достигает последней ступени лестницы. Он растратил впустую всю свою жизнь, силясь стать выше других, святее других, богаче других. И вот его желание осуществилось.

Прокляты те люди, которые достигли финального этапа своего честолюбия. Успех этот снился и грезился им днем и ночью — и это нелегко, ведь каждый другой тоже старается ради того же успеха. Но к моменту достижения последней ступени лестницы вы в великом замешательстве и шоке: дальше идти некуда, а все, чему вы научились в жизни, — только состязание, борьба.

Это состязание необычное, оно не на жизнь, а на смерть; не имеет значения, сколько людей вы уничтожите. Ваши глаза фиксированы на далекой конечной цели.

Вы слышали поговорку — ее, очевидно, придумали идиоты: «Успех ведет к успеху». Это не поговорка человека, который действительно преуспел. Поэтому я говорю вам: успех ведет к краху. Вы достигли цели, но вся ваша жизнь ускользнула. Не было времени ни для чего — ни дышать, ни улыбаться, ни любить. Какой жизнью вы жили? Подобно роботу — механической; и теперь, когда вы достигли желанной цели, все ваше существо стало громадной руиной, в нем не осталось ничего.

Только очень немногим достало смелости заявить, что такова стратегия общества — упрятать людей от жизни. Все общество против жизни, против любви, против песен, против танцев. Деревья гораздо счастливее, цветы более радостны. Восприимчивые могут слышать поучения даже от камней... Но это не люди какой-то цели, ибо цель — это всегда завтра, а тем временем вы несчастны. Кто знает, достигнете вы цели или нет? Вы поставили на карту всю свою жизнь ради успеха, но даже если у вас все богатство мира, вам не съесть его. Оно не может служить питанием вашей жизни и вашему духу. Напротив, оно сделало вас богатым нищим, окруженным богачами, однако в самом центре вашего существа — чаша для подаяний.

Я вспомнил небольшую историю, очень древнюю. Один великий король вышел из дворца, чтобы немного прогуляться по своему замечательному огромному саду. Во время прогулки он повстречал нищего с чашей для подаяний. Нищий произнес: «Как хорошо, что мне повстречалось повстречать тебя. Я месяцами ожидал приема, но кто станет назначать прием нищему?»

Король спросил: «Чего же ты хочешь?»

Тот сказал: «Мое желание невелико. Вот небольшая чаша для подаяний — наполни ее всем, что ты полагаешь достойным тебя, великого короля. Не думай о моем достоинстве, я никчемный нищий. Подумай о себе — наполни ее тем, что ты полагаешь достойным тебя».

Король никогда еще не встречал такого нищего, — который просит не от голода, не от жажды, не потому что ему не на что жить. Напротив, он говорит: «Думай о себе. Твой дар должен иметь знак великого короля... чем бы он ни был».

Это был великий вызов, и король призвал своего премьер-министра. Прежде чем он заговорил с премьер-министром, нищий сказал: «Но помни одно условие: чаша должна быть наполнена до краев».

Король сказал: «Не волнуйся. У меня столько всего, такая обширная империя, а твоя чаша для подаяний так мала. Неужели тебя беспокоит, что я не сумею заполнить ее чем-нибудь доверху?» И просто чтобы показать это нищему, он велел премьер-министру: «Наполни его чашу».

драгоценными камнями — пусть запомнит на всю свою жизнь, что он встречался с императором».

Проблемы не было, так как королевский дворец был полон бриллиантов и драгоценных камней всех сортов. Но тотчас же *появилась* проблема: премьер-министр наполнял чашу для подаяний, но как только что-то попадало в чашу, оно исчезало. Заполнить ее, видимо, было невозможно.

Но и король был непреклонен — эгоист, завоеватель многих земель. Он сказал: «Даже если потребуется вся моя империя, — я дал свое слово, и оно должно быть исполнено».

Мало-помалу все драгоценные камни исчезли. Затем золото, затем серебро... все продолжало исчезать. К вечеру король сам оказался нищим, а чаша была так же пуста, как и утром. Нищий сказал: «Я изумлен. Такой великий император — и не в состоянии наполнить жалкую нищенскую чашу?»

Люди наблюдали за этим весь день, молва пошла по стране. Собралась вся столица. Люди пришли из дальних мест, чтобы увидеть. Король опустился к ногам нищего и попросил: «Я оказался не в состоянии исполнить свое обещание, прости меня. Но я буду считать, что ты простил меня, только если ты откроешь мне секрет своей чаши для подаяний, где исчезла целая империя. Все мое богатство — куда оно пропало? Это волшебная чаша? Ты что, волшебник?»

Бедный нищий рассмеялся. Он сказал: «Нет, я не волшебник. По случаю — ведь у меня не было никаких денег, даже на чашу для подаяний, — я нашел этот череп умершего человека. Я отполировал его и разрезал по форме чаши для подаяний. Секрет в том, что человеческий череп так невелик... но даже величайшей империей не заполнить его. Он будет продолжать требовать большего. Я не волшебник, волшебство в человеческой голове. И из-за этой чаши я целыми днями голодал. Все исчезает, а желание остается неизменным».

Когда человек достигает высшей ступени лестницы, вся его жизнь уже прошла; что же он находит там? Ничего — но нужна смелость, чтобы сказать это другим, кто позади него прилагает все силы, чтобы достичь вершины.

Гаутама Будда отрекся от своего королевства не без причины. Махавира отрекся от своего королевства не без причины. Двадцать четыре тиртханкары, великие мастера джайнов, — все отреклись от королевств. Они не могли все быть сумасшедшими. Но они увидели действительность: их отцы добились успеха, но только в глазах других. Другие не могли заглянуть к ним внутрь — а внутри отцы все еще были нищими, более нищими, чем когда начинали это путешествие честолюбия. Приходит момент, когда вы начинаете чувствовать, что вся ваша система образования, ваши благонамеренные родители, — все крепко спит.

И невозможно вернуться; невозможно вернуть свою юность. Невозможно цветам любви расти в вас — вы стали сухими, твердыми и мертвыми, потому что конкуренция жестока, и, достигая успеха, вы становитесь жесткими. Эта жесткость разрушает все ваши прекрасные ценности — любовь, радость, экстаз. Вы никогда не думаете о медитации. Деньги — ваша единственная медитация.

Первый вопрос — от богатого человека: *Тогда попросил богатый человек: «Скажи нам о Даянии».*

Он просит: «Я прилагал все усилия и разрушил себя в достижении большего и большего, и вот я вижу, что моя жизнь с самого начала на ложном пути. Пожалуйста, *Скажи нам о Даянии.*

Я не хочу получать ничего больше. Вся эта глупая идея получать и получать все больше и больше была губительной. Возможно, через даяние я снова почувствую немного больше жизни. Быть может, ветерок любви войдет в мою темную душу, быть может, луч света. Получать и получать я пробовал — научи меня даянию; может быть, это правильный путь».

Люди на Востоке, отказавшиеся от всего мира, унаследовали мудрость столетий: если вы

хотите танца в своем сердце и мира в своей душе, если вы хотите стать более сознательным и пробужденным, отдайте все. Это не *против* мира, как продолжают учить людей так называемые религиозные учителя всех религий. Они не понимают основы психологии этого. Они увидели великих мастеров, отвергающих все, всю свою собственность, и они сделали логический вывод, что секрет заключается в отказе. Поэтому столетиями они учили выступать против богатства, против жизни, против мира. Окончательный результат можно видеть на Востоке. Восток становится все беднее и беднее — ведь если вы будете отказываться, тогда что за смысл сначала собирать? Восток становится нищим.

Но я говорю вам: если вы не имеете, как можете вы отказаться? Итак, Махавира был безмерно счастлив, Гаутама Будда пребывал в постоянном экстазе, — но не думайте, что нищий, которому вроде бы не от чего отказываться... Может, он и выглядит как религиозная личность, но глубоко под спудом желанья большего — удовольствия, быть особенным — продолжают таиться в темноте. Гаутама Будда и люди его типа не ошибались. Но видя их ликование, их спокойствие, их безмятежность, абсолютно неправильный вывод сделали ученые, священники. Они продолжают учить антижизненным ценностям.

Это простая арифметика: вы можете отказаться, только если обладаете чем-то. Если же у вас нет этого... по-видимому, обе личности выглядят одинаково — один отказался, другой не имеет этого — оба в одной и той же ситуации, но не в одной и той же психологии, не в одном и том же духовном пространстве. Поэтому меня неверно понимали во всем мире, когда я учил людей: сначала *имейте*; потом, если вы разумны, вы непременно откажетесь от этого.

Религия не для бедного. Бедный может претендовать на религиозность, однако внутри все те желанья большего будут расти. Он говорит, что отказывается, но не знает ничего об отказе. Отказ — это *второй* шаг.

Радоваться — это первый шаг. Религия случается только с теми, которые пришли к точке, где они могут увидеть абсурдность своих желаний, увидеть, что они ведут в никуда. Это должно стать вашим собственным переживанием. В самом этом переживании психология собственничества исчезает; тогда есть красота.

Двадцать пять столетий минуло, а Восток не был способен создать еще одного Будду. Почему? Потрясающе ошибочная логика. Богатый человек, и *только* богатый человек, может просить: «Научи нас давать». Бедный может просить только: «Научи нас получать». Другими словами, пока вы просите больше и больше — вы бедны.

В тот день, когда пробуждение случается с вами, и вы осознаете, что эта безумная идея — получать больше и больше — не ведет вас никуда, и ваша жизнь ускользает из ваших рук, тогда только вопрос обретает подлинность:

Скажи нам о Даянии.

И он ответил: Вы даете лишь малую толику, когда даете от своего достояния.

Слова Халиля Джебрана должны быть написаны чистым золотом. Если вы будете давать от своего достояния, в вашей жизни не будет революции. Подумайте об отказе от самого своего желанья *собственничества*. Собственность — это не проблема: вы можете жить во дворце, дворец не может помешать вам. Дворец даже не осознает вас. Проблема в том, что: «*Это мой дворец!*» Нужно отказаться от такого собственничества; отказываетесь вы от дворца или нет, к делу не относится. *Вы даете лишь малую толику, когда даете от своего достояния. Вы истинно даете, лишь когда даете от самих себя.*

Амбиция — это путь эго. Она делает вас все более и более *самостными*.

Случилось так. Первый премьер-министр Индии Пандит Джавахарлал Неру отправился на запад на государственную встречу. Его заместителем по кабинету был Мевляна Абул Калам Азад. Он получил место заместителя не за какое-то особое качество, а потому что в его руках

была политическая власть. Мусульмане разделились на две части: большинство были приверженцы Мухаммадали Джиннах и требовали отделения земли Пакистана. Мевляна Азад оставался с Национальным Конгрессом, а из-за его религиозной учености (*меvляна* — высшая ученая степень у мусульман) значительное число мусульман не были приверженцами Мухаммадали Джиннаха.

Дословно *yourself* — вашими *собственными*

Мевляна Азад был великим оратором, но он знал только урду, арабский. И таково удивительное безумие человеческих существ — то, что вы понять не можете, вы причисляете к самому высокому рангу. Все священники мира постарались, чтобы было так. Рабби будет говорить на иврите — и евреи под впечатлением, хотя и не понимают ничего. В переводе получается чушь. Я всегда чувствовал, что слово «*rubbish*» (чушь), очевидно, происходит от «рабби»; я не нахожу другого объяснения. Индусский пандит будет говорить на санскрите, но ни вам, ни, возможно, ему не известно значение того, что он повторяет: в переводе это выглядит весьма глупо.

Все религиозные учителя были против переводов своих священных писаний, потому что как только их переводят на языки, понятные людям, власть священников тает. Если вы слушаете индуистского священника, декламирующего Веда, вы будете под впечатлением; но, заглянув в переводы, вы почувствуете, что пробудились ото сна. От силы два процента предложений во всех четырех Ведах важны, девяносто восемь процентов — просто чепуха. И та же ситуация с буддизмом, джайнизмом и другими религиями.

Мевляна был высоко почитаем, и благодаря нему Индия до сих пор — величайшая мусульманская страна в мире, даже после отделения Пакистана. Нет другой страны с таким большим количеством мусульман, как в Индии. Конечно, его власть над мусульманами была велика. Но сам он был таким же глупым, каким *надлежит* быть каждому священнику.

Его поставили вторым, и он был очень сильно раздосадован; он хотел быть премьер-министром Индии. Было трудно убедить его: «Какой это будет иметь вид: страну поделили на две части из-за того, что индуисты и мусульмане не хотят жить вместе, и после этого обе стороны назначают мусульман премьер-министрами? Индуисты никогда не потерпят этого. Вы получили большую часть страны во имя религии, теперь оставьте Индустан большинству — индуистам».

Он с неохотой согласился быть номером два, так как знал, что в Пакистане ему не удалось бы даже это. Здесь, по крайней мере, он номер два. Но желание быть премьер-министром страны было таким, что когда Джавахарлал выехал, он тотчас приказал шоферу Джавахарлала: «Сейчас, пока Джавахарлал вне страны, я премьер-министр. Я номер два в кабинете — исполняющий обязанности премьер-министра». Так что автомобиль премьер-министра с личной охраной премьер-министра, с флагом премьер-министра на автомобиле, другой автомобиль впереди, еще несколько автомобилей позади... целое шоу премьер-министра — и целый день он развлекался этим.

Другие министры кабинета подсказывали ему: «Нет такой вещи, как исполняющий обязанности премьер-министра, ведь премьер-министр не является формальным главой правительства. Если выезжает президент, тогда вице-президент становится исполняющим обязанности президента на это время, но премьер-министр остается премьер-министром, где бы он ни находился. В конституции страны нет положения об исполняющем обязанности премьер-министра. Так что это глупо, не делайте этого».

Но он не стал прислушиваться. Джавахарлала проинформировали в Лондоне, и он немедленно позвонил по телефону Мевляне: «Не делайте такую глупость, весь мир будет смеяться. Такого не бывало. Если вы исполняющий обязанности премьер-министра, тогда чем

же я занимаюсь здесь на конференции премьер-министров? И есть президент, который является номинальным главой страны. Возвращайтесь в свое бунгало и ведите себя разумно».

Но очень трудно вести себя разумно, если ваш бессознательный ум наполнен желаниями, амбициями.

Гаутама Будда свободен от любых амбиций. Он увидел шоу. Но поскольку двадцать четыре джайнских тиртханкары, Гаутама Будда, индуистские воплощения Бога — Рама, Кришна — все выходцы из королевских семей, богатейших в стране, — это оказалось бедствием для всей страны. Люди стали поклоняться бедности. Если Восток беден, то причина этого — в неправильном понимании. Столетиями люди были скованы этой глупой логикой.

Поэтому я говорю: чтобы быть действительно религиозными, вы все должны интенсивно жить жизнью мира, и однажды вы сможете увидеть, что все это — просто сновидение. Когда у вас возникнет ваше *собственное* понимание, что это только сон — пустой, бессмысленный, — само желание обладать исчезнет.

Вы не станете спрашивать о даянии, потому что в даянии все еще есть эго и незнание настоящего. Кто вы, чтобы давать?

Альмустафа указывает на очень важный факт: немного вы даете, если даете от своего достояния. *Вы истинно даете, лишь когда даете от самих себя.* В тот миг, когда вы не владеете, эго исчезает. Вы отдали себя. *Ибо, что есть ваше достояние, как не вещи, которые вы храните и стережете из страха, что они могут понадобиться вам завтра?*

Все собственничество — «это мое, то мое» — коренится в вашем опасении: а что же завтра? Если вы не цепляетесь за достояние, завтра вы можете оказаться в затруднении.

А завтра? Что принесет завтра самой сметливой собаке, которая зарывает кость в песок пустыни, идя вслед за паломниками в святой город?

Таково же положение всех тех, кто цепляется за свое достояние. Собака, следующая за паломниками, прячет кости в песке, не сознавая, что завтра ей не удастся найти их: паломники, караван будут двигаться, а она движется с караваном. Сегодняшнего дня достаточно самого по себе.

А завтрашний день позаботится о себе сам.

Это и есть доверие — не верить в этого бога, в того бога, в эту святую книгу, в ту святую книгу.

В тот день, когда полицейский комиссар прислал своих людей сюда — неправомочно, — они вошли в мою спальню. Я спал; я прибыл сюда около четырех часов ночи. Было все еще темно, и в полусне я не мог сообразить: из-за чего происходит весь этот шум? Они вламывались своим способом — силой.

Мои люди говорили: «Он приехал поздно, он спит. И зачем вам нужно видеть его? Все его полномочия у Нилам; его юрисконсульт, Татхагат, здесь, — все, что угодно, можно уладить. Не беспокойте его. У вас нет никакого ордера на обыск, вы не имеете права входить в частную спальню».

Но власть слепа. Они вломились по-своему, силой, в мою комнату.

Услыхав шум, я не мог поверить: с каких пор привидения стали наряжаться как полицейские? Мне пришлось протереть глаза, чтобы увидеть, что же именно стряслось. То были отвратительные дни.

Я и понятия не имел, что они подавали мне уведомление, — они просто швырнули мне кусок бумаги в темноте рано утром. Только позже я узнал, что это было предупреждение мне от комиссара полиции: покинуть город в течение тридцати минут. Полицейский комиссар — просто слуга людей, и они принялись звонить ему снова и снова, а в ответ одно: «Он занят богослужением». Хотел бы я знать, какой вид богослужения он выполняет, — всякое

богослужение глупо, а особенно в этой стране.

Скорее всего, он занят был поклонением богу-слону, Ганешу. А вы знаете, как Ганеш вошел в сущее? Человек со слоновьей головой, с таким большим брюхом, будто он беременный, верхом на несчастном мышонке. Мышонок, должно быть, умер много веков назад, в день, когда его поймал Ганеш как средство передвижения.

А как был создан Ганеш? Не только христиане глупы, говоря, что Иисус был рожден девственницей Марией... Это абсолютно ненаучно; такое невозможно. Без мужчины, сама женщина не может дать рождение ребенку. Но история Ганеша еще более диковинна. Шивы, отца Ганеша, не было, а Парвати, мать Ганеша, принимала ванну. Очищая свое тело, она собрала столько грязи... похоже, Парвати только раз в своей жизни приняла ванну. Ведь для того, чтобы сделать из этой грязи статую Ганеша с таким большим брюхом, женщина должна быть покрыта слоями грязи. И, конечно же, у нее не было больше ни одного сына; простая логика подсказывает, что она никогда больше не принимала ни одной ванны.

Ганеш — самый любимый бог в этой части Индии. И когда она увидела, что создала прекрасную статую из всей грязи, собранной в ванне... Больше всего удивляет: что же за женщина была эта Парвати? И вот, посредством своих божественных сил она оживила статую. А поскольку она все еще мылась, то сказала Ганешу: «Посиди снаружи и не позволяй никому войти».

Возвратился Шива. Ганеш понятия не имел, что это был его отец, поэтому остановил его. Подумайте только об этих богах — только из-за этой остановки он так разгневался, что отрубил голову Ганешу. Вбежала Парвати: «Что ты наделал? Это же был наш сын!»

Шива тут же кинулся повсюду разыскивать голову — они жили в Гималаях, и голова могла скатиться вниз на тысячи футов, к тому же это была просто грязь. Не обнаружив ничего, он наткнулся на слона, отрубил ему голову — и прилепил ее к телу.

И теперь Ганеш — самый любимый бог в этой части страны. Вероятнее всего, этот полицейский комиссар поклонялся Ганешу. Он поклоняется столь глупой идее, однако в предупреждении он не написал мое полное имя. Он пишет: «Любезнейший Раджниш», — лишь бы избежать «Бхагван».

Нигде — а я бывал всюду в мире — ни члены магистрата, ни судьи, ни полицейские офицеры не были так невоспитанны. Все они обращались ко мне так же, как мои люди обращаются ко мне. Только в моей родной стране всем видам глупых и идиотских идей поклоняются как «Бхагвану», и Ганеш самый значительный среди них. Всякий раз как начинают что-то новое, первым делом вспоминают Ганеша: Шри Ганеш Намах. И никого не волнует — кто же этот парень? И как это возможно?

Он приказывает мне не критиковать никакую религию. Здесь очевидно его собственное опасение: если я узнаю, какому богу он поклоняется и в какого рода священные книги он верит, я буду критиковать обоих и уничтожу их обоих.

Но я готов спорить с ним: эти вымышленные истории даже не разумны... А люди поклоняются.

Настоящий религиозный человек не поклоняется, он верит в сущее, а поклонение — это жалкий, пластиковый суррогат. Он верит в сущее, он знает: «Если сущее позаботилось обо мне сегодня, завтра будет то же самое. Оно придет как сегодня, и если сущее нуждается во мне, оно позаботится обо мне». Это и есть подлинная отдача.

Что есть страх перед нуждой, как не сама нужда?

Разве боязнь жажды, когда ваш колодец полон, не есть неутолимая жажда?

Есть такие, которые дают мало от многого, чем владеют, — они дают с тем, чтобы прославиться, и это тайное желание...

Все религии эксплуатировали ваши скрытые желания.

Я участвовал в религиозной конференции в Праяге. Я слышал одного шанкарачарью, говорящего тысячам людей: «Если вы даете одну рупию в дар, в другом мире вы получите одну тысячу рупий». Хороша сделка! Хорош бизнес! Но все индуистские писания полны таких обещаний: «Дайте немного здесь, и вы получите большое вознаграждение в небесах».

Это не есть доверие. Это не принесет избавления от вашего безумного желания собственности. Вот вы даете одну рупию, и люди видят: это человек очень религиозный, он дал одну рупию нищему. Но им невдомек его скрытое желание: он дает ее как гарантию, что сможет получить тысячу рупий после смерти. Он делает вклад в банк Бога. Но процент ставки, похоже, совершенно абсурдный!

Люди отдают совсем немного для уверенности, что в другом мире они получают много. А в этом мире они достигнут признания, уважения; люди будут считать их религиозными.

Один из помощников Махатмы Ганди, Виноба Бхаве, ходил по стране, прося людей пожертвовать землю, всего шестую часть их земли, для бедных. И он получил миллионы акров земли в дар бедным. Только позднее обнаружилось, что почти вся эта земля никуда не годна, бесплодна. Но те люди получили признание, получили места в ассамблеях и парламенте. И они не отдали испорченную, бесполезную землю, они лишь упомянули о ней; на самом деле они никогда не давали ее. Она не была передана бедным: что бедному человеку делать с такой землей? Она просто ничего не стоит. Но таким способом человеческое эго придумало получить признание, уважение, почет.

...они дают с тем, чтобы прославиться, и это тайное желание делает их дары отвратительными.

Халиль Джебран истинно религиозный человек, редкой искренности и подлинности. Он говорит: «Эти дары не религиозны. Они отвратительны».

И есть такие, которые дают все то малое, что есть у них.

Они верят в жизнь и в щедрость жизни, и их казна никогда не скудеет.

Это люди, которые доверяют. Если Бог, или сущее — как бы вы назвали это, — может дать вам жизнь, то его щедрость, его изобилие всегда будут доступны тем, кто доверяет.

Когда я оставил университет и ушел в отставку, естественно, мой отец был очень сильно взволнован. Он примчался из деревни, которая находилась в ста двадцати милях от университета, и спросил меня: «Ты подумал о завтрашнем дне? Ты подумал о болезни? Ты подумал о старости?»

Я сказал: «Я никогда не думал о своем рождении, я никогда не думал о своей юности. Тот же источник жизни, который позаботился об этом, будет заботиться и дальше. А если я не нужен, тогда нет и необходимости в заботе обо мне; тогда меня нужно устранить, а место должно быть предоставлено кому-то нужному. Не беспокойся».

Но это очень трудно. Ему не удалось убедить меня, но он сделал все возможное. Я сказал ему: «Запомни, я не возьму ни единой рупии в наследство от тебя. Ты дал мне достаточно: твоя любовь, свобода, которую ты давал мне, — это редкость». Но отец есть отец. Он немедленно пошел домой и перевел большую собственность на мое имя, не информируя меня, — он знал, что я не приму этого, — и мне стало известно об этом, только когда он умер. Налоги на собственность должны быть оплачены, и я неожиданно получил письмо, где сообщалось: «Вы не оплатили налоги».

Я сказал: «Неужели мне платить налоги за свое тело? Даже моя одежда не принадлежит мне, ничто не принадлежит мне; я не владею ничем, все приходит ко мне от моих саньясинов. И я никогда не принимаю навсегда, я принимаю только в пользование — они могут все забрать в любое время, это их. Я не пользуюсь часами двадцать четыре часа в сутки, они нужны только на

время лекции — ведь у меня нет никакого ощущения времени. Я могу говорить безостановочно, и время от времени, когда я забываю посмотреть на часы, я продолжаю говорить. Мои люди спрашивали: «Может, нам подавать тебе какой-то знак?» Я объяснил им: «Никогда не делайте этого, потому что я не люблю никаких помех».

Я сказал моему отцу: «Я доверяю существу». И я убедился, что существо заботилось обо мне лучше, чем я мог справиться сам.

Есть такие, которые дают с радостью, и эта радость — награда им.

Все религии лгали вам, а комиссар полиции говорит мне, что я не должен критиковать никакую религию. Они солгали вам. Они говорят, что если вы даете здесь, вы будете вознаграждены на небесах. И сами они не имеют никакого свидетельства небес, и никакого свидетельства не получали от миллионов людей, ушедших раньше, — ни одного письма, ни открытки: «Да, то, о чем говорят эти священники, верно».

Все те деньги, которые вы даете, идут священникам. Однако желание быть вознагражденным затмевает простую истину: само даяние несет вам столько радости — какая еще награда нужна?

Это один из принципов, на котором я настаиваю больше всего: каждый поступок приходит либо со своей наградой, либо со своим наказанием. Нет необходимости ни в каком Боге, который двадцать четыре часа записывает факты в свои книги о миллионах людей на этой земле — а ученые говорят, что есть, по крайней мере, пятьдесят тысяч планет, где жизнь существует.

Помилуйте несчастного Бога, не обременяйте его понапрасну. У жизни есть свой собственный автономный механизм. Само ваше действие либо награда, либо наказание. Вот еще что может дать вам критерий: если это награда, это правильно; если это наказание — ошибочно. Если это награда, то это добродетель; если это наказание, то это грех. Не нужно идти ни к кому спрашивать. *Каждое действие*, двадцать четыре часа в сутки, — это наука для вас.

Есть такие, которые дают с радостью, и эта радость — награда им.

Есть такие, которые дают с болью, и эта боль — их крещение.

Это замечательно у Халиля Джебрана: даже боль становится религиозной трансформацией. Если даже вы даете не с радостью, а с болью, эта боль будет очищать вас. Та боль — огонь, он сожжет все неправильное, что есть в вас. Вы выйдете из него более искренними, более человечными, более религиозными. В этом и состоит смысл крещения — но не крещения христианских священников.

И я буду критиковать: брызгать немного воды на головы маленьких детей — это не крещение, а просто глупость.

Я слышал такую историю. Один великий епископ жил напротив великого рабби, и, естественно, конкуренция между ними шла непрерывно. Даже у духовных особ происходит одно и то же.

Однажды рабби вышел утром и увидел, что в гараже епископа стоит прекрасный шевроле последней модели, а епископ окропляет его водой. Рабби не мог совладать с искушением — чем этот идиот занят? Он подошел и спросил: «Уважаемый, что это вы делаете?»

Епископ сказал: «Крещение; теперь автомобиль христианский».

Рабби был сильно задет новым шевроле, но рабби — еврей, а евреи очень изобретательны в денежных вопросах. Он ухитрился тем же вечером собрать достаточное количество денег и приобрести прекрасный линкольн-континенталь — автомобиль намного более высокого класса, чем шевроле. В Америке шевроле — автомобиль бедного человека, а линкольн-континенталь, их лучший автомобиль, — автомобиль богача.

Епископ увидел его из своего дома. Он произнес: «Боже мой, вот так рабби!»

Он пошел к дому рабби и спросил: «Чей это автомобиль?»

Рабби сказал: «Чей? — Я купил его. Это самая последняя модель линкольн-континенталь». Епископ воскликнул: «Что вы делаете?» — рабби в это время садовыми ножницами резал выхлопную трубу.

Рабби сказал: «Я делаю обрезание, теперь он — еврейский».

Эти идиоты — не только в анекдотах, они действительно распространены повсюду в мире.

Настоящее крещение — это огонь, через который вы проходите, боль, через которую вы проходите. Вы не избегаете этого. Вы по-прежнему верите в сущее: если оно дает вам страдание, то в этом должна быть какая-то причина, что-то в вашем сердце должно быть сожжено, чтобы вы могли стать чистыми.

И есть такие, которые дают и не знают при этом боли, они не ищут радости... Это чистейшие, самые религиозные.

...и не дают в надежде, что им зачтется. Они дают не из-за того, что даянию как добродетели обучала каждая религия.

Они дают так же, как мирт, вон там в долине, струит свое благоухание в пространство.

Они отдают, как цветы отдают свой аромат ветру, куда бы ветер ни направлялся. Они никогда не приходят узнать, кому они отдали. Их это не интересует. Они дают просто от своей любви, не для награды, не ради заслуги. Это высшие дающие. Они даже не осознают даяния.

Руками подобных им говорит Бог, и их глазами он улыбается... Они стали одними с сущим. Их руки — Божьи руки, и их глаза — глаза Бога... *Руками подобных им говорит Бог, и их глазами Он улыбается земле.*

Это высочайшие пики сознания, красоты, любви. У каждого есть возможность стать руками Бога, глазами Бога. И если вы не станете ими, вы упустите саму суть своей жизни.

Хорошо давать, когда просят, но лучше давать без просьбы, предугадывая.

Зачем унижать человека и принуждать его просить? Это безобразно. Когда вы видите, что существует какая-то нужда, и вы способны удовлетворить ее по своему собственному разумению — сделайте это.

Когда я был студентом университета, я постоянно получал двести рупий в месяц — я не знал, от кого. Я всеми способами пытался выяснить, что же это за человек. Первого числа каждого месяца денежный перевод был здесь, но там не было ни имени, ни адреса. Лишь когда человек умер... то оказалось, что это был не кто иной, как основатель университета, в котором я был студентом.

Я пошел к нему домой. Его жена сказала: «Я обеспокоена. Не из-за того, что мой муж умер — каждому приходится умирать. Но я не знаю, где достать двести рупий, чтобы послать вам».

Я сказал: «Боже мой, ваш муж присылал это? Я никогда не просил, и в этом не было нужды, ведь я получал стипендию от университета, бесплатную квартиру, бесплатный стол — все бесплатно».

Жена сказала: «Я тоже спрашивала его много раз: "Зачем ты посылаешь ему эти двести рупий?" А он говорил: "Ему они необходимы. Он любит книги, но у него нет денег на книги. А его потребность в книгах больше, чем его потребность в пище"».

Но это был редкостный человек. Всю свою жизнь он жертвовал все, что зарабатывал, на создание университета в родном городе.

В Индии есть почти тысяча университетов, я видел многие. Его университет маленький, занимает немного места. Однако это самый прекрасный университет. Он расположен на вершине холма, в окружении огромных деревьев, а ниже — большое озеро, полное цветов лотоса... озеро так велико, что другой берег не виден. И я узнал, что он отдавал все университету. Никто не просил — никто даже не подозревал, что в таком небольшом месте может быть такой великолепный университет.

Он был правовым экспертом с мировой известностью. У него были ведомства в Лондоне, Нью-Дели, Пекине; он постоянно находился в разъездах.

Я спросил его: «Почему вы выбрали это место?»

Он сказал: «Я объездил весь мир, но никогда не видел такого замечательного небольшого храма среди огромных деревьев и с таким прекрасным озером, покрытым множеством лотосов...»

Все озеро покрыто цветами и листьями лотоса. Рано утром на всех лепестках лотоса — капли росы, собирающиеся за ночь... утром вы видите: это богатейшее озеро в мире — каждая капля сверкает как бриллиант.

Он повел меня вокруг этого места и сказал: «Дело не в моем городе, дело в красоте этого места».

Но я никогда не мог представить, что это он посылает мне двести рупий ежемесячно, без подписи. Так мне не пришлось даже поблагодарить его.

Хорошо давать, когда просят, но лучше давать без просьбы, предугадывая.

Для щедрого искать того, кто получит, — радость большая, чем само даяние.

Что можем мы дать? Все это мирское.

Альмустафа прав, когда говорит, что истинно дающий не стремится достичь какой-то радости через даяние. Его радость — в поиске того, кому он сможет отдать, — кто восприимчив, кто открыт, кто не станет обижаться.

Есть ли что-нибудь, чего вы могли бы не отдать?

Все, чем вы владеете, будет однажды отдано;

Потому давайте сейчас...

Смерть отнимет все, никогда не будьте озабочены даянием. Жизнь давала вам, жизнь отберет. Зачем упускать шанс, радость даяния? Зачем упускать шанс стать руками Бога и глазами Бога?

...чтобы время даяния было вашим, а не временем ваших наследников.

Люди собирают для своих наследников. Это неправильно по двум причинам: во-первых, вы упускаете шанс отдать; во-вторых, всякий, кто наследует ваши деньги, упустит шанс заработать их самостоятельно. Вы разрушите две личности — свою и своего ребенка.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

11. ЖИЗНЬ ДАЕТ САМОЙ ЖИЗНИ

13 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Часто вы говорите: «Я бы дал, но только достойному».

Деревья в вашем саду и стада на ваших пастбищах не говорят так.

Они дают, чтобы жить, ибо удержать — значит погибнуть. Истинно, тот, кто достоин получить свои дни и ночи, заслуживает от вас всего остального.

И тот, кто удостоился испить из океана жизни, достоин наполнить свою чашу из вашего малого ручья. Какая награда может быть больше той, что скрыта в мужестве, доверии, даже милосердии приятия?*

Кто вы есть, чтобы люди раскрывались перед вами и снимали покровы со своей гордости, чтобы вы увидели достоинство их наготы и их гордость, свободную от смущения?

Посмотрите сначала, достойны ли вы сами давать и быть орудием даяния.

Ибо воистину, только жизнь дает самой жизни, а вы, считающие себя дающими, — лишь свидетели.

Вы, принимающие даяния, — а вы все принимаете, — не возлагайте на себя бремя благодарности, дабы не надеть ярмо на себя и на дающего.

Лучше поднимайтесь вместе с дающим на его дарах, как на крыльях;

Ибо сверх меры печься о своем долге — значит усомниться в великодушии того, для кого мать — щедрая земля, а отец — Бог.

[* Игра слов: desert — 1) награда, 2) пустыня.]

Все религии мира учат милосердию, служению, даянию. Но посмотрите на мир, созданный ими: нет ничего — ни милосердия, ни служения, ни даяния. Они пользовались прекрасными словами, но их прекрасные слова подобны словам слепца, говорящего о свете. Его слова, быть может, и прекрасны, но они не несут никакой истины.

Альмустафа сообщает вам один из самых важных секретов трансформации вашей жизни: *Часто вы говорите: «Я бы дал, но только достойному».* Это и есть то, чему обучали все религии. Буддийские писания полны наставлений о том, что вы должны давать только буддистам, потому что они достойны. И браминские писания полны наставлений, они обучают каждого давать, делиться и служить — не тем, кто нуждается, кто голодает, кто умирает, — но давать браминам, потому что они достойны этого. Они ввели в заблуждение все человечество; отсюда этот беспорядок повсюду в мире.

Альмустафа приносит вам нечто от самого подлинного прозрения — свежее, незагрязненное. Оно не может быть заимствованной истиной, так как в мире нет писаний, из которых это можно позаимствовать. Это — выстраданное сердцем переживание.

Деревья в вашем саду и стада на ваших пастбищах не говорят так. Они просто раздают свое изобилие. Если дерево обременено плодами, даже если некому взять те плоды, дерево все-таки вернет их земле. Оно не может продолжать жить таким отягощенным, под бременем изобилия.

Раздавайте свое изобилие.

Они дают, чтобы жить, ибо удержать — значит погибнуть.

Жизнь — это постоянное движение. Всякий раз, как только течение прекращается,

наступает смерть. Все полные остановки относятся к смерти; жизнь не знает никакой полной остановки.

На самом деле подлинно религиозный человек отдает то, что он имеет; он отдает, ибо в противном случае оно погибнет, а с его гибелью погибнет и человек. Религиозный человек делится. И не из-за обязательства по отношению к кому-либо. Напротив, принимающая личность оказывает вам услугу, спасая вас от бремени, которое могло убить вас. *Они дают, чтобы жить, ибо удержать — значит погибнуть.*

Загляните в свой собственный опыт. Мгновения отдачи — самые приятные мгновения. Величайшая радость приходит к тем, кто может отдавать безо всяких различий. Дело не в том, кому вы даете, дело в том, что вы настолько полны, что ваше даяние — это ваш разлив. А разлив — это танец жизни, песня существования.

Цепляйтесь за него, удерживайте его — и он погибнет. Ему нужна постоянная динамика жизни, совсем как вашему дыханию. Попробуйте удержать дыхание из страха — кто знает, возвратится оно или нет? — и вы совершите самоубийство. Вы продолжаете отдавать свое дыхание... это *и есть* отдача, осознаете вы это или нет. И чем больше вы даете, чем полнее ваша отдача, тем вы здоровее, тем вы моложе.

Хорошо известен факт, что обычно мы дышим очень поверхностно. В наших легких около шести тысяч небольших отверстий, но очень редко кто-либо дышит своими легкими полностью. Самая здоровая личность, известная вам, дышит только через две тысячи небольших отверстий. А другие четыре тысячи отверстий остаются безо всякого кислорода, являющегося вашей жизнью. Вот почему зарядка, бег, бег трусцой, плавание помогают вам — вы дышите глубоко. Но прежде чем вы сможете дышать, вы должны опорожнить свои легкие от всей двуокиси углерода, которая продолжает накапливаться. Если ваши легкие наполнятся двуокисью углерода, вы умрете.

Деревья вокруг вас здесь тоже дышат, но они дышат двуокисью углерода. Так что когда вы выдыхаете, вы отдаете деревьям. Им нужна двуокись углерода — без вас они умрут. А они выделяют кислород — без них вы не сможете жить. Но в своей слепоте человек продолжает рубить деревья, не зная, что рубит свою собственную жизнь.

Я внимательно наблюдал все разновидности людей. Скупец дышит наиболее поверхностно. Он цепляется даже за двуокись углерода, которая является его смертью. Мы выработали странные понятия, странные идеи о человечестве, а из-за того, что их повторяли так часто, вы совершенно забываете подвергать их сомнению.

Известно ли вам, что за всю историю человечества не было ни одного случая, чтобы человек умер от сердечного приступа во время любовного акта? Это не может быть просто совпадением. У людей бывают сердечные приступы во всевозможных ситуациях. Единственная ситуация, когда сердечного приступа не бывает, — это то время, когда вы занимаетесь любовью. Причина проста: когда вы занимаетесь любовью, вы начинаете дышать более полно, более глубоко. Вы отдаете, а в вашей отдаче — ваша жизнь.

Не тревожьтесь о том, заслуживает этого человек или нет. Это вопрос скупца.

Я наблюдал за людьми, которые не являются скупцами. У них не будет сердечных приступов. Вся ваша жизнь — это органичное целое. Все, чем вы занимаетесь, отображает всю вашу личность во всех направлениях.

Альмустафа прав.

Истинно, тот, кто достоин получить свои дни и ночи, заслуживает от вас всего остального.

Если сущее желает дать этому человеку жизнь, то неужели вы не можете дать ему чашку чая? Если сущее готово сохранять ему жизнь семьдесят, восемьдесят или более лет; если сущее

никогда не думает, заслуживает он этого или нет, — почему же вы так сильно озабочены тем, что отдаете? В действительности вы не хотите давать. Вам нужно какое-то оправдание: «Я не даю не потому, что я скупец, — я не даю потому, что нет никого, кто заслуживает».

И тот, кто удостоился испить из океана жизни, достоин наполнить свою чашу из вашего малого ручья.

Но браминские писания говорят: «Давайте только браминам. Тогда это милосердие, тогда это добродетельно». Они никогда не скажут: «Давайте *шудрам*, неприкасаемым». Они действительно *нуждаются*. Но согласно безобразной классификации индуизма, они не *достойны*.

А мы так слепы, мы никогда не видим, что по-настоящему достойный человек — это тот, кто нуждается. Он может быть вором, он может быть убийцей — кто вы, чтобы судить? Самим своим осуждением вы продемонстрировали вашу бесчеловечность.

Я слышал историю о том, как в небольшой домик мастера вдали от города однажды лунной ночью забрался вор.

Мастер проснулся. У него была только одна вещь — шерстяное одеяло; половину он использовал как матрац, а половиной укрывался. Днем он пользовался тем же одеялом, чтобы прикрыть свою наготу, потому что другой одежды у него не было.

Увидев человека лунной ночью, он узнал его — ведь двери и окна были открыты настежь, и свет луны падал внутрь... Это был хорошо известный вор. Мастер прикрыл свои глаза, ведь если держать глаза открытыми и вор это заметит... это будет непочтительно к нему как к человеку. Если он пришел из города, за несколько миль, воровать в бедном жилище мастера — он, очевидно, в большой нужде.

Мастер заплакал, накрывшись одеялом... «Что же он найдет в моем доме? Он снова пройдет восемь миль с пустыми руками. Если бы он предупредил меня за два или три дня, я смог бы просить подаяние по всему городу, чтобы собрать что-то для него, а так... Бесполезно приходить в дом к бедному человеку».

Его не интересует, что это вор. Он озабочен тем, что не имеет ничего, что человек смог бы украсть и удовлетвориться.

В доме было темно и мастер забеспокоился — он может споткнуться, упасть, может ушибиться. Поэтому он зажег свечу и вошел внутрь следом за вором.

Внезапно темнота рассеялась, вор оглянулся и, увидев мастера, застыл от страха: «Если этот человек скажет хоть одно слово — весь город поверит ему».

Но мастер произнес: «Не бойся. Я пришел просто помочь тебе. В доме очень темно. Кроме того, вот уже тридцать лет я живу в этом доме и не обнаружил ничего. Относись ко мне просто как к партнеру: все, что мы найдем, мы сможем поделить пополам. Или, если хочешь, бери все — так тоже пойдет, ведь я не сумел найти ничего. Это твое; нашел ты».

Сердце вора было тронут. Он уже слышал слово «сострадание», но сейчас он узнал его впервые в своей жизни. Нет осуждения, нет наказания. Напротив, человек собирался помочь ему воровать в собственном жилище.

Вор сказал: «Простите меня, мастер. Я не знал, что это был ваш дом, иначе я не посмел бы войти».

Мастер произнес: «Но ты не можешь уйти с пустыми руками, а у меня есть только это одеяло. Снаружи слишком холодно. Пожалуйста, прими это одеяло».

Он отдал свое одеяло, и вора изумило, что он был обнаженным под ним — это было все, чем он владел. Вор пытался отговорить его...

Мастер сказал: «Не расстраивай меня больше. Когда придешь в следующий раз, дай мне знать заранее, я все устрою; и если тебе нужна определенная вещь, упомяни это тоже. В этом

городе столько любящих, столько учеников и почитателей, я уверяю тебя. Мне неловко из-за того, что у меня старое одеяло. Не годится дарить его... но взгляни на мою беспомощность и будь добр принять его. Я останусь благодарным тебе на всю свою жизнь».

Вор был перед дилеммой: что же делать? Он никогда не видал такого человека. Он коснулся стоп мастера, взял одеяло — потому что теперь было слишком трудно отказать — и бросился из дома, так как становилось чересчур тяжело оставаться в его присутствии. Он видел императоров, он видел генералов, но он никогда не видывал человеческое существо.

Когда он выходил, мастер произнес: «Помни, не забудь. Ты сделал меня столь счастливым! Всю свою жизнь я был нищим. Я никогда не знал радости даяния. Ты превратил меня из нищего в императора, принимая мое старое, ветхое одеяло. У тебя большое сердце, глубокое понимание. Приходи снова и снова».

Когда вор ушел, мастер сел, дрожа. Было так холодно... он увидел полную луну из своего окошка и написал небольшое хайку, которое гласило:

Почему Сущее создало меня таким бедным? Только сейчас, когда встретился вор, я ощутил свою бедность. Если бы я мог дать ему эту прекрасную луну, я бы отдал и ее.

Вопрос не в том, заслуживает ли человек, которому вы что-то даете. Вопрос в том, нуждается ли он. Давайте ему с любовью, давайте с уважением. Не разрушайте ничье достоинство.

Бывает ли награда больше той, которая лежит в смелости, доверии, даже милосердии приятия?

Это просто девственное изречение. Никто — ни Кришна, ни Будда, ни Иисус — не были способны сказать столь глубокую истину: *милосердие приятия*. Все они говорили о милосердии даяния.

Чувствуйте себя обязанными перед теми, кто принимает от вас. Взгляните на их смелость и доверие — они могли и отказать. Взгляните на их милосердие. Они позволили вам излиться на себя, подобно дождевой туче. А когда туча, полная дождя, изливается, — вы полагаете, она ходит повсюду, разыскивая достойных? Бывает ли дождь сильнее на полях браминов и слабее на полях несчастных шудр? Он не заинтересован. Он просто благодарен жаждущей земле, которая с радостью принимает его. И отовсюду исходит радость — от зеленой листвы, от душистых цветов. Внезапно сухая земля больше не суха — она полна соком, полна жизнью.

Но все же жаждущая земля исполнила акт милосердия: она разгрузила тучу. Она освободила тучу — теперь та может с легкостью двигаться, куда бы ветер ни подул.

Однако нет религии, когда-либо думавшей об этом. Фактически религии были озабочены деньгами и властью, которые могут прийти от богатых. Они и в самом деле старались убедить богатых отдавать... но таким окольным путем.

Читая буддийские писания о милосердии, я изумлялся, как ловок ум людей, которых вы считаете религиозными. Я не считаю, что эти слова произносил сам Гаутама Будда, ведь они были собраны после его смерти. А он разговаривал в течение сорока двух лет непрерывно, поэтому существует так много школ — тридцать две школы — с различными писаниями, где утверждается: «Так говорил Будда». Теперь уже нет возможности выяснить это.

Но читаем... сначала говорится о красоте милосердия, достоинстве милосердия, награде, которую вы получите в другом мире, если вы милосердны. А в конце говорится: «Но помните, давайте лишь тем, кто достоин». И определяется, какие люди достойны. Определение таково, что только буддийский монах подходит для этого. Давайте *бхикку*, буддийскому монаху — не говорится *именно* буддийскому монаху, однако дается определение, которое применимо только к буддийскому монаху.

И то же самое — для индуистов, мусульман, христиан. Но никто из них в действительности

не думал о милосердии приятя, потому что они не заботились о самих себе, они были озабочены деньгами — как получить их, как склонить людей к даянию, как убедить их, что отдавать — хороший бизнес, поскольку они получают намного больше в другой жизни.

Здесь Альмустафа восходит к высшему возможному сознанию.

Кто вы есть, чтобы люди раскрывались перед вами и снимали покровы со своей гордости, дабы вы увидели достоинство их наготы и их гордость, свободную от смущения?

Кто вы? Вы отдаете нечто мирское — деньги, хлеб, одежду, ночлег.

Случилось однажды, что я путешествовал из одного села в другое. В этой области не было железной дороги, а мой шофер был новичком, и там было два города с очень похожими названиями. Так что он прибыл среди ночи не в тот город. Это был мусульманский город. Мне требовалось просто переночевать.

Первый вопрос был: «Вы мусульманин?»

Я сказал: «Это обязательно — быть мусульманином? Мне нужен лишь приют для сна в вашем доме».

Они ответили: «Если вы мусульманин, добро пожаловать. Если вы не мусульманин, просим прощения». — Но ведь это и есть то, что рассказывали им их проповедники!

По счастью, мой шофер был мусульманином, поэтому он сказал: «В следующем доме вы не разговаривайте вообще. Вы выглядите совершенно как мусульманин, проблемы нет. Вы просто не говорите, а я управлюсь. Я скажу: "Мой мастер, мой хозяин в молчании!"»

Я сказал: «Попробуйся», — и это сработало! Я получил все ж гостеприимство, и даже больше того, ведь я соблюдал молчание. Но утром, когда мы уезжали, я сказал: «Будет единственно верным заставить вас осознать, что я не мусульманин и я не храню молчание. Разумеется, мой шофер мусульманин».

Они были по-настоящему сердиты и раздражены. Собрался весь город. Мой шофер сказал: «Что вы натворили? Дела было всего-то минуты на две. Если бы вы промолчали, они все приглашали бы вас и считали бы, что великий святой, мудрец осчастливил их дом, их город».

Я сказал: «Но это была бы неправда. Я согласился с тобой, потому что был слишком уставшим и сонным».

Однако обстановка накалялась. Мой шофер сказал: «Вы должны предпринять что-то, ведь это все фанатики». Любой, кто принадлежит организованной религии, предубежден и фанатичен, поскольку его основное понимание состоит в том, что только *его* религия права, а все другие религии ошибаются. Он может говорить это, но может и не говорить.

Видя ситуацию — а я должен был достичь нужного места вовремя, и шутка зашла уже слишком далеко, — я рассмеялся и сказал: «Вы такие простые и наивные люди. Сумеете ли вы узнать мусульманина, когда увидите его?»

Они сказали: «Мы же видим, ты *выглядишь* как мусульманин».

А я сказал: «Что касается моего молчания, то это была моя последняя ночь молчания. Вот почему я разговариваю сейчас».

Все они смеялись, все они обнимали меня и говорили: «Всегда, когда ты пожелаешь, — добро пожаловать. Когда бы ты ни проезжал этим маршрутом, все дома открыты для тебя».

Кто вы есть, чтобы люди раскрывались перед вами и снимали покровы со своей гордости, дабы вы увидели достоинство их наготы и их гордость, свободную от смущения?

Разве это акт милосердия? Это не милосердие. Милосердие не навязывает условия, милосердие не знает условий. Милосердие просто отдает и чувствует благодарность, что вы приняли, что вы не отвергли.

Посмотрите сначала, достойны ли вы сами давать — это должно стать вашей заботой: достойны ли вы давать? — и быть орудием даяния.

Ибо воистину, только жизнь дает самой жизни, а вы, считающие себя дающими, — лишь свидетели.

Удастся ли вам найти что-то более прекрасное, утверждавшееся когда-либо? Жизнь дает жизни, в то время как вы напрасно тешите свое эго, полагая, что вы дающий. Как вы можете быть дающим?

Вы пришли нагим, без чего бы то ни было, и вы уйдете из этого мира нагим и без чего бы то ни было. И как раз между двумя этими наготами вы становитесь владельцем, дающим.

Все принадлежит существу.

Тот, кто понимает, видит себя только инструментом, через который жизнь дает жизни. А он — просто свидетель.

Как раз сегодня Нирвано принесла мне небольшую газетную вырезку: «Станем мудрее, чтобы спасти человечество».

Премьер-министр, мистер Раджив Ганди, сегодня поставил вопрос: способен ли человек, развивший достаточно знаний для уничтожения человечества, быть достаточно мудрым, чтобы спасти его.

И Раджив Ганди обманул всю страну, сказав: «Если вы проголосуете за нашу власть, мы введем всю страну в двадцать первое столетие».

Похоже, его зуб мудрости слишком запаздывает с ростом. Осознавал ли он тот факт, что человек недостаточно мудр, даже чтобы называться человеческим? Он даже не современник — особенно в этой стране, — он позади на сотни лет. Когда он обещал, что возьмет вас в двадцать первое столетие, он дурачил вас. Он хорошо подшутил над вами.

И вот: «Открывая пятидневную международную конференцию в память Индиры Ганди под названием "К новым началам", мистер Ганди сказал: "Люди не изменили основ мышления, хотя они и поменяли дубину первобытного человека на ядерные ракеты для уничтожения друг друга!"»

Когда он обращался к стране и говорил людям, что собирается ввести страну в двадцать первое столетие прежде, чем кто-нибудь еще войдет туда, главный редактор «Иллюстрированного еженедельника» приходил брать у меня интервью в Америке. Его последним вопросом было: «Есть ли у вас какое-нибудь послание для Раджива Ганди?»

И мое послание было таким: «Скажите ему, что просто введением большей технологии вы не в силах привести двадцать первый век в свою страну. Сначала должны быть изменены человеческие умы. Их предрассудки прогнили; они живут в прошлом, не в настоящем, — а вы говорите о будущем. Да, у вас может быть вся технология, которая есть на Западе, но это не означает, что у вас хватит мудрости пользоваться ядерными бомбами для созидательных целей. Вы сражаетесь по пустякам: мусульмане воюют с индуистами, индуисты воюют с сикхами...»

Он был раздражен моим посланием. Но теперь он понимает его смысл, потому что новые выборы приближаются. Сейчас он нашел несколько новых лозунгов. Он повторяет мои слова, но когда я посылал их, он раздражался. Ведь в целой стране никто не спрашивал его: «Что за ерунду вы говорите?»

Люди этой страны думают вернуть ту старую эпоху, когда правил Рама, — Рам Раджа, королевство Рама. Махатма Ганди, один из самых ловких политиков, когда-либо созданных миром, постоянно говорил об этом: «В тот миг, когда страна достигнет независимости, ткацкое колесо станет единственной технологией». Он был против железных дорог, он был против телефонов. Он был против телеграмм, почты. Вся свою жизнь он утверждал, что ткацкое колесо было последним изобретением человечества. Все, что бы ни происходило после этого, должно быть выброшено; тогда только человек сможет жить мирно.

Я согласен с ним. Только тогда человек сможет жить мирно, ведь только тогда человек

окажется в своей могиле! Разумеется, кладбища — это самые мирные места; призраки не воюют, и призраки не относятся к индусам, мусульманам, христианам. Призрак есть призрак. Даже призраки гораздо мудрее, чем ваши живые люди.

«Премьер-министра интересовало, было ли настоящее поколение хоть в чем-то лучше, чем поколение, которое уже ушло». Теперь в нем проявилась великая мудрость. Он должен сначала попытаться изменить характер и сознание своего кабинета, своего парламента, своего правительства с его бюрократией.

Один из членов парламента задал вопрос: «Выступает ли индийское правительство против учеников Бхагвана, приезжающих из других стран, чтобы увидеть его и быть с ним?» И кабинет министров Раджива Ганди категорически отрицал это: «Это абсолютно не так. Добро пожаловать всем».

Но это же совершенная ложь — сейчас я получаю вести со всего мира: саньясины отказывают во всех индийских посольствах. И вы узнаете, что же происходит в Пуне. Что бы ни происходило в Пуне, у полицейского комиссара, мелкого служащего, кишка тонка сделать это. Его, очевидно, поддерживало правительство Махараштры и центральное правительство Нью-Дели.

Если всем добро пожаловать, тогда почему моим саньясины отказывают в каждом посольстве?

Кабинет министров обманывает парламента, а обмануть парламента — это обмануть всю нацию, ведь парламента — представитель целой страны. Лгать парламента — значит лгать всему миру. Стало быть, одно говорилось в парламенте, и прямо противоположные распоряжения отдавались всем посольствам.

Сейчас я отменил оранжевую одежду, малы, видя глупость политиков. Они не могут узнать моих саньясинов, поэтому начинают расспрашивать: «Зачем вам нужно в Индию?»

И я получил из многих стран одно и то же сообщение: всякий раз, как они говорили, что едут в Индию, чтобы учиться искусству медитации, послы отвечали: «Сейчас Индия больше не принимает людей для обучения медитации. Вы можете приезжать, чтобы увидеть Тадж Махал, — добро пожаловать в страну, — что же касается медитации, то виза не может быть выдана». Мои люди просты и невинны — это весь подход, которому я обучаю их. Им вообще было невдомек, что индийское правительство может быть *против* медитации.

Мне хочется спросить мистера Раджива Ганди: «Существует ли какой-нибудь другой путь создания мудрости, кроме медитации?» Это мой ему вызов — либо он может прийти сюда, либо я готов идти к нему в парламента; есть только один способ быть мудрым, и исходит он из безмолвного ума. Но безмолвный ум — это еще одно название для медитации.

Он сознает, о чем говорит? Мудрость... ему следует начинать с изменений в своем кабинете, который состоит из бесхарактерных, лживых людей, и ему необходимо полностью осознать это. Он присутствовал, когда министр сказал: «Мы не препятствуем никому. Ученикам Бхагвана добро пожаловать». Но, похоже, это вообще ничего не значит.

Сотни саньясинов получили визы, только когда поняли, что лучше не упоминать медитацию, поскольку медитация теперь стала синонимом моего имени. И они начали говорить: «Мы просто туристы, мы приехали, чтобы увидеть прекрасные города Индии». Они получили визы, но в Бомбейском аэропорту есть имена саньясинов, которые проживают со мной непрерывно уже семь лет здесь, в этом городе мертвых.

Разумеется, мертвые слегка забеспокоились, ведь живые люди не могут вести себя соответственно мертвецам. Видали вы когда-либо двух покойников, обнимающих друг друга? — а когда два покойника видят двух живых, радостно обнимающихся друг с другом, — просто жест любви, — они чувствуют зависть. Они чувствуют, что упускают жизнь. Они раздражены, они

начинают беспокоиться метаться и вертеться в своих могилах.

Сотни саньясинов были возвращены назад из Бомбейского аэропорта. Кто же теперь собирается возместить им стоимость проезда, их трудовые деньги? Они зарабатывали деньги, чтобы просто прийти повидать меня и побыть здесь в течение нескольких недель, а их вышвырнули назад.

Мне хотелось бы сказать мистеру Радживу Ганди, что его правительство должно эти деньги моим саньясином. Эти деньги следует вернуть. На каком основании вы отправляете их назад из аэропорта? Они никогда не совершали преступления в вашей стране, они приходят сюда не совершать преступления. Они могли бы совершать преступления и в своих собственных странах.

А если они приходят сюда, чтобы посидеть молча и послушать меня, или просто тихо побыть в моем присутствии, разделить мою любовь, — кто вы такие, чтобы выдворять их из аэропорта? И кто же все-таки возвратит им их трудовые деньги?

Индийскому правительству следует понять, что если они не прекратят всю эту бессмыслицу, я отправлюсь в суд, или верховный суд, и приведу туда мистера Раджива Ганди. Все настолько ясно, что мне даже не нужен юридический эксперт — вполне достаточно здравого смысла.

Газетные заметки сообщают, что он торжественно открывал пятидневную международную конференцию. На его конференцию приглашены люди из других стран, слушать его мусор. Что он знает? Если бы это была конференция по механике самолетов или конференция пилотов, конечно, он имел бы право выступать или участвовать в ней. Но что касается мудрости... какую мудрость он приобрел?

А конференция была устроена в память Индиры Ганди. Что же совершила Индира Ганди? Я очень надеялся на нее, но она полностью обманула мои надежды. Фактически, она положила начало насилию. Как же те тысячи индусов и сикхов, которые были убиты и убивали? Нет, конференцию нужно проводить ради них, они были невинными людьми, они не вредили никому. Чего нельзя сказать об Индире Ганди.

Но я всегда любил ее; я был единственным человеком в целой Индии, который благословил ее, когда она боролась за возвращение власти. Я благословил ее, потому что хотел избавить эту страну от Морарджи Десая. Мое благословение было на стороне Индиры Ганди, но это был косвенный способ сказать, что все эти ветхие люди должны быть отстранены. Однако у нее не было мужества даже публично признать мое благословение. Она сказала своему секретарю: «Бхагван — единственный человек». Виноба Бхаве не благословил ее, а он был ее духовным гуру, ее духовным мастером. Когда она пошла к нему за благословением, люди его ашрама сказали: «Он соблюдает молчание. Так что вы можете увидеть его, но он не может разговаривать».

У политиков гуру не могут быть иными, чем сами политики. Всего днем раньше он не был в молчании, и вдруг через день он ушел в молчание. Ту же самую стратегию выбрал шанкарачарья. Туда она тоже ходила за благословением, а он пребывал в молчании.

Она говорила моему личному секретарю, Лакшми, снова и снова: «Я хочу прийти в Пуру и встретиться с Бхагваном. У меня много вопросов относительно будущего этой страны». Много раз встречи назначались — она приходит к такому-то числу — и прямо за день перед этим отменялись. Это происходило так часто, что я сказал Лакшми: «Когда увидишь ее снова, скажи ей, что со стороны Бхагвана это отменяется навсегда».

Что это за глупость такая... уже в течение девяти месяцев она все шла, и шла, и шла. И она пришла в Пуру. Лакшми вышла к ней, и она сказала: «Очень сожалею. Я хотела прийти в ашрам, но у меня столько встреч» — встреч с мертвыми людьми.

Встреч с кем? Она не смогла найти времени совершить круг от дома к ашраму, но поехала в

Колхапур, потому что еще один шанкарачарья посещал Колхапур. Она бесполезно потратила шесть часов, а шанкарачарья пребывал в молчании — ведь все это политики под различными масками. Никто не желает высказывать что-либо спорное. Естественно, вы понимаете, почему они не могут сказать ничего против...

Я не совершал никакого преступления, за исключением того, что противоречу. Всякий целостный человек, всякий человек понимания вынужден быть противоречащим. Если я вижу что-нибудь неправильное, я намерен сказать, что это неправильно. Лучше умереть ради истины, чем жить в компромиссе с ложью.

Факт состоит в том, что сорок лет свободы были бесполезно растрачены одной семьей — семьей Неру. От Джавахарлала Неру до Раджива Ганди, сорок лет этой великой страны были просто зря потрачены. Их личный интерес заключался в продолжении созданной ими семейной династии. А если это не так, то какой такой квалификацией располагает Раджив, чтобы стать премьер-министром страны, перегруженной проблемами? Ей не нужны трусы.

Я могу изменить всю судьбу этой страны в течение десяти лет безо всяких проблем. И для этого нужно не так уж много, просто нужно быть достаточно смелым, чтобы разрушить все суеверия — принадлежат ли они индуистам, мусульманам или христианам, не имеет значения.

Вы должны остановить нарастание толпы... это сделать совсем не трудно. В моей коммуне в Америке, где жило пять тысяч человек, в течение пяти лет не родился ни единый ребенок. И там не было никакого принуждения. Ясное понимание позволило людям увидеть ситуацию.

Но вместо того, чтобы заставить людей понять ситуацию, вы продолжаете восхвалять Мать Терезу, которая против контроля рождаемости. Всякого, кто против контроля рождаемости, следует удалить за решетку! — Мать Тереза это, или отец Папа, безразлично. Все эти отцы и матери могут пережениться и убираться! В чем их бизнес? Бизнес в том, что если придет контроль рождаемости, где тогда набрать еще сирот? А без сирот как же продолжать наращивать число католиков? Это явная политика, а вовсе не религия.

Если Раджив Ганди действительно хочет сделать страну хоть немного мудрее, начать нужно с дома премьер-министра. Они должны научиться медитировать. Каждую сессию парламента следует начинать с одночасовой медитации.

Им предстоит изменить весь бюрократический аппарат, унаследованный от британских империалистов. Этот бюрократизм был создан не для того, чтобы дать людям свободу, свободу выражения. Этот бюрократизм создавали из прямо противоположных соображений: разрушить людей, их свободу, их индивидуальность, уничтожить все разумное. И этот же бюрократизм продолжается.

Если Раджив Ганди на самом деле подразумевает то, о чем говорит, ему следует начать со своего правительства. Оно наполнено идиотами всех сортов. Вся их функция состоит в том, чтобы не позволять стране расти.

Когда полицейский комиссар создал ненужные неприятности в религиозном храме, куда он не должен был вмешиваться... Даже если он входит, ему следовало бы делать это с разрешения, и он должен оставить свою обувь за воротами, и все свое оружие, и свое представление о себе как о полицейском комиссаре. Эти люди были созданы жестокими, бесчеловечными. Они до сих пор у власти.

Если Раджив Ганди искренен и честен, полицейский комиссар должен быть понижен в должности и отстранен *незамедлительно*. Таких вещей терпеть нельзя вообще.

Когда мы снова и снова звонили ему в его ведомство, нам говорили: «Он еще не пришел в управление». Когда мы попросили: «Тогда, пожалуйста, просто дайте нам его телефон», — они ни за что не давали нам его. Наши люди затратили почти целый час, чтобы просто получить в комиссариате номер его домашнего телефона. Ведь его нет в управлении, а это служебное

время...

А когда мы позвонили ему домой, нам ответили: «Он занят богослужением». Снова и снова, все время он занимался «богослужением». И это называется — правительство? Которое платит правительственные и народные деньги людям за богослужение у себя дома, в то время как им положено быть на службе?

Радживу Ганди необходимо что-нибудь предпринять для изменения своего бюрократического аппарата. На небольшое дело уходят годы разбирательства; обычный вопрос, который можно решить за несколько минут, отнимает жизненное время. Дело движется с одного стола на другой, и движется, только если вы даете человеку взятку. Затем оно движется к другому столу. Затем вы должны подкупить другого человека. Далее оно движется к следующему столу... длинный ряд столов, отсюда до Нью-Дели.

Чего можно ожидать от страны, где девяносто восемь процентов людей не имеют образования... Они не знают, что происходит. Измените сначала правительство. Стране должны быть даны надлежащие ориентиры, которых, разумеется, вы и ваши коллеги дать не можете.

В каждом университете должны быть классы медитации — не только для студентов, но также и для других граждан. Всякому, кто захочет научиться медитации, нужно позволить учиться. А ваши послы ставят преграды людям именно из-за слова «медитация». Как только они говорят: «Мы собираемся учиться медитации», — следует отказ в визе.

Мне хотелось бы знать — существует ли иной способ стать мудрым? Что, Раджив Ганди нашел какой-то другой ключ, который упустил Будда, упустил Махавира, упустил Патанджали, упустил Лао-цзы? За десять тысяч лет все великие мастера не заметили того, что обнаружил Раджив Ганди, ключи к мудрости. Тогда, по крайней мере, раздайте эти ключи людям.

Очень легко, используя громкие слова, произвести впечатление на людей. Ни они, ни вы не знаете смысла этих слов. Вероятнее всего, речь была написана секретарем. Так заведено у всех лидеров — кто-то пишет им речи. Они — просто грампластинки, особенно фирмы «His Master's Voice» («Голос Его Хозяина»). Вы видели товарный знак этой фирмы? Эта собака кажется и в самом деле мудрой — она слушает так внимательно, сидя перед громкоговорителем.

Это Индира Ганди в ответе за все смерти, которые случились. И случится еще больше смертей, потому что проблема осталась до сих пор. Индира Ганди поддержала отделение Бангладеш от Пакистана. Она послала войска в Бангладеш — что было не ее делом, — чтобы поддержать пандита Муджибура Рахмана. Кажется, он принадлежит все к той же семье Неру.

Если вопрос об отделении — это вопрос Пакистана и Бангладеш и у них есть законные основания, — то зачем нужна двойная мораль? Сикхи желают свободы — это право каждого.

Эти политики продолжают повторять, что «демократия для людей, за людей, у людей». Но всякий раз, когда люди просят: «Мы хотим управлять сами», — тотчас же демократия и определение демократии забываются.

В чем проблема? Если Пенджаб желает независимости... Теория отделения была принята, мистер Раджив Ганди, вашим дедом! Это не *мое* предложение. Это Махатма Ганди и Пандит Джавахарлал Неру признали раздел Индии на Пакистан и Индию. А почему они допустили это? — по простой причине: все они старились и были озабочены: успеют ли они прийти к власти при жизни или нет. Так что даже если им не удастся заполучить всей Индии, — часть лучше, чем ничего: они охотно допускают раздел. А потом Индира Ганди повторила ту же тактику снова: она способствовала отделению Бангладеш.

Моё понимание просто: раз определенная группа людей хочет быть свободной, никто не должен создавать никаких препятствий. Свобода — это такая высокая ценность. Индира Ганди была бы любима и почитаема сикхами, она могла бы остаться в памяти грядущих веков, если бы с готовностью и любовью приняла идею: хотите быть свободными — это ваше право по

рождению, «будьте свободны, а если вы нуждаетесь в помощи, то мы готовы дать вам ее».

Ее бы не убили. Возможно, сикхи отбросили бы идею отделения от страны, которая так доброжелательна, так заботлива, так любяща. Что за смысл отделяться? Но Индира Ганди натворила беды, которая будет продолжаться, пока кто-то не сможет дать свободу всякому, кто ее желает.

Нет закона выше свободы.

Но никто не будет вспоминать те тысячи и тысячи индусов и сикхов, которым устроили резню. Это она послала войска в храм сикхов — совершенно безобразно, вопреки индийской конституции. Она нарушила святость священного места. Теперь полицейский комиссар хочет сделать то же самое здесь. Он хочет, чтобы у нас не было оружия, — у нас его нет. Это может быть для них и в самом деле легкой работой: принести все свои пулеметы и расстрелять всех моих людей.

Но этим будет увековечено для грядущего человечества: все эти политики — враги демократии, свободы, человечества, — враги рождения нового человека.

Вы, принимающие даяния, — а вы все принимаете, — не возлагайте на себя бремя благодарности...

Альмустафа все время показывает вам так много прекрасных роз, как только возможно.

Вы, принимающие даяния, — а вы все принимаете, — потому что все мы приняли жизнь. Мы все принимаем жизнь — дающую воздух каждое мгновение. Мы принимаем жизнь из плодов; жизнь из воды. Мы все принимающие. Не облачайтесь в эгоистическую идею «Я дающий». В тот миг, когда вы рассуждаете в том смысле, что вы — дающий, вы обременяете человека, которому даете. И он будет продолжать нести бремя своей благодарности вам.

Не возлагайте на себя бремя благодарности, дабы не надеть ярмо на себя и на дающего.

Лучше поднимайтесь вместе с дающим на его дарах, как на крыльях;

Ибо сверх меры печься о своем долге — значит усомниться в великодушии того, для кого мать — щедрая земля, а отец — Бог.

Нет необходимости ни для кого чувствовать, что «я — дающий», и нет необходимости ни для кого благодарить этого дающего.

Это жизнь дает.

Оба вы крылья одной и той же птицы.

Поднимайтесь высоко вместе, не разделяйтесь на дающего и принимающего.

Следует помнить постоянно: делитесь, и навсегда забывайте об этом. Дающий должен забыть, принимающий должен забыть. Оба должны быть благодарны жизни, ведь это жизнь дает.

По отношению к жизни вы только свидетель.

Я хотел бы добавить только одно, о чем Альмустафа забыл. Не только дающий, но и принимающий — тоже свидетель. Они оба свидетельствуют потрясающую драму существования и жизни.

Если случится такое, что нет дающего и нет принимающего, а только жизнь движется непрерывно между двумя берегами океана, — тогда вы впервые попробуете то, что я называю божественностью.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

12. ВИНО И ТОЧИЛО

14 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Тогда попросил старик корчмарь: «Скажи нам о Еде и Питье».

И он сказал: «О, если б только вы могли жить благоуханием земли и, как воздушные растения, питаться светом.

Но раз вынуждены вы убивать, чтобы насытиться, и лишать детеныша материнского молока, чтобы утолить свою жажду, пусть тогда это будет актом поклонения,

И пусть стол ваш станет алтарем, на который чистых и невинных из леса и равнины приносят в жертву еще более чистому и невинному в человеке.

Когда вы убиваете зверя, скажите ему в своем сердце:

Та же сила, что сразила тебя, сразит и меня, и меня тоже поглотят.

Ибо закон, который отдал тебя в мои руки, отдаст меня в руки еще более могущественные.

Твоя кровь и моя кровь — не что иное, как сок, питающий древо небес.

Когда вы надкусываете зубами яблоко, скажите ему в своем сердце:

Твои зерна будут жить в моем теле, бутоны твоего завтрашнего дня распустятся в моем сердце, твой аромат станет моим дыханием.

И вместе мы будем радоваться во все времена года.

Осенью, когда вы собираете виноград в своих виноградниках, чтобы точить из гроздий сок, скажите в своем сердце:

Я тоже виноградник, и мои плоды попадут в точило, и, как молодое вино, меня будут хранить в вечных сосудах.

И зимой, когда вы черпаете вино, воспевайте в своем сердце каждую чашу:

И пусть будет в песне память об осенних днях, о винограднике и о точиле».

Существенно, что этот вопрос — от старика. Все это метафоры, ведь Халиль Джебран поэт. У него есть проблески мистицизма, однако, сам по себе он не мистик. Поэтому я согласен не со всем, что он отвечает старику.

Старик — представитель традиционного ума, ортодоксального прошлого, всего мертвого. Но все же не было необходимости отвечать ему так, как отвечал Альмустафа. Здесь выявляется разница между поэтом и мистиком.

Эти слова исходят от самого Халиля Джебрана. Он больше не руки, через которые говорит Бог, не глаза, которые улыбаются вам улыбкой Бога. Окошко, открытое вечному, на мгновение закрылось.

Я уже говорил о различии между поэтом и мистиком: мистик всегда один и тот же, на той же высоте, на тех же освещенных солнцем вершинах, но поэт всегда падает с них обратно на землю.

Тогда попросил старик корчмарь:

«Скажи нам о Еде и Питье».

И он сказал:

«О, если б только вы могли жить благоуханием земли и, как воздушные растения, питаться светом...»

Но теперь значительность ушла. Слова все еще прекрасны, но что-то упущено. До сих пор он говорил с вершин, теперь он находится среди толпы, просто один из них.

Но раз вынуждены вы убивать, чтобы насытиться, и лишать детеныша материнского молока, чтобы утолить свою жажду, пусть тогда это будет актом поклонения...

Это компромисс. И в этом одна из причин, почему мир не был раздражен Халилем Джебраном. Он достигает высоких пиков — через вымышленный образ, Альмустафу, — но он будет много раз отступать, не найдя в себе мужества, чтобы пойти против традиции, традиционного ума, общества и своего прежнего, глубоко укорененного безобразного поведения.

Странно, что такой человек, как Халиль Джебран, согласился с убийством живых зверей для еды.

Он родился в невегетарианском обществе; он был не в состоянии полностью освободиться от крепостной зависимости, от своей обусловленности. В противном случае он бы не смог сказать, что можно убивать животных для еды *и лишать детеныша материнского молока, чтобы утолить свою жажду.*

Человек тысячи лет был охотником. И если вы родились в обществе, где едят живых зверей, у вас, конечно, не будет никакого благоговения перед жизнью. Он позволяет старику в себе говорить эти вещи.

Насилие не может исходить от божественного. Насилие — это варварство. И только из-за того, что все человечество почти уснуло, вы никогда не задумываетесь о простой вещи: если вы едите живые существа, убиваете живые существа для своей пищи, то отсюда не так уж далеко и до убийства живых людей. В чем разница?

Жизнь одна, существует ли она в певчих птицах, в прекрасном олене или в великолепии льва — они тоже наши братья и сестры.

Какая разница между каннибалом и едоком мяса?

Одного из моих друзей поймали в Африке — там до сих пор существуют небольшие группы каннибалов, которые питаются человеческой плотью, убивают человека просто, чтобы съесть. Случилось так, что у них не было ничего другого, чтобы предложить ему поесть... Они имели вдоволь человеческого мяса, поэтому не было нужды убивать его сразу же; они сохраняли его таким же образом, как все питающиеся мясом люди хранят свой рогатый скот — до нужного момента, когда пора будет убивать.

Он проголодался и хотел поесть чего-нибудь. Не оставалось ничего другого, как только разделить с ними то, что они ели. И он рассказал мне — ему удалось бежать ночью в полной темноте — очень странную вещь. Он ест мясо, однако питаться мясом других людей было шоком. Но, голодный и усталый, он смог съесть... и был поражен: человеческое мясо — самое вкусное.

В начале этого столетия в Африке насчитывалось три тысячи каннибалов. Теперь их только три сотни, потому что если им не удастся поймать кого-нибудь еще — а в те края никто не заходит, — то они начинают поедать собственных детей, жен. С трех тысяч они сократились до трехсот. По всему миру проблема с населением — демографический взрыв. А те несчастные каннибалы сокращаются в численности и обречены на исчезновение.

Но я хочу, чтобы вы приняли во внимание тот факт, что в момент, когда вы убиваете, не имеет значения, кого вы убиваете, — это всегда разрушение жизни. Была ли она в форме человека или животного — разницы нет.

Эта глупость все продолжается, мы игнорируем тот факт, что с новой технологией есть возможность производить в достаточном количестве необходимые продукты, и нет нужды убивать ни птицу, ни животное, ни человеческое существо.

Но из-за того, что Халиль Джебран родился в невегетарианском обществе, эта

обусловленность все еще задерживается где-то в его бессознательном. Он очень легко допускает это:

Но раз вынуждены вы убивать, чтобы насытиться, и лишать детеныша материнского молока, чтобы утолить свою жажду, пусть тогда это будет актом поклонения. Скрывать это трудно — пусть это будет актом поклонения.

Сможет ли Халиль Джебран сказать то же самое каннибалам: «Когда вы едите человека, пусть это будет актом поклонения?»

Я слышал весьма примечательную историю о первом христианском миссионере, который отважился пойти к африканским каннибалам, чтобы учить их христианству, обращать их в христианство.

Его схватили, и он увидел большой чан с кипящей водой над огнем. В нем стал подниматься страх. Его друзья говорили ему: «Не ходи туда; невозможно обратить тех людей в христианство. Во всяком случае, они исчезают сами по себе. Возможно, к концу этого столетия каннибалы исчезнут с лица земли». Но миссионер был очень тверд. Он хотел быть пионером, который обратил даже каннибалов.

Когда они опускали его в кипящую воду, он спросил: «Что вы делаете?»

Они отвечали: «Скоро увидишь».

Прибегая к последнему средству, он сказал: «У вас есть хоть какое-то представление о христианстве?»

Они ответили: «Пока еще нет, но сейчас мы собираемся попробовать — пусть только суп сварится».

Я не вижу никакой разницы между невегетарианцами и каннибалами.

Человек любви, сострадания, понимания может быть только вегетарианцем.

Деревья доступны, они раздают свое изобилие. Нет необходимости убивать. Это явный пережиток прошлых охотничьих дней, когда не было земледелия.

Вы удивитесь, узнав кое-что о джайнах, которые являются единственной вегетарианской общиной во всем мире... даже буддисты не вегетарианцы, хотя Будда и проповедовал вегетарианство. Так что же произошло? Как могла вся буддийская Азия превратиться в едоков мяса? Это продемонстрирует вам ловкий ум человека — если ему удастся обнаружить какую-то незначительную лазейку, он не упустит удобного случая, чтобы остаться прежним «я». Он не намерен изменяться.

Предание говорит, что Будда, безусловно, приказывал своим ученикам не есть мяса. Потому что вопрос не только в благоговении перед жизнью; вопрос также в том, что, если вы не преисполнены благоговения к жизни, само ваше сердце ожесточается. Ваша любовь делается фальшивой, ваше сострадание остается просто словом.

Согласно Махавире и Гаутаме Будде, человеку следовало бы есть не только для того, чтобы жить; человек должен есть, чтобы становиться чище сознанием. Мясоед остается в бессознательном, привязанный к земле. Он не может летать в небе сознания. Так не бывает, чтобы вы одновременно становились все более и более сознательными и при этом не осознавали, что вы делаете просто ради вкуса; а ведь можно обойтись без убийства: вам доступна самая вкусная пища, какая только возможна, и нет нужды поддерживать этот совершенно ненужный пережиток прошлого.

Но однажды произошел инцидент — а по учению Будды было так, что его саньясины должны были есть только один раз в день, этого довольно. И наука готова сказать вам то же самое — питайтесь только один раз в день. Сейчас стало известно, что если вы едите меньше — вы дольше живете, а если вы едите больше — вы скорее умираете.

Причина в том, что еда ради вкусовых ощущений становится манией; вы желаете больше и

больше. Американцы едят, по крайней мере, пять раз на день. И это лишь в среднем; я не говорю о *настоящих* американцах.

Когда я оказался в Америке, я почувствовал, что Чарльз Дарвин пришел действительно рановато. Так бывает со всеми гениями. Он доказал доступным для того времени способом, что человек происходит от обезьяны. Вы видели обезьян? — они постоянно что-то жуют. Но ему не удалось отыскать недостающее звено, потому что обезьяны и человек... между ними большой разрыв.

Между ними, очевидно, было некое звено, и он работал всю свою жизнь, чтобы найти его — некое животное, частично обезьяна, частично человек. Это дало бы его гипотезам совершенно определенное обоснование. Увидев американцев, я очень расстроился за Чарльза Дарвина, ведь это и есть недостающие звенья! Либо они едят, либо, если нет возможности вместить больше... тридцать миллионов американцев умирает из-за переедания, и все же они продолжают есть! Это настоящая мания.

Вы не в состоянии вести себя как обезьяна весь долгий день, когда вы бодрствуете, иногда вы, в крайнем случае, жуete жевательную резинку — просто суррогат, — чтобы ваш рот продолжал чувствовать еду. Даже во сне можно продолжать работать всеми своими зубами; существуют люди — я знаю их персонально, — которые заняты едой весь день, между жевательной резинкой и курением сигарет. Ночью вы не можете отбросить дневную практику только из-за того, что спите. Они, должно быть, смотрят сны о восхитительной пище; поэтому они работают своими зубами непрерывно.

Странное совпадение: в Америке тридцать миллионов людей умирает из-за того, что им нечего есть. Их называют в Америке «уличные люди». Большинство из них — почти все — черные. У них нет никакого приюта, нет еды. И точно такое же число людей, тридцать миллионов других американцев, — все они без исключения белые — умирает от переедания. Проблема для шестидесяти миллионов людей может быть решена за минуты, просто нужно немного понимания. Но Америка продолжает отправлять своих миссионеров в бедные страны.

Логика ясна. Они приходят сюда и в другие бедные страны давать пищу, кров, одежду, потому что этих несчастных можно обратить. Те тридцать миллионов американцев уже христиане, поэтому нет нужды заботиться о них. Все дело, кажется, в том, как увеличить количество, ибо, в конечном счете, количество решает, чья власть.

Еще одно — он говорит о детенышах, лишенных материнского молока. Я выступал на конференции джайнов, которые являются единственной вегетарианской общиной во всем мире. И я сказал им: «Если вы хотите быть настоящими и полными вегетарианцами, вы должны прекратить пить молоко, а также употреблять молочные продукты». Ведь корова рождает детеныша, и молоко принадлежит детенышу. Корова не дает молоко для вас.

Вы замечали? Все другие животные, спустя короткое время, прекращают пить молоко и переходят на твердую пищу. Только человек продолжает пить молоко до самого конца своей жизни. Это должно иметь физиологические и психологические последствия; их нельзя избежать.

Во-первых, молоко предназначено для теленка, а теленок вырастает в быка; следовательно, молоко содержит все химические элементы, необходимые для создания сильного быка. И если человек пьет это же молоко, он станет больше похожим на быка, чем на человека! И, в довершение этого, моногамия, безбрачие... быкам неизвестно безбрачие. Фактически, одного быка достаточно для сотен коров.

Слепота такова, что индуисты, джайны, буддисты считают молоко чистейшим питанием. Это не так. А они еще и поклоняются тому, кто питается исключительно молоком.

Я прежде жил в городе, в котором был большой ашрам... Я поинтересовался: «Что за

аттракцион?» — потому что я увидел человека, который показался мне обыкновенным идиотом.

Они ответили: «Это великий святой. Он живет только на молоке. Его прозвали Дундадари Баба — пьющий-молоко святой».

Я сказал: «Если он пил только молоко, его следовало бы назвать опасным быком!»

И в конце концов обнаружилось, что он и был опасным быком — ведь молоко было не от человеческой матери, а от коровы; это продукт животный. Оно исходит из тела животного, как и кровь. Те, кто считают себя вегетарианцами, должны прекратить употребление всех молочных продуктов.

Иначе это подделка, и цена этой подделки — те малые детеныши животных. Это молоко для них, а не для вас. Джайны были очень сильно разгневаны на меня, но они ничего не могли возразить на это.

Буддисты стали едоками мяса из-за незначительного инцидента. По учению Будды, не следует просить, когда ходишь нищенствовать. Каждый саньясин был обязан ежедневно ходить нищенствовать — просить нельзя, иначе саньясины станут бременем для людей. Все, что дано, — принимать с благодарностью.

Но однажды пришел монах и обратился: «Я в затруднении», — а другим правилом было то, что все, положенное вам в чашу для подаяний, вы должны съесть. Это не так много, ведь вы едите один раз в двадцать четыре часа. Нет жевательной резинки, нет сигарет... И еще одна причина — пищи недостает, люди дают вам из уважения к вам. Вы не можете выбрасывать их пищу. Ничего нельзя выбрасывать из чаши для подаяний.

Этот саньясин пришел со своей чашей для подаяний и сказал: «У меня дилемма. Когда я шел домой, пролетающая птица уронила сверху кусок мяса в мою чашу для подаяний. Что ты посоветуешь мне? Должен ли я выбросить его? Это идет вразрез с твоим учением, ведь ничего не следует выбрасывать или оставлять недоеденным; нужно уважать пищу, потому что это сама наша жизнь. Или мне съесть этот кусок мяса? Это тоже против твоего учения, мы не должны есть мяса».

Даже Гаутаме Будде пришлось закрыть глаза и подумать, что сказать этому человеку. Оба варианта были опасны. Если он позволит выбросить, то это делается примером для других. Все, что им не понравится, они смогут выбрасывать. Если же он разрешит съесть, то позволит человеку есть мясо. Он взвесил все доводы за и против, а потом подумал: «Такая случайность не происходит каждый день. За мою восьмидесятилетнюю жизнь это впервые. Так что лучше пусть он ест».

Он позволил тому съесть, и это стало уловкой. Когда буддизм распространился по всей Азии... они не хотели просить прямо, но косвенно они показывали своим друзьям, близким ученикам, сочувствующим, что хотят мяса... и по всей Азии буддисты едят мясо из-за этой одной глупой птицы. Они последовали птице, а не Будде.

Но Гаутама Будда и Махавира приложили все свои силы, пытаясь сделать человеческое существо настолько полным благоговения перед жизнью, чтобы животных не убивали.

Человек может производить овощи и другое вегетарианское разнообразие плодов, а с современной технологией возможны чудеса. В Советском Союзе есть плоды, о которых человек никогда не слышал. Это гибридные плоды. Время от времени вы тоже едите что-нибудь такое, что не производилось природой, но вы не знаете, что это от гибридизации. Все вы едите апельсины, а это не натуральные фрукты. Это помесь лимона с моссамби. А узнать, является ли какой-нибудь плод гибридным, очень просто: его семена никуда не годятся. Вы не сможете размножить его, просто посеяв семена; оно всегда рождается через гибридизацию. Апельсины подобны англо-индийцам!

В этом нет никакой ошибки. И в России созданы тысячи плодов таким же способом. Вы

можете сделать их сколь угодно питательными и восхитительными на вкус. Так что теперь вообще никому нет нужды быть каннибалом, — а, по-моему, всякий, кто ест мясо, — каннибал. Мы все дети одной природы — почему же мы должны ограничиваться осуждением каннибалов, и не осуждать самих себя?

Но Халиль Джебран попал в старую западную традиции, обусловленности, воспитания. Вот почему я не могу причислить его к категории просветленных. Он подошел очень близко, но все же не вступил в храм. Великий человек, полный потрясающих прозрений, он остановился всего в нескольких шагах от храма.

Он говорит: *Пусть это будет актом поклонения.* Я чувствую, что он сам понимал, что говорит. Именно поэтому понадобилось и прикрытие — *Пусть это будет актом поклонения.* Но все варвары в мире совершали в прошлом человеческие жертвоприношения — и поскольку это было «актом поклонения», их никогда не считали каннибалами. Даже сегодня в великом храме Калькутты, храме Божественной Матери Кали, каждый день животных приносят в жертву — как «акт поклонения». А когда они принесены в жертву, их раздают поклоняющимся как *прасад* — дар Божий.

Когда я вошел туда, то не мог поверить своим глазам — каким же ловким бывает человек! Он хочет есть мясо, поэтому он сделал это «актом поклонения». Я спросил первосвященника великого храма Кали в Калькутте: «Вы действительно верите, что это акт поклонения? Что происходит с душой животного?»

Он сказал: «Животное, которое принесено в жертву, благословенно, потому что идет прямо в рай».

Я сказал: «Тогда почему бы вам, не принести в жертву своего отца, свою мать, своих детей и не отправить их прямо в рай?» Это очень просто: *вы* не жертвуете. Почему вы не принесли в жертву самого себя? Если вы нашли такой краткий путь, тогда зачем приносить в жертву животное, которое не просилось в рай! А здесь миллионы людей, которые денно и нощно думают, как бы попасть в рай и получить там все удовольствия. Приносите в жертву их!

В Бенгалии основная пища людей — рис и рыба. Даже такой человек, как Рамакришна, не мог избежать прежней обусловленности. Совсем как Халиль Джебран, но снова та же хитрость. Они не называют рыбу рыбой. Они называют ее *джалданды* — растение, водяной цветок. Вы думаете, что можете обманывать существо, просто меняя слова?

Я пошел в храм Рамакришны, где он обычно жил и где жили многие саньясины, последователи Рамакришны. У них было соответствующее предписание Рамакришны для саньясинов. Я сказал: «Что за смысл в перемене слова? Вы думаете, что, называя рыбу водяным растением или водяным цветком, вы что-то измените?» И все это продолжает происходить в бессознательном.

И пусть стол ваш станет алтарем, на который чистых и невинных из леса и равнины приносят в жертву еще более чистому и невинному в человеке.

Я абсолютно осуждаю эти утверждения. Он говорит: «Дикие животные невинны — приносите их в жертву еще большей невинности, которая есть в вас». Насколько я это вижу, верно обратное. Животные гораздо более невинны, чем человек. Вы слышали, чтобы какое-нибудь животное развязало мировую войну? Какое-нибудь животное стало Рональдом Рейганом, Адольфом Гитлером? Вы слышали о животных, озабоченных деньгами, собирающих денежные расписки? Вы слышали, чтобы какое-нибудь животное воровало под покровом ночи? Вы слышали о каком-нибудь животном-насилльнике? Стучалось какое-нибудь животное в дверь любого психоаналитика, говоря: «Я схожу с ума»?

Животное не совершает убийства, самоубийства. В природе нет животного, ставшего когда-либо сексуально извращенным, — там нет священников, которым совершенно необходимо

сделать людей сексуально извращенными. Пользуясь самыми искушенными философскими стратегиями, они учат безбрачию, а безбрачие — против природы. С одной стороны, они говорят, что Бог создал человека по своему собственному подобию, — если бы он хотел сделать мужчин и женщин холостыми, кто помешал бы ему? И даже теперь, спустя столько тысячелетий... священники учат безбрачию, — а ведь это те самые люди, которые придумали все виды извращений, гомосексуализм...

Гомосексуализм привел к СПИДу, самому опасному заболеванию, с которым когда-либо сталкивался человек, так как нам, похоже, не удастся найти никакого средства против этой болезни. Но ни у кого не хватает смелости сказать, что безбрачие должно стать преступлением, потому что СПИД — побочный продукт безбрачия. Это родилось — гомосексуализм родился — в монастырях, куда они не позволяли войти никакой женщине, в женских монастырях, куда они не позволяли войти никакому мужчине.

В старейшем монастыре Европы — ему тысяча лет, это самый строгий монастырь в мире — основное правило таково, что если вы входите туда, то не сможете выйти до самой смерти. Второе: даже шестимесячная девочка, ребенок, не может быть допущена внутрь монастыря. За тысячу лет ни одна женщина не вошла в монастырь. Так что же этим монахам делать?

Учить безбрачию так же глупо, как учить, что мочиться нерелигиозно, — прекратите мочиться, только тогда Бог будет доволен вами. И я уверяю вас, вы обнаружите глупцов, которые будут готовы выполнять даже это. Но тогда у них будет раздвоенная личность. Миру они будут показывать, что не мочатся, а внутри монастыря, куда никто не может войти, они будут мочиться — как же человеку прожить без этого? Если он в самом деле не хочет мочиться, ему придется прекратить пить воду.

Если человек хочет быть холостым, он должен будет полностью прекратить питаться пищей, водой, воздухом... другими словами, ему придется совершить самоубийство. Только мертвый человек целомудрен. Чем больше вы живы, тем больше у вас энергии, а энергия должна расходоваться, потому что каждый день вы собираете больше и больше энергии с питанием.

Безбрачие — одна из безобразнейших вещей, которые религии проповедовали человеку. Для них в этом был определенный резон. Убедив вас — а они убедили все человечество, что безбрачие замечательно, — они сделали две вещи. Те, кто не целомудрен, почувствовали вину, слабость: «Мы недостаточно сильны».

С другой стороны, те, кто принял безбрачную жизнь, превратились в подобие шизофреников. Одна их часть желает оставаться холостыми, а другая, потому что она более естественна, должна искать какой-то способ высвободить энергию. Но и они тоже чувствуют виновность, поскольку нарушают свой собственный обет.

Все религии мира имеют общую черту: они заставляют каждого человека чувствовать вину. Эта великая стратегия имеет целью поработить человека, растоптать его достоинство, разрушить его индивидуальность, сделать его хотя бы извращенным.

В Англии они все время молятся — на каждом публичном собрании, в кино, везде, где собираются люди, первым делом: «Боже, храни Королеву». Я все думал: «От кого они хотят хранить королеву?» Теперь только я узнал, что они хотят хранить королеву от короля, принца Филиппа, потому что он «голубой» и, кто знает, вдруг он страдает СПИДом. Естественно, Бог должен вмешаться.

А может быть, это просто молва, что он «голубой». В этом у меня нет никакой уверенности... Но молва идет по всей Англии.

Папа, бывший перед нынешним Папой, был всемирно известным гомосексуалистом. Прежде чем стать Папой, он был кардиналом в Милане, и об этом ходили городские слухи, потому что он всегда ездил с прекрасным молодым человеком. Мало-помалу стало известно, что

он «голубой».

Но он был сеньором, влиятельным, — его выбрали Папой. Как только его избрали Папой, немедленно был вызван его дружок из Милана и стал его секретарем. Люди держат секретаршами прекрасных девушек — просто чтобы изменять старой безобразной жене. А он держал секретарем своего дружка; каждый знал это, и никто не возражал.

Это и есть причины, по которым все религии раздражены мною, но я тверд. Мне безразлично, кто досадует, раздражен, делается моим врагом, я намерен говорить правду. У меня нет никаких пережитков прошлого. Я отбросил все это.

Возможно, я и есть первый новый человек, начало нового человечества, которое будет естественным, искренним и правдивым.

Этими изречениями Халиль Джебран определенно удостоверил мое мнение, что он еще не мистик и не полностью просветленная личность, хотя и очень близок к этому. Однако не имеет значения, находитесь вы близко к храму или далеко от храма. Если вы не в храме, то какая разница, в скольких ярдах, милях или световых годах от него вы находитесь?

Когда вы убиваете зверя, скажите ему в своем сердце: «Та же сила, что сразила тебя, сразит и меня; и меня тоже поглотят.

Ибо закон, который отдал тебя в мои руки, отдаст меня в руки еще более могущественные.

Твоя кровь и моя кровь — не что иное, как сок, питающий древо небес!»

Эти слова... если бы он избежал их, его книга была бы совершенно свободной от всякой грязи.

Когда вы убиваете зверя — но почему вы должны убивать зверя? Это удивительно: когда вы убиваете зверя, это игра, охота, но когда зверь убивает вас, никто не скажет, что это игра, охота. Тогда это бедствие. Двойная мораль всегда от ловкого ума — хоть он и пытается выразить ее таким способом, чтобы она могла обмануть любого, в особенности невегетарианцев. Они будут безмерно счастливы, что Халиль Джебран или человек, подобный Халилю Джебрану, поддерживает их самое безобразное действие в жизни.

Когда вы надкусываете зубами яблоко, скажите ему в своем сердце: «Твои зерна будут жить в моем теле...»

Очень странно: почему бы вам, не пойти ко льву и не сказать: «Съешь меня, пожалуйста, мои зерна будут жить в твоём теле?»

...бутоны твоего завтрашнего дня распустятся в моем сердце...

Когда вы собираетесь расцвести в сердце у льва?

...твой аромат станет моим дыханием...

Ну просто для разнообразия, время от времени, пусть ваш аромат будет дыханием прекрасного льва! Если бы он прибавил это, я не сказал бы ему, что он упал с вершин.

...И вместе мы будем радоваться во все времена года!

Совершенно прекрасно! Быть съеденным зверем и наслаждаться вместе во все времена года. Но фактически зверь будет наслаждаться больше, чем человек.

Осенью, когда вы собираете виноград в своих виноградниках, чтобы точить из гроздий сок, скажите в своем сердце: «Я тоже виноградник...»

Но когда вы собираетесь отправиться в точило?

...и мои плоды попадут в точило, и, как молодое вино, меня будут хранить в вечных сосудах.

Это пустые слова. Он должен доказать это, придя на виноградник, смешиваясь с грязью, сделаться удобрением, чтобы виноградник стал богаче. И ваша жизнь будет виноградом, а если тот виноград станет вином, вы будете в вине. Но почему такая односторонность, что *виноград*

должен думать так? Это же явная эксплуатация, украшенная прекрасными словами.

Я отрицаю эту часть полностью.

И зимой, когда вы черпаете вино, — но это всегда вы, либо убивающий зверя, либо черпающий вино, — воспевайте в своем сердце каждую чашу;

Это легко — слишком легко.

И да будет в песне память об осенних днях, о винограднике и о точиле.

Но сперва пройдите через точило! И так не только в этом отдельном сюжете. Где угодно, когда вы обнаруживаете двойную мораль, вы стоите лицом к лицу с лицемерием.

Вчера я говорил о нескольких заявлениях, сделанных премьер-министром Индии, Радживом Ганди.

Ко мне попало еще кое-что из другой газетной вырезки. Он сказал: «Человеческий инстинкт насилия отразился в актах терроризма, концепции силовых блоков, гонке вооружений и практике апартеида. Мы обменяли примитивную дубину на ядерные ракеты; мы не изменили своего мышления».

Инстинкт насилия, говорит он, «отразился в актах терроризма». А что же отражено в ваших армиях? И почему такая бедная страна, как Индия, продолжает расходовать семьдесят пять процентов своего общего дохода на гонку вооружений? И только двадцать пять процентов остается для девятистот миллионов человек. Что за инстинкт проявляется здесь?

И Индия просит Америку, уже почти пять лет непрерывно: «Дайте нам больше урана, потому что мы тоже хотим сделать ядерное оружие». А сам Раджив Ганди ездил в Америку с той же целью. Но странно... люди говорят что-то одно, а делают другое. Индия уже атомная держава — для чего? Пятьдесят процентов индийцев недоедают. В ближайшие два или три года они умрут от истощения. Вы накормите их своим атомным оружием, своими атомными бомбами?

Это и было моим посланием, отправленным ему: что вообще нет смысла в создании атомных бомб и ядерного оружия, ведь что бы вы ни делали, вам не стать мировой силой, сравнимой с Америкой или Советским Союзом. Они слишком далеко впереди. Для Индии потребуется лет триста, чтобы стать великой мировой державой, но вы полагаете, те великие мировые державы будут ждать вас? За триста лет они уйдут снова, по меньшей мере, на шестьсот лет вперед.

Сейчас небольшие нации должны просто забыть об атомном оружии, ядерных ракетах. Для чего вам сохранять большую армию, кормить и готовить тех людей убивать или быть убитыми? И запомните: ваша основная нужда — это пища для страны, одежда для людей. Я знал людей, которые ели траву, корни деревьев. Я знал людей... они настолько голодны, что спали, привязывая кирпич к своим животам, чтобы не чувствовать голода.

И эта страна хочет создавать ядерное оружие.

Но когда я отправил послание, он был по-настоящему раздражен. Теперь время пришло — он должен принести извинения.

Он говорит, что человеческое насилие отражено в терроризме, — но откуда берется терроризм? Наш опыт говорит, что индийское правительство вынуждает нас быть террористами. Вся моя философия основана на любви и ненасилии, однако, это не от трусости. Если полицейского комиссара не переведут из этих мест далеко в Нагарлэнд, со всеми теми полицейскими офицерами, которые проникли ко мне в комнату, вломившись насильно... Кого винить за возникновение терроризма?

И если Раджив Ганди продолжает поступать так глупо... ведь этот полицейский комиссар не может ничего; все они знают меня, и если у них не будет указания из Нью-Дели, они не будут подставлять свои шеи и влезать в лишнюю неприятность. А если этот полицейский комиссар приходит в ашрам с оружием и требует, чтобы у нас не было никакого оружия — а у нас его и

нет, — вы хотите нас просто притеснить? унижать? убивать? резать?

Я люблю моих людей. И я не тот человек, с которым вы можете поступать таким образом. Мы тихо занимаемся нашими медитациями, и нет нужды в пребывании здесь каких-то полицейских офицеров. Но если вы вынуждаете, у меня найдется много террористов, которых я трансформировал в мирных медитирующих. Если меня вынудят, я отнюдь не буду колебаться. Тогда эта страна увидит другую борьбу за свободу, потому что прежняя борьба за свободу провалилась. Во имя свободы мы не достигли ничего. Мы находимся в гораздо худшем состоянии, чем когда-либо прежде.

Терроризм не падает внезапно с неба. Что могут сделать одиночки, когда правительство, у которого вся власть, начинает разрушать их индивидуальность, свободу, свободу их выражения? Они вынуждены молчать, простые люди, которые не занимаются насилием, которые не являются политиками... но если притеснить слишком сильно... есть предел.

Во имя свободы одна семья правит уже сорок лет. Раджив говорит: «Концепция силовых блоков...» А ваши послы не дают моим людям приезжать сюда медитировать и просто слушать меня. Вы занимаетесь дискриминацией. Вы рассказываете о силовых блоках и в то же время продолжаете спрашивать, почему иностранцы должны быть допущены сюда. Что за идея «иностранцев»? Именно это создает дискриминацию и силовые блоки.

В Америке сделали все, чтобы уничтожить мою коммуну, которую мы создали огромным трудом. Люди работали по двенадцать, четырнадцать часов в день, создавая оазис в пустыне. Пустыня продавалась уже почти столетия, и не было ни одного покупателя... потому что кто купит такую пустыню?

Мы обнаружили письмо от одного из крупнейших торговцев недвижимостью, которое было прислано перед приобретением этой пустыни. Обычно агент по недвижимости расхваливает имущество, в котором вы заинтересованы, поскольку он намерен получить свои два процента комиссионных. А это было немало, ведь мы покупали пустыню за шесть миллионов долларов. Но у человека было, очевидно, человеческое сердце. Он написал в письме: «Пожалуйста, не покупайте этот участок; хоть площадь и большая, восемьдесят четыре тысячи акров, он абсолютно бесплоден, и вам придется вложить в него миллионы долларов, чтобы сделать пригодным для жизни».

Это письмо никогда не показывали мне; иначе я бы отказался от покупки.

Мы преобразили пустыню. Все американцы вокруг смеялись, говоря, что все напрасно: «Вы будете продолжать вкладывать в это деньги, труд, но все же пустыня есть пустыня». Они не беспокоились вначале. Они забеспокоились, лишь когда мы достигли цели, мы ведь вложили туда почти триста миллионов долларов. Со всего мира саньясины присылали свои трудовые деньги, и мы создали из нее оазис. Пять тысяч саньясинов жили там, а во времена праздников, четыре раза в году, население обычно увеличивалось до двадцати тысяч человек.

У нас было все устроено на двадцать тысяч человек. Там был холм, где двадцать тысяч человек могли сидеть и слушать меня, и мы создали специальные палатки, которые могли быть кондиционированы, которые можно было нагревать и использовать круглый год без всяких хлопот. Потому что для двадцати тысяч человек мы хотели сделать лучшее, что могли. Они приезжали издалека; а кто слышал когда-либо, чтобы в Америку ехали в поисках истины?

Мы создали первое святое место в Америке. Мы создали новую Каабу, новый Каши. В десять раз более дорогой ценой. А американское правительство делало все — незаконное, преступное, — чтобы уничтожить коммуну. Они никогда не думали, что мы сможем преуспеть, поэтому они выжидали. Но когда мы достигли цели, они были шокированы.

А всего несколько недель назад прокурор Соединенных Штатов на пресс-конференции сказал правду, когда один журналист спросил его: «Почему вы не посадили Бхагвана в тюрьму?»

Почему вы выслали его? Если он совершил какое-нибудь преступление, он должен быть в тюрьме».

Он сказал: «Было три причины: первым, по порядку, было — уничтожить коммуны; второе, мы не хотели сажать Бхагвана в тюрьму, потому что не хотели делать из него мученика; и третьих, было невозможно посадить его в тюрьму, ведь он не совершил никакого преступления, он не сделал ничего против закона. У нас не было никаких доказательств, не было улик против него».

И этот же самый человек... принес в суд тридцать шесть обвинений против меня.

Кто же создает террористов?

Мне было приказано покинуть Америку в течение пятнадцати минут, поскольку они боялись, что если я возвращусь в коммуны — а там было пять тысяч саньясинов, — то нелегко будет снова арестовать меня. Те пять тысяч саньясинов не собирались спокойно смотреть на это.

Эти пять тысяч саньясинов теперь рассеяны во всем мире, с ранами в сердцах. Радживу Ганди следовало бы поступить так: удалить этого полицейского комиссара отсюда и не ущемлять наше право свободы, свободы выражения, наше право искать истину, наше право медитировать. Мы не вредим никому. Но, я думаю, все эти политики слепы.

Раджив Ганди высказывался против гонки вооружений, но он занимается тем же самым в Индии — хоть я и предупреждал, что Индия никогда не сможет стать мировой державой, мы слишком отстали. Уже две тысячи лет мы находимся в рабстве. Те страны, которые стали великими державами, жили в свободе. Они выработали громадную способность разрушать.

И это несложно понять: во времена его деда, Джавахарлала Неру, Китай напал на Индию, и Джавахарлал был разъярен, полагая, что его армии должны быть в состоянии отбросить врага, по крайней мере, с нашей земли. Но нет, тысячи миль прекрасных Гималаев все еще во власти Китая. И это было принято безропотно. Теперь никто не говорит о том, что они потерпели поражение, однако если Китай захочет, то может прийти и забрать даже больше, всю Гималайскую цепь.

Вот уже сорок лет непрерывно индийские войска находятся в состоянии готовности в Кашмире: сразу после получения независимости Пакистан напал на Кашмир и отобрал большую часть — одну из самых уникальных в мире. Как и на Кавказе, в той части Кашмира люди очень долго живут: сто пятьдесят лет — самое обычное явление; стовосьмидесятилетних, двухсотлетних вы тоже найдете кое-где. И те люди в возрасте ста восьмидесяти лет все еще работают в полях, они все еще молоды.

Вы приняли поражение от Пакистана безо всякого стыда, а Пакистан меньшая страна, чем ваша. Это так глупо — держать большую армию в Кашмире.

Политики хотят, чтобы люди никогда не оставались в мире. Вот почему я сказал, что за десять лет смогу уничтожить все проблемы, ведь я не политик. Кашмир дело простое: девяносто процентов Кашмира мусульмане, и они хотят отойти к Пакистану. Страх не из-за Пакистана, страх из-за девяноста процентов мусульман, живущих в Кашмире. Так что вы, на самом деле, держите Кашмир в заключении уже сорок лет. Несложным делом было бы голосование с нейтральными наблюдателями из ООН — где Кашмир захочет жить. Если кашмирцы захотят жить в Индии, пусть они живут там. Не нужно создавать стену из армий. Однако вы боитесь, что голосование пройдет в пользу Пакистана.

Но если кашмирцы хотят жить в Пакистане, — то кто вы, чтобы препятствовать им? Пусть они отходят к Пакистану, здесь не нужно никакой борьбы. Повсюду в Индии продолжаются беспорядки. Сегодня это Ахмедабад, завтра где-то еще. В Пенджабе это продолжается... даже службам новостей запрещены публикации о том, что происходит в Пенджабе. Мы не знаем точно, чем занимается индийская армия в Пенджабе.

И этот человек даже не стыдится констатации таких фактов. Индия непрерывно расширяет свою гонку вооружений, а он высказывается так, будто весь мир, кроме нас, занимается этими вещами. Политики — самые отвратительные люди в мире.

А Махатма Ганди, который ответствен за отдачу Индии семье Раджива Ганди... Просто несколько фактов, и вам станет ясно, почему я говорю, что он был самым ловким политиком, когда-либо известным миру. Один американский писатель, который работал над биографией Махатмы Ганди, спросил его: «Вы против оружия, армии. Если страна станет независимой, — что вы сделаете со всеми армиями и всем оружием, которое у вас есть?»

И он ответил, не моргнув глазом: «Армии исчезнут. Они должны пойти работать в поля, производить продукцию на фабриках. А оружие будет выброшено в океан. Мы ненасильственные люди».

А потом независимость пришла, Пакистан атаковал Кашмир, и Махатма Ганди был первым — потому что его считали отцом нации, — кто благословил три самолета, летящих над его домом. Это нельзя назвать «домом», это дворец. Богатейший человек Индии того времени, Джугал Кишор Бирла, жил в этом дворце; это был его дворец, и Махатма Ганди остановился здесь. Он вышел в сад благословить самолеты, потому что они двигались вперед, сопровождаемые другими самолетами, чтобы атаковать Пакистан.

Ганди позабыл все о ненасилии. Он никогда больше не упоминал ни единым словом о выбрасывании оружия в океан, исчезновении армий, отпуске этих людей на работу на поля... и эта непродуктивная куча армий, что они создали, пожирает семьдесят пять процентов дохода от земли. Они просто паразиты.

И Раджив Ганди говорит, что человек должен стремиться к мудрости!

А когда я заметил в одном из своих заявлений, что в индийском парламенте есть недоразвитые члены, — мне немедленно прислали предупреждение: «Вы нанесли оскорбление величайшему институту страны». Я никогда не слышал такого; с самого детства я слышал, что это народные слуги и парламент существует для людей, а не люди для парламента.

Я провел в ожидании почти два месяца, потому что в ответе я сказал: «Я готов прийти в парламент и повторить все то, что говорил раньше, с еще большей силой. И это не оскорбление парламента. Если вы думаете, что это оскорбление, я могу привести моих терапевтов, психологов — или вы приведите своих терапевтов и психологов, — и пусть все, и каждый член парламента будет проверен, чтобы убедиться, отсталый он или нет. Без такого осмотра вы не можете сказать, что я оскорбил вас». Называть лопату лопатой — не оскорбление для лопаты.

Но эти политики одинаковы во всем мире. Я хочу, чтобы вы поняли одну вещь: я не намерен оставлять Америку, так или иначе. Они должны более чем триста миллионов долларов моим саньясином. И если у них есть хоть какое-то чувство достоинства, деньги должны быть возвращены людям, которые вложили их сюда, людям, которые проработали непрерывно пять лет. Еще совсем немного времени... потому что Итальянская радикальная партия заявила, что они будут очень счастливы, если я приму президентство в их партии, а я ответил, что полностью готов. Когда я стану президентом Итальянской радикальной партии, тогда я посмотрю, кто помешает мне приехать в Италию. А потом я намерен подать иск в международный суд на Америку, ограбившую нас на триста миллионов долларов; деньги должны быть возвращены незамедлительно.

Как вам известно, они разрушили коммуны, а теперь они заявили, что прежде всего собирались уничтожить коммуны. Но зачем? Коммуна не делала им никакого вреда. Коммуна находилась в двадцати милях от любого американского города, и никто даже не собирался ходить в те города. Мы были на самообеспечении, мы производили свою пищу, мы производили собственные молочные продукты, мы производили все, в чем нуждались. И мы не использовали

денег в обиходе. Если кто-то в чем-то нуждался, коммуна обеспечивала это. Деньги вы могли дарить, но вы не могли ничего покупать. Деньги были нужны, когда коммуна хотела купить что-либо за своими пределами. Это была уникальная коммуна, единственная в своем роде.

Все были равны, просто потому что нельзя было пользоваться своими деньгами. У вас мог быть миллион долларов, а кто-то мог быть без единого доллара, но оба вы были равны во всем, что касалось существования внутри коммуны. Это была высшая форма коммунизма, которая когда-либо существовала в мире, и это был не просто коммунизм. Это было к тому же невероятное чудо — это была анархия. Никто не управлял.

Вы можете увидеть это здесь: никто не принуждает вас чем-нибудь заниматься. Это ваше желание — если хотите делать что-нибудь, делайте это. Выбирайте все, чем вы хотите заняться. Это было великим синтезом из двух противоположных философий, коммунизма и анархии.

И чем больших успехов достигала коммуна, тем более угрожающей становилась Америка. Президент Рональд Рейган — христианский фундаменталист; это еще одно наименование для фанатика-христианина. Так вот, все фанатичные христиане вместе с Рональдом Рейганом уничтожили коммуноу. Кто же создает терроризм?

Из-за того, что я не был гражданином Америки, я промолчал. Но я гражданин Индии; я не стану молчать здесь. Я покажу вам новую борьбу за свободу всей нации. Я не заинтересован в политике, но если я замечу, что они продолжают мешать мне в моей работе, тогда неизбежно одно: Раджив

Ганди не сможет стать премьер-министром снова. Я буду следовать за ним в его избирательной компании повсюду — не как кандидат против него, поскольку я не собираюсь становиться премьер-министром Индии, — но чтобы разоблачить его и заставить людей осознать, что это снова будет рабство. Единственная семья продолжает вот уже в продолжение сорока лет править страной — и не делает ничего.

Возможно, нам нужна еще одна революция в стране. Революция, за которую мы сражались, и свобода, которая пришла, оказались фальшивыми, поддельными.

В Америке — пример глупости — они воздвигли мраморный монумент в округе Дэллз, на месте, где существовала наша коммуна; мемориал гласит: «Мы достигли цели, вышвырнув врагов; мы достигли цели, разрушив коммуноу, которая была опасностью для нации». Я попросил кого-нибудь прислать мне точные слова и фотографию, потому что мы тоже собираемся установить здесь монумент — Америке, задолжавшей нам триста миллионов долларов: «В священную память о Раджнишпуре»; так что история помнит. Я не собираюсь оставлять Рональда Рейгана так легко. Он должен заплатить все деньги, и он должен также принести извинения. Потому что его собственный прокурор заявляет: «Прежде всего, мы должны были уничтожить коммуноу».

Но почему? Сам же он признает, что я не совершал никакого преступления и не было улик. И все же я был оштрафован на четыреста тысяч долларов — что-то около шестидесяти лакхов рупий. А у меня нет ни единой рупии.

Но как я уже повторял вам много раз, я доверяю существу. Я люблю людей. За десять минут они ухитрились собрать четыреста тысяч долларов — шестьдесят лакхов рупий. Даже магистрат был удивлен, поскольку они полагали, что мы не сможем предъявить таких денег, и мне не удастся выйти из тюрьмы.

Эти деньги к тому же были возвращены, когда ваш прокурор публично признал, что против меня нет доказательств. Тогда почему я наказан? Наказание также состоит в том, что в течение пяти лет я не имею права въезда в Америку. Но если я не совершил никакого преступления, тогда этот судья должен быть наказан. Ваш судебный процесс продажен, как и всякий другой.

И не только пятилетний запрет на въезд в Америку, но еще и отсроченный

пятнадцатилетний тюремный приговор. Это означает, что в случае моего вступления в Америку не будет нужды ни в каком судебном разбирательстве — меня просто бросят в тюрьму на пятнадцать лет.

И этим занимается такой человек, как генеральный прокурор Америки... Он близкий, закадычный друг Рональда Рейгана. Они вместе учились, они вместе были ковбоями в третьеклассных голливудских фильмах. И как только Рональд Рейган стал президентом, тотчас же этого человека назначили высшим авторитетом закона, генеральным прокурором Америки. Но если, как утверждает должностное лицо — высший авторитет закона Америки, — у них нет никакого доказательства, что мною совершено какое-либо преступление, тогда почему я наказан?

Но я немного подожду. Когда я стану президентом Радикальной партии Италии, я буду преследовать судебным порядком Рональда Рейгана, судью и просить ООН вмешаться по существу. А в Италии лучшие и самые разумные люди — в Радикальной партии.

У меня много итальянских саньясинов — бывших террористов. Я убедил их бросить это занятие. Стоит только подать сигнал — по всей Индии, по всему миру, — и индийскому правительству придется повернуться ко мне лицом. Пусть не думают, что я одинок. У меня тоже есть друзья, у меня тоже есть возлюбленные, у меня тоже есть симпатизирующие — миллионы.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

13. СКАЖИ НАМ О ТРУДЕ

14 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Потом просил пахарь: «Скажи нам о Труде».

И сказал он в ответ:

«Вы трудитесь, чтобы не отрываться от земли и души ее.

Ибо быть бездельником — значит стать чужим для времен года и выйти из шестивия жизни, движущегося к бесконечности в величии и в гордом смирении.

Когда вы трудитесь, вы — флейта, в сердце которой шепот минут превращается в музыку.

Кто из вас хотел бы стать тростинкой, немой и безмолвной, когда все вокруг поет в унисон?

Всегда говорили вам, что труд — проклятье, и работа — тягость.

А я говорю вам: когда вы трудитесь, вы исполняете часть самой ранней мечты земли, уготованную вам в те времена, когда эта мечта родилась, и, работая, вы истинно любите жизнь.

А возлюбить жизнь через работу — значит приблизиться к глубочайшей тайне жизни.

Но если вы в своем страдании называете рождение горем и заботу о плоти — проклятьем, начертанным на вашем челе, то я отвечаю: ничто, кроме пота на вашем челе, не сотрет начертанного.

Говорили вам также, что жизнь есть тьма, и вы в усталости своей вторите тому, что было сказано уставшими.

А я говорю: жизнь на самом деле есть тьма, но только когда нет стремления.

Всякое стремление слепо, когда нет знания, Всякое знание тщетно, когда нет труда, Всякий труд бесполезен, когда нет любви.

И когда вы трудитесь с любовью, вы связываете себя с самим собой, с другими и с Богом».

Этими словами Альмустафа передает глубочайший опыт созидания. Жизнь принадлежит тем, кто созидателен, ибо жизнь — не что иное, как долгая, вечная процессия созидания большей красоты, большей истины... созидания более высоких состояний сознания и, в конечном итоге, созидания бога в своем собственном существе.

Есть люди, которые думают, что не будучи творческими, они смогут быть счастливыми. Это невозможно, ведь творчество — единственная возможность соединиться с экстазом существования.

Поэтому прислушивайтесь к его словам не своим умом, но своим сердцем — ибо они исходят от сердца и могут быть поняты, только если вы воспринимаете их сердцем. Это не словесная связь одного ума с другим умом. Это — *сопричастие*, глубочайшее взывание к вашим глубинам, которые вы совершенно позабыли.

Потом просил пахарь:

«Скажи нам о труде».

И сказал он в ответ:

«Вы трудитесь, чтобы не отрываться от земли и души ее».

Вы замечали? — повсюду вокруг вас все существование непрерывно созидает. Библейская

история, что Бог создал все за шесть дней, а потом на седьмой день отдыхал, — абсурд. И с того времени о нем ничего не было слышно; он все еще отдыхает. Что это за отдых? Он, очевидно, умер! Сама идея, что Бог создал существование и все его содержимое за шесть дней, — суцая ерунда.

Раньше я путешествовал по всей стране, почти двадцать лет непрерывно. У меня был старый портной, который готовил для меня одежду. Я сказал ему: «У меня есть срочный заказ — на этот раз, пожалуйста, не поступай как портной! Мне нужна готовая одежда через шесть дней, потому что на седьмой день я уезжаю из города».

Тот старый портной посмотрел на меня и сказал: «Я не возражаю. Она будет готова. Но погляди на мир: Бог создал его за шесть дней, и что за беспорядок в нем! То же самое будет с твоей одеждой, но говорить будет поздно».

За шесть дней, все это существование?

Я говорю вам, что созидание — это непрерывность, седьмой день никогда не приходит. Вы видели выходной у деревьев, выходной у рек? В воскресенье, которое является днем Солнца, оно не должно восходить; это выходной. Даже Бог отдыхал, почему же бедное Солнце должно все восходить и восходить?

Сущее — это непрерывное созидание. Оно не было создано никем, оно *само по себе* божественно. Поэтому я бы хотел, чтоб вы заметили в своих умах и в своих сердцах следующее: слово «бог» не означает создатель, оно означает созидание. И мой опыт состоит в том, что самые счастливые люди в мире те, которые могут что-нибудь создавать. А самые несчастные те, которые неспособны творить, потому что чем менее созидателен человек, тем дальше он от природы — от земли, от неба, от звезд, — чей танец не ведает ни начала, ни конца.

Альмустафа совершенно прав:

Вы трудитесь, чтобы не отрываться от земли и души ее. Если же ваш труд просто в тягость вам — кое-как отбыть, — то вы не шагаете вровень со всем сущим. Вы отстаете. Быть в ладу с сущим — единственное блаженство, не существует другого, а оторваться от земли и неба — единственное страдание.

Человек несчастен и будет оставаться несчастным из-за того, что он утратил контакт с созидующими силами, которые дали ему рождение, которые сохраняют его в живых. Он стал пустым. Кажется, он получит удовольствие скорее от отдыха в могиле, чем от труда, творчества и танца со всем сущим.

Ибо быть бездельником — значит стать чужим для времен года...

Мы получили столь прекрасное существование с такими восхитительными временами года. Осенью, когда с деревьев начинают опадать листья, вы слышали пение? Когда ветер проходит сквозь мертвые листья, покрывающие землю... даже мертвые листья не настолько мертвы, насколько мертвым стал человек; они все еще могут петь. Они не жалуются, что дерево сбросило их. Они следуют природе, куда бы она ни повела. И это путь подлинно религиозного сердца: ни жалобы, ни недовольства — просто блаженное бытие во всем, что сущее дало вам — чего вы не просили, чего не заработали.

Вы танцевали под дождем? Нет, вы придумали зонтики. И не только от дождя... вы создали много зонтиков, чтобы оградить себя от постоянного созидания сущего.

Когда я был студентом в университете, всякий раз, когда надвигался дождь, у меня была полная уверенность, что я должен оставить класс, и даже моим профессорам стало ясно, что «во время дождя его не остановить. Он уйдет».

Я отыскал самую уединенную улицу с высокими деревьями, достигавшими и касавшимися облаков. На этой тихой и пустынной дороге было лишь несколько бунгалов, принадлежавших профессорам, деканам и проректору. Это было тихое место и уличный тупик.

Последнее бунгало принадлежало заведующему кафедрой физики. Его семья уже привыкла к тому, что если я здесь, дождь обязательно пойдет, а если идет дождь — обязательно появлюсь я. Для семьи мы стали нераздельными.

Вся семья обычно смотрела: «Что это за странный мальчик?» Намокший под проливным дождем, пляшущим ветром... а поскольку это был тупик, я обычно оставался под деревом столько, сколько продолжался дождь. Семье, конечно, было любопытно. Они хотели узнать, «что это за мальчик». Но заведующий кафедрой физики заинтересовался мною по другим причинам. Он был любителем книг и всегда находил меня в библиотеке. Случались дни, когда только мы вдвоем и были в библиотеке.

Постепенно мы подружились, и однажды он обратился ко мне: «Вы немного странный; вы должны быть в своем классе, а я чаще вижу вас в библиотеке».

Я ответил: «В классе профессор почти всегда отстает от времени. Он рассказывает вещи, которые прочел тридцать лет назад, когда учился в университете. За эти тридцать лет все переменялось. Я не хочу отставать от растущей мудрости, познаний, науки. Фактически в библиотеке я более современен, когда соприкасаюсь с самыми последними открытиями. Поэтому я хожу в класс время от времени, когда чувствую желание поспорить. Мои преподаватели счастливы, когда я остаюсь в библиотеке, потому что всякий раз, когда я посещаю их классы, возникают хлопоты. У них пробел в тридцать лет, а у меня вся самая последняя информация».

Тогда он сказал: «Мне хотелось бы как-нибудь привести вас к себе домой. Я хочу познакомить вас с моими детьми, моей женой, показать им, что здесь есть студент, который пришел в университет не за учеными степенями, а учиться; не за сертификатом и золотыми медалями, а соответствовать взрыву познаний во всех направлениях и измерениях. Иногда, даже несмотря на то, что я заведующий кафедрой физики, а вы не имеете с физикой ничего общего, вы знаете больше, чем известно мне. Теперь уже слишком поздно закрывать пробел в тридцать лет; я потерял контакт».

И однажды он пригласил меня. Он чувствовал, что его семья будет безмерно счастлива встретиться со мной, поговорить со мной, послушать, что скажу я. Но он был очень сильно шокирован — как только мы вошли к нему в дом, все рассмеялись и убежали вглубь дома!

Он сказал: «Это очень странно. Они никогда не поступали так прежде. Моя жена аспирант, все мои дети получили воспитание. Так себя повести...»

Я ответил: «Вам не известно, что я *знаю* вашу семью, мы прекрасно знакомы. Хоть мы и не разговаривали между собой, мы знаем друг друга уже два года».

Он заметил: «Это странно. Я даже не знал об этом».

Я сказал: «Не беспокойтесь, и не нужно досадовать, сожалеть и обижаться из-за поведения вашей семьи. Они поступили совершенно естественно».

Мы вошли, семья собралась, и он спросил их: «В чем причина, что вы все начали смеяться, и почему вы все убежали? Разве так приветствуют гостей? Я ведь сообщал вам, что веду гостя, который всем понравится».

Они ответили: «Но мы уже почти влюблены в гостя. Это самый безумный парень в твоём университете. Он не только тратит попусту свое время, когда идет дождь, он тратит и наше время тоже, ведь мы не можем уйти до тех пор, пока не уходит он. Он интересный парень».

Тогда я рассказал ему, что люблю пробегать мили против ветра — чувствуешь такую жизнь! — и совершать долгие прогулки безо всякого зонтика, особенно под дождем. Даже когда день жаркий, и солнце мечет огонь, в этом есть своя прелесть — вспотев, с разбега прыгнуть в озеро. Вода кажется такой прохладной — просто по контрасту.

Тому, кто понимает жизнь, отставание не грозит.

Фактически, то, о чем говорит Альмустафа, очень умеренно — *не отставать* от жизни. Я учу моих саньясинов танцевать *впереди* жизни. Зачем ожидать движения жизни? Пусть жизнь постарается не отстать от вас — это принесет вам огромную радость и блаженство, которые миллионам людей на земле совершенно недоступны.

...и выйти из шестивия жизни, движущегося к бесконечности в величии и гордом смирении.

Жизнь непрерывно движется к вечному, бесконечному, окончательному. Если вы утратили контакт, вы будете чувствовать себя словно живой труп. У вас не будет смеха, у вас не будет слез радости. Вы умерли прежде смерти; вы можете прожить еще пятьдесят лет, но это будет посмертное существование. Вы больше не часть прекрасного каравана жизни, всегда движущегося в неведомое.

Это приключение, постоянный — от мгновения к мгновению — вызов.

Когда вы трудитесь, вы — флейта, в сердце которой шепот минут превращается в музыку.

Дело не в какой-нибудь особой работе — пусть будет *любая* работа, которую вы любите. Вам не нужно быть президентом страны, чтобы быть счастливым. Возможно, просто делая туфли — но делая их с такой интенсивностью и полнотой, что вы совершенно теряетесь в действии, — вы гораздо более благословенны, чем любой президент.

В тот миг, когда вы потерялись в работе, вы становитесь почти как флейта на устах самого сущего. Каждый ваш жест грациозен, и каждый ваш миг приносит небесную музыку земле. Вы становитесь проводником.

Кто из вас хотел бы стать тростинкой, немой и безмолвной, когда все вокруг поет в унисон?

Почти невысказанно огромна вселенная. И самые последние открытия физики говорят, что эта вселенная не статична, у нее нет границы. Она постоянно расширяется, становится все больше и больше. Со скоростью света все звезды разбегаются от центра. Вселенная сегодня гораздо больше, чем была вчера. Завтра вы будете жить в еще большей вселенной. Похоже, нет пределов сущему и его расширению. Но находятся люди, которые не в ладу с этой огромной вселенской гармонией.

Даже здесь я вижу двух или трех человек каждый день: когда вы все поете, радуетесь, они сидят как мертвые, которых только что привели из их могил. Если они не могут быть частью танца и музыки, они не должны находиться здесь. Даже когда я оказываю почтение им своими сложенными руками, они сидят мертвые и жесткие.

Вы должны наблюдать: всякий раз, когда вы видите какого-нибудь мертвого человека здесь, — не позволяйте ему находиться в этом храме живых. Я не трачу свое время на мертвых, ведь есть много кладбищ, куда я мог бы пойти и безо всяких хлопот, без чьих-либо помех, без любых споров поговорить с мертвыми к своему полному удовлетворению.

Это живой храм бога. Если вы не можете пребывать в общении с моими людьми, пожалуйста, не входите сюда. Здесь не место для вас. Возможно, это агенты мертвого полицейского комиссара! Так или иначе, я оказываю почтение их достоинству, сложив руки, а они даже не в силах проявить такой же вежливости. И когда вы все поете и радуетесь, я смотрю на них — они выглядят так безобразно, так неуместно.

Так что каждый из вас должен быть бдительным. Если вы обнаружите какого-то мертвого человека, сидящего рядом с вами, убедите его никогда больше не переступать порог этого храма. И что весьма странно — те мертвецы всегда сидят на стульях! Я знаю, нужно уважать мертвых, но и у мертвых тоже должно быть какое-то уважение по отношению к живым.

Так что запомните: с завтрашнего дня, если я замечу кого-нибудь несозвучного с вами, мне придется пройти к вам, взять этого человека и вышвырнуть его. Довольно — значит довольно; я

ожидал достаточно — этих людей нужно тщательно обыскивать; может быть, они носят с собой оружие. И если кого-нибудь обнаружите с оружием, сообщите о нем в полицию. Даже

если он говорит, что он полицейский в штатской одежде; даже если он показывает свое удостоверение личности, — все может оказаться фальшивым. Если надпись можно отпечатать, то почему вы думаете, что удостоверение личности не может быть отпечатано?

Оружия не должно быть в этом храме. Это святотатство. Это против разума, против любви, против молитвы. Они могут приходить, даже если они агенты полиции, если они приходят как ученики. У каждого есть какая-нибудь профессия... сюда даже вора и убийцам добро пожаловать.

В действительности, психологический факт состоит в том, что люди, состоящие на службе в полиции, — это такие же люди, как и те, которые превратились в преступников. Преступники заняты той же самой работой, что и полицейские; они относятся к той же категории, к той же психологии. Они как две стороны одной монеты. Преступники более отважны — они занимаются своим делом в одиночку. Более слабые преступники не способны заниматься своими преступлениями в одиночку; они нуждаются в поддержке правительства, вооружении. Но то, чем они занимаются, — в точности то же самое, иногда даже *более* преступно.

Каждому добро пожаловать сюда, кроме мертвых. Так что вы должны понять — не затрудняйте меня необходимостью выходить и брать какого-то осла за уши. Не вынуждайте меня к этому.

Не позволяйте им приходить. Ведь вы можете смотреть, просто смотреть вокруг себя. Если сидит кто-нибудь мертвый, просто скажите ему: «Здесь не место для тебя. Существуют кладбища — христианские, индуистские, мусульманские. Иди куда захочешь, только проваливай!»

Всегда говорили вам, что труд — проклятье, работа — тягость.

Человека воспитывали такой огромной ложью, что удивительно: почему мы все продолжаем и продолжаем воспитывать наших детей на той же лжи, которая не принесла ничего хорошего. Ваше безумие, ваша бессознательность, ваша слепота, должно быть, чудовищны.

В нашей стране вы можете найти множество примеров. Страна разделена вот уже пять тысячелетий благодаря одному из самых преступных умов в мире. Однако индуисты считают его великим пророком. Его имя Ману, а его книга называется *Манусмрити*. Он делит человечество на четыре категории: высшие — это брамины; брамин никогда не работает, он только поклоняется, только молится, и он высочайший. А низший — это шудра, тот, кто работает и служит опорой всему обществу. Вы можете прожить без браминов бесхлопотно: именно из-за них всегда и бывают хлопоты. Но без шудр вам не прожить.

Кто еще готов чистить ваши улицы, ваши канавы, ваши совершенно негигиеничные, отвратительные туалеты?

На самом деле в большинстве индийских домов нет никаких туалетов. Люди пользуются голой землей, мочась и справляя нужду где попало. И эти люди считают себя самыми культурными людьми на земле.

В Бомбее я увидел, что целый город плавает в моче и дерьме! Меня всегда удивляло, почему Морарджи Десай выбрал Бомбей своей резиденцией. Теперь я понял — из-за аромата, который окружает великий город Бомбей... кроме Морарджи Десая, никто другой не смог бы наслаждаться этим.

Насколько же бесчеловечными мы были — и есть — к одной четверти наших людей, которые составляют самую основу нашего общества; без них вам не прожить и дня. Однако они осуждены, их даже не признают за человеческие существа.

Они не имеют права жить в пределах города, они вынуждены жить вне города. Их другое название на санскрите: *антьяджа* — живущие снаружи города. И были времена, когда даже их тень считалась оскверняющей, поэтому каждый шудра должен был передвигаться с колокольчиком в руке — это было на севере Индии, — так чтобы люди могли расступиться, заслышав его колокольчик. Вы думаете, Запад изобрел гудок? Вы ошибаетесь, это изобретение индуистского общества тысячелетней давности. Шудре не позволялось передвигаться по всему городу — лишь в некоторых частях, но и там он должен был непрерывно звонить в колокольчик, чтобы каждый знал — идет шудра.

До какой степени вы отняли достоинство человеческого существа, как вы унизили его! Собакам можно двигаться, буйволам можно двигаться, ослам можно двигаться, полицейским офицерам можно двигаться, — но шудра не имеет права двигаться, ибо, даже если его тень коснется вас, вам придется принимать ванну, чтобы немедленно очиститься.

На юге это стало еще большим абсурдом. У каждого шудры была длинная щетка, закрепленная поясом на спине, а в руке колокольчик. Для чего была привязана эта длинная щетка? — чтобы земля не оставалась нечистой. Во время движения щетка продолжает очищать ее. И вы считаете эту страну цивилизованной?

Брамин имеет право жениться на любой женщине — она может относиться к воинам, второй категории; она может относиться к *вайшья*, деловым людям, третьей категории. Она может относиться даже к четвертой категории, шудрам — хотя если он женится на шудре, его выгонят из высшей касты. Он станет шудрой, это является единственным наказанием. Но шудра не имеет права жениться ни на какой женщине вне своей касты; это более ужасное преступление, согласно Ману, чем убийство. И Ману до сих пор — законодатель индусов.

Меня все время просят никого не критиковать.

Ответьте мне: если никто не критикует этих идиотов из прошлого, тогда как же нам избавиться ото всей этой чепухи?

Шудре не позволено иметь никакого образования, ему не позволено читать никакое религиозное писание. Ясно, что он и не может читать, ведь он никогда не бывал в школе.

Это британское правительство издало закон, что шудры могут и должны быть допущены в школы. Когда я был ребенком и впервые вошел в школу, меня удивило, что несколько детей сидело под дверью класса. Я спросил: «В чем дело? Почему эти дети сидят вне класса?»

И учитель сказал мне: «Они шудры. Хотя закон и настаивает, мы не можем отбросить нашу культуру. Они должны сидеть снаружи».

Даже если какой-нибудь шудра как-то ухитрится выучиться читать, он не может читать никакое религиозное писание. Наказание одно — смерть. Забудь о чтении религиозных писаний — ты не имеешь права даже *слушать*. Если брамины где-то декламируют Веды, шудру не допускают даже послушать.

Это и есть то уважение, которое вы оказали рабочим. Паразиты — брамины — высшая каста; вы должны касаться их стоп. *Всегда говорили вам, что труд — проклятье...* Конечно же, когда религиозные священники говорили, что труд проклятье, это казалось безусловным фактом, потому что вот уже тысячи лет вы проклинаете рабочих. Это порочный круг. Сначала вы отнимаете достоинство у трудяги, рабочего; сначала вы уничтожаете его гордость, его целостность. Он не может делать ничего другого.

В индуизме нет движения: вы рождаетесь брамином, иначе вы не в силах стать брамином. Даже если вы более ученые, более мудры... даже Гаутама Будда не может стать брамином.

И брамины не смогли дать ни одного Гаутамы Будды. Но вы будете удивлены: шудры давали людей, почти равных Гаутаме Будде, — разумеется, не признанных обществом. И вот посмотрите... Кабир, который был ткачом, а ткачи относятся к шудрам. Он не образован; стало

быть, у него нет изысканного красноречия Гаутамы Будды; но то, о чем он говорит на простом, обычном человеческом языке, — того же полета. А иногда — из-за того, что это необработанные, неразрезанные алмазы, — оно обладает большим потенциалом, большей возможностью, большим значением.

Будда — прекрасно ограненный алмаз, хорошо отполированный, но теперь вы с ним не в силах сделать больше ничего. Кабир — это Кохинор, прямо из рудника. Позвольте мне напомнить вам: когда был найден Кохинор, он был втрое больше теперешнего, того, что в короне королевы Англии. Разрезать его, огранить, придать прекрасные очертания, отполировать его, — и две трети было утрачено. Кабир — это неразрезанный, только что добытый алмаз; он обладает намного большими возможностями, чем Кохинор.

Райдас был башмачником, но у него такое же высокое сознание. Он был необразованным, никогда не слышал никаких религиозных писаний. Его случай подтверждает, что все религиозные писания бесполезны, в них нет нужды. Райдас, просто делая туфли, смог взойти на ту же высоту, что и Гаутама Будда, — тогда что за нужда понапрасну обременять себя религиозными писаниями?

Гора... он был гончаром. Он тоже относился к шудрам, неприкасаемым, — к ним нельзя касаться. Но поэзия Кабира, Райдаса, Горы так прекрасна, подлинна, не обременена излишними украшениями — совершенно чистая и простая. Ни один брамин никогда не смог стать таким, как Райдас, Гора или Кабир, а брамины до сих пор считаются самыми уважаемыми людьми в обществе. И самыми непродуктивными, ведь они не трудятся вовсе; они не создают ничего.

Я повторяю: они паразиты, кровососы. Их нужно привести назад к земле и заставить осознать, что, если вы не создаете и не трудитесь, вы не заслуживаете ничего. Почему они не были в состоянии дать Кабира или Будду? Причина проста: потому что они далеко выпали из природы и сущего. Оставаясь несозидательным, никто не сможет танцевать в созвучии, в гармонии со звездами.

Всегда говорили вам, что труд — проклятье, и работа — тягость. А я говорю вам: когда вы трудитесь, вы исполняете часть самой ранней мечты земли...

Вы участвуете, когда трудитесь, создаете с любовью, преданностью и радостью. Вы становитесь, сами не зная, частью созидания всего сущего, и в вашу жизнь входит великое блаженство и великое благословение.

У сущего есть мечта для осуществления: создать, в конце концов, в каждом живом существе божественные качества. И эта мечта была уготована вам в те времена, когда эта мечта родилась... с самого начала.

Вы — стрелы сущего, посланные, чтобы достичь самых дальних звезд.

И, работая, вы истинно любите жизнь.

Как вам проявить свою любовь к жизни? Есть прекрасная суфийская легенда. Один великий император обычно объезжал город на своем коне каждый день ранним утром, с восходом солнца. Это было замечательное упражнение для него, а также возможность почувствовать, как вырастает город, как его столица становится все более и более прекрасной.

У него была мечта — сделать ее самым прекрасным местом на земле. Однако одно всегда приводило его в недоумение, и он всегда останавливал своего коня и наблюдал — старик, которому, наверное, было сто двадцать лет. Тот всегда работал в саду, засевая семена, поливая деревья, — деревья, которым требовались сотни лет, чтобы стать юными; деревья, которые живут по четыре тысячи лет.

Император был в недоумении: этот человек наполовину в могиле; для кого он сеет те семена? Ему никогда не увидит плодов и цветов. Невозможно представить, чтобы этот человек надеялся увидеть результат своей работы.

Однажды ему не удалось справиться с искушением. Он сошел с коня и спросил старика: «Я проезжаю каждый день, и один и тот же вопрос возникает каждый раз. Я не удержался, но я помешаю твоей работе всего на минуту — скажи, для кого ты сеешь эти семена? Эти деревья станут зрелыми, возмужают, когда тебя уже не будет здесь».

Старик взглянул на императора и рассмеялся. Он сказал: «Если бы такая логика была у моих предков, то мне не удалось бы получить плоды, цветы и этот прекрасный сад. Я из династии садовников — мой отец и мои предки сажали семена, я ел плоды. А как же мои дети? А как же дети моих детей? Если бы все придерживались твоего мнения, сада не было бы. Люди приходят издалека увидеть это место, ведь у меня есть деревья, которым тысячи лет. Я просто делаю все, что могу, в благодарность».

А что до посеянных семян... видеть, как весной показываются зеленые листочки, — такая радость, что я полностью забыл о моем возрасте. Я молод, как всегда. Я остался молодым, потому что продолжал созидание. Смерть уносит прочь людей, которые стали бесполезны; быть может, поэтому я и жил так долго, и до сих пор молод. Смерть снисходительна ко мне, ведь я не отрываюсь от сущего. Сущее будет скучать по мне; сущее не в силах заменить никого. Быть может, поэтому я все еще жив. Но ты молод, а задаешь вопросы словно человек, который умирает. Причина в том, что ты несозидателен».

Единственная возможность любить жизнь — это создавать еще больше жизни, делать жизнь более прекрасной, более плодотворной, более колоритной. Не оставляйте эту землю, пока не сделали ее немного лучше, чем она была, когда вы родились, — вот единственная религия, которую я знаю. Все другие религии — просто подделка.

Я учу вас религии созидания. И через созидание большей жизни вы будете преобразены, ибо тот, кто может созидать жизнь, уже стал частью Бога, божественности.

А возлюбить жизнь через работу — значит приблизиться к глубочайшей тайне жизни.

Что же это такое, самая сокровенная тайна? — то, что жизнь никогда не умирает. Только формы изменяются: старая листва опадает, новая листва появляется; старые деревья исчезают, но перед исчезновением они разбросали миллионы семян повсюду.

В Индии есть такое дерево... возможно, прямо за нашим лагерем. Называется дерево *семал*, это самое разумное дерево. Оно огромно, в его тени могут сидеть тысячи людей. Естественно опасение, что если его семена упадут вниз, без солнца они погибнут. Оно должно было найти такой способ, чтобы семена смогли падать как можно дальше в сторону.

Поэтому дерево *семал* создает семя, окруженное ватой... это замечательная вата. Благодаря вате семя не падает прямо на землю: ветер уносит его далеко прочь. Дерево обеспечило своих детей местом, где они смогут расти. Сущее — не глупо. Его истинный разум — еще одно имя Бога. Это дерево *семал* однажды умрет, но прежде чем умереть, оно, несомненно, сделает так, что тысячи деревьев *семал*, его детей, заживут той же чудесной жизнью танца в дожде, солнце и ветре.

Но если вы в своем страдании называете рождение горем и заботу о плоти — проклятьем, начертанным на вашем челе, то я отвечу: ничто, кроме пота на вашем челе, не сотрет начертанного.

Все религии наговорили столько лжи людям. Видимо, сама профессия священника — это лгать, и так лгать, что люди начинают верить ему. Они говорили: «Что бы вы ни делали, вам не изменить своей судьбы. Она записана на вашем челе».

Ничего не записано там. Вам предстоит написать это тем, что вы делаете, тем, чем вы становитесь.

Каждый создает свою собственную судьбу. И даже если там записано что-то, Альмустафа говорит: «Не беспокойтесь. Пот, испарина сотрут это. Созидайте с такой интенсивностью,

чтобы даже если что-то и записано там, оно было стерто», — хотя истина в том, что там нет ничего записанного.

Вы приходите в мир абсолютно свободными.

То, чем вы становитесь, — на вашей ответственности.

Только дураки ходят к астрологам, только дураки озабочены своими диаграммами рождения. Разумная личность создает собственную судьбу, собственную жизнь. Не растранижайте свое время на астрологию, диаграммы рождения, карты Таро, И Цзин. Учитесь любить жизнь и усиливать жизнь своим сердцем. Все, что вы можете делать, делайте.

Говорили вам также, что жизнь есть тьма, и вы в усталости своей вторите тому, что было сказано уставшими.

Это утверждение более значительно, чем все религиозные писания мира, потому что все они гласят: «Жизнь есть тьма, жизнь есть наказание. Вы терпите все эти несчастья, страдания и беспокойства из-за своих злых действий в прошлых жизнях».

Есть люди, которые сами по себе несозидательны; стало быть, они выпали из созвучия. Они несчастны.

Взгляните на ваших святых — христиане они или индуисты, мусульмане или джайны — безразлично: они все против жизни, антижизнь. Вы должны отвергнуть эту жизнь; только своим отказом вы будете в состоянии обрадовать Бога.

Но если вы отвергаете жизнь, вы, естественно, становитесь несозидательными. Вот отчего ваши святые — самые несозидательные люди на свете, без них этот мир обязательно был бы раем. Однако из-за того, что они выпали из созвучия и сделались несчастными, из-за того, что они устали от страдания, из-за того, что они утомлены, — они полагают, что с жизнью что-то не так.

На самом деле все как раз наоборот: с жизнью все в порядке — что-то не так с теми святыми. Все ваши святые — больные люди, они нуждаются в психологическом лечении. А вы, вместо того чтобы предоставить им психологическую помощь, поклонялись им, усиливая их эго. Они становятся еще более печальными, потому что печаль дает возможность без всякого усилия удовлетворить эго.

Политик борется, сражается, чтобы осуществить свое эго. Для человека, который добывается денег, это нелегкое дело, так как здесь миллионы конкурентов. Но для святого конкуренции не бывает. Только в его деле не существует конкуренции. Вы можете стоять на своей голове столько, сколько пожелаете; никто не захочет стать конкурентом. Вы можете истязать свое тело, вы можете поститься месяцами; люди будут приходить поклоняться вам. Они будут нести цветы, касаться ваших стоп и воспринимать ваше учение, которое обязательно будет большим, поскольку оно от больного ума.

Человечество истязали психологически больные люди, и они до сих пор властвуют, а люди, слушающие их, не задумаются даже на мгновение, что в сущем ни дерево никогда не становится святым, ни гора, ни океан, ни река, ни звезда — только человек может стать психологически больным. А если вы начинаете поклоняться больному человеку, он примется учить той же болезни и вас.

Жизнь — свет. Жизнь — радость. Жизнь — празднование.

Но спрашивайте тех, кто живет, а не тех, кто отвергает жизнь. Как раз своим отказом они навсегда закрыли двери к познанию глубочайших секретов и тайн сущего. Я видел идиотов всех сортов, но ваши святые несравненны. Они достигли высшего пика сущности идиота.

Послушайте певцов, послушайте танцоров, послушайте художников, послушайте поэтов. Послушайте тех, кто создает что-то прекрасное, кто возвеличивает жизнь. Перестаньте слушать людей, которые против жизни. Если они против жизни, это их дело — оставьте их! Не

поклоняйтесь им, ведь ваше поклонение поддерживает их болезнь. Если же вы перестанете поклоняться им, скоро они поймут: «Со мной что-то не так».

Я слышал сказку. Одна собака стала святой, и начала она непрерывно учить всех городских собак одной вещи: «Мы не развились к вершинам сознания из-за того, что растранили свою энергию в ненужном лае друг на друга. Лай — вот наша проблема. Перестаньте лаять!»

И каждая собака подумала: «Наверное, есть что-то благоразумное в том, что она говорит, мы все-таки лаяли понапрасну — лаяли на луну».

Сейчас людей, которые летают к луне, называют астронавтами. Как же назвать собак? — скажем, астропсихи*. Но собаки — самые древние астропсихи: с самого начала они были против луны. В ночь полнолуния они не могут спать.

Так что это выглядит логичным: «Вся наша энергия бесполезно расточалась на лай». Они все начали поклоняться этой собаке, и чем больше они поклонялись, тем авторитетнее становилась собака. Их убежденность придавала ей убежденность в том, что все, о чем она говорит, должно быть правильным. Иначе столько собак не стало бы слушать, потупив головы от стыда... «Наш великий учитель, великий святой, наш первый святой за всю историю — и никто не слушает его. В тот момент, когда он уходит, лай возобновляется».

Но всему есть предел. Однажды в ночь полнолуния они решили: «По крайней мере, одну ночь, какие бы искушения ни приходили — проезжает полицейский, проходит незнакомая собака из другого города, — мы будем держать свои глаза закрытыми. И по крайней мере одну ночь каждый год мы посвятим учению нашего святого». Поэтому они все замолчали.

Учитель не мог поверить в то, что произошло. Целый город был тих, ни одна собака не лаяла. Он прошелся по городу. Собаки попрятались везде, где только смогли найти укромное место, — с закрытыми глазами и сжатыми зубами. Это было очень напряженное и очень трудное дело, но только одну ночь... — «Утром мы сможем лаять вовсю, но если мы решили, значит должны держаться решения».

Но святой очень сильно забеспокоился: что будет с его святостью? Все собаки перестали лаять — что же делать ему? Его единственным делом было учить их, что лаять — ошибочно. Когда настала полночь, учитель почувствовал в первый раз странное раздражение у себя в горле. Он сказал: «Боже мой, что происходит? Все собаки молчат, и огромная потребность залаять возникает во мне».

Игра слов: astronaut — astronut.

Фактически, его потребность залаять должна была найти выход, ведь он постоянно лаял под видом обучения повсюду в городе, двигаясь туда и сюда, — его горло никогда не оставалось без дела. Это было впервые — уже шесть часов он не разговаривал. Разумеется, он был собакой, и поэтому он ушел в темный угол и принялся лаять.

Когда другие собаки услышали, что одна собака нарушила обещание, они не смогли совладать с искушением. Весь город прорвало, собаки лаяли как никогда прежде. А учитель вышел из темноты и начал говорить: «В этом проклятие нашего племени; не будь его — и мы могли бы взойти выше человечества. Прекратите лай! Лай — это единственная проблема, единственный грех!»

Если вы не пойдете к вашим святым, уверяю вас: они окажутся в том же положении, что и святой пес. Они бросятся и сделают все вопреки тому, чему обучали вас. Просто дайте им маленький шанс.

Но вы непрерывно поклоняетесь им. Вокруг них всегда толпа. Это такое удовлетворение! Политики приходят к ним за благословением перед выборами — президенты, премьер-министры. А в чем их квалификация? Их квалификация состоит в том, что они против жизни.

Я учу вас жизни, любви, смеху.

А я говорю: жизнь на самом деле есть тьма, лишь когда нет стремления...

Если ваше стремление достичь звезд умерло, жизнь есть тьма.

Всякое стремление слепо, когда нет знания.

Всякое стремление слепо, если оно не возникает из мудрости и вашей медитативности, из вашего безмолвия.

Всякое знание тщетно, когда нет труда...

Знание, если оно несозидательно, непродуктивно, является бесплодным и бессмысленным. Оно напрасно.

Всякий труд бесплоден, когда нет любви.

Если вы трудитесь без любви, вы трудитесь как раб. Когда вы трудитесь с любовью, вы трудитесь как император. Ваш труд — это ваша радость, ваш труд — это ваш танец. Ваш труд — это ваша поэзия.

И когда вы трудитесь с любовью, вы связываете себя с самим собой, с другими и с Богом.

Труд, основанный на любви, приводит вас ближе к себе, ближе к другим, и в конечном счете ближе к самому Богу.

Запомните, я повторяю снова: если здесь до сих пор есть кто-нибудь, кто не намерен принимать участие в песне, еще есть время — убирайтесь!

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

14. ТРУД ЭТО ЛЮБОВЬ, СТАВШАЯ ЗРИМОЙ

15 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

А что значит трудиться с любовью? Это — ткать одежды из нитей своего сердца, как будто те одежды наденет твой возлюбленный.

Это — сеять зерна с нежностью и собирать урожай с радостью, как будто те плоды будет вкушать твой возлюбленный.

Это — наполнять все, что ты делаешь, дыханием своего духа. И знать, что все благословенные усопшие стоят подле и взирают на тебя.

Часто я слышал, как вы говорили, будто во сне: «Тот, кто ваяет из мрамора и обретает в камне образ своей души, благороднее того, кто пашет землю. И тот, кто ловит радугу, чтобы перенести ее на холст в облике человека, — выше того, кто плетет сандалии для наших ног».

Но я говорю, не во сне, а в ясном бодрствовании полудня, что ветер беседует с могучим дубом так же нежно, как и с тончайшими стебельками травы;

И лишь тот велик, кто превращает голос ветра в песню, становящуюся нежнее от его любви.

Труд — это любовь, ставшая зримой.

Если вы не можете трудиться с любовью, а трудитесь лишь с отвращением, то лучше вам оставить ваш труд, сесть у врат храма и собирать милостыню у тех, кто трудится с радостью.

Если вы печете хлеб равнодушно, то ваш хлеб горек, и он лишь наполовину утоляет голод человека.

Если вы точите из гроздий сок с недобрым чувством, то оно отравляет вино.

Если даже вы поете, как ангелы, но не любите петь, то вы не даете людским ушам услышать голоса дня и голоса ночи.

Альмустафа говорит безмерно прекрасные вещи, но самая важная вещь упускается. В этом несчастье поэта: он приходит к познаниям глубоким насколько это возможно, — но он никогда не достигает самой сердцевины. Только мистик способен достичь самого центра. Поэтому, хотя все эти утверждения и прекрасны, помните о том, что нечто важное упускается. И я хочу дать вам осознать то, что упускается.

Я не поэт. Я могу понять красоту поэзии, потому что я мистик, я укоренен в своем центре, в собственной сущности. Я бы очень хотел, чтобы вы поняли утверждения Альмустафы, — быть может, они помогут вам достичь центра, которого он сам не осознает.

А то, что я говорю об Альмустафе, я на самом деле говорю о Халиле Джебрane. Я не говорил о нем. Уже многие годы, снова и снова, я возвращаюсь к мысли о том, чтобы дать новую кровь и новую жизнь его изречениям; но всякий раз, когда я вижу, что здесь было нечто упущено, я спрашиваю себя: справедливо ли будет по отношению к вам, если я просто стану комментировать Халиля Джебрane, не говоря вам о том, что он не просветленный человек. Он очень близок к этому, но даже близость — это дистанция. Если вы не стали единым, дистанция остается. И в конце концов я решил, что лучше сделать Халиля Джебрane и его представителя, Альмустафу, завершенным и единым целым.

А что значит трудиться с любовью?

Это — ткать одежды из нитей своего сердца, как будто те одежды наденет твой возлюбленный.

Это самая любящая позиция по отношению к труду, но все еще не труд, который возникает из любви, потому что возлюбленный отделен. А тот, кто сегодня возлюбленный, может не быть им завтра. Любовь, которая известна человечеству, может легко обернуться ненавистью. Обычная любовь — это обоюдоострый меч. Если вы любите кого-нибудь... — это может быть Бог, — то это не означает, что ваша любовь не может обернуться ненавистью в любой миг.

Однажды ко мне пришел человек и сказал: «Я великий верующий в Бога».

Я сказал: «Я видел вас раньше. Вы всегда выражали недовольство Богом, что произошло?»

Он ответил: «Я был недоволен, потому что не имел ребенка. И я молился уже десять лет непрерывно, а Бог не откликался на мои молитвы. Я перестал молиться, я перестал ходить в храм. Я чувствовал себя обобраным, обманутым. Мне стало ясно, что Бога нет.

Но я был нетерпелив. Как раз вчера ребенок родился. Я захотел сначала сообщить вам — вы ведь знаете мое десятилетнее страдание, — что я невероятно счастлив. Бог *есть*. Однако он может задерживать свои решения по своим причинам, которые нам неизвестны, молитва же всегда будет услышана — не сегодня, так завтра».

Я сказал: «Вы все еще нетерпеливы. Ребенок может еще и умереть, — что тогда случится с вашей любовью, вашим доверием и вашей верой в Бога? Со смертью ребенка ваш Бог тоже умрет. Он родился с ребенком и с ребенком он уйдет, и вы возненавидите его больше, чем когда-либо. Прежде он просто не слушал ваши молитвы, но теперь он отнял вашего долгожданного ребенка».

Он воскликнул: «Не говорите такого!»

Я ответил: «Мне приходится говорить это, чтобы заставить вас осознать, что ваша любовь к Богу — на сезон. Совсем как сезонные цветы — в течение нескольких недель они танцуют на ветру, затем исчезают. Ваша любовь не произошла из центра вашей сущности. Это не переживание, это просто взятка».

И, между прочим, мне хотелось бы, чтобы вы знали, что очень трудно уничтожить безобразное существование взяточничества на этой земле, потому что эта земля подкупает даже Бога вот уже тысячи лет.

Люди ходят в храмы и говорят: «Если наши желания исполнятся, мы пожертвуем тебе сладости, фрукты. Мы будем верить в тебя. Исполнение наших желаний — вот единственное доказательство, что ты существуешь».

Вот почему я говорю, что Халиль Джебран еще не мистик. Сначала давайте послушаем то, что говорит Альмустафа: *Это — ткать одежды из нитей своего сердца...*

Сердце лучше, чем голова, но вы — не сердце. Вы еще глубже: вы сущность, вечная сущность. В тот миг, когда ваша голова умрет, ваше сердце тоже перестанет биться. Ваша голова и ваше сердце принадлежат телу и миру.

Только вы, в своей полной чистоте сознания, принадлежите вечному течению жизни. Только вы принадлежите Богу. И если вы основываете свою веру на каких-то желаниях, которые исполняются... — это лучше, чем верить, когда определенные аргументы убедили вашу голову; но это все еще не настоящее.

Вы способны любить без всякой причины; вы способны любить просто из-за того, что любовь переполняет вас. Ее незачем направлять к возлюбленному. И вам всем известно — ваша любовь то возрастает, то убывает. Враг может стать вашим другом, друг может сделаться вашим врагом. Вы не вольны: она зависит от объекта.

Ваша любовь — свобода только тогда, когда она не зависит ни от какого объекта, а просто струится из вашего существа, совсем без причины. Вот почему она не может измениться. Она —

вечна. Существует Бог, или его нет — безразлично, есть какой-нибудь возлюбленный или нет — безразлично. Вы по-прежнему будете любить.

Это не проблема, любить кого-то, проблема — быть любовью самому. Любовь исходит не из сердца, она исходит из самого глубокого источника — предельной глубины вашей сущности — и изливается на все: заслуживающее, незаслуживающее, достойное, недостойное. Она не делает различий.

Но такой вид любви возникает не потому, что у вас есть возлюбленный; такой вид любви возникает потому, что вы достигли своего самого сокровенного центра. Он исходит из медитации; это и есть недостающий пункт. Иначе это прекрасная поэзия; и то, что он говорит, так выразительно: *Это — строить дом с усердием, как будто в том доме поселится твой возлюбленный.*

Это и есть нищета поэта... время от времени он совершает попытку достичь звезд, однако падает на землю снова и снова. Его поэзия перемешана — иногда она на крыльях достигает открытого неба, а иногда ползает по земле. И если вы не медитирующий, вы не в состоянии различить, ведь его слова всегда прекрасны. Посмотрите: он говорит *это — строить дом с усердием...* Но откуда же вам все-таки взять усердие?

И он говорит: *как будто...* Запомните эти два слова: как будто. Все это воображение: *как будто в том доме поселится твой возлюбленный.* Как будто — вы пытаетесь создать галлюцинацию вокруг себя. Когда вы видите прекрасный солнечный закат, вы не говорите: «Смотри, как будто закат очень прекрасен». Ваше «как будто» — это ваше сомнение, ваше «как будто» — это просто ваши предположения.

Только представьте: вы любите женщину (или мужчину) и говорите: «Как будто я люблю тебя». Вы думаете, это будет убедительно для женщины? Если она в самом деле женщина, а не поддельная леди, она непременно стукнет вас как следует! — *Как будто?*

Итак, различие ясно: мистик говорит авторитетно. Поэт же почти никогда не может обойтись без «если» и «но».

Есть замечательная книга одного очень известного философа; она называется «*Как будто*». Искренний человек. Он не говорит: «Бог существует». Он говорит *как будто*: «Я думаю, Бог существует».

Остерегайтесь этих никудышных слов, вроде «*как будто*». Либо вы любите, либо вы не любите — здесь нет среднего.

Это — сеять зерна с нежностью и собирать урожай с радостью, как будто те плоды будут вкушать твой возлюбленный.

Слова прекрасны, но содержимое, основа — на зыбкой почве. Это *как будто* означает, что вы строите замок на песке, надеясь, что ветер все-таки не разрушит его. Но ветры не следуют вашим распоряжениям.

Религиозный человек никогда не пользуется словами «как будто». Это философ, поэт, это слепая личность думает, что *как будто* есть свет. Он не видел его, он слышал о нем. О нем говорит каждый, быть может, они и правы. Но это не его собственное прямое переживание, а если переживание не *прямое* и не *ваше*, то оно и не освобождает. Оно создает крепостную зависимость. Оно сделает вас мечтателем, но грезам нужен сон и бессознательность.

Это — наполнять все, что ты делаешь, дыханием своего духа, и знать, что все благословенные усопшие стоят подле и взирают на тебя,

Видимо, в этом есть какая-то истина, по крайней мере, в этом городе мертвых. Но я не буду называть их «благословенными мертвыми». Благословенно только одно, и это — жизнь. Это чистая манерность, этикет — то, что вы называете мертвых «благословенными». Тогда что вы делаете здесь? Почему не умрете и не станете благословенными? При жизни вас проклинаяют, —

а когда проклятый человек умирает, он становится «благословенным».

Как раз на днях я говорил вам, что здесь храм живого бога. Если вы приходите сюда, приходите всем своим существом, и разделяйте с людьми их радость, их песню. Но до сих пор я видел на стульях — вы что, убрали стулья? — одну леди... Я не назову ее женщиной, ведь «женщина» слово почтенное; это просто леди, подкупленная самцами-шовинистами для того, чтобы функционировать в качестве почти неживой. Я заметил одну женщину, не принимающую участия в вашей песне и в вашей радости. Я вижу не много мертвых людей здесь; всего одна несчастная женщина держится особняком, боится радоваться, боится соединиться, встретиться с вами в духе.

Я посмотрю еще раз, когда буду уходить: происходит чудо или нет. В прошлом такое было не в диковину — Иисус позвал Лазаря, и тот, уже четыре дня мертвый, сразу же ожил. В распоряжении мертвой леди еще целых два часа, чтобы стать живой женщиной.

Известно ли вам, что слово «леди» — отвратительно? Оно значит «хорошо лежащая». И леди полагается лежать внизу во время занятий любовью, почти мертвой — без движения, не проявляя своей радости, не вскрикивая. Это очень хитрая стратегия мужчины, ведь ему известно: у женщины может быть многократный оргазм. У одного мужчины может быть только один оргазм; его любовь проходит за две-три минуты. За это время леди даже не разогреется достаточно, что уж говорить о горячих сосисках...

В течение тысячелетий женщину эксплуатировали такими ловкими способами. Ей внушили, что «это так грациозно — лежать мертвой и сносить всю агонию». Вот отчего все женщины, когда вы занимаетесь с ними любовью, закрывают глаза. Они не хотят видеть, что происходит, потому что они — не участники. А ведь это может быть самым прекрасным танцем встречи, слиянием двух любящих в единстве.

Я не могу поддержать утверждение: *И знать, что все благословенные усопшие стоят подле и взирают на тебя.*

Но в христианской обусловленности... Халиль Джебран — обращенный христианин; его предки переменили свою религию, ислам, на христианство. Все религии, рожденные вне Индии, верят, что у вас есть только одна жизнь, а потом сидите на деревьях — благословенные усопшие — или стойте, как вам угодно, и вечно наблюдайте, пока не придет последний день, судный день.

Иисуса спрашивали снова и снова: «Когда же придет судный день?» Так как его апостолы были алчны, они хотели вступить в рай как можно скорее. И Иисус обманул их — или, возможно, он и сам жил в иллюзии. Он сказал: «Очень скоро. В вашей теперешней жизни вы увидите врата рая распахнутыми. Я буду стоять с моим отцом, Богом, указывая, кто следовал мне — тому будет дозволено войти. А тот, кто не следовал мне, упадет в вечную тьму ада».

Это небольшое изречение повергло Бертрана Рассела, который родился христианином, в сильное раздражение и досаду. Он отверг христианство и написал книгу «Почему я не христианин». Из всех причин, которые он указал, самая значительная такова: вся религия полностью лишена чувства справедливости.

За одну жизнь, сколько грехов вы можете совершить? Если вы будете совершать грехи каждое мгновение — без пищи, без питья, без сна, семьдесят лет безостановочно, — даже тогда вам за этот срок не совершить достаточное количество грехов, чтобы заслужить вечный адский огонь. Вечный! Должна же быть какая-то справедливость.

Бертран Рассел сказал о себе: «Я совершил много такого, что христиане могут осудить как грех, и многое мне снилось такое, что тоже можно осудить как грех. Если мои действия и мои сны собрать вместе — самый строгий судья не сможет отправить меня в тюрьму больше чем на четыре или пять лет».

Вечное осуждение на адский огонь безвыходно, нет способа избавиться от явной глупости, чепухи, неблагоразумия. Но даже такой человек, как Халиль Джебран, все еще обременен этими представлениями.

(Человек из аудитории, посетитель, поднимается, чтобы покинуть холл.)

Посмотрите на этого человека... куда вы идете? Если вы собирались покинуть это место, зачем вы приходили? Эти люди мертвы! Взгляните на его лицо... и на женщину, на которую я указывал; им не следовало позволять входить. Здесь братство, а не демонстрация фильма!

Все же религии, которые родились в Индии, более рациональны в этом смысле. Они верят не в одну жизнь, а в реинкарнацию. Вы продолжаете возрождаться снова и снова. Целая вечность предоставлена вашей жизни — без всякого начала, без всякого конца.

Вот я следил утром — я не увидел ни одной мертвой души, наблюдающей за нами с деревьев. Однако несколько мертвых душ вошло из любопытства — а возможно, это просто полицейские ищейки в штатском. Но я не потерплю никого, кто здесь из любопытства, кто здесь наблюдатель, кто здесь детектив, кто здесь информатор. И вы все должны понять: всякий раз, когда вы увидите кого-нибудь непричастного, — это должен быть последний раз, когда он вошел в этот храм Бога.

Часто я слышал, как вы говорили, будто во сне... Но это как будто продолжается. Он не уверен в том, что говорит. Он просто предполагает — говорили, будто во сне: «Тот, кто ваяет из мрамора и обретает в камне образ своей души, благороднее того, кто пашет землю».

Нобелевские премии присуждаются художникам, поэтам, скульпторам, танцорам. Слыхали вы, чтобы садовник, который создает жизнь, прекрасную жизнь, получил Нобелевскую премию? Крестьянин, который вспахал поле и кормит всех вас, — его когда-нибудь награждали? Нет, он живет и умирает, словно его никогда и не было здесь.

Это безобразное разграничение. Каждая творческая душа — не имеет значения, что она творит, — должна быть уважаема и почитаема, и это будет почитанием творчества. Но даже политики получают Нобелевскую премию — а они не что иное, как ловкие преступники. Все кровопролитие, которое бывало в мире, случалось из-за политиков, и они до сих пор готовят все больше и больше ядерного оружия, чтобы совершить глобальное самоубийство.

В настоящем, честном человеческом обществе творчество будет почетно, уважаемо, потому что творческая душа принимает участие в работе Бога.

И тот, кто ловит радугу, чтобы перенести ее на холст в облике человека, — выше того, кто плетет сандалии для наших ног.

Наше эстетическое чувство не очень богато.

Мне вспоминается Авраам Линкольн. Он был сыном башмачника, а стал президентом Америки. Естественно, все аристократы были ужасно обеспокоены, раздосадованы, раздражены. И это не случайно, что вскоре Авраам Линкольн был убит. Они не могли перенести, что президентом страны стал сын башмачника.

В первый же день, когда ему предстояло выступить по случаю инаугурации в Сенате, как раз когда он собрался встать, один безобразный аристократ поднялся и сказал: «Мистер Линкольн, хоть вы и стали по какой-то случайности президентом страны, не забывайте, что вы обычно приходили со своим отцом в мой дом делать обувь для нашей семьи. И многие сенаторы носят обувь, сделанную вашим отцом, так что никогда не забывайте свое происхождение».

Он полагал, что сможет унижить его. Но нельзя унижить человека, подобного Аврааму Линкольну. Лишь немногие люди, страдающие от неполноценности, могут быть унижены. Величайшие из людей выше унижения.

Авраам Линкольн ответил то, что следовало бы запомнить каждому. Он сказал: «Я очень благодарен вам за напоминание об отце как раз перед моим первым обращением к Сенату. Мой

отец был столь прекрасным и творческим мастером, что не было другого человека, который мог бы создать такие превосходные башмаки. Я хорошо знаю: как бы я ни старался, мне никогда не стать столь же великим президентом, сколь великим творцом был он. Я не в силах превзойти его.

И, кстати, я хочу напомнить всем вам, аристократам, что если ботинки, сделанные моим отцом, жмут вам ноги — ничего, я тоже учился его искусству. Я не великий башмачник, но, по крайней мере, смогу исправить вашу обувь. Только дайте мне знать, и я приду к вам домой».

В Сенате настала мертвая тишина. Сенаторы поняли, что невозможно унижить этого человека. Зато он показал им свое огромное уважение к творчеству.

Не имеет значения, пишете ли вы красками, занимаетесь скульптурой или делаете башмаки; садовник ли вы, крестьянин, рыбак или плотник — это несущественно. Имеет значение, вкладываете ли вы саму свою душу в то, что вы создаете. Тогда в созданных вами продуктах есть нечто от божественного качества.

За исключением творчества, нет ничего божественного.

Но я говорю, не во сне, а в ясном бодрствовании полудня, что ветер беседует с могучим дубом так же нежно, как и с тончайшими лепестками травы.

Сущее обращается со всеми одинаково. Солнце не всходит лишь для богатых людей; так же и ночь полнолуния не посвящается президентам и премьер-министрам мира. Когда дует ветер и приносит благоухание, его не интересуется, известный вы человек или совсем никто.

Сущее — это чистый коммунизм, оно обращается с каждым одинаково. Святой и грешник не разграничены. Вода не скажет грешнику: «Ты не имеешь права утолить свою жажду, ведь ты грешник. Я здесь ради святых». Поучитесь кое-чему у сущего, ибо это единственное святое писание. Я не знаю никакого другого писания, которое свято, — только природа невинна, чиста, священна. Если бы мы послушали природу, человек стал бы частью этого огромного равенства, уважения ко всему, благоговения перед жизнью. Но человек забыл пути природы, он стал абсолютно неестественным. Его страдание — это побочный продукт его неестественной жизни.

И лишь тот велик, кто превращает голос ветра в песню, становящуюся нежнее от его любви.

Однако вам не найти имен этих людей в своих книгах по истории, потому что они не были убийцами большого масштаба — вроде Александра Великого, который убивал без всякой причины, просто из-за идиотского желания завоевать весь мир. Такие завоеватели не могут быть созидателями. Это самые деструктивные люди в мире.

Весь мир давит на Рональда Рейгана, чтобы он прекратил дальнейшую разработку ядерного оружия. Но он, видимо, совершенно безумен. Он не слушает никого. И эти американские политики беспрерывно осуждают Советский Союз. Но именно Советский Союз, видя упрямую позицию Рональда Рейгана, прекратил создание новых ядерных вооружений десять месяцев тому назад. Для этого требуется мужество.

А Рональд Рейган и его компания — это компания трусов. Какой сейчас смысл в такой позиции? Когда Советский Союз тоже создавал ядерное оружие, в этом был какой-то смысл — «Не оставаться позади». Советы, как могли, пытались убедить их: «Мы готовы сократить наше ядерное оружие; начинайте сокращать свое в той же пропорции». Видя, что от такого предубежденного религиозного и политического фанатика, как Рональд Рейган, ожидать нечего, они сами остановились — одни. Это подняло их престиж во всем мире.

Рональд Рейган, вы уже пропащая душа. Вы продемонстрировали свою трусость, и вся ваша пропаганда против Советского Союза, очевидно, не что иное, как ложь.

Вы будете удивлены, узнав, что меня выгнали из Америки без причины, а Советский Союз пригласил меня на международную книжную ярмарку и предложил — если я не смогу

приехать, — чтобы я прислал кого-нибудь со всей моей литературой: «В Советском Союзе хотят знать всю лучшую литературу мира».

Ежегодно в Америке продавалось моих книг на сумму около одного миллиона долларов. И вдруг ни книжные продавцы, ни универмаги — те самые, которые все повторяли: «Ваше предложение не удовлетворяет наш спрос», — не могут поместить мои книги в своих витринах. Кто же фашистская страна сегодня? Америка превратилась в гораздо более фашистскую страну, чем когда-то были Советский Союз или Германия.

Рональд Рейган — очень религиозная личность, он фундаменталист-христианин. Что это за вид религиозности? Он обманывает замечательных американских людей и пытается уничтожить весь мир. Мир никогда еще не видел худшего преступника у власти. Адольф Гитлер оставлен на мили позади.

И эти имена создают историю: Чингисхан, Тамерлан, Надир-шах. Они только разрушали.

Я вспоминаю о Надир-шахе — он захватил Индию, и каждую ночь он требовал прекрасных женщин и вина. Целый день он убивал людей, а ночью был праздник.

Однажды ночью его солдаты привели проститутку, которая была поистине прекрасна. Она танцевала, и Надир-шах был очень счастлив. В полночь он сказал: «Я чувствую усталость, а завтра утром мы намерены захватить еще одну страну. Так что хватит танцевать».

Но хрупкая молодая и прекрасная женщина сказала: «Темной ночью, лесом, мне придется идти к себе в деревню. По крайней мере, позволь мне остаться переночевать. Утром, когда рассветет, я смогу уйти».

Он ответил: «Не беспокойся. Ты гостья не обыкновенного человека; ты гостья Надир-шаха. Я сделаю твой путь светлым сейчас же!» И он приказал своим солдатам поджечь все села на пути, все деревья, чтобы проститутка могла идти при полном освещении. Двадцать деревень со спящими живыми людьми были подожжены, и весь лес был охвачен огнем — ради того, чтобы создать утро среди темной ночи для проститутки, — потому что она была гостьей необыкновенного человека.

И это имена, которые делают историю. Вы никогда не встретите в ваших книгах по истории имена тех, кто скромн, тих, умиротворен.

Но Халиль Джебран прав: *И лишь тот велик, кто превращает голос ветра в песню, становящуюся нежнее от любви.*

Кроме любящего сердца, величия нет нигде.

И у всех вас есть любящее сердце. Просто кто-то должен рассказать вам, что нужно быть открытым, стать доступным существу, жизни, людям, деревьям, океанам — всему, что окружает вас.

Труд — это любовь, ставшая зримой...

Всякий раз как вы творите, вы делаете свою любовь к существу зримой. Но ваши религиозные святые приказывают вам отвергать мир.

В Индии тысячи и тысячи монахов — индусов, джайнов, мусульман, — но все они несозидательны. Они даже не занимаются живописью или поэзией. Нет, труд осуждается, а тем людям, которые осуждают жизнь и ее созидание, поклоняются.

Я спрашивал людей: «Куда вы идете?» А в Индии ходить к святому называется *сэва* — служение. Они будут служить святому. Святой не может трудиться, не может творить, это самая бесполезная личность — ненужное бремя несчастной страны, — и ему необходимо служить.

Я знал прежде поистине замечательного человека, Магга Бабу. Его чрезвычайно утомили эти люди, непрерывно служащие ему, ведь всему есть предел. Бывало, они не давали ему уснуть! Десять человек массировали его... он был такой простой, невинной душой, что не хотел говорить ничего. «Пускай занимаются...»

Но как-то ночью он исчез. Он обычно исчезал не по своей воле. Он был, наверное, единственным человеком, которого непрерывно похищали. Потому что когда одно село послужило ему достаточно, какое-то другое село, воспользовавшись случаем, обязательно похищало его, а ему не хотелось ничего говорить. Если ему говорили: «Садись в рикшу», — он обязательно садился.

Много раз его находили в разных деревнях и приводили назад. Но в конце концов, он так устал...

Я был студентом университета в те дни и время от времени навещался к нему — просто посидеть около этого молчаливого человека, ведь он обычно никогда ни с кем не разговаривал. Но я был счастлив, потому что если рядом больше никого не было, он шептал что-нибудь мне на ухо. И последнее, что он прошептал мне на ухо, было: «Слезы наворачиваются на мои глаза, потому что я не смогу увидеть тебя снова».

Я спросил: «Что случилось? Какое-нибудь указание на похищение?»

Он сказал: «Нет, я так устал от всех этих людей, которые служат мне. Я не могу заснуть, поэтому я собираюсь просто исчезнуть в горах. И я не возвращусь, потому что человечество — это не место, где можно жить молча».

Он был просветленным существом, но ни одна книга по истории никогда не упомянет о нем. История, по-видимому, одержима убийцами, власть имущими — людьми, которые сотворили всевозможные беды в мире и стали не помощью или благословением, а проклятьем.

Если возникнет новое человечество, первым делом надо будет сделать костры из всех этих исторических книг. Избавьтесь от Александра Великого, Наполеона Бонапарта, Ивана Грозного, Адольфа Гитлера, Иосифа Сталина, Бенито Муссолини, Рональда Рейгана. Пусть ваши детские умы не отравляются этими людьми!

Истории следовало бы отмечать созидателей, людей, которые — никто; но из-за того, что они никто, они превратились во флейты — полый бамбук. Дует ветер — и флейта превращает ветер в песню. Это те люди, кого любит сущее, потому что они украшают его.

Но все религии против жизни. Они говорят: «Отвергайте жизнь», — а жизнь включает труд, жизнь включает любовь, жизнь включает все. «Отвергайте жизнь, ибо ваше отвержение жизни станет после вашей смерти входом в рай». Но это всегда *после смерти*.

Все эти религиозные люди и политики сердиты на меня просто потому, что я говорю людям, что жизнь *здесь и сейчас* — не после смерти, не ждите. И жизнь — в любви, жизнь — в созидании, жизнь — в понимании своей сокровенной сущности. Ибо только так сможете вы стать постоянно переполняющимся источником красоты, любви и радости.

Кому нужна жизнь после смерти? Жизнь существует *перед* смертью, а если вы можете жить всей полнотой, для вас смерти нет. Это опыт всех тех, кто вошел в безмолвие. Они были свидетелями величайшего чуда: их сокровенная сущность, их сознание — вечно. Жизнь может забрать одежду, тело, но жизнь не может уничтожить вас. Но только созидатель — и созидатель от любви — превосходит смерть.

Труд — это любовь, ставшая зримой.

Если вы не можете трудиться с любовью, а трудитесь лишь с отвращением, то лучше вам оставить ваш труд, сесть у врат храма и собирать милостыню у тех, кто трудится с радостью.

Если вы не можете быть созидателем, если вы не можете любить труд, если вы не можете любить жизнь, тогда единственная возможность для вас — это просто быть нищим. Любящий — это император, созидатель — это император — без завоевания всего мира. Он пленил целую вселенную чистым, любящим созиданием. Но если вы не способны на это, то, по крайней мере,

садитесь перед храмом, как нищий.

Почему же он предлагает именно храм? Потому что если храм является живым храмом, — а я подразумеваю под живым храмом такой, где мастер все еще жив, — туда будут приходить искатели, любящие, созидатели, и вы постоянно будете видеть, что они такие же человеческие существа, как и вы. Возможно, вы начнете стыдиться нищенствования. Возможно, однажды вы сможете пробудиться и войдете в храм не как нищий, но как искатель истины, как искатель любви, как обучающийся созиданию.

Если вы печете хлеб равнодушно, то хлеб ваш горек,

И он лишь наполовину утоляет голод человека.

Если вы точите из гроздий сок с недобрым чувством, то оно отравляет вино.

Если даже вы поете, как ангелы, но не любите петь, то вы не даете людским ушам услышать голоса дня и голоса ночи.

Пение непрерывно. Птицы поют, цветы поют. Слышите вы это или нет, дело другое. Вы думаете, цветы не поют? Можете считать себя глухими! Потому что я слышал их пение, танец. Даже темной ночью тишина — это песня. Если вы не способны делать что-нибудь, то по крайней мере позвольте существу войти в ваше существо. Оно трансформирует вас.

Я называю науку трансформации медитацией.

Просто сидя здесь, слушая птиц, вы наполняетесь вечным созиданием.

Я пробыл в этом саду семь лет, прежде чем уехать в Америку. Мои люди посадили небольшие саженцы, а сейчас это настоящие джунгли, такие прекрасные, что вам не нужно делать ничего — просто сидите тихо в тени дерева и слушайте, что деревья шепчут друг другу. Между небом и землей есть постоянное общение.

И если вы слышали этот шепот, ваше сердце начнет плясать от радости. Этот шепот станет вашей песней жизни. Этот шепот позволит вам понять Песнь Соломона.

Странно, но в Ветхом Завете, святой книге евреев — а они не приняли Новый Завет в свою святую книгу; Новый Завет посвящен Иисусу и его поучениям... Так вот, в Ветхом Завете есть только одно произведение, которое имеет какое-то духовное значение, — это Песнь Соломона. Но евреи очень боятся, что люди могут узнать об этой песне. Она не обсуждалась в их синагогах, потому что это песня жизни — не отречения, но радости. Это песня любви. Это единственная часть Ветхого Завета, которая действительно религиозна. Ветхий Завет без Песни Соломона не имеет вообще ни ценности, ни значения.

Но рабби, синагоги, ученые — все, кто интересовался Ветхим Заветом, — так или иначе стыдились, что там есть Песнь Соломона, — что с нею делать? А это единственная красота во всем Ветхом Завете, самая суть духовности.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

15. ПО ТУ СТОРОНУ РАДОСТИ И ПЕЧАЛИ

15 ЯНВАРЯ 1987.

Возлюбленный Мастер,

Потом просила женщина:

«Скажи нам о Радости и Печали».

И он ответил:

«Ваша радость — это ваша печаль без маски. Тот источник, из которого доносится ваш смех, часто бывал полон вашими слезами.

А разве бывает иначе?

Чем глубже печаль проникает в ваше естество, тем большую радость вы можете вместить.

Разве чаша, что хранит ваше вино, не была обожжена в печи гончара?

И разве лютня, что утешает ваш дух, не была вырезана из дерева ножом?

Когда вы радуетесь, взгляните в глубину своего сердца, и увидите, что ныне вы радуетесь именно тому, что прежде печалило вас.

Когда вы печалитесь, снова взгляните в свое сердце, и увидите, что воистину вы плачете о том, что было вашей отрадой.

Некоторые из вас говорят: «Радость сильнее печали», — а другие говорят: «Нет, печаль сильнее».

Но я говорю вам: они нераздельны.

Вместе они приходят, и, когда одна из них сидит с вами за столом, помните, что другая спит в вашей постели. Истинно, вы как чаши весов колеблетесь между своей печалью и радостью.

Лишь когда вы пусты, вы в покое и уравновешены. Когда же хранитель сокровищ возьмет вас, чтобы взвесить свое золото и серебро, ваша радость или печаль непременно поднимется или опустится».

Халиль Джебран иногда, почти касается центра вашего существа, а иногда он совершенно упускает цель. И те, кто понимает только поэзию, не смогут отличить — когда он на залитых солнцем вершинах, а когда он, совсем как вы, во тьме долин.

Да, даже когда он с вами во тьме долин, он великий поэт. Он способен изрекать слова, которые звучат очень глубоко. Но они абсолютно пусты. Сегодняшние изречения относятся к этой категории — прекрасная поэзия, но крайне бессодержательная.

Мои комментарии на Халиля Джебрана положат начало новому типу комментариев. Есть почти одна тысяча комментариев на Шримад Бхагавад-Гиту, священное писание индусов. Все они отличаются друг от друга. То же и в случае с другими писаниями — вроде Брахмасутр Бадараяны. Их комментировали столетиями.

Но во всем мире нет ни одного комментария, обнаружившего неправильные или поверхностные изречения. Все это комментарии последователей, а последователи всегда слепы. Они считают, что все написанное в Шримад Бхагавад-Гите обязано быть правильным.

Поэтому я и говорю, что это начало нового способа комментировать. Я не следую никому. Когда я вижу истину, я готов умереть за нее. Не имеет значения, от кого она исходит — от Райдаса, башмачника или Бадараяны, великого пророка, быть может, величайшего индуйста,

который нес в себе некую истину; но если я увижу, что сказанное поверхностно, я не буду скрывать это от вас. И если я увижу нечто фальшивое, я обязательно разоблачу это перед вами.

Все прежние комментарии фальшивы в некотором роде. Все считается правильным — по-видимому, действует идея: «Как может Бадараяна ошибаться?». Поэтому комментаторы старались манипулировать словами, придавать им новые значения, новые оттенки, — просто отстаивая ту идею, что Бадараяна неизменно прав.

Я не могу делать так. Я могу согласиться с каждым, если истина есть, и я буду противоречить любому в противном случае. Невзирая на древность и невзирая на почтение, я все-таки не соглашусь, так как, по-моему, вопрос не в человеке, который написал книгу. Вопрос в том, чтобы всегда быть с истиной и никогда не допускать неправды из преданности.

Халиль Джебран не может быть последовательным, ведь он великий поэт — но только поэт; он не мистик. Он не видел реальности во всей ее полноте. У него не было переживания себя, своей собственной индивидуальности.

Но он маг во всем, что касается слов. Даже в этих изречениях его магия глубока; однако смысл опускается.

Потом просила женщина: «Скажи нам о Радости и Печали». И он ответил: «Ваша радость — это ваша печаль без маски. Тот источник, из которого доносится ваш смех, часто бывал полон вашими слезами».

Красота слов, выразительность поэзии, но нет глубины смысла. Это изречение верно лишь для тех, кто крепко спит и бессознателен. Утверждение не истинно; оно просто демонстрирует вашу сонливость, вашу бессознательность.

Что касается бессознательного человека, то его радость — не что иное, как его печаль без маски, поскольку бессознательный человек живет в противоречиях. Его радость и его печаль — лишь две стороны одной медали. Его смех и его слезы внутренне не различны, они исходят из одного и того же источника...

Я вам приведу одно из самых значительных изречений Фридриха Ницше... а в этот момент хорошо вспомнить Фридриха Ницше, поскольку Халиль Джебран испытал влияние Фридриха Ницше больше, чем чье-либо еще. Фактически, он написал книгу «Пророк» под влиянием книги Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра».

В «Заратустре» Фридрих Ницше говорит: «Я смеюсь из-за страха, что если не буду смеяться, то начну плакать. Мой смех — это только способ скрыть мои слезы».

Вы замечали, что очень толстые люди кажутся всегда более улыбчивыми, счастливыми, радостными? С чего бы это? — ведь толщина не может создать радость. Истинная причина в том, что толстый человек становится все более и более безобразным, и его глаза полны слез. Он знает о своем безобразии, ему известно, что он упустил шанс быть прекрасным. Чтобы скрыть этот факт, он больше улыбается, больше смеется, кажется всегда радостным. Он может и не осознавать этого феномена, потому что чем бы ни занимались бессознательные люди, им не дано знать, почему они ведут себя так.

Просто чтобы подчеркнуть этот факт, я хотел бы напомнить вам, что у евреев — лучшие и самые замечательные шутки в мире. А это те люди, которые пострадали больше всех. Я разыскивал годами хоть одну индийскую шутку, но не преуспел в этом; все шутки заимствованы откуда-нибудь еще. Их источники не в Индии. Большинство из них приходит от евреев.

Это выглядит очень странно: раса, которая страдала так сильно почти четыре тысячи лет, подвергалась мучению всеми возможными способами, жила без родины, миллионы были убиты, зарезаны... и, тем не менее, у них самые утонченные шутки. Психологическая причина в том, что они хотят скрыть свои раны. Они хотят забыть свое несчастье, свою муку.

Я слышал рассказ одного из моих саньясинов, который был в концентрационном лагере

Адольфа Гитлера в Германии. Война окончилась, он выжил просто случайно. Он рассказывал мне... — он не еврей, но когда миллионы людей сжигаются в газовых камерах, кому какое дело, кто вы? Он проживал с еврейской семьей, и его тоже схватили. Он отрицал, что он еврей, но кто мог услышать?

Он рассказывал мне: «Самый странный феномен я увидел в концентрационном лагере, где были тысячи евреев, — подавленные, униженные такими жуткими способами, каких до этого никогда не бывало. Сначала все их имущество обязательно отбиралось; даже наручные часы не позволяли оставить. Отбирали одежду. Они вынуждены были стоять голыми — мужчины, женщины и дети — в длинных очередях для медицинского обследования, стоять часами. Однако они острили и смеялись. Они шутили друг с другом».

Они знали, что пришло их время умирать. Завтрашний день никогда не был более неопределенным. Даже когда они входили в газовые камеры... а они знали, что каждый, кто вступал в те камеры, уже никогда не возвращается. Они уже видели тысячи людей, входящих в газовую камеру, и через минуты трубы газовой камеры выпускали дым. Так быстро технология убивала всех тех людей.

За пять минут перед входом в ту камеру они знали, что в последний раз видят прекрасный мир, деревья, цветы, людей, своих детей, свою жену, мать, старого отца, — и тем не менее, они шутили.

Он был озадачен. Он был не в силах понять, ведь он индус. Он приехал в Германию учиться. Совершенно случайно богатая еврейская семья проявила интерес к нему; он был гениальным человеком — и они попросили его: «Не останавливайтесь ни у кого другого. Будьте нашим гостем». Там его и схватили.

Но больше, чем газовая камера, концлагерь и всевозможные унижения, его озадачило другое: «Что же, в конце концов, за люди эти евреи? Как можно смеяться в такое время?»

Индия не имеет своих собственных шуток по определенной причине. Она никогда не страдала так, как страдали евреи. Есть еще одна причина — ее религия учит принимать страдание как наказание от Бога за злые действия в прошлом.

«Будьте терпеливы, примите это — и вы будете хорошо вознаграждены после смерти».

Но у евреев нет никакого «после смерти». Это единственная жизнь, известная им. Это единственные люди, единственные деревья, единственные солнце и луна, известные им. И они постоянно подвергались мучению.

Сначала их мучили в Египте как невольников. Моисея следует признать одним из величайших революционеров мира: он призвал их к восстанию. Это было очень трудно, ведь они уже привыкли к страданию. Вы видели все те великие пирамиды? Их создали не египтяне — да, они были созданы для египетских королей и королев, но их создали еврейские невольники.

Современная наука не в состоянии понять, как такие громадные каменные блоки — даже сегодня у нас нет таких кранов — были водружены на вершину высоко стоящей пирамиды. Как же египтяне управлялись четыре тысячи лет тому назад? Честь эта не принадлежит египтянам. Напротив, те пирамиды стоят как осуждение египетским королям и королевам. Это их могилы, но прежде чем могила для короля или королевы была готова, умирали тысячи евреев — сооружая могилу, пирамиду.

Египетские солдаты шли следом, когда евреи переносили те огромные камни на своих плечах. А ноша была такой, что многие гибли под ней, раздавленные камнем, валуном. Мертвое тело отбрасывали на обочину дороги, и другой еврей занимал место, чтобы нести камень. Даже если тысяча жизней требовалась, чтобы водрузить камень на вершину пирамиды, — колебаний не было. А по обеим сторонам египетские солдаты непрерывно били людей: «Лентяй! Не из-за тяжелого валуна ты так неповоротлив, ты просто ленив!» Многим пришлось умереть от побоев.

С ними обращались гораздо хуже, чем когда-либо обращались даже с животными.

И в такие времена Моисею кое-как удалось убедить их: «Вы Богом избранные люди, и я пришел освободить вас». Я знаю, это была фикция, но она, конечно же, была необходима, ведь те евреи уже полностью лишились человеческого достоинства. Кто-нибудь должен был убедить их: «Вы — человеческие существа; и не только человеческие существа, но самые высокие человеческие существа, истинные избранные Божьи. Следуйте за мной из Египта, и я покажу вам, что Бог подготовил для вас прекрасную землю, Израиль».

Все это было чудесным вымыслом. Но это сработало, евреи ушли из Египта. Израилья не было нигде. Сорок лет они скитались по Среднему Востоку в огромной пустыне, без пищи, без воды — как нищие, спрашивая снова и снова: «Где же Израиль? И сколько еще ждать?»

Я думаю, что было так: разочарованный и усталый Моисей, в конце концов, указал им место, к которому у него хватило сил довести их, — «Вот Израиль». Там была бесплодная земля. За те сорок лет почти девяносто процентов первых людей, которые оставили Египет, умерли. Сорок лет — немалый срок. А когда вы страдаете, он становится еще дольше.

Время очень растяжимо. Когда вы счастливы, оно течет быстро: вы сидите со своим другом несколько часов, а кажется, прошли только минуты. Но когда голод, жажда, вокруг пустыня, и насколько видит человеческий глаз — никакого Эдемского Сада... не было сомнений, что этих людей ожидает гибель.

Когда Моисей добрался до места, которое он назвал Израилем, его окружали почти сплошь новые люди, которые родились в пути; был огромный разрыв. Разрыв поколений, о котором вы говорите сегодня, впервые ощутил Моисей и его люди. У тех новых людей не было понятия, кто этот парень Моисей, и не было возможности взаимопонимания.

Потому Моисею пришлось оставить землю и новое поколение под предлогом: «Я собираюсь разыскать одно из наших племен, которое сбилось с пути где-то в пустыне». Это была правда: одно племя евреев сбилось с пути и достигло Кашмира — а Кашмир больше походит на Божий сад, чем Израиль. Поэтому они и осели там, полагая, что это они уже достигли цели, а все другие сбились с пути в пустыне.

Моисей обнаружил их под самый конец своей жизни. Он умер в Кашмире. Я побывал на его могиле... потому что в Индии есть только две могилы — одна Моисея, а другая Иисуса, — на которых древнееврейские надписи. И обе могилы в одном месте, в Пахалгаме в Кашмире. Слово *Пахалгам* означает «деревня пастуха». Ведь Иисус обычно говорил: «Я пастух, а вы овцы. Следуйте за мной: я провожу вас к вашему истинному дому, к вашей истинной земле».

Пахалгам по-кашмирски значит «деревня пастуха». Удивительно, что Моисею и Иисусу пришлось умереть в Индии, где нет евреев. Оба были евреями. Помните, Иисус никогда не слышал слова «христианин». Он никогда не знал, что будет известен как «Иисус Христос», ведь в древнееврейском нет такого слова, как «Христос». Он обычно называл себя «мессия». *Христос* — это греческий перевод слова *мессия*. И, разумеется, его последователи стали известны как христиане. Так или иначе, Иисус родился евреем, жил евреем, умер евреем. Два великих еврея... Удивительные тайны сущего должны были прийти на землю, где не было других евреев. И это было хорошо — иначе их бы обязательно распяли.

Евреи не могли простить Моисею, что он обманул их, — несмотря на то, что этот человек освободил их от долгого-долгого рабства. Но он остановился в плохом месте, а потом сбежал. Видя, чем закончились эти сорок лет... и, естественно, он был так измучен.

Они не смогли простить также и Иисусу, ведь это во имя его было основано величайшее и богатейшее предприятие — христианство. Как же могут евреи простить? Их собственный сын основал величайшее учреждение, и оно в чужих руках.

С того времени евреи в беде. Израиль окружен сейчас мусульманами. Четырнадцатую

столетиями раньше он был окружен разбойниками, единственным занятием которых было убивать и грабить, потому что земля не приносила никакого пропитания. Караваны, проходящие через пустыню, подвергались грабежам, убийствам — это было единственное занятие людей пустыни. Сначала они мучили евреев, как только могли, а потом пришли мусульмане. Мохаммед дал тем же самым кочевникам исламскую религию.

После Мохаммеда Израиль оказался в окружении. Небольшой островок в огромном океане мусульман. Они подвергались мучениям — их так терзали, что, в конце концов, прогнали с собственной земли и даже изменили название Израиля. До 1947 года он назывался Палестиной, это была мусульманская страна.

И вот самым отвратительным политикам Америки и Британии после Второй мировой войны удалось, оккупировав Палестину, вернуть евреям их землю. Евреи подумали, что это христианское великодушие, — это было не так. Истина в том... хотя никто не высказывает этого, — истина в том, что американские политики снова поставили их в ту же ситуацию, и мусульмане непрерывно будут притеснять их. Израиль не сможет существовать.

Теперь это становится проблемой престижа. Они вложили все свои деньги в Израиль, они приходят со всего мира жить на своей родной земле, а мусульмане заставляют их возвращаться: «Это не ваша страна». Американская хитрость никогда не достигала такой высоты. Таким милым способом они уговорили евреев, которые и сами просили: «Нам нужна земля, наша собственная страна». Теперь они зависят от Америки; Израиль — не суверенная страна, и никогда не сможет ею быть. Если Америка перестанет снабжать их оружием, на другой же день они будут перебиты. Так что это хорошая сделка и хорошая политика. Америка избавилась от своих собственных евреев. Это фанатичный христианский ум, но они нашли очень ловкий способ избавляться от евреев, не убивая их.

Адольф Гитлер убил шесть миллионов евреев, но он был, по крайней мере, откровенным. Америка ставит всех евреев на грядущие века в положение непрерывного пребывания в газовой камере. И в любой день Америка может решить: «Мы больше не можем разбазаривать оружие, мы помогли достаточно». А они не помогают задаром — американские евреи платят. Они — величайшие покупатели всего старого, негодного оружия, которое не нужно Америке. Его продают евреям, и те будут оставаться в постоянной нужде, и в постоянной паранойе.

И все же до сих пор они смеются лучше всех. Они продолжают находить замечательные шутки. Психология проста: все их существо наполнено слезами, и они не хотят выставлять этого перед миром. Любого предлога посмеяться им достаточно. Вот поэтому-то я и говорю, что утверждение Халиля Джебрана — поверхностно.

Это противоречие между смехом и слезами, между радостью и печалью — просто часть ума. Ум не может жить без противоречий.

Но Халиль Джебран не знает ничего за пределами ума. Время от времени у него бывают проблески сердца, но это — лишь остановка в середине пути. Это не ваша подлинная сущность. Разумеется, это лучше, чем ум, но не обманывайтесь этим, ведь это тоже часть того же самого тела, что и ум. И ваш ум, и ваше сердце умрут со смертью тела.

Найдите то, что не собирается умирать, — тогда вы будете знать, что противоречия нет. Когда улыбается Гаутама Будда, он не скрывает слезы. Фактически, если Гаутама Будда плачет, льет слезы, вы найдете в тех слезах тот же смех, ту же улыбку, то же благоухание. Они не от печали; они появляются от переполняющей радости.

Смех — это радость, и слезы — тоже радость для человека, познавшего запредельное, для человека, который просветлен.

А разве бывает иначе? Халиль Джебран спрашивает: «Это бывает единственным способом. Как еще это может быть?»

Чем глубже печаль проникает в ваше естество, тем большую радость вы можете вместить.

Это абсурд, абсолютно неверно.

Халиль Джебран всю свою жизнь прожил в Америке. Хотя он родился в Ливане, но жил в Америке. В этом одно из исторических бедствий, что только Восток знает тайну медитации; Запад не понимает ее.

Если бы Халиль Джебран был на Востоке, он бы обязательно коснулся тех же высот сознания, что и Лао-цзы или Бодхидхарма. А ведь он более ясно выражал свои мысли, чем Гаутама Будда или Махавира. Если бы он соприкоснулся со всеми теми высотами и оставался на них, он бы обязательно стал величайшим человеком на земле, потому что ни у Гаутамы Будды, ни у кого-либо другого нет такой поэзии. Но они знают истину.

Он говорит: *А разве бывает иначе?* Бывало!

Я говорю вам: и может быть! И это может быть с каждым, кто готов искать и исследовать. Это не вопрос поэзии. Поэзия — талант, так же как талантом является живопись или скульптура. Но знать себя — вот ваше основное право, единственное основное право, которому не в силах воспрепятствовать никакое правительство, никакая атомная энергия, никакое ядерное оружие. Они могут уничтожить вас, но им не разрушить ваше запредельное. Ваше запредельное — часть единого сущего, и здесь никогда не бывает противоречия. Слова Гаутамы Будды гласят: «Возьмите воду из океана где угодно, и вкус будет одним и тем же, всегда одним и тем же».

Из-за того, что Халилю Джебрану ничего не известно о медитации, он полагает, что *чем глубже печаль проникает в ваше естество, тем большую радость вы можете вместить*. Если вы не осознаете возможностей медитации, вам будет трудно не согласиться с ним. Но я не согласен в этом пункте, и не согласен совершенно. Здесь не может быть никакого компромисса или обсуждений — он ошибается. Он не знает, что в вашем существе есть место, которого нельзя достичь через углубление вашей печали, но которое достигается молчанием вашего ума, наполнением вашего сердца любовью.

Тогда только — в этой тишине, в этой наполненной любовью тишине, — распускаются цветы вечной радости, жизни, красоты. Вы достигаете реализации своего потенциала. Тогда вам не страшна Хиросима или Нагасаки, вам не страшны газовые камеры Адольфа Гитлера, вам не страшно ядерное оружие Рональда Рейгана. Потому что они могут отобрать только то, что не является вашим.

Они не могут уничтожить того, что действительно ваше. Ваше тело, ум, ваше сердце — все было дано вам вашими родителями, другими телами. То, что не дано родителями, — это ваше существо, у которого есть своя собственная история пребывания во многих телах, обладания многими умами и многими сердцами и которое будет иметь свою собственную историю. Даже если эту планету уничтожат те идиоты, которые находятся у власти, ваше существо будет на какой-то другой планете.

Во вселенной пятьдесят тысяч планет, где существует жизнь.

Человек медитации абсолютно бесстрашен.

Разве чаша, что хранит ваше вино, не была обожжена в печи гончара?

Прекрасные слова. Больно критиковать Халиля Джебрана, но я беспомощен. Вы видите заблуждение? Он говорит: *Разве чаша, что хранит ваше вино, не была обожжена в печи гончара?* Чаша была обожжена в печи гончара, не вы. Как же это способна печаль чаши, обжигаемой в печи гончара, создавать в вас глубину, которая сможет вместить радость?

Вы должны быть обожжены в печи гончара, не чаша. Какая здесь связь? Чашу можно разбить — вы не будете разбиты. Чашу можно выбросить — вы не будете выброшены. Вы не чаша. Странно, что вы пытаетесь достичь радости через страдание и боль чаши!

Никто не хочет идти через огонь, а медитация — это, несомненно, прохождение через огонь, потому что он должен сжечь мусор, которым заполнена ваша голова. Он должен будет очистить ваше сердце, за которое вы цепляетесь, как за сокровище. Он должен будет обнажить вас, ведь одежда, которую вы носите, не что иное, как ваша боль и страдание, тревога и мука.

В огне медитации все, что не является вашей подлинной реальностью, все заимствованное будет сожжено. Тогда то, что останется, и есть самое существенное, бессмертное: даже смерть не в силах уничтожить это. Но никто не хочет идти через огонь.

Мне вспомнилось кое-что, что полицейский комиссар должен знать. Индуистская реинкарнация Бога, — Рама, сражался против своего врага Раманы, потому что Рамана похитил его прекрасную жену Ситу и держал ее в заключении в прекрасном саду.

Он не поступал с ней дурно. Со всем подобающим уважением все ее нужды исполнялись, с ней обращались как с королевой — она *была* королевой. Борьба шла с Рамой, не с Ситой.

После трех лет непрерывной войны Рама победил врага, Сита была освобождена... и вы сталкиваетесь с одной из самых безобразных сцен в индуистских писаниях. Потому что первый вопрос, заданный Рамой, — это вопрос, который будет задавать каждый самец-шовинист: «Ты чиста по-прежнему? А если ты чиста, то должна будешь пройти испытание огнем. Тебе, придется идти сквозь огонь, и если ты выйдешь живой из огня, я приму тебя. Если же ты не выйдешь живой, то нет и речи о принятии».

Но, я говорю, это одна из безобразнейших сцен в этом самом любимом индуистском писании, Рамаяне, истории Рамы, — ведь он спрашивает о чистоте Ситы; он не дает никакого доказательства *своей* чистоты. А это хорошо известный факт: женщине очень легко оставаться целомудренной, потому что у нее каждый месяц бывает периодическое освобождение сексуальной энергии. Однако мужчина в затруднении, он не располагает такого же рода освобождением. Его сексуальная энергия продолжает накапливаться и становится все более и более обременительной. Она должна быть высвобождена.

Если бы он был на самом деле человеком понимания... Индуисты считают его воплощением Бога. Я говорю, что, если бы он был только человеком *понимания*, он бы обязательно последовал за Ситой, рука об руку через огонь, чтобы предоставить ей доказательство своей чистоты.

Но это шовинистическое общество самцов, и все ваши религии — шовинистические, они созданы самцами, и там господствуют самцы. А невинная Сита даже не спрашивает: «А как же ты? Так же как я была три года вдали от тебя, ты был три года вдали от меня. Мы в одинаковом положении. Фактически, я находилась в заключении, и человек, державший меня в заключении, твой враг, — один из самых ученых людей, известных Индии.

Он даже не коснулся моего тела. Со мной обращались как с королевой. Он предоставил мне свой лучший сад, свой лучший дворец для жилья. Но ты был свободен — как насчет твоей чистоты?»

Нет, Сита не спросила этого. В этом и состоит ее скромность, ее красота и изящество. Рама опускается гораздо ниже Ситы. Она прошла через огонь, ни о чем не спрашивая.

Я говорю это с тем, чтобы полицейскому комиссару стало ясно, почему я критикую другие религии: ведь они — это также и мое прошлое; все прошлое человека — это и мое прошлое. Я имею право оглянуться и посмотреть, где человек сбился с пути; и не третьеразрядному правительственному служащему мешать мне.

И даже после испытания огнем, когда Рама возвратился с Ситой в свою столицу в Айодхью, он опять повел себя жестоко. Жена мойщика белья не вернулась ночью домой, а когда утром она пришла домой, тот заявил: «Убирайся! Я не Рама, чтобы принимать жену, которая была три года в руках врагов».

Рама доложили: «Мойщик белья критиковал тебя!» Сита дает доказательство перед тысячами очевидцев, но всего лишь критика мойщика белья... и хотя она теперь беременна, Рама оставляет ее в лесу, в общине учеников браминов. Как говорилось столетиями в этой стране, «Какую великую жертву он принес!».

Я изумлен. Это жертва, или просто жадность из-за королевства? Это жертва, или просто жажда почестей? Он трус! Он не последовал за ней ни в огонь, ни в лес. Он мог сказать: «Если люди моей столицы не доверяют мне — я отказываюсь от этого королевства, но я не могу отказаться от женщины, которая прошла испытание огнем перед тысячами очевидцев».

Ему жалко королевства, ему жалко почестей. И кто же оказался жертвой? Сита жертва. А люди говорят: «Посмотрите, какую великую жертву принес Рама».

Принести в жертву кого-нибудь другого очень легко. Если бы он пожертвовал собой, королевством, почестями, я любил бы его как одного из великих людей, великую душу. Но если мне предлагают, чтобы я, зная все факты, признал его реинкарнацией Бога, — я отказываюсь. Он даже не человеческое существо. Он — недочеловек, просто политик.

И вы говорите мне, что я не должен критиковать? Я критикую, потому что хочу очистить путь человечеству, будущему. В противном случае мы будем продолжать повторять одни и те же идиотские идеи.

Я не против кого-либо. Я попросту забочусь, чтобы нового человека не обременяло гнилое прошлое. По существу, я не критикую прошлое, моя критика — в поддержку нового человека, с целью подготовить почву для нового человечества. Никто не может помешать мне.

И разве лютня, что утешает ваш дух, не была вырезана из дерева ножом?

Потому что он не понимает и не способен заявить: «Я не знаю ответа на ваш вопрос...» Было бы гораздо замечательней, если бы Альмустафа сказал женщине: «Ответа на ваш вопрос я не знаю — вам придется поискать кого-то другого, кто сможет ответить на него». Но он старается скрыть свое неведение за прекрасной поэзией.

И разве лютня, что утешает ваш дух, не была вырезана из дерева ножом?

Лютня, вырезанная ножом, — не ваше сердце, не ваше существо. Так что если она успокаивает... — это не духовный рост. Это не утешает ваш дух, как говорит он: это утешает только вашу голову. И не благодаря ножу, не благодаря боли, через которую проходит лютня. Какое вы имеете отношение к лютням и чашам?

Меня просто изумляет, что такой человек, как Халиль Джебран, не осознает, о чем говорит, и что никто никогда не возразил ему. Ведь если Халиль Джебран не осознает, то что же говорить о людях, которые читают Халиля Джебрана по всему миру? Красота, замечательная поэзия — они загипнотизированы всем этим.

Но ничто не может загипнотизировать меня. И я не делаю никакого различия: если я увижу, что что-нибудь не так с Рамой, я непременно скажу об этом. Если я увижу, что что-нибудь не так с Иисусом, я не собираюсь просто промолчать, чтобы христиане не гневались на меня, чтобы не разрушали мои коммуны, чтобы моим саньясином не препятствовали, чтобы меня не изводили, не мучили любым возможным способом, не наказывали без всякой вины.

И вот двери всех стран закрыты, я не могу войти. Я не прихожу с армией, но не вынуждайте меня — ведь я могу ухитриться прийти и с армией тоже, а армиям не нужны визы.

Халиль Джебран никогда не был учеником. Поэтому он не понимает многих вещей, которые может понять только ученик. Он никогда не был мастером, поэтому он не осознает полную истину. Он никогда не был мистиком, он был только великим поэтом. И я избрал его для своих комментариев, чтобы показать вам, как не обмануться прекрасными словами. Всегда смотрите вглубь, содержат ли они что-нибудь. Не беспокойтесь о сосудах — сосуды могут быть прекрасными, очень эстетичными, — а внутри? Там нет ничего, только тьма и пустота.

И Халиль Джебран — подходящая личность для выбора, потому что иногда он летит, как орел к солнцу, а иногда просто сидит в своем гнезде; вы не способны будете провести границу. И мои усилия направлены на то, чтобы заставить вас осознавать так, чтобы даже величайший поэт не смог обмануть вас, чтобы даже величайшее имя не смогло испугать вас: «Как можно сказать, что Махавира мог ошибиться, Гаутама Будда мог упустить суть?»

Когда вы радуетесь, взгляните в глубину своего сердца, и увидите, что ныне вы радуетесь именно тому, что прежде печалило вас.

Это слишком заурядно. Было бы хорошо, если бы он не говорил этого, это ниже его. Всем известно — когда вы теряете то, что радует вас, это приносит печаль. Что за великое открытие?

Когда вы печалитесь, снова взгляните в свое сердце...

Не нужно заглядывать снова и снова в сердце, это такие очевидные факты: *и вы увидите, что воистину вы плачете о том, что было вашей отрадой.*

Я говорю вам, никогда не заглядывайте в сердце без необходимости! Потому что это может сделаться вашей привычкой — какая-нибудь глупость, и вы начнете заглядывать в сердце. Для таких поверхностных вещей даже просто заурядного ума, отсталого ума довольно. Поэтому заглядывайте в свою отсталость, если уж вам хочется, — иначе не стоит. Эти вещи так поверхностны; но если вы чувствуете, что *должны* заглянуть, тогда загляните в свой отсталый ум. Оставьте сердце для тех случаев, когда ваш ум бессилён, когда даже величайший ум беспомощен. Тогда, и только тогда, заглядывайте в свое сердце.

Здесь Халиль Джебран заставляет заглядывать в свое сердце точно так же, как всякий раз, когда, нервничая, вы заглядываете к себе в карман за сигаретой, чтобы закурить, и в курении забыть проблему, тревогу и возбуждение. Люди курят из-за своего возбуждения.

Сердце — это святыня. Стучитесь в двери сердца только в те мгновения, когда ваш ум чувствует, что его возможности исчерпаны.

Но ни разу он не упоминает: «Загляните в свое существо». Он даже не осознает того, что все эти глубокие истины и секреты не содержатся в сердце. Придет момент, когда даже сердце не сможет помочь вам. Тогда у Халиля Джебрана не будет ответа для вас. Но у меня есть ответ:

В этом случае двигайтесь дальше, за пределы сердца, загляните в свое собственное существо. Только это должны быть весьма редкие случаи, они не должны сделаться привычными: то, что печалит вас, то, что радует вас...

Когда вы печалитесь, снова взгляните в свое сердце, и увидите, что воистину вы плачете о том, что было вашей отрадой.

Некоторые из вас говорят: «Радость сильнее печали», — а другие говорят: «Нет, печаль сильнее».

Да, в мире есть только два вида философии. Есть языческие философы, которые исчезли из мира. Они говорят: «Ешь, пей и веселись, потому что радость сильнее печали. Пусть твоя жизнь будет постоянным удовольствием; женщины и вино, и нет другой истины. Не трать попусту свое время».

Но эти языческие философы исчезли, потому что все священники мира против них. Если правы они, то кому же слушать священников в храмах, в мечетях, в церквях. Зайдите в церковь и посмотрите — вас будет окружать печаль. Несчастный Иисус Христос, висящий на кресте, — конечно, вам не до танцев в храме. Это было бы совсем неуместно. Вы не сможете петь песню любви в церкви, у вас не может быть утробного хохота в церкви. Церковь — это почти кладбище. Вы сидите там как мертвые — грустные и печальные. И это считается религией!

Вот почему вы не видите ваших святых улыбающимися. Вы будете удивлены, если обнаружите вашего святого, который занимался богослужением, за игрой в карты. Вы скажете: «Боже мой, а я прежде считал этого человека великим святым».

Но я не вижу никакого противоречия. Почему не может великий святой играть в карты? Да, он будет играть в карты без жульничества, это я понимаю... Но вы не позволите вашим святым танцевать.

А я говорю вам: если святой не способен танцевать, он не значит ничего. Он просто труп, который умер давным-давно. Не ходите возле таких людей, потому что они могут быть заразными. Они могут нести множество болезней; грусть — это болезнь, скорбь — это болезнь.

Вам никогда не стать молодым, если вы не сможете смеяться, если не сможете любить, если не сможете танцевать, если не сможете петь.

Я был в городе, когда маленького мальчика, лет десяти наверное, инициировали как джайнского монаха. Сейчас джайнские монахи — самые больные люди во всем мире. Я спросил родителей ребенка: «Вы сошли с ума? Сами по-прежнему производите детей, и в то же время очень довольны и горды тем, что ваш десятилетний молодой мальчик собирается стать джайнским монахом. Неужели вы не понимаете, о чем речь? Вы отбираете у своего мальчика его юность. Из десяти лет он просто совершит квантовый скачок, ему сразу станет семьдесят. Шестьдесят лет вы уберете из его жизни.

Он никогда не сможет любить, он никогда не сможет видеть красоту существования. Он никогда не будет молодым. Вы делаете его стариком! Все вы убийцы — и очень гордитесь этим. Из-за вашей гордости этот невинный мальчик готов, совсем не понимая, что происходит, стать монахом».

Но они разгневались на меня. Они сказали, что я должен оставить их храм. Я ответил: «Это не храм. Я собираюсь сообщить в полицию, что несколько человек убивают молодого мальчика десяти лет и их нужно остановить. Позвольте ему расти. Позвольте ему найти свое собственное небо, и если однажды он найдет что-то более прекрасное, что-то более юное, что-то более животворное, нечто такое, что принесет песню его устам и танец его ногам, тогда он будет святым».

Но люди так слепы, так до крайности слепы — они не способны увидеть простые факты жизни. Все эти религии говорят: «Нет, печаль сильнее», — потому что ваши слезы отмоют ваши преступления. Что за преступления вы совершили?

У меня была постоянная проблема с моим отцом — он обычно говорил мне: «Ты уже не ребенок. Ты должен начать ходить в храм, ты должен начать богослужение. Ты должен начать молиться». Но я говорил: «Зачем?»

Он отвечал: «Просто чтобы отмыть все свои преступления». Я говорил: «Это странно. Я не совершал никакого преступления и все же должен мыться?»

Я рассказал ему: В небольшой школе перед малыми детьми христианский священник говорил, что, если вы живете безгрешно, если вы отойдете и откажетесь от всего, что противно религии, награда ваша будет безмерной в другом мире. А потом он спросил мальчиков: «Каков же путь в царство Божье?»

Поднялся малыш и заявил: «Сначала совершить грехи». Священник возмутился: «Что? Я потратил все свое время, говоря вам: "Откажитесь от грехов!"».

«Но, — сказал мальчик, — я не совершал никакого греха. Как же я могу отказываться от чего-то, чего у меня нет? Сперва позвольте мне совершить все грехи. Пожалуйста, научите нас грешить. Когда мы нагрешим достаточно, мы откажемся от этого, и войдем в царство Божье».

Это было в последний раз. Мой отец сказал: «Я сказал все. Не изводи меня».

Я ответил: «Странно... это ты изводишь меня! Я никогда не принуждал тебя ходить в какой-нибудь храм. Я не забочусь о том, что произойдет после смерти. Я озабочен тем, что же происходит сейчас? А если ты совершил преступление, грехи, это твоя проблема. Ты должен идти в храм, ты должен молиться, но дай мне жить моей жизнью. И если я почувствую, что это

неправильная жизнь, я откажусь».

Лет тридцать, сорок, должно быть, прошло после этого диалога с моим отцом, но я тем не менее не обнаружил, что жизнь — это преступление или грех. Я жил дальше, я жил глубже, я обнаружил, что люди, отказавшиеся от жизни, — несчастны, потому что царство Божье не в отказе от жизни, а в том, чтобы радоваться жизни, обнажаясь... совсем как луковица, когда вы чистите ее. Продолжайте очищать — и вы обнаружите, в конце концов, чистую пустоту в своей руке; ведь луковица — не что иное, как слой за слоем, слой за слоем — такова и жизнь. Продолжайте очищать ее. Продолжайте жить глубже, глубже и глубже, и в конце концов у вас в руках будет пустота Будды, называемая окончательной истиной. Вы уже вступили в царство Божье.

Но я говорю вам они нераздельны.

Опять он приходит к той же точке зрения — что радость и печаль неотделимы. Поэтому ни радость, ни печаль не является более сильной; *они нераздельны.*

И это верно для слепого, для сонного, для бессознательного. Но те, кто хоть немножечко бдительны, могут превзойти обеих. *Они нераздельны* — поэтому в тот миг, когда вы превосходите печаль, вы также превосходите и радость. В их трансценденции — тишина, мир, блаженство, благословение.

У Халиля Джебрана есть способность превзойти это поверхностное интеллектуальное понимание — существуют моменты, когда он поднимается над этим; однако он неизменно снова падает.

Вместе они приходят, и когда одна из них сидит с вами за столом, помните, что другая спит в вашей постели.

Он прав в отношении заурядного, спящего человечества. Но он не прав в отношении Гаутамы Будды, или в отношении Махавиры, или в отношении меня.

Истинно, вы как чаши весов, колеблетесь между своей печалью и радостью.

Лишь когда вы пусты, вы в покое и уравновешены. Когда же хранитель сокровищ возьмет вас, чтобы взвесить свое золото и серебро, ваша радость или печаль непременно поднимется или опустится.

И я говорю вам, что ум может быть уравновешен — если ваша печаль и ваша радость уравновешены, вы обнаружите себя в покое; однако не о танце я говорю и не об экстазе. Этот покой — разновидность смерти. Вы не превзошли — просто чаши весов уравновешены.

Когда же хранитель сокровищ возьмет вас, чтобы взвесить свое золото и серебро, ваша радость или печаль непременно поднимется или опустится, — а я говорю вам: это абсолютная бессмыслица. Так будет происходить, если вы в покое просто из-за равновесия — пятьдесят процентов радости, пятьдесят процентов печали. Естественно, вы ни радостны, ни печальны. Вы почувствуете некое равнодушие, тупость.

Эта тупость не духовна. Вы обнаружите таких тупых людей повсюду. Они выглядят чрезвычайно скучными. Ведь даже если они печальны, по крайней мере, что-то происходит; даже если их глаза полны слез, они дают признак жизни. Или если они радуются, улыбаются, смеются — хоть все это и поверхностно, — это лучше, чем пребывать в покое.

Всякий раз, как вы в покое, вы признали, что жизнь — не что иное, как скука. Вот почему Жан Поль Сартр говорит: «Жизнь — это скука». Он, должно быть, пришел к покою. Это не имеет ничего общего с жизнью, это имеет нечто общее с внутренним равновесием между радостью и печалью. Если вам скучно, то самое время начинать движение. Значит, вы остановились; вы больше не дышите, ваше сердце больше не бьется.

Если вы хотите оставаться поверхностными, тогда выбирайте что-нибудь — либо радость, либо печаль, ведь что бы вы ни выбирали, вы выбираете также и другое. Сегодня вы можете быть

радостными, завтра вы будете печальными, так как жизнь всегда сохраняет равновесие. Но это не имеет ничего общего с духовным ростом.

Духовный рост происходит по ту сторону радости и по ту сторону печали. Другими словами, духовный рост означает движение по ту сторону всех противоречий.

Только в этом пространстве — непротиворечивом, недualityном — вы переживаете истину, бога, который скрыт внутри вас. Это очень близко. Совсем немного разума...

Но вы будете удивлены: ни одна религия не придавала значения тому факту, что у разума есть нечто общее с религией. Я бесполезно потратил свое зрение, разглядывая всевозможный хлам по всему миру, но я не нашел ни одного места ни в каком священном писании, которое гласило бы, что разум — самое важное религиозное качество. Они все говорят, что вера и преданность — самое основное качество. И то, и другое против разума.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

16. ОТ ЖИЛИЩА К ДОМУ, ОТ ДОМА К ХРАМУ

16 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Тогда вышел вперед каменщик и просил: «Скажи нам о Жилищах».

И сказал он в ответ:

«Постройте в пустынном месте беседку из своих мысленных образов, прежде чем строить жилище в стенах города.

Ибо, как вы возвращаетесь домой в своих сумерках, так возвращается странник в вас, вечно далекий и одинокий.

Жилище ваше — это ваше увеличенное тело.

Оно растет под солнцем и спит в ночной тиши, и ему снятся сны. Разве не спит ваше жилище и не уходит оно во сне из города в рошу или на вершину холма?

Если б я мог собрать ваши жилища в свои ладони и, как сеятель, разбросать их по лесам и лугам!

Если бы долины были вашими улицами и зеленые тропы — аллеями, чтобы вы могли искать друг друга в виноградниках и приходить с ароматом земли в своих одеждах!

Но этому не настал еще срок.

В страхе своем ваши праотцы собрали вас слишком близко друг к другу. Не сразу исчезнет этот страх. Не сразу перестанут городские стены отделять очаги ваши от ваших полей».

Тогда вышел вперед каменщик и просил: «Скажи нам о Жилищах». Первое, что мне хотелось бы, чтобы вы помнили: жилище и дом — две абсолютно разные вещи. Вопрос исходит от каменщика — ему известно только строительство жилищ. Жилища мертвы. Если они не наполнены вашей любовью, вашей тишиной, вашей песней, если ваше жилище не становится отражением вашего танцующего сердца, оно остается мертвым.

Но в тот момент, когда появляется любовь, когда появляется благодарность, празднование, — жилище больше не жилище: оно становится домом. Оно живое. Оно начинает дышать. Оно наполняется всем ароматом, который вы создаете.

Есть еще один шаг — когда дом становится храмом. Но бедный каменщик не может задать эти вопросы.

Когда ваша медитативность уходит к таким глубинам, что вы начинаете чувствовать себя беременными Богом, дом становится храмом. Но миллионы людей так несчастны, они продолжают жить в жилищах. Даже преобразить жилище в дом для них кажется трудным. А из-за того, что они не могут преобразить свой дом в храм, они вынуждены создавать храмы, создавать церкви, создавать соборы как место пребывания Бога.

Но я говорю вам: ни церковь, ни храм, ни синагога не смогут стать местопребыванием Божьим, если сначала вы не станете местопребыванием божественности.

Если произойдет эта серия трансформаций — от жилища к дому, от дома к храму, — миру не понадобятся ни церкви, ни храмы, ни мечети. Люди ходят в храм — это же абсурд. Храм должен прийти в их сердце и трансформировать все место их пребывания в священное, святое, божественное место.

Говорят, когда на Моисея слишком уж наседали его последователи: «Сколько еще нужно, чтобы достичь града Божьего, божественной земли, Израиля? Почему ты не пойдешь и не

спросишь самого Бога? Ведь ты рассказывал нам, что ты просто посланник, и послание не твое, а Божье. На этот раз довольно, похоже мы на неверном пути».

Тогда Моисей сказал: «Я пойду, но ни один не должен следовать за мной, потому что Бога можно встретить только в абсолютном одиночестве».

Поэтому весь караван евреев ожидал в долине, когда Моисей отправился на вершину горы Синай. Там он столкнулся с удивительным феноменом. Он не увидел Бога, но он увидел сверхъестественную вещь: зеленый куст, окруженный пламенем, — и все же зеленый. Он, должно быть, горел давным-давно, и тем не менее куст был усыпан благоухающими цветами.

Он не мог поверить своим глазам. Чтобы рассмотреть получше, он двинулся ближе к кусту. Когда он приблизился, послышался голос — он не смог увидеть, чей это был голос. А голос произнес: «Моисей! Оставь свою обувь и себя самого снаружи этого священного места. Только после этого можешь входить».

Это, может быть, и притча — скорее всего, так оно и есть, — но она содержит глубокую истину. Огонь Божий никогда не уничтожает. Он прохладен, он животворящ. И во-вторых, там, где создана такая тишина, прохлада, живительная атмосфера, место становится священным — храмом. И, разумеется, вы должны оставить свою обувь и себя самого снаружи священного места. Это показывает дорогу к цели: если вы оставляете обувь снаружи своего жилища, оно становится домом. Но если вы сможете оставить и самого себя тоже, вместе с обувью, — дом становится храмом. И тогда вы ходите по святой земле.

Меня не интересует историческая достоверность рассказанного. Меня интересует сущностная истина, которую оно содержит. Странно, что Альмустафа не делает различия между жилищем, домом и храмом. Может он, и сам не осознает.

И сказал он в ответ:

«Постройте в пустынном месте беседку из своих мысленных образов, прежде чем строить жилище в стенах города».

Вместо того чтобы заставить каменщика осознать науку трансформации, он начинает рассказывать о строительстве жилья в пустынном месте. Но это по-прежнему будут жилища, а если каждый построит свое жилище в пустынной местности, то это уже не будет пустынная местность. Вскоре там появятся рестораны, дискотеки, кинотеатры, проститутки и политики. Вся шайка, которой он опасается, живет в городе, она будет создавать город вокруг вас.

В Индии на протяжении столетий люди путешествовали к подножию Бадри Кедарнатха — Гималаи так девственны, чисты, не осквернены человеком и его дуростью. И поскольку так много людей ходит — а это опасно, тропинка узка, многие погибли или навеки потерялись, — решено было сделать дорогу.

Дорога сделана. Теперь люди не ходят к подножию, они путешествуют автобусом. На каждой остановке есть ресторан, чайные, продавцы и все, что угодно. Они уничтожили красоту. Теперь Бадри Кедарнатх уже не то священное место, что прежде. Потому что не место священо. Сердце, полное любви — настолько полное любви, что даже готово умереть, — вот что делает место священным.

Теперь садитесь в автобус, все доступные удобства ждут вас вдоль дороги... но прекрасное явление испорчено. И люди, испортившие его, полагают, что они служат Богу, поскольку теперь больше людей смогут побывать там. Сейчас Бадри Кедарнатх всегда переполнен. Это не те люди. Их единственное достоинство заключается в том, что они могут позволить себе билет на автобус; а с людьми, которые прежде ходили к подножию, прощались весь город, потому что возможность их возвращения была невелика. Тропа была опасной, высота была опасной, но они слышали некий зов и были готовы жертвовать своими жизнями ради него. Это были храбрые люди.

Тогда, в тишине и вечном спокойствии Гималайских пиков, Бадри Кедарнатх был совершенно другим явлением. То был храм. Теперь это даже не дом. Это просто жилище, окруженное всевозможными деловыми людьми, лавками. Все, что угодно, вы можете получить. Это стало базаром. Теперь только идиоты ходят туда, или туристы — что, в принципе, одно и то же. Прежде это было духовное паломничество — потому что оно было рискованным, потому что вам приходилось забыть о себе, забыть все свои страхи смерти.

Поверхностно судя, он прав: *Постройте в пустынном месте беседку из своих мысленных образов, прежде чем строить жилище в стенах города.*

Города сделались тюрьмами. Нации — это большие тюрьмы. Все человечество живет в заключении, не осознавая этого факта. Вы считаете Пуну местом, где люди живут? Это же тюрьма.

Совсем недавно одна газета опубликовала угрозу от того же человека, который в заговоре с полицейским комиссаром и другими. Ему не удалась первая попытка... но что же это за город? Я никогда не совершал никакого преступления в этом городе или где-нибудь еще в мире. Полиция располагает документами о моем семилетнем пребывании здесь. Усталый, я добрался сюда, а через несколько часов мне приказали оставить город в течение тридцати минут, потому что я представляю опасность для спокойствия города.

Полицейский комиссар, очевидно, думал, что точно так же, как он продолжает поступать с другими людьми, у которых нет никакого чувства собственного достоинства... Я отказался переселяться! Я хотел знать: что за преступление я совершил? Я находился здесь в течение семи лет...

Видя, что теперь он попал в беду... а я пояснил его офицерам, которые приходили, что ему придется смотреть мне в лицо на суде и объяснять, на каких это основаниях он заявляет, что я буду нарушать спокойствие города. Фактически, это он нарушает спокойствие города заговором с индуистскими шовинистическими *гандас*, хулиганами, преступниками. Видя, что ему придется защищать свою акцию, он немедленно приостановил ее.

Вилас Тупе, лидер опасной группировки, опять угрожает — теперь он нашел новую угрозу; но эти люди, похоже, совершенно тупы. Так и должно быть, ибо никакой шовинист — индуист, христианин или мусульманин — не может быть умным. Разумная и фанатичная позиции сосуществовать не могут.

Теперь он угрожает, что каждый саньясин, въезжающий в Индию, сперва должен будет пройти медицинское обследование на заболевание СПИДом. Почему он боится СПИДа? Он что, гомосексуалист?

Еще до его угрозы я уже знал, что если он провалится в своей первой попытке, то второй попыткой будет медицинское обследование такими же индуистскими шовинистически настроенными докторами. Если он смог найти полицейского комиссара для своей поддержки, он сможет найти и докторов для своей поддержки, у него хватит низости. Увидев эту возможность, я уже отдал распоряжение всем центрам, попросил все наши газеты и журналы по всему миру опубликовать, что кто бы ни собирался в Пуну, должен иметь при себе медицинский сертификат о том, что у него нет СПИДа, что его проба негативна.

В Пуне есть и другие учреждения, куда приезжают люди со всего мира. Угроза только моим людям — но не людям, которые учатся в институте Макса Мюллера, не людям, которые изучают йогу с Айенгаром. Вам видна глупость?

И во-вторых, мои люди совсем не заинтересованы в любви этих отвратительных мертвых людей. Не мои люди опасны городу — город опасен моим людям. И я требую, чтобы ежедневная газета «Гарун Бхарат» Маратхи взяла назад свое заявление и принесла извинения. Вы уверены, что в Пуне нет гомосексуалистов? Здесь проходили хоть какое-нибудь медицинское

обследование все люди Пуны? Особенно индуистские монахи, шанкарачарьи, джайнские монахи, Ачарья Гулси и другие... а их немалое количество — более двадцати миллионов людей в стране.

Они верят в безбрачие, а безбрачие — мать гомосексуализма. И не только гомосексуализма, ведь другой человек может распространить новость, и престиж великого святого будет в опасности. Поэтому ваши так называемые святые — просто чтобы выпустить свою сексуальную энергию — опустились даже ниже гомосексуализма, к содомству. Они занимаются любовью с невинными животными. И это не ново.

В Ветхом Завете упоминается, что раньше было два города, Гоморра и Содом. И Бог стал сыт по горло их людьми, потому что Гоморра была гомосексуальной, а в Содоме люди начали заниматься любовью с животными.

Стало быть, слово «содомство» — от города Содома. Бог уничтожил оба города полностью. Нагасаки и Хиросима — не новы. То же произошло в Гоморре и Содоме за тысячи лет до этого.

Я требую от правительства и ответственных медицинских лиц, чтобы каждый житель Пуны, взрослый он или нет — а обнаружены малые дети, новорожденные, с заболеваниями из-за того, что у матери или отца было заболевание; никто не может быть исключением, — я требую, чтобы все в этом городе были обследованы.

Но каждая страна, каждый город, каждая религия старается скрыть подобные факты. В Техасе никто никогда не слышал о гомосексуалистах. Это наиболее отсталая часть Америки, это пустыня. Полагая, что в Техасе не будет никакой проблемы, так как там нет гомосексуалистов, техасская ассамблея приняла закон, что гомосексуализм — это преступление, и любой, кого схватят и раскроют как гомосексуалиста, должен будет провести от пяти до десяти лет в тюрьме. Но, кажется, идиотизму нет пределов, потому что тюрьмы — одно из мест, где гомосексуализм остается единственным выходом, из-за того, что вы содержите женщин и мужчин раздельно.

Но как только закон приняли, весь Техас был шокирован: целый миллион гомосексуалистов запротестовал. Они заявили: «Это наше прирожденное право. Никого не касается, что мы делаем со своей сексуальностью, а если вы настаиваете...» Теперь они сформировали организацию и все ушли в подполье. Подполье означает... Ни у кого на лице не написано, что он гомосексуалист. Это еще более опасно, ведь теперь никого из этих людей не знают как гомосексуалиста, и они будут практиковать все виды контактов с другими.

Америка неохотно объявила, сколько именно гомосексуалистов в ней есть. Каждой стране неохота, поскольку это так безобразно.

Совсем недавно я услышал, что ООН создала документальный фильм о бездомных людях, нищих. В Америке тридцать миллионов нищих, но правительство не готово согласиться с этим фактом. Было отведено небольшое место для нескольких сотен бездомных людей, предоставлено жилье, пища, одежда и некоторые виды работы. ООН включила этот эксперимент в свой документальный фильм, с тем, чтобы и другие страны увидели, что нужно что-то делать. Это делалось с благими намерениями, они не имели в виду критику Америки. Они включили этот материал, чтобы похвалить Америку, но американское правительство вынудило ООН исключить эту часть.

Даже уполномоченные ООН были удивлены. Они сказали: «Эта часть самая важная, и она делает вам честь: вы занимаетесь чем-то для тех несчастных, голодных, бесприютных людей, недостаточно одетых, спящих прямо на улицах». Но у американских политиков другая позиция. Они заявили: «То, что вы подразумеваете, хорошо, но на весь мир станет известно, что в Америке тоже есть бездомные люди». Они постоянно отрицали, что у них есть какие-либо нищие, и это абсолютный вздор.

Мой конфликт с американским правительством начался с вопроса об уличных нищих, потому что я пригласил три тысячи уличных нищих стать частью нашей коммуны. Коммуна стала международным центром; там были люди из каждой страны, и тысячи людей приходили и уходили. Увидев, что три тысячи бездомных людей попали в коммуну... А они были так счастливы! — в первый раз с ними обходились как с человеческими существами: та же любовь, та же пища, та же одежда, то же жилье со всеми удобствами, что и у саньясинов, которые пожертвовали миллионы долларов. Может быть, в первый раз их признали, что они тоже человеческие существа, не собаки с улицы.

Таково было начало конфликта между Рональдом Рейганом и мной. Какой ущерб я наносил Америке? Если три тысячи человек смогла вобрать пятитысячная коммуна, разве не может вся Америка вобрать тридцать миллионов человек?

Но настоящее беспокойство состоит в том, что все те тридцать миллионов человек почти все черные; и они испугались. Службы новостей непрерывно прибывали в коммуну. Ежедневно их самолеты приземлялись в аэропорту коммуны. Они были удивлены, увидав три тысячи черных людей — людей, на которых они никогда не обращали никакого внимания. Но теперь им пришлось обратить внимание.

Американское правительство старалось всеми путями — как и христианская церковь — убедить тех людей: «Только ради приюта, пищи, одежды и работы, которые вы получаете, вы скоро отбросите и христианство, не подозревая этого». Опасность потери количества — вот в чем был страх христианской церкви.

И они занимаются одним и тем же повсюду в мире. В Индии кого обращают в христианство? — нищих, сирот. А мы не обращали их в другую религию — у нас нет другой религии. Я только за религиозность. Правительство испугалось, что миру станет известно об американских нищих.

Я был первым человеком во всем мире, который заговорил о СПИДе, его опасности и о том, как предотвратить его. Я первый пригласил каждого члена коммуны пройти медицинские тесты: «И если у вас СПИД, не нужно чувствовать вину, не нужно стыдиться. Мы позаботимся о вас». Мы обнаружили двоих людей, у которых был СПИД, и приготовили им самые прекрасные дома в лучшем живописном месте коммуны, совсем рядом с озером, в окружении леса. И никто не выказал неуважения к ним, никто не осудил их

— ведь это жертвы христианских монахов, монастырей; все они нуждаются в нашем сострадании, особенно потому, что им не прожить больше шести месяцев.

Я сказал им: «Делайте все то, что вы всегда хотели делать, но все откладывали, а коммуна обеспечит все, что вам захочется, — какую угодно пищу, одежду, или все, что вам понадобится. Вам будет трудно жить в изоляции, далеко от коммуны».

Я позволил им приходиться на каждую беседу, на каждую медитацию и сказал им: «Смотрите, коммуна так любит вас. Вы тоже должны быть осторожными, чтобы не заразить никакого другого человека своей болезнью».

И они были благодарны. Они сказали: «Сидеть целый день трудно. Нам тоже нужна какая-то работа, мы не хотим обременять коммуну».

Поэтому я сказал им: «Здесь столько работы. Вы можете создавать прекрасные сады вокруг своих домов».

Они создали сады, горные сады вокруг своих домов. И я сказал: «Вы не отделены от коммуны; но эта болезнь может быть опасной для ваших братьев и ваших сестер, ваших возлюбленных. Необходимо полнейшее понимание».

Вся американская пресса смеялась, когда я говорил о СПИДе. Смеялись политики, смеялись соседние американские города: «Странные люди. В целом мире ни у кого нет дела до

СПИДа, почему должно быть у них?»

А мы уже построили большой лагерь, где могли разместиться три тысячи человек. Мы хотели открыть первый дом по уходу за людьми, которые страдают от СПИДа, но нам помешали. Коммуну уничтожили.

Теперь почти каждое правительство на западе делает то же самое — без упоминания имени того, кто начал. Они следуют *точно* тем же правилам, которые мы составили для коммуны: во время любовных актов следует быть очень осторожным, пользоваться презервативами.

Но стыдно приходиться на медпункт или к доктору и говорить: «Я стараюсь предотвратить СПИД и мне нужны презервативы». У нас был свой собственный госпиталь, но все же человеческий ум есть человеческий ум; поэтому мы клали в каждом туалете целую упаковку, что могло предотвратить болезнь. И когда журналисты увидели, что в туалетах были презервативы, и вы можете запросто идти и брать их, никого не спрашивая, то они написали отрицательные статьи об этом!

Теперь то же самое делает каждый парламент в Европе, в Америке, но не с такой человечностью. Вам приходится приобретать презервативы у аптекаря и испытывать стыд.

Этот странный мир — такой слепой, такой безобразный. И вот угроза — только из-за моих саньясинов; а как же институт Макса Мюллера, куда приезжают обучаться люди со всего света? Как же университет Пуны? Как институт йоги Айенгара? Их названия не упоминаются.

Я хочу, чтобы Вилас Тупе запомнил, как следует: прежде чем вы пригласите любого саньясина для обследования по поводу СПИДа, — вы, члены вашей партии, полицейский комиссар, все полицейские офицеры — вся Пуна — должны получить негативный тест и сертификат, потому что я беспокоюсь о своих людях. Мои люди останавливаются в отелях. СПИД инфекционен не только при сексуальных связях, он может передаваться со слюной. Если чашка не продезинфицирована, не стерилизована, если сиденье в туалете не простерилизовано каждый раз после использования — можно пострадать, не будучи гомосексуальным. Есть несколько экспертов, которые считают, что вирус СПИДа может заразить вас прямо через дыхание, и если вы сидите рядом с человеком, у которого СПИД, его дыхание несет вирус, — если вы вдохнете его, то пострадаете от страшной болезни, для которой никакого медицинского лечения не существует. Врачи говорят: «Мы не видим никакой возможности найти лекарство».

СПИД — это медленная смерть в течение шести месяцев. Что делает сейчас по этому поводу индийское правительство? Только не говорите, что у нас нет никакого гомосексуализма. Вам придется доказывать это, потому что мне известны профессора-гомосексуалисты, мне известны студенты-гомосексуалисты в общежитиях. А в армии гомосексуализм — единственный способ избавиться от своего сексуального бремени.

В стране полно проституток. И вот для людей побогаче... Они не могут пойти к проституткам, чья территория отмечена красным светофором, им не положено входить туда. Так что для уважаемых людей — губернаторов, министров — возникла новая категория проституток: это девушки по вызову. Вы просто звоните ей, и она придет к вам домой. Она не записана как проститутка, она записана как «девушка по вызову», и это выглядит так, что она вроде бы и не проститутка.

Все мусульмане гомосексуальны: ведь если вы женаты на четырех женщинах, то как же те трое мужчин, которые остались без женщин? Они вынуждены быть либо гомосексуалами, либо содомистами, что еще хуже.

Все ваши так называемые святые должны быть обследованы, начиная с Сатьи Саи Бабы — его гомосексуальность подтверждена. И не обычная гомосексуальность, ведь есть книги, написанные людьми, с которыми у него были гомосексуальные связи. Так что это зафиксировано, а он не опровергал этого и не ходил в суд. Он — причуда природы, у него есть

оба органа, мужские гениталии и женские. Немного тренировки, и он мог бы заняться любовью сам с собой.

Поэтому я хочу, чтобы редактор газеты «Тарун Бхарат» забрал все те слова назад и принес извинения. В противном случае скоро они окажутся в суде.

Города предельно больны. Все больше и больше населения переезжает из деревень в города, потому что в деревнях получить образование невозможно. Вы не можете там разбогатеть, не можете жить со всей той роскошью, которая есть у городских людей. Деревни пустеют, а города становятся перенаселенными.

Совет хороший: строить свой дом в пустынной местности, а не в стенах города, потому что города — это просто тюрьмы, часть большой тюрьмы, которую вы зовете нацией. И в этой стране, забавно: Пуна — часть штата, названного Махараштрой — «великая нация». Индия только нация; внутри нации есть *великие* нации. Никто не видит нелепости этого. Так что сначала вашей тюрьмой является город, а уж потом ваш штат.

Мохаджи Десай, когда он был главным министром Гуджарата, хотел принять резолюцию в ассамблее, чтобы я не мог приехать в Гуджарат. С одной стороны, конституция говорит, что у каждого гражданина этой страны есть свобода передвижения, он может ходить куда угодно. Он волен, выражать свои мысли абсолютно свободно. Но не тут-то было — на самом деле все по-другому.

Мне тоже хотелось бы, чтобы вы покинули все тюрьмы. Но просто уйти в пустынное место — это не способ выйти из тюрем, потому что если девятьсот миллионов человек в этой стране переберутся в пустынное место, то пустынное место будет уничтожено. Города вы уже уничтожали. Девятьсот миллионов людей, которые переселятся в горы и леса, должны будут строить жилье. И начнут расти города, так как у вас есть нужды, которые могут быть удовлетворены только другими. Вы не в состоянии делать все; вам понадобится доктор, вам понадобится зубной врач, вам понадобится одежда. Вам понадобится тысяча и одна вещь, и вокруг вас начнет расти город. Вам понадобятся дороги, и по тем дорогам поедут автобусы и автомобили.

Только самые богатые могут позволить себе строить дом в пустынной местности, ведь это обходится дорого. Скоро им понадобятся вертолетные площадки, аэропорты и вся бессмыслица будет здесь. Всего оставшегося недостаточно, мы уничтожили природу безжалостно. Оставьте то, что осталось. Время от времени вы можете выезжать, но жить вам придется в городах.

Но городу не обязательно быть тюрьмой. Кто такой полицейский комиссар — приказывать мне покинуть город за тридцать минут? Я заключенный? Он тюремщик этого города?

Совет, данный Халилем Джебраном, неосуществим. Вот что я говорю людям, живущим где бы то ни было: нужно больше осознавать свободу, нужно быть готовым бороться за свободу. Даже одному дюйму своего существа нельзя позволять быть в рабстве.

Не нужно штатов, не нужно наций. Все это исчезнет с земли, и вся земля будет принадлежать людям... а свобода передвижения *где угодно* на земле станет нашим правом по рождению. Это единственный способ уничтожить незримое рабство и незримую стену вашей тюрьмы.

Ибо, как вы возвращаетесь домой в своих сумерках, так возвращается и странник в вас, вечно далекий и одинокий.

Человек в основе своей странник. Те дни, наверное, были суровы, но безмерно прекрасны... Перед началом цивилизации человеку приходилось быть странником, потому что он охотился. Города возникли из-за возделывания земли. Вы должны заботиться о своих полях и фруктовых садах, вы должны оставаться на одном месте. Но в дни охоты животные убегали отовсюду, где они встречали людей, и людям приходилось следовать за ними.

Тот странник есть до сих пор в вашем существе. Он сократился до туриста. Туризм безобразен — со своими солнечными очками, камерами, висящими на плечах, они не видят ничего. Они просто фотографируют, а дома они сделают замечательный альбом, и тогда увидят, как выглядит Тадж Махал.

Но в самом человеческом духе существует стремление исследовать новые пространства. Это стремление не должно быть унижено до безобразного туризма. Это стремление можно преобразовать из хождения смотреть Тадж Махал, пирамиды и соборы Европы: тот же самый странник может обратиться внутрь. И в этом вся тайна медитации.

Как только ваш странник начинает новое путешествие в ваше внутреннее... И помните: это не малое место, оно так же велико и обширно, как и вселенная снаружи, потому что наружное и внутреннее должны быть уравновешены. Сущее пребывает в непрерывном равновесии. В вашем небольшом теле есть измерение сознания, которое так же огромно, как целая вселенная. Каждый человек несет вселенную внутри себя.

В тот миг, когда странник поворачивает внутрь, ваше блуждание становится духовным поиском. И я безмерно счастлив, что вы не можете взять свои камеры, свои очки и все туристское снаряжение внутрь.

Вам придется идти одинокими, обнаженными, без своих чемоданчиков.

А внутри вас находится ваша настоящая свобода, ибо вашего сознания не может коснуться никто другой. Вы — единственный мастер вашего существа.

Жилище ваше — это ваше увеличенное тело.

Это обычное утверждение, но с некоторым смыслом. Думали вы когда-либо о том, как вы обращаетесь, поступаете со своим жилищем? Осматривая ваше жилище, я могу многое сказать о вас; мне совсем не нужно знать вас. Если вы в замешательстве, ваше жилище будет в беспорядке. Если у вас нет никакого чувства эстетики, ваше жилище покажет это. Так что это правильно: *Жилище ваше — это ваше увеличенное тело.* Не поступайте дурно со своим жилищем.

Оно растет под солнцем и спит в ночной тиши, и ему снятся сны. Разве не спит ваше жилище и не уходит оно во сне из города в рощу или на вершину холма?

Это поэзия, но символическая, метафизическая. Ваш дом так же хочет быть прекрасным, как и ваше тело хочет быть прекрасным. Ваш дом тоже хочет быть молодым и свежим. Точно как ваше тело желает юности, ваш дом тоже хочет оставаться молодым, не хочет умирать. Ваш дом должен представлять вас, ваши грезы, ваши стремления, состояние вашего существа.

Вы думаете, что если пройдете мимо дома Гаутамы Будды, то увидите такой же дом, как и любой другой? Нет, у него будет аромат Гаутамы Будды.

Я был совсем юным, наверное, лет двенадцати, когда очень странный человек посетил наш дом. Мой отец привел его, потому что тот был ученым — и не только ученым, у него были собственные уникальные переживания. Может быть, он и не был просветленным — этого я не могу припомнить точно. Я не могу даже вспомнить его лица. Я только знаю, что это был суфий, мусульманский мистик, а мой отец прислушивался к нему в надежде, что тот что-то сделает, что-то посоветует, убедит меня в чем-то — так все беспокоились обо мне. Хоть я и жил в их доме, все они чувствовали, что я чужак. И они не ошибались.

Бывало, я сидел тихо, а моя мать подходила и спрашивала меня: «Ты никого не видел? Мне нужны овощи». Я был рядом, но она знала, что посылать меня за овощами — очень неразумная затея. Раз или два они попытались, а потом оставили это.

В конце концов, мое присутствие стали воспринимать так, будто никого нет. Я смеялся надо всем этим — ей нужны овощи, а в доме никого. Я сказал ей: «Ты дала мне мое точное описание. Я никто. Ты права, в доме нет никого. Если я увижу кого-нибудь, то сообщу тебе».

Меня послали однажды купить бананов. Я еще никогда не покупал бананы, поэтому я

спросил у лавочника — и весь город вскоре узнал, что «это не наш мальчик». Это был хороший шанс надуть меня, потому что я всегда доверял. Я спросил его: «У вас много разных сортов бананов; какой лучший?»

И он показал мне худший сорт, гнилые бананы, а запросил почти двойную цену лучших бананов. Я отдал ему деньги и забрал всю партию. Это было отвратительно.

Я сказал: «Странно, что лучшие бананы так отвратительны. Я не могу перенести их запах». Кое-как я добежал и отдал их своей матери: «Я нашел лучшие бананы и, конечно, заплатил двойную цену».

Она посмотрела на бананы, стукнула себя по лбу и приказала мне: «Убери их, не то провоняется весь дом!»

«Но это ведь лучшие бананы», — сказал я.

Она сказала: «Сделай еще одну вещь, и я больше никогда ни о чем не буду просить тебя». Прежде там жила старая нищенка, прямо под деревом. — «Ступай и отдай все это ей».

Я отнес все те бананы старухе, и, увидя это гнилье, она сказала: «Выбрось их! Возможно, я и нищая, но это еще не значит, что ты можешь давать мне всякое гнилье. Я — человек».

Я сказал: «Боже мой, кому же я отдам их?»

Она ответила: «Это меня не касается. Только уходи прочь, потому что вонь слишком сильная».

И мне пришлось выбросить их в реку.

Мой отец привел этого суфийского мистика, думая, что тот сможет помочь. И мой отец был озадачен, моя семья была озадачена — тем, что сделал этот человек... Они отвели для меня отдельную комнату, чтобы я не вызывал у них постоянную досаду. Потому что просто сидеть, ничего не делая, было достаточно для их раздражения: они все работают, каждый занят, а я с закрытыми глазами медитирую.

Поэтому они отдали мне отдельную комнату с отдельным входом в нее. Суфий пришел с моим отцом и стал ходить по комнате, обнюхивая стены у этого угла, у того угла... Мой отец сказал: «Боже мой, я привел его вернуть тебя к здравому смыслу, а он сам, похоже, в последней стадии».

Моя комната была совершенно пустой. Я всегда любил пустоту, ведь только пустота может быть абсолютно чистой. Все, что вы накапливаете у себя в комнате, рано или поздно становится ненужным хламом. Поэтому в моей комнате не было ничего.

Мой отец посмотрел на него, посмотрел на меня и сказал: «Я приглашал его, поэтому я должен видеть, что он делает».

Потом он подошел и принялся обнюхивать меня. Теперь это было уже слишком. Мой отец сказал: «Я уже объяснил вам, что мой мальчик немного эксцентричен, а вы укрепляете его эксцентричность!»

«Нет, — сказал он, — я чувствую запах комнаты и его запах. Это запах безмолвия, аромат безмолвия. Вы благословенны, имея такого сына. Мне пришлось обнюхать все, чтобы узнать, связан ли этот аромат с его присутствием. Он связан с его присутствием, эта комната наполнена его присутствием. Не нужно беспокоить его».

И он попросил у меня прощения, сказав:

«Прости меня; я помешал, войдя в твою комнату».

Мой отец вывел его, а потом возвратился и сказал: «Прежде я считал, что только ты ненормальный. Есть даже более ненормальные люди — обнюхивающие комнату!»

Но я сказал ему: «Твой дом — это твое продолжение; неуловимым образом он представляет тебя. А человек, которого ты привел, определенно великое человеческое существо, человек интуиции и понимания».

Если б я мог собрать ваши жилища в свои ладони и, как сеятель, разбросать их по лесам и лугам! Если бы долины были вашими улицами и зеленые тропы — аллеями, чтобы вы могли искать друг друга в виноградниках и приходить с ароматом земли в своих одеждах!

Но этому не настал еще срок.

Он великий поэт и мечтатель — вот такой должна быть земля. Но вместо этого в столь высоком темпе растет население, что мы должны погибнуть, поскольку придется рубить все больше и больше деревьев, создавая пространство для людей. Вам придется уничтожать все больше и больше растительности.

Прежде эксперты полагали, что к концу этого столетия в Индии может быть один миллиард человек. Сейчас они изменили свое мнение, так как темпы роста не соответствуют их расчетам. Чем беднее страна, тем больше демографический взрыв. Теперь они добавили еще почти полстолько: один миллиард и четыреста миллионов человек будут жить в этой стране к концу нашего столетия.

Во время Будды было только двадцать миллионов человек на всей земле. Возможно, это предел, когда его мечта может исполниться: *Если б я мог собрать ваши жилища в свои ладони и, как сеятель, разбросать их по лесам и лугам!*

Но Халиль Джебран никогда и никак не пробовал воплощать свои мечты. Я попробовал — и обжег себе пальцы. А что же правительства? Они не позволяют вам сделать эту землю более прекрасной, более любящей, чтобы на ней было больше цветов, больше зелени, больше птиц, больше диких животных, не опасаящихся, что вы убьете их. Правительства продолжают лгать обо всем. Они продолжают творить все виды преступлений против человечества.

Этим утром мне сообщили, что Рональд Рейган был в тайном сговоре с Аятоллой Хомейни, — Аятолла Хомейни задержал людей из американского посольства, не позволяя им возвратиться в Америку, и поэтому Рональд Рейган подписал секретное соглашение с ним: «Вы освобождаете американцев, а мы дадим вам столько оружия, сколько пожелаете».

И это продолжалось почти два года. Хомейни такой же подлый, как и Рональд Рейган. Он не будет освобождать всех заложников. Он освобождает несколько человек через шесть месяцев и получает партию оружия. Разумеется, он отдает деньги, но эти деньги тоже не принадлежат ему, они принадлежат бывшему шаху Ирана.

И что же делает Рональд Рейган? Тайком от американцев он отправляет на эти деньги еще больше вооружения террористам, которые стараются уничтожить небольшую страну, Никарагуа. Поэтому не нужно спрашивать ни с какого Сената — в течение двух лет он был в состоянии хранить этот секрет.

На миллионы долларов вооружение отправлялось террористам — разрушать несчастную страну, которая хочет жить своей жизнью, по своему собственному выбору. Это совсем не дело Рональда Рейгана.

Недавно это вышло наружу, и Рональд Рейган отрицает, что здесь имел место какой-либо сговор. Главу Си-Ай-Эй, который был посредником между Аятоллой Хомейни и Рональдом Рейганом, вызывали в Сенат для дачи показаний — и прямо по дороге он потерял сознание. Он хорошо знает, что если расскажет истину, то будет еще один Уотергейт; они уже назвали его «Ирангейт». Рональд Рейган пропадет, а с ним и глава Си-Ай-Эй пропадет; лучше притвориться, что потерял сознание.

Но сколько же он может оставаться без сознания? И вот дело открылось, скоро станут известными многие доказательства, потому что весь Белый Дом знал об этом в течение двух лет, но молчал.

Порой думаешь, что все политики должны быть за решеткой. Правительства могут состоять из простых людей — поэтов, художников, мистиков, танцоров, творческих людей — не

преступников.

То, что говорит Альмустафа, замечательно. Но он знает: *этому не настал еще срок*. А человек все надеется и надеется, в течение миллионов лет, что однажды все мечты осуществятся. Прекрасная мечта:

Если бы долины были вашими улицами и зеленые тропы — аллеями, чтобы вы могли искать друг друга в виноградниках и приходить с ароматом земли в своих одеждах!

Прекрасная мечта — и простая мечта, — но человек кажется почти бессильным. Он остается игрушкой в руках преступников.

В страхе своем ваши праотцы собрали вас слишком близко друг к другу.

Это верно, города и толпы рождены страхом. В одиночестве вы начинаете бояться. В толпе более уютно, страха нет: столько людей вокруг вас. Только запомните — все в толпе по той же причине. Трус не становится меньшим трусом в толпе из тысячи трусов. Да, он может чувствовать, что с ним тысяча человек, но это ничего не меняет в его внутреннем мире.

Не сразу исчезнет этот страх. Не сразу перестанут городские стены отделять очаги ваши от ваших полей.

Просто слова мечтателя, ведь мы слышим такие же обещания постоянно... *Не сразу исчезнет этот страх*. Когда же? Есть какой-нибудь предел? Это утешает людей, но не преобразует их. Страх не исчезнет сам собой.

Не успокаивайтесь. Вам придется подняться над страхом, он не оставит вас просто потому, что есть надежда.

Разве миллионы лет, которые прошли, не достаточно доказывают то, что я говорю? Ничего не меняется в человеке по той простой причине, что вы продолжаете надеяться. Надежда — не что иное, как опиум, наркотик, еще вреднее любого наркотика, так как она сохраняет ваше страдание, ведь «завтра все будет в порядке».

«Скоро...» Но это завтра никогда не приходит, и «скоро» продолжает растягиваться на миллионы лет.

Халиль Джебран никогда не конфликтовал по поводу прав на имущество, потому что он никогда не пытался реализовать какую-нибудь мечту. Тем, у кого власть, не страшны ваши надежды. На самом деле они хотят, чтобы вы продолжали надеяться.

Все правительства мира и все религии мира против меня просто потому, что я старался воплотить мечту — это непростительно. Я совершил великое преступление из-за того, что дал людям вкус реальности — не просто дозу опиума для продолжения их мечтаний.

Прямо перед моим домом когда-то жил старый парикмахер. Это был опиумный наркоман, самый замечательный человек. Я очень любил его, и он любил меня очень сильно. Хоть он и был в возрасте моего дедушки — это мой дедушка познакомил меня с ним, — но постоянно находился под влиянием опиума.

Он был бедным человеком, потому что никто не шел к нему, разве что очень редко какой-нибудь чужак, посторонний мог зайти в его салон. И не их вина...

Бывало, я просиживал с ним часами, так как он часто рассказывал замечательные вещи. Однажды он сказал мне: «Я слышал, собираются запретить опиум и все другие наркотики. Если такое случится, все опиумные наркоманы должны создать политическую партию и бороться на выборах».

Я заметил: «У тебя хорошая идея, но опиумным наркоманам создать политическую партию и бороться на выборах будет трудно».

Он сказал: «Я тоже считаю, что это будет трудно, ведь даже незначительные вещи затруднительны. Люди приходят сюда и говорят: «Побрей мне бороду», — а я брею им головы! Но когда они останавливают меня, половина их головы уже побрита, и они сильно сердятся».

— Что же ты делаешь тогда? — спросил я.

— Я говорю им: «Ничего страшного. Можете заплатить мне только половину, в чем проблема? Или, если вы слишком возмущены, не платите совсем». Кто же уйдет...

В то время панков не было, иначе бедный парикмахер был бы одним из лучших мастеров по панкам.

Время от времени он спрашивал меня: «Ты что же это? Все сидишь здесь, часами растрчивая мое время, — и без дела. Может, мне побрить твою голову? Бесплатно, просто по дружбе».

Я отвечал: «Я не прихожу сюда для дела. Я прихожу сюда послушать тебя — что тебе принес опиум».

Он сказал: «Он принес многое. Прошлой ночью я услышал, как кто-то доит мою корову. Я взял фонарь — это было очень трудно, потому что ночью я принимаю хорошую дозу, — и прошелся вокруг коровы, но там никого не было. Однако звук продолжался по-прежнему.

Потом я обнаружил человека, который мочился на улице. Чтобы выяснить, кто это, я снова пошел с фонарем — вокруг него. Он спросил: «Что ты делаешь?» Я сказал: «Я пытаюсь разузнать, кто это доит мою корову».

Тот сказал: "О боже, я не дою твою корову!"»

— Так что, — заключил он, — опиум много значит для меня.

Однажды он шепнул мне на ухо: «Хочешь немного опиума?»

Я сказал: «Хватит одного тебя! Довольно тебя одного на всю деревню».

Но то был человек необъятной любви. Он был очень беден. Мой отец стал замечать, что я постоянно там, и он сказал: «С ним уже и так проблема. Если он начнет принимать опиум, то нам конец!»

Той ночью он подошел к моей кровати и сказал:

«Нехорошо сидеть с тем идиотом, опиумным наркоманом, и тратить свое время».

Я сказал: «Это не трата моего времени. Я научился от него намного большему, чем от кого-нибудь еще».

Он спросил: «Ты тоже начал принимать опиум?»

Я сказал: «Еще нет».

Он сказал: «Что ты подразумеваешь под «еще нет?»»

Я ответил: «Кто знает о будущем? Но одно я могу сказать — я не могу обещать — одно могу сказать: я уже испил божественное. Мне не нужен никакой другой опиум или какой-нибудь иной наркотик, так что не беспокойся».

Он сказал: «Ты не предложишь тому человеку остановиться?»

Я сказал: «Он уже и так в бедности и страдании. Опиум — единственное, что дает ему мечтать, и он забывает обо всех своих проблемах. Будет слишком тяжело, если он перестанет принимать опиум».

Это и есть ситуация всего человечества. Вы все продолжаете надеяться — из-за того, что не можете справиться, не можете встретиться с безобразной действительностью, которая окружает вас.

Если вы оставите свои надежды, будет великая революция: рождение нового человечества.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

17. БЕЗГРАНИЧНОЕ ВНУТРИ ВАС

16 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Скажите мне, люди Орфалеса, что у вас в этих жилищах? стережете вы за запертыми дверями?

Есть ли у вас мир, безмятежное стремление — свидетельство вашей силы?

Есть ли у вас воспоминания — мерцающие своды, что соединяют вершины ума? Есть ли у вас красота, уводящая сердце от вещей из дерева и камня к святой горе? Скажите мне, есть ли это в ваших жилищах?

Или у вас есть лишь комфорт и жажда комфорта — то потаенное, что входит в дом как гость, становится хозяином, а затем и властелином?

Да, оно становится укротителем, крючьями и плетью делает марионеток из ваших пылких желаний.

Хотя руки его нежны, как шелк, сердце его — из железа. Оно убаюкивает вас лишь для того, чтобы стоять у вашей постели и глумиться над достоинством плоти. Оно высмеивает ваши глубокие чувства и укладывает их в мягкие листья, как хрупкие сосуды.

Истинно, жажда комфорта убивает страсть души, а потом участвует, ухмыляясь, в погребальном шествии.

Но вы, дети пространства, вы, беспокойные даже в покое, вас не заманить в ловушку и не укротить. Не якорем, а мачтой пусть будет ваше, жилище.

Не блестящей пленкой, что покрывает рану, пусть будет оно, а веком, что защищает глаз. Вы не сложите крылья, чтобы пройти в дверь, не склоните голову, чтобы не удариться о стропила, и не будете сдерживать дыхание из страха, что стены потрескаются и рухнут,

Вы не станете жить в гробницах, возведенных мертвыми для живых. И каким бы великолепным и величественным ни было ваше жилище, ему не удержать вашей тайны и не скрыть вашего стремления.

Ибо то, что в вас безгранично, пребывает в небесной обители, врата которой — утренний туман, а окна — песни и безмолвия ночи.

Это один из самых досадных примеров того, что такой человек, как Халиль Джебран, не избавился от своего христианского воспитания. Не смог он освободиться и от западного невежества об истинном доме человеческой души. Он продолжает говорить о жилищах — как будто он никогда не слышал слова «дом». А если ваше жилище не преображено в дом, вы не можете достичь дверей храма божественного.

Жилище — это самая поверхностная вещь в вашей жизни.

Дом касается вашего сердца.

Но вы никогда не будете полностью удовлетворены, если ваш дом не станет храмом Бога.

Это огромная трагедия — великий мыслитель, великий философ и один из величайших поэтов, ходивших когда-либо по земле, — в то же время несчастен как никто другой, потому что ему неизвестно то вечное, высшее, что живет в человеке.

Альмустафа продолжает и говорит:

Скажите мне, люди Орфалеса, что у вас в этих жилищах? Ни у кого не может быть ничего в жилищах. Ваши дома, если они остаются жилищами, будут вашими могилами — и ничем

иным. Да, они дают вам определенную уверенность, безопасность... но они отбирают взамен столь многое и оставляют вас такими же бездушными, как и сами.

Есть древняя легенда.

Один король завоевал много царств и, естественно, нажил множество врагов; он убил столько людей, что постепенно сам начал опасаться, как бы то же самое не произошло и с ним: его могли убить. Чтобы защитить себя, он создал замечательный дворец без окон — только одна дверь. Дворец был прекрасен — вырезан из лучшего мрамора.

Он был так подозрителен и напуган смертью, что его не удовлетворял один часовой — он установил семерых часовых на воротах в определенном порядке. Первого часового должен был охранять второй часовой, второго часового должен был охранять третий часовой... Он наставил их в полной уверенности, что никакому убийце не под силу будет войти во дворец.

Один из его друзей, тоже великий король, прослышал о его замечательном дворце с такой безупречной охраной. Он отправился посмотреть дворец, и владелец дворца был чрезвычайно счастлив встретиться с другом. Он проводил его внутрь и показал ему все — весь дворец был произведением искусства. И система караула была его изобретением — никогда прежде не делалось такого. Один часовой, караулящий еще одного... Это была семикратная мера безопасности.

Король-гость был очень доволен, он сказал: «Я собираюсь сделать такой же дворец для себя». Так он сказал, когда они вышли из дворца и стояли в прекрасном саду, окружавшем его. Снаружи садовых ворот сидел нищий — он рассмеялся.

Владелец дворца был явно оскорблен, он спросил нищего: «Что означает твой смех? Если не сможешь объяснить этого, лишишься своей головы сейчас же».

Нищий сказал: «В этом нет нужды; когда-то я тоже был великим королем — более великим, чем ты. Мое королевство было более обширным, чем оба ваших королевства. Но в поисках безопасности я бежал, отрекся от тех дворцов, стражи. Став нищим, я совершенно успокоился — никто даже не замечает меня. Кому нужно тратить пулю на бедного нищего? Все мы втроем в одной и той же лодке: у вас своя идея безопасности, у меня своя идея безопасности — и я уверяю вас, что в вашей идее есть брешь».

Оба короля не могли поверить, что этот нищий был великим королем, более великим, чем они сами. Они попросили его: «Тогда, пожалуйста, покажи нам, что это за брешь».

Тот сказал: «У вас может быть дворец, который охраняют семьсот часовых, но тем не менее там есть дверь, и смерть может войти через эту дверь в любой миг. Если вы действительно хотите быть в абсолютной безопасности, зайдите во дворец и прикажите своим каменщикам и скульпторам замуровать дверь. Тогда вы будете совершенно уверены, что даже смерть не войдет к вам».

Оба короля сказали: «Ты что же это предлагаешь? Не нужно будет никакой смерти — мы и так будем мертвыми! Эти прекрасные дворцы станут гробницами. Если там нет ни одной двери, тогда какая разница между могилой и дворцом?»

Нищий сказал: «Вы, похоже, разумны. Теперь я могу рассказать вам, почему я смеялся, и вы сможете понять. Когда вы закрыли все двери и все окна, — столько же и жизни ушло от вас. Совсем немного жизни осталось, потому что одна дверь открыта. И вы согласились со мной, что если эту дверь закрыть, то дом делается могилой. На 99,9 процента он уже стал могилой, остальное — это просто вопрос о 0,1 процента. Вы не живете, вы страдаете от кошмара».

Если вы действительно хотите безопасности, можете присоединиться ко мне. Когда я был королем, вся моя жизнь была паранойей и ничем больше. С тех пор как я стал нищим, моя жизнь абсолютно свободна. Я не владею ничем, я — никто, кому нужно убивать меня? Зачем?»

Легенда многозначительна, потому что Альмустафа спрашивает людей Орфалеса:

Что стережете вы за запертыми дверями?

Вы думали когда-либо о том, чего вы боитесь лишиться? У вас нет ничего. Под своей одеждой каждый так же гол, каким родился, так же гол, каким будет умирать. Чего вы боитесь? Что вы стережете?

Есть ли у вас мир, безмятежное стремление — свидетельство вашей силы? Есть ли у вас воспоминания — мерцающие... из прошлого... своды, что соединяют вершины ума?

Вот почему я говорю, что Халиль Джебран не смог избавиться от своего христианского воспитания, ведь он говорит о *вершинах ума*. Уму не известны вершины. Он знает только самые темные из возможных долин.

Ум абсолютно не осознает красоты, тишины, спокойствия, радости. Все, что он знает, — не что иное, как сумасшествие.

Один из великих еврейских философов, Джошуа Лирман, написал книгу «Спокойствие ума», и я не думаю, что заглавие вызовет у кого-то возражение. Ее продавали по всему миру, на многих языках, во многих изданиях. Но когда она попала в мои руки, я написал письмо Джошуа Лирману, возвращая книгу со словами: «Я не могу начать читать книгу, потому что ваше заглавие по существу показывает, что книга написана человеком, который не знает ничего за пределами ума».

Спокойствие ума... на самом деле спокойствие там, где ума нет. Следовательно, спокойствие ума невозможно. Ум и есть проблема. Ум есть ваше беспокойство, ум есть ваша мука.

Да, у вас может быть нормальное сумасшествие. Этого никто не заметит, потому что почти все относятся к той же самой категории. Просто не переходите границу нормального безумия. В тот момент, когда вы переходите границу, вас объявляют сумасшедшим.

Различие между безумцем и теми, кто не безумен, — только в степенях, но не в качестве. А разница в степенях немного стоит. Вы всегда на пограничной линии, что-либо незначительное может вытолкнуть вас за пределы нормального. Ваши дела не оправдывают надежд, вы — банкрот, ваша жена бежит с кем-то другим. А глупость ума такова... годами вы надеялись: «Если бы эта женщина, которая истязает меня, как-нибудь умерла...» Но теперь она сбежала с кем-то другим — и вы несчастны!

Думаете, это нормально? Вам надо радоваться! Вы должны праздновать и молиться за бедного парня, который теперь в руках у вашей жены. Здравомыслящая личность сделает именно так.

Я слышал, как один человек зашел на почту и со слезами на глазах просил начальника отделения: «Пожалуйста, запишите — я сообщаю, что моей жены нет уже семь дней».

Начальник почты сказал: «Очень сочувствую, но прошу прощения, я не в силах помочь вам. Это почта, а не полицейское отделение. Полиция как раз на противоположной стороне улицы».

Человек сказал: «Я не могу пойти туда!»

Начальник почты удивился: «Странно — вы сообщаете о преступлении на почте и не можете пройти всего несколько ярдов и сообщить о нем полиции?»

Тот ответил: «Дело в том, что она уже убегала однажды перед этим, и по глупости я тут же заявил в полицию, а они нашли ее на другой день. На этот раз я подождал семь дней. Даже если полиция и узнает об этом сама, без моего заявления, то моя жена тем временем уйдет гораздо дальше. Но мои соседи беспокоят меня вот уже семь дней, говоря: «Как ты можешь сидеть здесь, весело играя на своей флейте? Мы никогда не слышали твоей флейты раньше — ты что, с ума спятил? Веди себя нормально, не распускайся! Ступай и заяви об этом».

Утомившись от этих идиотов, я пришел заявить. Просто напишите, пожалуйста, любую ерундовую бумажку для мусорной корзины, чтобы мои соседи перестали беспокоить меня. Я

никогда еще не наслаждался жизнью. Эти семь дней были благословением свыше — нет тревоги, нет проблем...»

Если у вас нет жены, то очень трудно тревожиться и иметь проблемы. Если у вас нет мужа, то откуда же вам набрать проблем и забот?

И это называется «нормальные» люди.

Я написал Джошуа Лирману: «Вы просто ничего не понимаете. «Спокойствие» и «ум» не могут сосуществовать. Спокойствие трансцендентно уму. Можете выбирать: либо ум, либо спокойствие, но у вас не может быть и то, и другое».

Этот трус не ответил на мое заказное письмо! Альмустафа спрашивает: «*Есть ли у вас мир?*»

Мир не что-то такое, что вы можете пойти и купить на базаре. Мир — это нечто, что вы должны заслужить, пребывая свидетелем ума.

Миг остановки ума — это мир, спокойствие, которое выше понимания, потому что некому понимать это. Того старины ума, который всегда старался все понять, больше нет.

...*безмятежное стремление — свидетельство вашей силы?* По-прежнему тяготение к силе. Спокойствие — не сила. Спокойствие — это простота, это скромность.

Разве розы в саду могущественны? Они прекрасны, но не могущественны — шипы могущественны, хоть они и не прекрасны. Просто порыв ветра — и все ваши розы пропадут; их лепестки осыплются на землю и исчезнут в первоначальном источнике — в той сущности, которая сотворила их, — они возвращаются к своему источнику. Видели вы более скромный — и все же прекрасный — феномен, чем цветок розы?

Вы хотите стать цветком розы или пулеметом?

Вы хотите стать медитирующим или полицейским комиссаром?

У полицейского комиссара есть сила; какая сила у медитирующего?

Есть ли у вас воспоминания?.. Альмустафа показывает свое полное невежество, потому что все воспоминания — это часть вашего ума, вашей системы памяти, которая представляет собой механизм. Компьютер гораздо лучше владеет всеми видами памяти.

...*мерцающие своды, что соединяют вершины ума?*

Никто и никогда не высказывал такую нелепость — *мерцающие своды, что соединяют вершины ума*. Мерцающие своды существуют — но вы видите их только тогда, когда ум не заслоняет их.

Это ум является вашим врагом, и этот ум общество продолжает тренировать, обучать, воспитывать, делать все более и более сильным. Ваш враг внутри вас, и общество продолжает нянчить его. Почти треть жизни человека — не что иное, как старания сделать своего врага возможно более сильным.

И никто никогда не задумывается, есть ли внутри вас что-нибудь, кроме ума? А если в вас есть что-нибудь, кроме ума, тогда все ваши университеты, все ваши колледжи и все ваши школы отравляют вас, потому что чем сильнее становится ум, тем труднее и труднее будет обойти его.

Вот почему люди находят медитацию такой трудной. Медитация не трудна, это ваш ум стал таким сильным, что вы не можете выйти за его пределы. Он превратился в Китайскую стену.

И людей еще уважают за их умы!

Людей следует уважать только в одном случае: если они достигли пространства, где ум исчезает со всеми своими воспоминаниями и со всем своим мусором, который вы прежде принимали за знания.

Когда вы приходите к невинному состоянию ребенка, то становитесь способными увидеть те мерцающие вершины повсюду. Куда бы вы ни поглядели, вы увидите незримое... и оно не незримо: это незримость вашего ума, который не позволяет вам видеть. Если ум исчезает,

внезапно все само по себе становится тайной.

Вы окружены чудесным, нет необходимости ни в каком поиске. Поэтому я говорю снова и снова: «Везде, где находится человек медитации, место становится святым, священным. Оно становится настоящей Каабой».

Ум владеет только долинами, а не вершинами. Ум знает только темноту, а не свет. Уму известна только смерть, но не жизнь.

И те, кто остался в заключении в своих умах, упустили замечательную возможность, которую дало существование, — исследовать запредельное. Запредельное не исследуют ракетами, запредельное исследуют, закрыв глаза и изучая алхимию трансценденции ума.

Я зову эту трансценденцию свидетельствованием.

Если вы можете свидетельствовать свой ум терпеливо, то однажды весна придет. Ум исчезает, и повсюду вокруг вас цветы и цветы, — цветы вечности, цветы любви, цветы красоты.

Он задает глупый вопрос бедным людям Орфалеса:

Есть ли у вас красота, уводящая сердце от вещей из дерева и камня к святой горе?

Даже слова воняют христианством.

Красота известна лишь тем, кто способен видеть с абсолютной ясностью, без пыли прошлого в глазах. Только невинные глаза могут видеть красоту. И только невинный живет сердцем.

Альмустафа упоминает слово «сердце», но это то же, что сказать женщине: «Я думаю, что люблю тебя». Что общего у любви с думанием? Думание может сомневаться, но не может доверять и не может любить.

Есть ли у вас красота, уводящая сердце от вещей из дерева и камня к святой горе? Где же эта святая гора? Для индуистов Гималаи — святая гора; для джайнов — Сикхарджи и Гирнар святые горы. Для евреев — Синай святая гора. Но я говорю вам: если вы сможете шагнуть из тюрьмы своего ума, вы поднимаетесь на святую гору, которая внутри вас.

Каждый несет святые Гималаи, высочайшие пики, — все так же молодые и растущие, покрытые вечным снегом, который никогда не таял, — у каждого есть эти Гималаи внутри собственного существа. Ему просто нужно превратить ум из камня преткновения в шагающий камень — это и есть все искусство быть религиозным.

Скажите мне, есть ли это в ваших жилищах? У вас может быть это в вашем сознании, но не в вашем жилище. Или у вас есть лишь комфорт и жажда комфорта — то потаенное, что входит в дом как гость, становится хозяином, а затем и властелином?

Это и есть то, что я говорю, — обусловленность становится вашей второй натурой; она цепляется за вас, вы цепляетесь за нее. Ваш ум может быть наполнен прекрасными словами, замечательными философиями, но вы будете оставаться привязанными к мелочам жизни.

Я не против этих мелочей. Я спрашиваю — что плохого жить с удобствами? Это религии настолько осудили все приятное, что такую простую вещь, как комфорт, сделали грехом. Все религии учат: «Истязай себя, ибо истязать себя благо. Это поведет тебя в царство Божье». И смолоду я всегда удивлялся: если комфорт в раю совершенно приемлем — не только приемлем, но и дается каждому святому как награда, — тогда как же может тот же самый комфорт быть грехом на земле? Что это за логика такая?

Когда умер Свами Муктананда, на следующий день один из его учеников не смог вынести разлуки — бросился в колодец и погиб. Он хотел быть со своим мастером.

И когда он входил через ворота рая, он был шокирован. На миг он закрыл глаза: «Что я вижу? — Муктананда, мой великий мастер, который всегда учил, что все удовольствия должны быть отвергнуты... находится под прекрасным деревом, полным невиданных цветов и благоухания, он лежит на лужайке голый с голой женщиной — и не обычной женщиной, а

известной голливудской звездой Мерлин Монро. Даже президент Кеннеди безустанно домогался этой женщины. То, что президенту Кеннеди так и не досталось, получил Муктананда!»

Естественно, ученик подумал: «Конечно, добродетель, отречение, телесное самоистязание гораздо более славно, чем быть президентом Америки».

Он бросился, коснулся стоп мастера, посмотрел вокруг. Может, и ему тоже удастся заполучить какую-нибудь актрису, звезду... но вокруг никого не было. Он произнес: «Мастер, я всегда знал, что ты обязательно будешь награжден, и вот я вижу своими собственными глазами, что ты награжден».

Но обнаженная Мерлин Монро остановила его, сказав: «Заткнись, идиот. Не я его награда, это он — мое наказание!»

Кажется, простая вещь: если на небесах, в раю, в мокше вы рассчитываете обладать всем, что приносит блаженство, всем, что приятно, тогда на этой земле следует наслаждаться, возможно больше, просто для тренировки. В противном случае, ваши туповатые святые окажутся в крайнем затруднении. Всю свою жизнь они приучали себя к дискомфорту, и внезапно все прекрасное, удобное, роскошное становится доступным для них. Они не будут знать, что делать с этим.

Это означает, что земля не в ладу с небесами. Похоже, здесь какой-то антагонизм. А Бог создал и то, и другое — и землю, и небеса. Бог создал все; обязательно существует некое непрерывное тайное течение, которое делает все это гармоничным.

Я не против комфорта. Я решительно против того, что вы на крючке.

...и плетью делает марионеток из ваших пылких желаний.

Вы должны быть хозяином здесь, если не хотите быть рабом в другом мире. Любите все, но не будьте ни в какой зависимости. Наслаждайтесь всем, что предлагает жизнь, но как император, не как нищий. Но Альмустафа говорит:

Да, оно становится укротителем... Ваши желания, ваш комфорт, ваша роскошь, говорит он, все это *становится укротителем, крючьями и плетью делает марионеток из ваших пылких желаний*. Если вы позволяете, оно становится вашим хозяином; как же иначе могут вещи властвовать над живыми существами, сознательными людьми?

Я жил во всех видах роскоши, я побывал в великолепнейших дворцах мира. Но я никогда не обнаруживал, чтобы что-нибудь становилось моим хозяином.

В нашей коммуне в Америке было восемьдесят четыре тысячи акров земли, почти небольшое государство. И мои саньясины несли свои пожертвования из любви ко мне со всего света. Я говорил им: «Что мне делать со всеми этими роллс-ройсами?» У одного миллиардера, арабского шейха, и то было только тридцать три роллс-ройса, испорченных, старых, просто для показа, а у меня девяносто три роллс-ройса, два роллс-ройса лимузина... и еще пять были заказаны, с тем, чтобы их число достигло сотни. Но я никогда не ходил в гараж, который стал притчей во языцах для всего мира. Сам я никогда не видел всех тех роллс-ройсов, выстроенных в ряд.

Обычно я ездил на одном роллс-ройсе — любом, который мои люди, ухаживающие за теми роллс-ройсами, выбирали на день. И все они были в точности одинаковыми, потому что мне нравилась только такая модель. Так что даже мне было трудно узнать, давали ли мне один и тот же роллс-ройс каждый день. Это было проблемой и для них тоже.

Один из моих шоферов, Анондадас, находится здесь. Было трудной задачей чистить и беречь все те роллс-ройсы. Это были самые последние модели, и они побили все рекорды. Не думаю, что кто-нибудь еще в мире когда-либо будет иметь так много роллс-ройсов. Но я не был их владельцем.

Я никогда не оглядывался. Я никогда не интересовался, что случилось с теми роллс-

ройсами. Что случилось с теми восьмьюдесятью четырьмя тысячами акров земли, в которые мы вложили триста миллионов долларов. Я никогда не интересовался. Не в моих правилах оглядываться назад.

Как может что-нибудь сделать вас рабом?

Мои саньясины приносили мне тысячи часов, уникальных произведений искусства. Но какое это имеет значение для меня? Может быть, раз или дважды на каждой лекции я смотрю на часы, а иногда забываю и об этом.

Я оставил все те часы в коммуне, потому что не владею ничем. Я могу пользоваться чем-то, ведь вы принесли это с такой большой любовью, но я не могу владеть этим, поскольку не имею никакого желания обладать чем-нибудь.

Этот образ жизни остается легким, необременительным; этот образ жизни остается танцем; этим путем вы можете продолжать восхождение на все более и более высокие пики. Ведь с ношей, имуществом, как бы ценно оно ни было, вам не под силу подняться очень высоко. Как только воздух становится разреженным, ноша тяжелеет. Уже нести свое тело становится бременем.

Правительство США конфисковало все мои часы. Я роздал их саньясинам. Всего сорок шесть часов было в коммуне, и так или иначе люди пользовались всеми теми часами. Те сорок шесть часов конфисковали, и мне пообещали, что поскольку я пользовался теми часами, они обязательно будут возвращены мне, как только меня освободят из тюрьмы.

Прежде я считал Америку богатой страной сверхбогатых людей, но обнаружил, что они как никто другой порабощены вещами. Когда меня освободили из тюрьмы, они не вернули часов. Каждые часы стоили десять, пятнадцать, двадцать, двадцать пять, тридцать лакхов рупий, и они показали всем свою жадность и свою бедность — а их судебное дело совершенно безосновательно, они не имели права держать те часы у себя.

Это заняло почти шесть месяцев непрерывной борьбы в судах — я не ходил туда, — и в конце концов они согласились в суде вернуть их. Но когда наши поверенные пошли забирать их, они отдали только двенадцать часов и сказали, что оставшиеся часы находятся у правительства. На каком основании? Я никогда не слышал, чтобы правительство пользовалось часами.

Но они были настолько загипнотизированы теми часами — губернатор, генеральный прокурор и, возможно, сам президент, — что демонстрировали те часы в Вашингтоне, в Портленде, в Сан-Франциско. Это были уникальные произведения искусства, каждые часы — единственные в своем роде, их никогда не произведут снова. Для чего им понадобились эти демонстрации?

Мои адвокаты спрашивают у них, что случилось с остальными часами, — и президент молчит, управление генерального прокурора молчит; они просто проглотили их! Но мне хочется напомнить им, что мои саньясины повсюду в Америке. Может им и удалось заполучить те часы и распределить между собой, только они не смогут воспользоваться ими. Те часы — уникальные произведения искусства, и мои саньясины распознают их тотчас же; так что они могут хранить их, но не могут пользоваться ими.

И они совершили преступление против человека, которому приказали покинуть Америку в течение пятнадцати минут, просто потому что если бы я оставался, по крайней мере, неделю, то заставил бы их вернуть все, что они забрали из коммуны. Их главная идея заключалась в том, что если меня не будет там, то кому тогда бороться? Они конфисковали все деньги, которые были у нас в банках, поэтому естественно... пять тысяч саньясинов, как могли они прожить? — им пришлось уйти.

Уже из-за рубежа мы устраивали билеты для них, чтобы они смогли добраться в свои собственные страны. На каких основаниях были конфискованы их деньги в банках? И нам не

дают ответа — уже почти год продолжают откладывать, заверяя: «Мы собираемся выслать его на следующей неделе»; но эта следующая неделя никак не наступает — письма с разрешением продавать имущество коммуны, все нет. Им прекрасно известно, что без ухода за имуществом цена его падает с каждым днем. Если им удастся затянуть подольше, будет потеряна вся его стоимость.

А мы не в состоянии сохранять его — там, где прежде было пять тысяч саньясинов, сейчас только двенадцать саньясинов, которых мы держим просто как сторожей из-за того, что на земле коммуны находится американская полиция и американские часовые. Они желают, когда все саньясины уедут, пройтись бульдозером по всему имуществу, домам, по всему, что пять тысяч людей создали за пять лет работы по двенадцать, четырнадцать, а иногда по шестнадцать часов в день.

И вот прямо сейчас мне сообщили через моих саньясинов, что все напрасно, они не дают разрешения на продажу имущества. Держать там двенадцать человек... впервые они чувствуют настоящую грусть, они потеряли всю радость, весь танец, который был там. Теперь это пустыня. Они говорят: «Это совершенно бесполезно, лучше бы нам уехать».

Американское правительство ждет того, чтобы эти саньясины уехали, — тогда можно будет присвоить имущество. Это жадные люди.

Меня очень разочаровала Америка: богатейшая в мире страна так бедна и так преступна. И то же самое в других странах, то же самое по всему миру. И причина очень странная: уже тысячи лет человека учат отвергать комфорт, отвергать богатство, отвергать роскошь, отвергать все, что делает вас счастливыми; подавление стало таким сильным, что теперь это подавление всплывает повсюду. Всему есть предел.

Те подавленные люди почти одержимы безумным желанием, обладать всеми благами. И проблема в том, что из-за подавления им хочется всех удовольствий, а их религия тянет их назад, говоря, что это против Бога. Религии превратили человека в шизофреника.

Я говорю вам: наслаждайтесь своей жизнью всецело, безо всякой вины. Ведь жизнь дана сущим, а идея виновности — выдумка человека, выдумка примитивного человека, который понятия не имел, что такое комфорт, что такое роскошь, что такое красота.

Хотя руки его нежны, как шелк, сердце его из железа.

Это верно. Если вы уцепились и стали рабом своих желаний, вы попадаете в беду, которой не осознаете. *Хотя руки его нежны, как шелк, сердце его из железа.*

Но зачем нужно цепляться за желания? Пользуйтесь ими — они ваши слуги. Все, что произвела наука, должно служить вам; все, что создал человеческий гений, должно сделать вашу жизнь радостнее, счастливее, здоровее. Но все это ваши слуги; ваше господство остается неприкосновенным.

Проблема возникает, только когда ум становится вашим хозяином, тогда вы заключены в тюрьму. И если вы ничего не знаете за пределами ума, значит, вы не знакомы с собой и со своим могуществом. Я хочу, чтобы вы использовали свой ум как слугу и свое сознание как господина.

Как слуга, ум прекрасен. Как хозяин, он чудовище. Все в ваших руках.

Все религии старались отвергнуть мир, потому что до них не доходило, что нет нужды отвергать, если вы можете стать хозяином здесь, в мире, и пользоваться миром, всеми его красотами и всеми его сокровищами.

Оно убаюкивает вас лишь для того, чтобы стоять у вашей постели и глумиться над достоинством плоти.

Все это происходит по единственной причине. У вас не много проблем, у вас только одна проблема — как не быть внутри ума. Когда вы снаружи, ум тотчас же делается вашим слугой. Я говорю вам это со всей моей авторитетностью, исходя из собственного опыта. Я не философ, я

не поэт.

Я прожил жизнь, и я вкусил все ее радости и все ее печали. Но я продолжал поиски чего-то за пределами ума, ведь если мне не удастся обнаружить нечто за пределами ума, то вся жизнь оказывается бессмысленной. Смерть уничтожит все, ведь ум — это часть тела, так же как и сердце. Прежде чем смерть постучится в ваши двери, вы должны найти внутри себя то, что бессмертно. И раз вы обнаружили это — вы хозяин своей судьбы. Тогда нет нужды отвергать.

Вот почему я против отречения. Оно для трусов и эскапистов; оно не для людей, имеющих хоть какое-то достоинство, индивидуальность, разум.

Оно высмеивает ваши глубокие чувства...

Если вы попали в тюрьму ума, он делает две вещи: во-первых, он высмеивает ваши чувства — вот почему ваши святые старались всеми возможными путями притупить свою восприимчивость. Невосприимчивый человек не чувствует красоты, не чувствует всех тайн, которые окружают его, он не живой. Каждое из ваших чувств — не что иное, как расширение вашего сознания.

Если уму не давать вмешиваться, ваши глаза увидят то, чего не видно, ваши уши услышат то, чего не слышно, и ваши руки коснутся того, что не осязаемо.

Но ум работает обоими путями: с одной стороны он продолжает разрушать тело...

В Индии был великий поэт Сурдас. Он был также великим музыкантом; отсюда и его имя, означающее — повелитель музыкальных нот. Конечно, он, вероятно, был очень восприимчивым человеком — все творческие люди восприимчивы. Но он был к тому же монахом, и однажды он увидел прекраснейшую женщину. Он собирал милостыню, и тут эта женщина вышла из дома; он так сильно испугался за свои глаза... ибо красота женщины действовала почти как гипноз.

На следующий день он подошел к той же двери. Он вырвал у себя оба глаза и на блюде предложил свои глаза женщине, кровь еще струилась. Женщина не могла поверить, она была потрясена. Она спросила: «Что произошло?»

Он сказал: «Это не ваша вина, это вина моих глаз. Им не следовало так интересоваться красотой, потому что писания говорят, что если вы слушаетесь чувств, то чувственность превратит вашу жизнь в руины». До той поры он был просто обыкновенным нищим, но внезапно, из-за того, что он уничтожил свои глаза, сделался великим святым. Теперь ему поклонялись.

Это и есть то, чем ваши святые занимались повсюду в мире, — разрушали вашу восприимчивость, боясь, что если вы дадите своим чувствам свободу, то можете стать рабом. Но я говорю, что все их рассуждения абсурдны. Даже если вы уничтожите свои глаза, вам не уничтожить своего вождения. Я абсолютно уверен, что Сурдас продолжал грезить этой прекрасной женщиной, потому что для грез глаза не нужны — как и очки.

Все прошлое прожито в паранойе. Мы должны уничтожить его полностью, безжалостно, потому что это единственный способ освободиться от него, возродиться, увидеть солнце и луну свежими глазами, с удовольствием есть пищу.

Джайнизм сделал одним из своих основных принципов, требование не есть с удовольствием, и Ганди позаимствовал все пять принципов у джайнизма. Первый принцип — *асвад*, безвкукусность: вы должны есть безо всякого удовольствия. Что вы хотите от человеческих существ? И чтобы лишить пищу вкуса, он подмешивал туда горькие листья дерева под названием *ним*. Вам следовало бы попробовать это, по крайней мере, однажды, ведь те несколько невротиков — не более двадцати, — которые проживали в ашраме Ганди, должны были есть соус — полную чашку листьев *нима*. Всего один листик дает такую горечь во рту, что она держится часами, — это и есть «религиозная дисциплина».

Не позволялось влюбляться в ашраме Махатмы Ганди, чай не позволялся в ашраме Махатмы

Ганди. Такие невинные вещи... чай или кофе, но, поскольку вы наслаждаетесь ими, возникает проблема. Ваше наслаждение должно быть уничтожено полностью. Вы должны жить как труп, как призрак, у которого нет чувств, нет тела.

С одной стороны, ум уничтожает чувства, а с другой стороны — не позволяет вам стать хозяином дома. И этого врага вскармливают все религии, все правительства, все те, кто против человека и его эволюции.

Истинно, жажда комфорта убивает страсть души, а потом участвует, ухмыляясь, в погребальном шествии.

Как может комфорт убивать страсть души? Если он что-то и может делать, так это усиливать ее. Если тело может наслаждаться так сильно, как же велико будет блаженство души? Тело — это начало ваших поисков блаженства. От удовольствия к блаженству... тут нет противоречия. Жить жизнью своего тела полно и интенсивно — вот что я назвал *Зорбой*. Сама эта радость заставит вас осознать, что жизнь не может быть только этим; само это удовольствие тела и чувств возьмет вас в паломничество на поиски чего-то большего. А поиск бесконечен.

Существуют караван-сарай для ночлега. Но продолжайте искать, и вы обнаружите, что изобилие сущего так велико, что вам не исчерпать его.

Но вы, дети пространства, вы, беспокойные даже в покое, вас не заманить в ловушку и не укротить.

Он говорит кое-что правильно. Но, похоже, это заимствовано, ведь он не дает вам ключа. Просто сказать кому-то: «Смейся!»... но человек ответит: «По крайней мере, намекни — почему? Смеяться просто так — ты же сам и осудишь меня».

Он говорит: *дети пространства... вас не заманить в ловушку и не укротить*. Совершенно правильно, однако каждый укрощен и каждый пойман в ловушку. Сейчас вопрос не в том, что этого не должно быть; вопрос в том, как выйти из всех этих ловушек. Даже Халиль Джебран не свободен от ловушки; он оставался христианином всю свою жизнь. Это приговор всей его поэзии. Если бы он действительно понимал то, что он говорил, то ему пришлось бы отвергнуть христианство.

Человек не должен быть в цепях; даже если цепи из золота, это не имеет значения. Сделаны ли цепи во имя Иисуса Христа или во имя Гаутамы Будды, цепи есть цепи. Тюрьмы есть тюрьмы. Но он остался скованным, и мне по-настоящему досадно за него, ведь это был не тот человек, который может так легко заблудиться. В нем я ясно вижу возможность Гаутамы Будды, но, оставаясь христианином, он упустил ее.

Это и есть причина, почему его книги не в черном списке Папы. Мои книги в черном списке — католик не должен читать их, это грех.

Но не все на земле Италии мертвы. Радикальная партия Италии пригласила меня быть их президентом, и я собираюсь принять их приглашение. Только с одним предложением: зачем Радикальную партию ограничивать Италией? Сделайте ее Международной радикальной партией, так чтобы все мои бунтари могли стать ее частью. Потому что, видя безобразие политиков, я должен навести порядок...

Не якорем, а мачтой пусть будет ваше жилище.

Но он продолжает говорить о *жилище*. Очевидно, в своей прошлой жизни он был каменщиком, которому известно только как строить жилище. То, что он говорит, верно, но прежде чем жилище сможет стать мачтой, оно станет — оно должно будет стать — домом. Оно должно будет стать храмом; только так оно сможет стать мачтой. Он упускает основные шаги.

Не блестящей пленкой, что покрывает рану, пусть будет оно, а веком, что защищает глаз. Вы не сложите крылья, чтобы пройти в двери, не склоните голову, чтобы не удариться о стропила, и не будете сдерживать дыхание из страха, что стены потрескаются и рухнут.

Но всю свою жизнь он никогда не поступал так, как говорил. Встреча с ним не произвела бы на вас никакого впечатления. Напротив, вы бы подумали: «Было бы великим благословением, если бы я никогда не видел этого человека». Просто заурядный христианин; время от времени он летает высоко, но падает с большим шумом на землю. У него нет крыльев...

Вы не станете жить в гробницах, возведенных мертвыми для живых.

А где жил он?

Что такое церковь? — могила двухтысячелетней давности. Что такое Святая Библия? — книга, написанная мертвыми. Что такое другие писания других религий? — самое отвратительное желание мертвого продолжать править теми, кто будет приходить жить на землю.

И они так управляют. Меня затаскали по судам, когда я высказался против одного мертвеца. Хотя он умер пять тысяч лет тому назад, все-таки есть идиоты, которые следуют ему. И если я хочу помочь им избавиться от мертвого... Я знаю, вы любите свою мать, вы любите своего отца, но это же не значит, что когда они умрут, вы должны будете носить их всю жизнь на своих плечах.

Я знаю, вам будет тяжело, и вы будете в глубокой печали, но все-таки мертвое тело вашей матери, отца или возлюбленного должно быть предано огню или могиле. Вы не можете хранить его в доме.

Ну а как насчет вашего ума? Ваш ум — не что иное, как кладбище. Тысячи мертвецов управляют, господствуют, руководят вашей жизнью.

И каким бы великолепным и величественным ни было ваше жилище, ему не удержат вашей тайны и не скрывать вашего стремления.

Ибо то, что в вас безгранично, пребывает в небесной обители...

Нет.

Трижды нет!

Безграничное не пребывает в небесах, оно живет внутри вас. Это и есть то, что он осуждает, говоря: «Не покоряйтесь мертвому». Но это и есть также то, чему верят все мертвые во всем мире, — что Бог пребывает высоко наверху, в небесах.

Я говорю вам: Бога нет больше нигде, кроме как внутри вас.

Бог — это самый центр вашей жизни и вашего сознания.

Сделайте свое тело храмом Божьим.

Ибо то, что в вас безгранично, пребывает в небесной обители, врата которой — утренний туман, а окна — песни и безмолвия ночи.

Слова прекрасные, но бессодержательные. Великая поэзия, но без всякого опыта. Поэтому всякий раз, когда вы читаете Халиля Джебрана или кого-то еще, помните: не становитесь жертвой красоты выражения.

Опыт, переживание — единственная вещь, которая может освободить вас, пробудить вас, может сделать вас частью неумиряющего океана существования и жизни.

Я уже говорил, что этот город — город мертвых, и все же каждый день приходят письма, которые показывают жизнь и понимание, — разумеется, мертвецы писем не пишут. Как раз вчера я получил еще одно письмо от мэра Пуны:

«С глубочайшей любовью и удовольствием я хочу сообщить, что Бхагван Шри Раджниш, проживающий сейчас по адресу Корегаон Парк 17, Пуна, в моем родном избирательном округе, несомненно, является просветленным человеком. Его авторитетные мнения о религии очень нужны в эти бурные времена. Он один из наиболее осведомленных великих мистиков и духовных мастеров нашего времени. Его руководство и любящее поведение не может создать — и никогда не создавало — никаких правовых проблем, никогда не обнаруживало вины ни по

каким положениям уголовного закона. В действительности его поучения способствуют установлению самой мирной и спокойной атмосферы в нынешних обстоятельствах, когда целая страна проходит через крайне неустойчивое состояние».

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

18. СТЫД БЫЛ ЕМУ ТКАЦКИМ СТАНОМ

17 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

И просил ткач: «Скажи нам об Одежде».

И он ответил: «Ваша одежда скрывает много вашей красоты и все же не прячет уродства.

Вы ищете в одеяниях свободу уединения, но обретаєте в них узду и оковы.

Лучше бы вы подставили солнцу и ветру свою кожу, а не одежды!

Ибо дыхание жизни — в солнечном свете, и рука жизни — в ветре».

Иные из вас говорят: «Это северный ветер соткал одежды, которые мы носим».

А я говорю: «Да, это был северный ветер,

Но стыд был ему ткацким станом, и вялость мускулов — нитью».

И, закончив свой труд, он смеялся в лесу.

Не забывайте, что стыдливость — щит от глаз порочности,

А когда порочность исчезнет, чем будет стыдливость, как не оковами и мусором разума?

Не забывайте, что земле приятно прикосновение ваших босых ног и ветры жаждут играть вашими волосами».

Альмустафа снова совершает грандиозный полет к высотам и подходит действительно близко к звездам. Я подчеркиваю, что он подходит *близко*, потому что он продолжает упускать некоторые существенные вещи. Если бы он уже достиг цели, то не упустил бы их.

Это один из наиболее фундаментальных принципов жизни: на мосту между вами и целым, даже если пройдено совсем немного, начинают проясняться ваши глаза, ваше восприятие. Но до самого последнего шага в этом путешествии вся тайна не открывается вам.

Дело не в том, что сущее скупое; сущее совершенно право — оно открывает лишь столько, сколько вы сможете впитать. Если вы еще не способны впитывать истину, существование предохраняет вас, не обнаруживая ее перед вами. Если вы не готовы тотально к любви, а сущее откроет вам все тайны любви, — это не принесет радости, это даст вам страдание. Это не принесет вам прозрения, это ослепит вас.

Когда слепому сделают операцию, то еще на несколько дней его оставляют без света и солнца. Его глаза прикрыты повязкой. Если слепому человеку, которого прооперировали и который больше не слеп, сразу сказать: «Теперь можешь идти домой. Теперь можешь смотреть на солнце, деревья, птиц, людей, с которыми ты жил», — он доберется до дома с сожженными глазами, снова слепым. И вторая операция будет гораздо сложнее.

Может быть, природа и медлительна, но это ваше счастье. Она дает вам только то, что вы можете усвоить.

Поэтому я говорю, что Альмустафа подходит совсем близко к некоторым прекрасным переживаниям, откровениям, но он еще не достиг цели. Его утверждения истинны, но только фрагментарно. И мне хочется, чтобы вы помнили: порой полуправда оказывается более опасной, чем ложь, потому что полуправда может обмануть на всю жизнь — но никого нельзя так долго дурачить ложью.

Поэтому мне хочется дать истину завершённой, хочется показать вам, почему я говорю, что это только полуправда.

И просил ткач: «Скажи нам об Одежде».

В этом красота Халиля Джебрана: он вносит величайшее прозрение в самые обычные вещи. Если вы спросите об одежде философа, он будет смеяться. Он скажет: «Ступайте к любому ткачу или портному. Философия не занимается одеждой».

Но в жизни нет ничего не важного. Если что-то и кажется не важным, это лишь означает, что ваше восприятие не очищено. В тот миг, когда ваше восприятие чисто и глаза невинны, мельчайший камешек на берегу становится таким же непостижимым, как и величайшая звезда в небе, — потому что они оба принадлежат одной и той же тайне.

И он ответил: «Ваша одежда скрывает много вашей красоты и все же не прячет уродства...»

Это полуправда — что одежда была открыта некрасивыми, чтобы скрывать это. Вы не увидите ни животных, ни птиц в одежде. Человек — единственное живое существо на планете, которое изобрело одежду. Для чего?

Если судить поверхностно, то кажется, что она защищает от дождя, от зимы, от лета. Но все животные и деревья защищены и без одежды — человек, похоже, ошибается. Да, это правда, что сегодня она защищает вас от зимы, дождя и зноя, поскольку вы сделались слабее. Пользуясь одеждой тысячелетиями, вы лишились своей силы, которая внутренне присуща каждому ребенку от рождения.

Но почему же человек заинтересовался этим в самом начале? Первой была причина — и библейская история указывает на определенную истину, — что когда Адам и Ева съели плоды познания и потеряли невинность, они тотчас же устыдились своей наготы. Человек старался прикрыть свою наготу, и некрасивые люди больше озабочены одеждой. Более красивому человеку не хочется прятать свою красоту под одеждой.

В Индии миллионы статуй. Среди них самые прекрасные — статуи Махавиры, который оставался обнаженным в течение почти сорока лет. В Греции мы знаем только одного человека, который отважился жить обнаженным, — Диогена. Он был современником Александра Великого. Александр заинтересовался, потому что он столько слышал о Диогене — тот был одной из самых интересных личностей, которых создало человечество. Но придворные Александра всегда предупреждали: «Не приглашай его ко двору, он обнажен». Помог случай. Когда Александр направлялся в Индию, он проходил через лес и реку, где обычно жил Диоген. Теперь некому было помешать ему. Он приказал своему войску немного отдохнуть, потому что хотел встретиться с человеком, который жил совсем рядом.

Его телохранители и премьер-министр хотели сопровождать его, однако он запретил. Ему и самому было немного не по себе оттого, что другим станет известно, что он ходил смотреть обнаженного человека. Но когда он увидел Диогена, первым, что он сказал, было: «Я никогда не встречал такого прекрасного тела. Когда я увидел тебя, для меня стало абсолютно очевидным и ясным, что одежда была придумана некрасивыми».

Альмустафа говорит: *Ваша одежда скрывает много вашей красоты* — не «много», а почти девяносто девять процентов. Вы даже не осознаете свое тело. Если ваше тело без головы принести вам, вы не сможете признать его своим. Вы никогда не смотрели на него. Вы узнаете людей только по лицам. Но все тело — это органичное единство, и если все тело не прекрасно... только лицо может быть очень обманчиво, а это ведь такая малая часть.

Весь Восток улыбается и чувствует большую гордость, когда слышит о западных конкурсах красоты, где обнаженные женщины позволяют тысячам людей и судьям выносить решение — прекрасны их тела или нет.

Восток считает, что в этом очень много культуры. Действительно, вы не в состоянии видеть обнаженное тело — не из-за того, что в обнаженном теле есть какая-то непристойность; вы не

можете видеть обнаженное тело, потому что вы наполнены подавлениями. В своих снах вы видите обнаженные тела; в своих мечтах вы страстно желаете обнаженных тел. И я не осуждаю ваши сны и ваши страстные желания, я осуждаю ваши подавления.

Подавленная личность легко может дурачить себя тем, что она культурна, более цивилизована.

Если бы человек стал более цивилизованным снова... однажды он был, но то был естественный дар. Каждый ребенок рождается обнаженным безо всякого стыда, а в детстве человечества обнаженными были все. Поэтому я и говорил, что в библейской истории есть некая истина. После того как Адам и Ева обрели знание, оба они почувствовали стыд из-за своей наготы.

Что же постыдного в вашей наготе?

И в мире существуют такие идиоты, что в викторианскую эпоху — Бертран Рассел помнит это со времен своего детства, потому что он прожил почти целое столетие и видел тысячи перемен, происшедших за это столетие, — даже у собак появилась одежда. Это старые, безобразные, полуразвалившиеся женщины вынуждали всех и поднимали столько шума, чтобы собак не оставляли голыми: это может развратить детей, нравы. Поэтому для собак стали изготавливать специальную одежду.

В той же Англии люди выводят собак на прогулку только на поводке — просто из опаски, что собаки еще не съели плод познания. И если пес повстречает прекрасную молодую собаку-леди, то он не станет упускать случая.

А всех ничейных собак перестреляли. Это выглядит глупо, но глупость не имеет пределов: даже ножки стульев прикрывали красивыми тканями — только потому, что они назывались «ножками», и это могло спровоцировать в ком-то подавленную сексуальность. Человек что, действительно безумен?

Но обратите внимание на одну вещь: конкурсы красоты устраиваются лишь для женщин — потому что это шовинистическое общество самцов. Почему нет конкурсов мужской красоты? Все те тысячи людей и судьи, которые наблюдают шествие прекрасных женщин, — просто зеваки. Женщины мира должны потребовать: «Мы тоже хотим судить. Должны быть конкурсы обнаженных мужчин, а аудитория и судьи должны состоять из женщин».

И я уверен, если они настоят, конкурсы красоты для женщин исчезнут. Мужчина не собирается выставлять свою наготу, потому что его тело не столь прекрасно, как у женщины.

Когда-то оно было даже более прекрасным. Если вы возвратитесь к тем временам, когда христианство еще не развратило Италию, не погубило ее невинности, вы будете удивлены. Римская цивилизация была в своем зените, и все статуи тех дней — это прекрасные молодые мужчины; вы не найдете ни единой женской статуи в древнем Риме.

Но одежда разрушила красоту обоих полов — мужчины больше, женщины меньше: женщина более сосредоточена на теле. Она заботится о своем теле. Причина — биологическая.

Сексуальность мужчины локальна, она ограничена его гениталиями. А мужской ум эгоистичен и очень склонен к конкуренции. Разумеется, я сталкивался со многими людьми, которые обращались ко мне — потому что не могли обратиться ни к кому другому; их гениталии очень невелики, и они боялись, что кто-нибудь может увидеть это; ведь есть люди, у которых действительно большие гениталии. Весь их ум сосредоточен на гениталиях.

Но сексуальность женщины не локальна, она рассеяна по всему ее телу. В этом и состоит одна из величайших ошибок, которую совершил бог, создавая мир. Мужчины и женщины должны жить вместе, должны любить друг друга, однако женщина гораздо богаче во всем, что касается сексуальной энергии, — гораздо богаче потому, что все ее тело вибрирует, каждая клеточка ее тела танцует. А из-за того, что у мужчины только генитальная сексуальность, все

остальное его тело в отношении секса просто мертво.

Это создает одну из величайших проблем. Ее можно разрешить, но когда я предлагаю решение, меня осуждают повсюду в мире за такие советы. Ни у кого не хватает мужества осуждать или критиковать мои предложения — они осуждают *меня*. Они не могут критиковать то, что я говорю.

Из-за того, что мужская сексуальность только генитальна, во время любовного акта он истощается в течение двух минут. И он не заинтересован ни в предварительной, ни в заключительной игре с телом своей возлюбленной, для него женщина — просто корзина для мусора. Поэтому каждый раз, когда избыток сексуальной энергии начинает мучить его, он использует женщину как сексуальный объект самым бесчеловечным образом.

Если вам действительно ясно в чем дело, то прежде всего сделайте все женское тело вибрирующим. Поставьте красивую музыку, зажгите фимиам; танцуйте вместе, пусть она подготовится. Все ее тело должно быть в определенном состоянии, в определенном волнении, в огне желания и стремления встретиться и слиться.

Но мужчина боится, ведь женщина способна на множество оргазмов, а мужчина заканчивает одной эякуляцией, — я не буду называть это оргазмом. Оргазм — нечто духовное. Если он возбудит женское тело полностью, то она потребует удовлетворения. А она не удовлетворена — вот почему она беспрерывно раздражена, надоедает, гневается, изводит мужчину. Эти проблемы — побочные продукты ее неудовлетворенности.

Есть миллионы женщин, которые никогда не знали, что такое оргазм. Женщина может узнать оргазм только тогда, когда все ее тело действует, словно музыкальный инструмент. Когда все ее тело начинает танцевать изнутри — каждый нерв, каждая клеточка, — только тогда она способна испытать оргазм.

Привести все ее тело к оргазму — в этом функция предварительной игры. Но мужчина всегда спешит. Какой смысл тратить зря двадцать или тридцать минут, если работа может быть эффективно выполнена за три минуты? И не одна женщина сообщала мне, что когда ее возлюбленный или муж заканчивает, она даже еще и не начинает. А когда он закончил, он отворачивается, забывает женщину — он уже использовал ее. Его цель осуществилась: он засыпает.

Фактически; для большинства мужчин секс — не что иное, как снотворные пилюли. Освободившись от бремени, он тотчас же начинает храпеть. И многие женщины, разумные и смелые, рассказывали мне, что в то время, когда он храпит, они плачут. У них льются слезы страдания, оскорбления, унижения. Их унизили до состояния вещи.

Это не любовь между двумя человеческими существами. Фактически, мужчине просто нужна пластиковая женщина, которую можно держать у себя в кармане. А когда ему захочется, он сможет накачать воздух, и женщина готова. Так будет более разумно.

Я слышал одну историю... Двое мужчин собирались заняться какой-то работой на Аляске, около Северного полюса. Они закупили необходимые вещи, так как предполагали пробыть там, по крайней мере, года два, и владелец магазина сказал: «Я не вправе ничего говорить, но я уже повидал многих людей, едущих на заработки, и у них всегда возникает одно затруднение: как прожить два года без женщин?»

Они сказали: «Мы никогда не думали об этом».

Владелец магазина предложил: «У меня есть решение проблемы». Он принес небольшой сверток, в котором хранилась свернутая пластиковая женщина, а потом объяснил им: «Вы можете с помощью рта наполнить женщину воздухом или воспользоваться этим небольшим насосом — точно так же, как вы накачиваете велосипедные шины и футбольные мячи, накачайте и ее. А это редкостная женщина: ни придирок, ни беспокойства, ни расходов, ни

пищи. Пакет можно носить прямо в кармане — так что всякий раз, когда вам понадобится, накачайте воздух — и женщина оживет. Вы, возможно, и не видали такого прекрасного тела». Ясное дело, если оно изготовлено мужчиной, оно не может быть толстым, не может быть худым, не может болеть, не может умереть. Пластик — единственная бессмертная вещь, которую создал человек. Так что никаких проблем — она никогда не скажет: «Только не сейчас, у меня так болит голова, — не сегодня».

Но я знаю, что все те женщины, которые говорят: «Я устала, и у меня головная боль», попросту уклоняются от безобразной перспективы быть использованными в качестве сексуального объекта. Не бывает оскорбления большего, чем это. А пластиковая женщина никогда не сетует, никогда не говорит: «Не сегодня. Я устала, и у меня болит голова». Она всегда к вашим услугам.

Один из мужчин заявил: «Все это глупо. Я не хочу связываться с этой чепухой. Если люди услышат, что я таскаю с собой пластиковую женщину, они засмеют меня».

Но другой сказал: «Я вижу в этом резон и логику. Я все-таки куплю это».

Он приобрел женщину. Они были большими друзьями, но всякий раз, как возникает треугольник, быть беде. Даже пластиковая женщина создала треугольник, потому что мужчина, который был ее владельцем, разъяснил своему другу: «Помни, я не потерплю никакого вмешательства в мою личную жизнь».

— Какая личная жизнь?

Тот сказал: «У тебя не должно быть дела до моей женщины. Иногда целыми днями я буду пропадать далеко в океане или в снегах, а моя женщина будет оставаться дома — обращайся с ней просто как со своей матерью».

Тот воскликнул: «Что за чепуха! Я не могу обращаться с ней даже как с твоей женой, а ты приказываешь мне, чтобы я обращался с этой пластиковой игрушкой как со своей матерью! Ты что, спятил?»

Он сказал: «Нет, я проясняю ситуацию, потому что человек я очень ревнивый».

Тот спросил: «Ревнивый, но к чему?»

Тот ответил: «Если я замечу с твоей стороны хоть одну попытку соблазнить мою женщину — нашей дружбе конец и прольется кровь».

Другой мужчина спросил: «Из-за пластиковой игрушки ты можешь убить меня?»

«Не тебя», — ответил тот, — «я не могу потратить пулю на тебя. Но я могу убить мою женщину».

И однажды это случилось. Он куда-то собрался и выглядел таким счастливым, как никогда. Он сказал: «Я хочу продлить свой контракт еще на два года, потому что дома жена, а иметь двух жен — не удваивает беду, а многократно увеличивает ее».

Другой мужчина сказал: «Говори все, что хочешь, и делай все, что хочешь, потому что я считаю тебя абсолютно чокнутым».

И мужчина ушел. Он выглядел здоровее прежнего. Ни тревог, ни проблем, никто не докучает ему — где вы найдете такую послушную женщину? И другой мужчина тоже постепенно заинтересовался. Его сексуальность... а два года на Аляске, это очень долго, ведь там нет социальной жизни. Поэтому когда его друг ушел, он подумал: «Быть может это и пластиковая женщина, однако я страдаю, а он наслаждается».

Его друг не собирался возвращаться домой той ночью, поэтому он открыл шкафчик и накачал женщину воздухом. Он так изголодался по сексу, так натерпелся лишений в течение многих месяцев, а женщина была совсем такой, какой полагается быть мировой королеве красоты: точно такие же пропорции тела.

Он получал огромное наслаждение от любви с ней, но потом случилось непредвиденное,

несчастный случай: он играл с грудями женщины, и у него возникло огромное желание взять соски в рот. А он так изголодался — почти как любой святой, — что попробовал не только пососать — там и сосать-то нечего, просто пластик, — он попытался сосать в темноте, позабыл, что это всего лишь пластиковая женщина, и прокусил грудь.

Стал выходить воздух, и женщина вылетела в окошко! Он воскликнул: «Боже мой! Я повидал много разных женщин, но летающая женщина — просто из-за того, что я немного прикусил ее грудь!..» Снаружи шел снег, было темно, и поэтому он решил: «Утром я разыщу ее и положу на место».

Но его друг вернулся среди ночи. Он сказал: «Работа кончилась рано». Он открыл свой бокс, но там не было женщины. Он спросил: «Что стряслось? Где моя женщина?»

Друг сказал: «Я очень сожалею, я не смог совладать с искушением и по глупости прокусил зубами ее прекрасный сосок. Я никогда бы не подумал, что она может вылететь в окошко. Так что она, очевидно, где-то снаружи, а идет такой сильный снег... Она наверное под снегом. Утром мы отыщем ее и постараемся починить».

«Он не был другом, он был врагом, — рассказывал второй мужчина, — он убил мою женщину! Мне пришлось искать другую; и я убил того человека, я показал ему, что нужно поступать морально. Он был так аморален, развращен, он не достоин был жить на земле».

То же самое мужчины проделывают и с реальными женщинами.

Они не из пластика. А из-за того, что они никогда не испытывают оргазма, их жизнь расстраивается все более и более, в них накапливается злость и ярость.

Это простой вопрос, но решение сложно. Если мужчина будет по-настоящему играть с женским телом и пробуждать спящие клеточки во всем теле, то он не сможет удовлетворить ее. Наиболее научный совет будет таким: ему следует всегда приглашать, по крайней мере, пятерых друзей. Тогда вы увидите совершенно новую женщину на земле — радостную, никогда не придирающуюся, не сердитую.

Но мужское эго... Он не может занять научную позицию по отношению к тому, за что он не несет ответственности: это Божья вина, это Бог должен был сделать их равными. Если у женщины возможны шесть оргазмов, то и мужчина должен бы быть способным на такое же количество. Либо следовало дать женщине только генитальную сексуальность, жизнь была бы спокойной.

Женщины должны потребовать: «Довольно этого извращения, теперь мы желаем проводить конкурсы красоты для всех — на тех же условиях».

Однако мужчина безобразен, сделался безобразным, и прячет под одеждой все свое безобразие. И он ревнив — он заставляет женщину тоже прикрывать себя полностью. Альмустафа прав: *Ваша одежда скрывает много вашей красоты и все же не прячет уродства.*

Но мои предложения, основанные целиком на научном исследовании, полицейский комиссар называет непристойными. Ему нужно спросить у своей женщины, сколько она рыдала и лила слезы по ночам, когда он занимался с ней любовью. Это не любовь, это просто разгрузка от бремени. Это не более значительно, чем чиханье — генитальное чиханье.

Как только его чиханье закончилось, он уходит спать.

Даже обычное чиханье дает вам приятное ощущение в голове. А женщина дальше не потерпит, она здесь не просто инструмент для ваших чиханий. Она должна понять свою сексуальность, и она должна потребовать то, что ей надлежит. Моногамия абсолютно противоестественна, и не я в ответе за это, помните. Ваш Бог в ответе.

Все сущее, похоже, создано непрофессиональным богом, который не знает ничего. И как он может знать? В христианской троице нет женщины; это группа «голубых». И если СПИД пришел в мир, то, скорее всего, от христианской троицы, ведь они — древнейшие

гомосексуалисты. Действительно, чем еще им заниматься? После сотворения мира за шесть дней, что вам еще делать? Перекур? Бог не курит...

Эти условия навязаны нам, и я не знаю, но почти уверен, что полицейский комиссар должен курить. Бог не может пить спиртное. Но я опять-таки уверен... потому что все полицейские офицеры, правительственные бюрократы пьют спиртное. И когда мы снова и снова звоним в служебное время: «Где же он?» — их ведомству требуется почти целый час, чтобы дать его домашний номер.

Я знаю причину. Когда мы позвонили к нему домой, кто-то ответил: «Он занят богослужением». Самое вероятное, он выпил слишком много, все еще был под хмелем и крепко спал. Я не говорю, что это факт, но я знаком со всеми вашими лидерами, вашими бюрократами, и все они пьяницы. И они всегда опаздывают на службу. Иногда приходят на полчаса, и сразу уходят. Для чего? — «богослужение».

И действительно, как же вам заниматься богослужением без вина? Христиане даже сделали вино частью своих празднеств, своего поклонения. Даже Иисус Христос был пьяницей — не только пьяницей, но и преступником, потому что превращал воду в вино.

Я терпеть не могу запах вина, я терпеть не могу курение, но однажды я все-таки выпью вина и закурю здесь, просто чтобы показать полицейскому комиссару, что ни вино, ни курение не запрещены в Индии.

Вы ищете в одежаниях свободу уединения, но обрываете в них узду и оковы.

Они не дают вам уединения. Они создают тонкую стену вокруг вас, так что вы передвигаетесь, нося свою тюрьму с собой. Если вы не обнажались под солнцем и не давали всему своему телу впитать витамины, которые солнце изливает на вас, если вы не обнажались на ветру, — вы заключенный. Я не предлагаю вам идти на площадь или на улицы, полные всевозможных идиотов, и обнажаться. Ведь они слепы и глухи, они отсталые и бессердечные, и им не понять этого.

Но всякий раз, когда вы сможете уединиться, наслаждайтесь свободой от одежды.

Бертран Рассел открыл школу для маленьких детей, и о школе было много толков. Это был противоречивый человек — любой, кто способен мыслить, не может быть иным. В конце концов, епископ той местности постучался в двери. Молоденькая девочка — может, лет девяти, голая — открыла двери, а епископ закрыл глаза и пробормотал: «Боже мой!» Но девочка сказал: «Бог каждого сотворил голым!» Мы никогда не слышали, что Бог пользуется одеждой — он должен быть голым. А как там с вашим святым духом? Вам известны духи, покупающие одежду, — святые или нечестивые?

И фактически то, что христиане называют святым духом, — это самая нечестивая идея, ведь этот святой дух сделал беременной невинную девственницу — деву Марию, мать Иисуса Христа. Он же насильник. И тем не менее он остается святым и частью Бога.

Эта троица неразлучна; это почти как тримурти у индусов, три лика Божьих: Бог отец, Бог сын и Бог дух святой. Но нет места ни для какой женщины... либо они нашли пластиковую женщину, либо они должны быть гомосексуалистами.

Существует еще одна возможность, и она в том, что этот святой дух может функционировать обоими способами — иногда это мужчина, иногда женщина; иногда для отца, иногда для сына. Духи могут принимать любую форму.

И мне во всем мире настойчиво навязывали требование — не критиковать никакую религию. Что я могу поделать? Эти религии заслуживают критики; фактически, они заслуживают быть сожженными дотла. Их священные писания — самые нечестивые.

И так, помните: все, что я говорю, — это не только для вас. Это для всех моих саньясинов повсюду в мире, для моих сторонников, моих любимых, — а их, должно быть, миллионы. И это

даже не только для них; я обращаюсь также к грядущим поколениям.

Но что бы я ни говорил, — такие типы попадают и здесь тоже, — не истолковывайте меня превратно. То, что враги неверно истолковывают меня, я могу понять, но если вы неверно истолковываете меня, вы раните мое сердце и мое существо.

Я слышал, что несколько человек, прибыв в учреждение, заявляли: «Бхагван позволил нам, нет ничего непристойного. Поэтому мы собираемся делать на улицах все, что хотим».

Это же глупо, и хоть ваша глупость не повредит вам, вся ответственность ляжет на меня. Я пострадал из-за вас во многих тюрьмах; я пострадал из-за вас в руках бесчеловечных полицейских; я по-всякому страдал из-за вас в руках почти всех правительств мира.

Поэтому когда я говорю эти вещи, будьте разумны и поймите: ведь вас окружают все виды предубежденных и фанатиков, и все, что вы делаете, окончательно обрекает меня. Вы не волнуете никого, никто даже не спросит ваше имя.

Несколько саньясинов пришли прямо из Непала, они не предполагали, что могут быть какие-нибудь проблемы, — они пришли по дороге, там нет компьютеров. Все компьютеры индийского правительства во всех посольствах повсюду в мире и во всех международных аэропортах Индии информируют: «Такой-то человек — ученик Бхагвана Шри Раджниша и не должен допускаться в страну». Но они изумились, увидев, что даже на улице — не в аэропорту, просто на переходе, — у полиции есть толстая книга со всеми именами саньясинов, которые им удалось собрать.

И в министерстве самый большой эгоист и самая заинтересованная во власти личность, Арун Неру, внес все эти документы, имена в компьютеры, а если компьютеры недоступны, тогда имена заносятся в толстую книгу. В парламенте он сделал заявление; на вопрос члена парламента: «Правда ли, что саньясины Бхагвана Шри Раджниша не будут допущены в Индию?» — он ответил: «Это абсолютно неверно. Каждому добро пожаловать».

Эти политики могут врать без всякого зазрения совести. Почти все парламенты Европы под давлением Америки приняли резолюции, законы или предписания, гласящие: «Этот человек очень опасен и его нельзя допускать в страну». А из-за того, что все они брали миллиарды долларов взаймы — Америка знает, что это не может быть возвращено, как им возратить это? — они в экономическом рабстве.

Даже великие нации, которые когда-то управляли всем миром, теперь на положении нищих. У них нет даже мужества, спросить у американского правительства: «Что вы подразумеваете под опасностью? Он носит ядерную ракету? Он приходит с атомными бомбами?»

Нет. Двадцать одна страна решила, что мне нельзя въезжать, — из страха, что я буду разрушать их религию, буду разрушать их мораль, буду развращать умы их молодежи.

Я изумлен — чем же занимались эти идиоты две тысячи лет? Если мораль, которой обучают вот уже две тысячи лет, может быть разрушена трехнедельной туристической визой, тогда что это у вас за разновидность морали? Что у вас за разновидность религии? Если один человек приходит всего на три недели и разбивает все ваши традиции и все ваше прошлое, — в таком случае оно и должно быть разрушенным! Вы дурачите людей. Несложно заключить, что вы дурачили их, и вам бы не хотелось, чтобы я разоблачил ваш обман. Это не мораль, и это не религия.

И я могу сделать это за три недели, больше времени и не потребуется. Фактически своим отказом они признали поражение от одной-единственной индивидуальности, которая даже не воспользовалась ножом для резки овощей. Бессильные религии, бессильная мораль — достаточно указать на это, и тот, кто разумен, поймет сразу.

Поэтому все, о чем я говорю, для вас должно быть совершенно ясным; если хотите видеть

меня в живых — ведь теперь нет другого выхода для всех этих стран, есть только одна возможность — убить меня; и если вы ведете себя безумно, вы будете раскаиваться всю свою жизнь, — а я не хочу, чтобы кто-нибудь раскаивался, — вы будете чувствовать вину, что стали соучастниками убийства.

Поэтому не делайте ничего, что направлено против слепых, мертвых и глухих. Зная, что они отягощены прошлым и не имеют мужества даже понять меня, ведите себя так, чтобы у них не было никакого повода.

Позвольте мне бороться самому, потому что меня самого достаточно.

Если бы вы могли подставить солнцу и ветру свою кожу, а не одежды!

Это простой физиологический факт, что вся ваша кожа дышит — вдох, выдох, — а не только ваш нос. Если на ваше тело нанести густую краску, так, чтобы прекратить всякую возможность дыхания кожей, а ваш нос оставить открытым, — вы умрете через три часа. Только носа не достаточно. Все ваше тело состоит почти из семи миллиардов живых клеток. Все они нуждаются в кислороде, и всем им нужно выбрасывать двуокись углерода, а ваша одежда мешает этому.

Ваши одеяния не друзья вам. Но из-за тысячелетнего использования одежды ваши тела сделались слабыми, поэтому вы вынуждены пользоваться ею. Однако время от времени, когда позволяет сезон и вокруг нет фанатиков, просто побудьте, как вас послал Бог — совсем нагими — и вы почувствуете новый расцвет жизни, юности, свежести.

Солнце ваш друг. Ветер ваш друг; дождь ваш друг. Ваши одежды — вот ваши враги. Но сейчас, из-за того, что вы стали слабыми (человек — самое слабое животное на свете), — вам придется пользоваться одеждой. Пользуйтесь одеждой... но время от времени давайте телу возможность пользоваться своим естественным правом.

Ибо дыханье жизни — в солнечном свете, и рука жизни — в ветре. Иные из вас говорят: «Это северный ветер соткал одежды, которые мы носим». А я говорю: «Да, это был северный ветер, но стыд был ему ткацким станом, и вялость мускулов — нитью».

Из-за непрерывного вбивания определенной мысли — что ваши тела безобразны, что ваши тела наказание для вас — вам стало очень стыдно показываться обнаженными. Альмустафа прав: *стыд был ему ткацким станом*. Все ваши одежды сотканы на ткацком стане стыда.

Но чего стыдиться? Деревья обнажены, все животные обнажены, все птицы обнажены. Что есть стыд? И одежда наносит громадный ущерб вашему здоровью, вашей красоте по той причине, что она стала барьером между вами и жизнью. Все сущее обнажено, исключая человека. И почему ему должно быть стыдно?

Это ваше тело, это ваш храм, это место Бога, пребывающего внутри. Здесь нет места стыду.

Но именно так религии эксплуатировали вас, политики эксплуатировали вас. Ваши так называемые лидеры — не лидеры, а убийцы. Они убивали весь человеческий род многими способами — порабощали, ослабляли вас.

Истинная религиозная личность не может стыдиться своего тела, ведь это дар, а испытывая стыд за свое тело, вы осуждаете сущее.

И, закончив свой труд, он смеялся в лесу.

Он говорит: когда работа по внушению человеку стыда была завершена, то та самая сила, которая заставила вас устыдиться себя, *смеялась в лесу*.

Действительно, все деревья смеются, глядя на вас, все птицы смеются, глядя на вас: «Что за странное создание этот человек! Зачем ему нужно скрывать себя?»

Небольшой розовый куст не стыдится, что он невелик. Не гордятся и ливанские кедры, уходящие на сто пятьдесят — двести пятьдесят футов высоко в небо. Одна и та же природа создает и розовый куст и кедр. Наша мать одна и та же.

Мы пришли из одного и того же источника. Стыдиться — значит осуждать — не себя — источник, который дал вам все, не прося ничего взамен.

Не забывайте, что стыдливость — щит от глаз порочности.

Вам говорили снова и снова в прошлом, что стыдливость — замечательное качество. Это полная ложь, стыдливость — просто *щит от глаз порочности*.

А кто порочен? Поймите прошлое и те религии, которые оно создало, — это потрясающий сюрприз. С одной стороны они заставляют вас подавлять свои энергии — особенно секс, потому что это единственная энергия, которая есть у вас. Вы когда-нибудь слышали о каком-либо импотенте, который стал просветленным? Вы когда-нибудь слышали о каком-либо импотенте, который бы стал великим поэтом, или великим художником, или великим танцором, или великим певцом? У импотента нет силы. Дело не только в том, что он не способен производить детей; он не способен производить поэм, он не способен производить вообще ничего.

Он святой, целомудренный. Только импотенты целомудренны. Целомудрие тех, кто не является импотентом, — это лицемерие. И я вызываю всех ваших шанкарачарьев, которые претендуют на целомудрие: их должны обследовать медицинские эксперты. И вы не найдете ни одного целомудренного среди них, кто бы не оказался импотентом.

Вы должны помнить: секс — это энергия.

А энергия — это Бог.

И мне приказывали не говорить о сексе. Выходит, мне приказывали не говорить о Боге, не говорить о жизни. В таком случае, о чем же мне говорить? Но эти люди понятия не имеют, что они требуют.

Если Бог дает вам сексуальную энергию, она становится священной. Все, что исходит от Бога, священно, но от Бога исходит все. А под «Богом» я подразумеваю все сущее.

Когда кукушка начинает петь... вы задумывались когда-нибудь, для чего эта песня? Привлечь сексуального партнера! Но никто не осуждает кукушку как непристойную. Когда раскрываются цветы и шлют свое благоухание — как вы думаете, что они делают? Они объявляют: «Я расцвел, теперь я приглашаю бабочек, пчел, — добро пожаловать». Но почему? — потому что у цветка есть небольшие семена, которые будут переноситься бабочками, пчелами. Потому что одно и то же деление во всем сущем: есть растения мужские и есть растения женские. Мужское растение должно посылать свои семена женскому растению — своей возлюбленной.

Никто не осуждает цветы. Наоборот, вы берете цветы в свой храм — предлагать своему богу. Вы не осознаете, что предлагаете своему богу сексуальную энергию.

Вы видели танец павлина? Думаете, он танцует для вас? Запомните одну вещь: танцующий павлин с прекрасным хвостовым оперением всех цветов радуги — это самец. Он привлекает какую-то самку; только в нездоровом человеческом обществе самка должна привлекать самца.

Повсюду в природе — самец тот, кто привлекает самку. И по этой причине повсюду в природе самец более красив, — потому что самка не нуждается ни в какой красоте; просто быть самкой достаточно. Но странно — мужчина стоит на голове, постоянно занимается ширшасаной; самец должен быть более прекрасным, таким, чтобы самку влекло к нему.

Но религии натворили беспорядка до такой степени, что если вы видите богача, идущего со своей женой, он выглядит как слуга, а жена — как реклама его богатства. Все брильянты, все изумруды, все рубины, все золото — это и есть реклама мужчины. Он просто бизнесмен, обладать прекрасной женой — стратегия бизнеса; поэтому вы можете пригласить своих покупателей в свой дом на обед, ваша жена загипнотизирует их своей красотой, и вы опустошите их карманы! Но мужчина стал просто слугой, бизнесменом. Его богатство известно благодаря жене, а его настоящее богатство, его красота, его гениальность хранятся под замком.

Всякий раз, когда вы искажаете природу и принимаетесь фабриковать свои собственные правила, помните: это преступление, и непростительное.

Не забывайте, что стыдливость — щит... Стыдливость восточной женщины превозносят очень высоко во всем мире, — но это защита. На Западе женщина не скромна. Она стоит на собственных ногах, вровень с мужчиной — здесь ни при чем стыдливость. Индийскую женщину испортили тысячелетия стыдливости. Стыдливость — ее великолепное украшение.

И у Альмустафы есть действительно замечательное прозрение, когда он говорит, что это *от глаз порочности*. Кто же порочен? — люди, которые подавили свое естество, которые подавили свои сексуальные желания. Они могут окунаться в Ганг, сколько хотят — это лишь замутит Ганг, но их нечистота останется, потому что она не на теле, она глубоко в их умах.

Я слышал рассказ. Трое старых одиноких мужчин сидели на скамейке в саду — это был их обычай, они приходили сюда каждый день. Целый день не было чем заняться, и для них это было единственное удовольствие, единственное развлечение — спорить и пересказывать друг другу золотые воспоминания прошлого.

Однажды собрались все трое. Одному было семьдесят пять, другому восемьдесят пять, третьему девяносто пять. Самый молодой, семидесятипятилетний, сказал: «Я очень расстроен, очень опечален».

Оба старых приятеля попросили его: «Расскажи нам, что случилось».

Он сказал: «Мой дом навещала гостя, прекрасная женщина. Она принимала ванну, и я подглядывал через замочную скважину, а моя мать поймала меня на месте преступления. Вам не кажется, что это сильно опечалило бы и унизило кого угодно?» Оба старых приятеля рассмеялись. Они сказали: «Не расстраивайся. В детстве каждый делал так, и время от времени каждого ловили. Фактически, замочная скважина для этого и существует!»

Мужчина сказал: «Вы не понимаете. При чем тут детство, это произошло сегодня утром!»

Такое возможно, только если человек подавлял, подавлял и подавлял себя и никогда не был свободен; его нутро действительно порочно и грязно. Если бы он жил полной жизнью, он смог бы преодолеть все эти желания и быть абсолютно чистым.

С одной стороны, религии сделали людей порочными, грязными — загрязнили их умы. А с другой стороны, они обучали женщин быть скромными — «защита от порочности». Так что если старик приходит к вам домой — коснитесь его стоп, зовите его отцом, опустите к полу свои глаза. Это и есть защита.

Здоровому человеческому обществу не понадобится никакой защиты, потому что там не будет грязных стариков. Моим саньясинам не нужна никакой защиты, они живут радостно, благодарно, — и они преодолели — или преодолеют; они не будут скапливать всевозможную грязь, подавленные желания.

Второй старик ответил: «Чепуха. Вы всегда приносите третьесортные истории. То, что произошло со мной, более унижительно. Вот уже три дня я не занимаюсь любовью со своей женой, и каждый раз как я пробую, она говорит: «У меня болит голова».

Самый старший начал смеяться. Он сказал: «Сначала расскажи этому мальчику, что ты подразумеваешь под любовью, ведь он не знает твоего секрета».

Тот сказал: «Секрета нет, моя любовь состоит в том, что каждую ночь, прежде чем идти спать, я беру руку своей жены и глажу ее три раза. Но уже три дня она не позволяет — это обидно».

И оба спросили самого старого приятеля: «У тебя есть что рассказать?»

«Вот я — на самом деле в беде, — сказал тот. — Этим утром, когда я начал заниматься любовью со своей женой, она сказала: "Ты идиот! Что ты делаешь!"»

Я ответил: «То же самое, что я делал уже почти целое столетие: я занимаюсь любовью».

Она сказала: «В третий раз за эту ночь ты занимаешься любовью. Дашь ты мне спать или нет?»

«Третий раз, — сказал я. — Это значит, что я лишился памяти!»

Это и есть ваши порочные люди, старейшие, у кого вы учились и всегда почитали. Конечно, скромность — это защита от этих безобразных созданий, которых произвела религия.

Преступления религии несметны.

А когда порочность исчезнет, чем будет стыдливость, как не оковами и мусором разума?

В тот миг, когда эти подавленные люди исчезнут с земли, чем будет скромность? — это просто оковы, излишество. Мусульмане не позволяют своим женщинам даже показывать лица. Это и есть скромность, защита, щит от подавленных людей. Но если подавленных людей не станет, эти *баркхас*, эти завесы будут просто оковами и *мусором разума*. Они исчезнут.

Это будет великий день, когда женщина и мужчина смогут встретиться просто как человеческие существа, безо всяких щитов, безо всяких барьеров, с открытым сердцем. Это и есть все, что я хочу дать моим людям: сделать их настолько тотально живыми, чтобы все поглотилось этим, и они стали свободными, подлинными, искренними.

Не забывают, что земле приятно прикосновение ваших босых ног, и ветры жаждут играть вашими волосами.

Все сущее наслаждается вашим наслаждением.

Все сущее поет с вами, танцует с вами.

А когда кто-то становится просветленным, все сущее празднует это — потому что мы нераздельны. Мы все — единое космическое целое.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

19. ДАРЫ ЗЕМЛИ

17 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

И просил торговец: «Скажи нам о Купле и Продаже».

И сказал он в ответ: «Земля приносит вам свои плоды, и вы не будете нуждаться, если только будете знать, как наполнить свои ладони.

В обмене дарами земли вы обретаєте достаток и удовлетворение.

Но если в обмене не будет любви и доброй справедливости, то одних он приведет к жадности, а других к голоду.

Когда вы, труженики моря, полей и виноградников, повстречаете на рыночной площади ткачей, гончаров и собирателей пряностей,

Взывайте тогда к духу — владыке земли, чтобы он появился среди вас и освятил весы и расчеты, сравнивающие одни ценности с другими. И не допускайте к обмену людей с пустыми руками, которые расплачиваются за ваш труд своими словами.

Скажите таким людям:

«Идите с нами в поле или отправляйтесь с нашими братьями в море и закиньте там свои сети;

Ибо земля и море будут так же щедры к вам, как и к нам».

И если туда придут певцы, плясуны и флейтисты, купите и их дары.

Ибо они тоже собиратели плодов и благовоний, и хотя то, что они приносят, соткано из грез, — это одеяние и пища для вашей души.

И прежде чем покинуть рыночную площадь, уверьтесь, что ни один не ушел оттуда с пустыми руками.

Ибо дух — владыка земли — не заснет мирно на ветру, пока не исполнятся нужды самого меньшего из вас».

Халиль Джебран точно знает, что необходимо, но он даже понятия не имеет, как трансформировать человека.

Легко, очень легко облекать в прекрасные слова существенные нужды человека. Но если вы не знаете, как человеку осуществить свои мечты, ваши слова могут быть прекрасны, но смысла в них нет вообще. И так не только с Халилем Джебраном — таково положение со многими великими поэтами, мыслителями, философами. Они говорят так, как будто это все уже доступно на базаре — идите и покупайте.

Они продолжают говорить людям: «Любите, имейте сострадание. Будьте добры, довольны, отзывчивы». Но это пустые слова. Хорошо читать их, но это не больше чем развлечение.

А то, что нужно, — не развлечение; то, что нужно, — трансформация. Недостаточно сказать кому-то: «Люби». Реальный вопрос в том, как ему отыскать любовь, возникающую внутри, каковы методы, техники, приносящие цветы любви. Никто не говорит об этом.

Все эти слова безмерно прекрасны — но они так же пусты, как и прекрасны. Это то же самое, что говорить голодному: «Ешь, но ешь питательную пищу». Но вопрос в том, где эта питательная пища; и как голодному разыскать и достать ее?

Это заблуждение увековечивается столетиями, ни один не спросил об этом. Махавира продолжает говорить людям: «Будьте ненасильственны». Но проблема в том, что человек

происходит от животных, все его существо полно насилем. Как же ему избавиться от насилия? Как он может трансформировать ту же самую энергию, которая сейчас является насилем, в ненасилие? Никто не задает вопроса, каждый загипнотизирован прекрасными словами. Слова правильны, но они не станут зарей нового человечества.

Все они провалились, полностью провалились; величайшие люди прошлого провалились на единственном пункте. Почему же никто не ставил вопросы? — потому что никто не хочет меняться. Прекрасно слушать, прекрасно быть последователем Гаутамы Будды или Иисуса Христа — это усиливает ваше эго. Если бы вы были на самом деле заинтересованы в трансформировании своей энергии, вы бы попросили: «Все, что вы говорите, правильно, но покажите нам путь, дайте ориентиры».

Удивителен рассказ о великих людях, которые толкуют о звездах... и, естественно, он впечатляет. Но вопрос в том, как добраться. Такова же проблема и с Халилем Джебраном, и даже серьезнее, поскольку сам он не трансформированное человеческое существо.

Он очень выразителен, его слова великолепны. Но я намерен спросить о каждом из его изречений — содержит ли оно что-нибудь, или это просто его страсть, его желание, его греза. Все мечтатели давали человечеству великую надежду — и из-за этой надежды они препятствовали революции любого рода в человеческом сознании.

Люди ожидали.

К тому же они создавали у людей неверное представление, что знают реальные нужды, знают, как их можно осуществить; но они совсем не знают, что эти нужды так глубоки, что, если вы не родитесь вновь, вы будете только играть словами и бесполезно тратить свое время.

Я здесь не для того, чтобы тратить свое время и ваше время.

Я намерен действовать.

И просил торговец: «Скажи нам о Купле и Продаже». И сказал он в ответ: «Земля приносит вам свои плоды, и вы не будете нуждаться, если только будете знать, как наполнить свои ладони». Когда-то, тысячи лет тому назад, это было верно. Это не верно во времена Халиля Джебрана или в наше время.

Земля больше не в состоянии прокормить нас, потому что по своей глупости мы перенаселили ее. И он не сказал ни единого слова против перенаселения, потому что христианская церковь против контроля рождаемости. Он не сказал ничего об узаконивании аборта, потому что христианская церковь против этого.

Ныне плоды деревьев не в силах поддерживать этот огромный океан человечества. Когда-то такое было возможным, когда человечество насчитывало всего несколько миллионов людей, и каждый человек имел тысячи деревьев в своем распоряжении. В своем невежестве мы срубили все те деревья — ради того чтобы печатать третьеразрядную желтую прессу. Миллионы деревьев уничтожены просто ради газет.

Похоже, мы на гибельном пути.

Раньше я бывал в Непале, и на этот раз я был просто поражен: не стало всех больших деревьев. Те деревья не выросли за дни или недели, это не сезонные цветы. Тем деревьям понадобились века, чтобы расти, и секунды, чтобы быть срубленными. Вам не заменить их. Но Непал страна бедная, поэтому они продали все свои большие деревья и великолепные леса, так называемым сильным мира сего. И под электропилой ежедневно исчезают сотни деревьев.

Но Халиль Джебран не говорит ни о чем, что разумно и осуществимо.

Мне хочется, чтобы все это газетное сумасбродство прекратилось. Теперь мы имеем средства получше, у нас есть радио, у нас есть телевидение

— зачем же продолжать печатать тысячи и тысячи газет и журналов? Телевидение не собирается уничтожать деревья, и радио тоже не собирается уничтожать деревья.

Но даже в бедной стране вроде Индии так много газет — недельных и двухнедельных, месячных и двухмесячных и ежегодных... и никто не ставит вопроса — тому, что вы сделали с природой, прощения быть не может. Природа намерена отомстить с лихвой — она уже принимается за это.

И сказать в двадцатом веке: *Земля приносит вам свои плоды, и вы не будете нуждаться, если только будете знать, как наполнить свои ладони!*

— каждому известно, как наполнить свои ладони; похоже, он разговаривает с идиотами. Но где плоды, и где деревья?

Его изречение просто бессмысленно.

В обмене дарами земли вы обретаёте достаток и удовлетворение... Это тоже не верно. Земля отдавала вам миллионы лет, а вы не возвращали ничего для ее питания.

Индусы продолжают сжигать тела — это против природы. Тела следует возвращать природе... ведь что такое ваши тела? Природа дала вам пищу, солнце дало вам жизнь, воздух давал вам непрерывное питание. Если вы умираете, ваше тело должно вернуться к первоначальным истокам — земля к земле. Вы должны стать удобрением для своих грядущих поколений.

Мы эксплуатировали землю так сильно, что она лишилась всего изобилия своих сокровищ. Сейчас для нас технологически возможно вернуть все элементы обратно земле, но человеческий ум живет в мертвом прошлом. Он продолжает заниматься все теми же глупостями, не замечая, что убивает сам себя.

Я навещал город и одного из самых почитаемых индуистских монахов, Карпатри... единственное достоинство которого состоит в том, что он ест пищу из своих рук. В этом смысл слова *карпатри* — *кар* значит руки, а *патри* значит чашка, чаша. За исключением этого, я не вижу ничего в том человеке. Но просто из-за того, что он продолжает нищенствовать и есть из рук, он стал одним из самых почитаемых святых у индусов.

Он читал религиозную лекцию. Я попросил своего друга остановить машину, мне хотелось услышать несколько слов. Сидя в машине, я слушал его лекцию, и я был изумлен: в образованном городе со своим университетом, медицинским колледжем, своим сельскохозяйственным колледжем... и никто ничего не сказал тому идиоту.

Правительство построило очень большое водохранилище, потому что земля бесплодна, а дожди стали ненадежными. Поэтому было создано водохранилище, производящее электричество для тысяч деревень, для всевозможного технологического использования, и воды хватает, чтобы оросить всю землю, которая постепенно становится пустыней. Все было готово, ожидали только прибытия президента Индии для торжественного открытия, потому что в Индии у президента и премьер-министра нет другого дела, кроме торжественного открытия мостов, водохранилищ... даже мотелей и ресторанов!

Несчастье этой страны в том, что здесь господствуют все виды идиотов. Зачем нужно торжественное открытие? Водоохранилище готово, земля жаждет, — нет, они ждут, ведь у президента слишком много других свиданий такого же сорта. Небольшая дорога — и президент должен торжественно открывать ее... я не вижу смысла в торжественном открытии этой небольшой дороги, разве что его фото отпечатают в каждой газете и у него будет повод выступить перед людьми.

А Карпатри говорил тысячам своих последователей: «Не пользуйтесь водой из водохранилища для орошения».

Я был вынужден выйти из машины. Я сказал: «Это что-то странное! Люди умирают и люди голодают; земля иссохла, все стало бесплодным, зелень погибла». Мне хотелось понять его аргумент — какой аргумент он выдвигает?

Его аргумент оказался весьма забавным.

Он говорил: «Не пользуйтесь водой, потому что у нее забрали электричество, она бессильна. Электричество было реальной силой, и если вы воспользуетесь ею для полива, ваши урожаи станут бессильны. А всякий кто будет питаться от такого урожая, делается импотентом».

Естественно, никто не хочет стать импотентом.

Те тысячи людей были согласны с ним!

Я сказал моему другу и хозяину: «Никогда бы не подумал, что в вашем культурном городе вы допускаете такую глупую бессмыслицу и называете это религиозной лекцией. Этот человек не только несет вздор, он, похоже, сошел с ума! Вода не становится бессильной. Электричество — это не могущество воды; могущество воды в том, чтобы утолить жажду земли. И довод в пользу этого в том, что земля зазеленеет».

Карпатри был не только религиозным святым индуистов, он был к тому же главой индусской политической партии, Рамрадж Паришад. У него были ее члены в парламенте. Что за людей выбирают и голосуют за них? Эти люди должны быть за решеткой — им не поклонение и не уважение нужно, им нужна операция на мозге! У них в мозгу, по-видимому, опухоль, которая не позволяет видеть простые факты. И если таковы «великие лидеры» — а он великий лидер, религиозный и политический одновременно, — то как же бедное, необразованное, заурядное человечество?

Мы эксплуатировали землю, мы брали ее соки через плоды, через другой урожай, и у нас и в мыслях не было возвращать, по меньшей мере, такое же количество химикалий, какое мы забирали с плодами.

Это хорошая поэзия, но нельзя прожить одной поэзией.

Он говорит: *В обмене дарами земли вы обретаете достаток и удовлетворение.* Он рассказывает о начале человечества, когда была система натурального обмена, когда люди обменивались вещами без посредства денег при обмене.

У вас есть корова, и молока больше, чем вам нужно, но у вас нет одежды. Поэтому вы должны ходить и разыскивать человека, у которого больше одежды и есть потребность в молоке. Это была потеря времени и энергии, и это оказывалось не всегда легким, — вам нужна лошадь, но приходится искать нужного человека. Вам приходится ходить от деревни к деревне, чтобы найти того человека, который сможет дать вам лошадь в обмен на что-нибудь ваше, в чем у него есть нужда.

Это было возможным, когда на земле было совсем немного людей. Теперь же сама идея обмена абсурдна. Только представьте: из-за какой-то своей потребности вам, возможно, придется обойти всю страну в поисках подходящего человека. Деньги — одно из величайших изобретений человечества для устранения всего этого беспокойства. Нужно вам молоко или не нужно, есть у вас лошадь или нет, — значения не имеет; всякий, кому нужно молоко, может купить его за деньги, и у всякого, кто желает продать лошадь, найдется покупатель. Деньги — это сокращение пути.

Имея одну-единственную рупию в своем кармане... вы думали когда-нибудь, сколько вещей в вашем кармане? Если пожелаете массажиста — он у вас в кармане. Если пожелаете курить — сигареты у вас в кармане. Если пожелаете пойти посмотреть фильм — билет у вас в кармане. Разумеется, у вас не может быть всех этих вещей за одну рупию, но вы можете выбрать все, что пожелаете.

Халиля Джебрана поддержал бы человек вроде Махатмы Ганди, потому что он говорил о мире так примитивно — ничего кроме натурального обмена... деньги были бы невозможны. И вы поразитесь, узнав, что это не Запад изобрел деньги и денежное обращение — это был Китай.

Вот уже три тысячи лет они пользуются денежными знаками.

Когда Марко Поло обнаружил денежные знаки, он не мог поверить: в европейских странах, на Западе, деньги уже существовали, но то были золотые монеты. Если бы вы носили десять тысяч золотых монет, то либо погибли бы под их весом, либо вас бы ограбили, потому что любому видно, что вы носите десять тысяч золотых монет. И зачем нести такой груз из одного места в другое? — это можно проделать с небольшим клочком бумаги, где записаны десять тысяч рупий с обещанием правительства, что когда бы вы ни нуждались в золоте, можете прийти в сокровищницу, предъявить купюру и забрать золото. Золото хранится в сокровищнице.

Конечно, те люди, три тысячи лет назад, очевидно были очень разумными. Сравнивая, Марко Поло понял... он ведь привез много вещей из Китая в Европу. Тогда же в Китае была изобретена печатная машина, потому что без печатной машины какие могут быть купюры? Он привез купюры, чтобы показать их Папе, потому что в то время Папа был решающим фактором для всего Западного мира. И весь двор Папы смеялся над Марко Поло. Они говорили: «Ты называешь это деньгами? Ты хочешь обмануть нас?»

А Папа вытащил из своего кармана золотой и бросил его на пол — разумеется, тот зазвенел. И он попросил Марко Поло: «Теперь брось свою купюру. Это же просто клочок бумаги. Тебя обманули».

Марко Поло старался изо всех сил: «Меня не обманули; весь Китай, одна пятая мира, уже пользуется купюрами».

Натуральный обмен исчез, поскольку он становился невозможным — население становилось плотней и плотней. Появились деньги, только чистое золото. Затем золото исчезло, серебро исчезло; появились купюры. Фактически, и они тоже устарели.

В нашей коммуне в Америке у нас были просто денежные карточки, потому что купюра — вещь грязная. Она проходит через столько людей — у кого-то может быть СПИД, у кого-то — туберкулез, кто-то может страдать от рака. Вы не можете знать, через сколько рук прошла купюра. Я не притрагиваюсь ни к какой купюре уже тридцать лет — это совершенно негигиенично и противоречит всем медицинским исследованиям.

Но человек, похоже, так отстал повсюду в мире... предлагаются средства получше, но люди не слушают. Все, что необходимо, подсчитает ваш банк; в ваших руках будет оставаться совсем небольшая карточка, и вы можете идти и покупать что угодно: банк должен оплатить. Но ваша карточка абсолютно гигиенична; она никогда не переходит в другие человеческие руки — от проституток до святых, что является безобразнейшей вещью сегодня.

Халиль Джебран говорит:

Но если в обмене не будет любви и доброй справедливости, то одних он приведет к жадности, а других к голоду.

Вот почему я говорю, что он использует прекрасные слова, но безо всякого смысла. *Но если в обмене не будет любви...* — но как может она быть в обмене? У вас любящее сердце? Вы любили когда-нибудь? Вы всегда *просили* любви, вы никогда не предлагали свою любовь никому. Вы сталкивались с некой энергией в себе, которую могли бы назвать любовью? Даже если вы говорите: «Я люблю тебя», — в глубине это не любовь, а только биологическое вождление. Поэтому одна и та же женщина, один и тот же мужчина, которого вы любите сегодня, завтра делается камнем на вашей груди, начинают убивать вас.

Вы пойманы своими собственными обещаниями, вам ведь пришлось наобещать ей, просто чтобы осуществить свое вождление; иначе женщина не будет готова пойти на все виды сексуальной гимнастики. Вы подкупили ее красивыми словами и обещаниями: «Я всегда буду любить тебя. Другие любили, но только при жизни. Я буду любить тебя, моя возлюбленная, даже когда умру. Я буду любить тебя не только в этой жизни, но и во всех последующих».

Теперь вы пойманы в сеть. Когда осуществилось ваше вожделение, ваша биологическая энергия истощена, — женщина выглядит абсолютно ненужной.

Каждый из них просыпается утром и удивляется: кто же этот другой? И что он делает в моей кровати? Лишь когда вы чуть больше проснетесь, вы вспоминаете — это мой муж, это моя жена. И история начинается снова: «Дорогая...»

В прежние дни истории обычно начинались: «Как-то раз...» Теперь они начинаются: «Дорогая...» Раннее утро! И оба очень любят, потому что оба ждут, чтобы другой встал и приготовил чай.

Как вам ожидать от людей обмена с любовью — у них нет опыта любви. Они никогда никого не любили. Да, у них был опыт вожделения. Они прикрыли это безобразное слово «вожделение» самым прекрасным словом «любовь». Ведь если вы скажете женщине: «Я очень хочу тебя», она тотчас же пойдет и сообщит полицейскому комиссару: «Смотрите! Ученик Бхагвана Шри Раджниша посреди улицы сказал мне: "Я очень хочу тебя!"»

Готовые помочь вам, они арендовали дом рядом с нашим храмом; днем и ночью десятки полицейских с заряженными винтовками ждут чего-нибудь от вас, чтобы немедленно войти в лагерь. И не так много нужно — если вы просто закурите сигарету... а они все курят сигареты. Если вы просто держите чью-то руку, помните: полиция ждет с заряженными винтовками, совсем рядом — со специальной целью они арендовали тот дом.

Прежде тот дом принадлежал нам. Наши люди раньше жили в том доме, мы снова попросили владельца, и он очень обрадовался; он сказал: «Я не жалею на ваших людей. Они могут владеть домом, дом пуст». Но, должно быть, несколько полицейских ищек есть даже здесь — я не могу назвать доносчика человеческим существом. Он просто полицейская ищейка, вынюхивающая тут и там.

Те полицейские ищейки, очевидно, сообщили полицейскому комиссару: «Они намерены арендовать дом, и владелец согласен». Полицейский комиссар тотчас же вызвал владельца и приказал ему: «Не отдавайте этот дом ученикам Бхагвана».

Возможно, ему приходится приказывать это всем другим владельцам в Корегаон Парке — дома пусты, — а тот владелец, наверное, сказал: «Дом пуст, а вы препятствуете мне брать ренту». Лишь для того, чтобы помешать нам, полиция взяла его в аренду, и теперь там живут полицейские, просто наблюдая; и если где-то будет замечен какой-либо признак любви, то совершится преступление.

Общество против любви, правительство против любви, образование против любви.

Я помню, как я сидел с проректором университета, где изучал психологию. Он любил меня; бывало, проходя коридором и заметив меня, он обязательно тут же посылал кого-нибудь, чтобы позвали меня: «Если у вас нет никаких уроков или других занятий, заходите ко мне на чашечку чая».

Он любил обсуждать вещи потусторонние; определенно, у него был философский склад ума. Однажды, когда я сидел с ним, вошла аспирантка, вся в слезах. Она сказала: «Меня беспрерывно изводит один молодой человек — мы учимся по одной специальности и в одном классе. Он продолжает всячески издеваться надо мной».

Проректор попросил: «Расскажите мне прямо, что он на самом деле делает».

Она ответила: «Иногда он выпускает воздух из моего велосипеда, иногда, если вокруг никого, швыряет в меня камни. И все время продолжает писать письма — не подписывая их. Я знаю, что это он, мне знаком его почерк». Она принесла три или четыре дюжины писем. Проректор сказал: «Мне знаком этот парень. Не вы первая жалуетесь на него. В этом университете он уже пять лет — с самого начала, и все время он занимается одним и тем же. Я устал от него, его наказывали по-всякому. Теперь единственный способ — исключить его из

университета».

Я сказал: «Одну минуту. Нам придется решить, кого исключать». Он спросил: «Что вы имеете в виду?»

Я ответил: «Я имею в виду, что либо меня нужно исключать, либо вас, либо эту девушку, либо того парня — здесь замешаны четыре человека».

«Вы что, вдруг с ума сошли?» — сказал он.

Я сказал: «Успокойтесь. Позвольте мне поговорить с девушкой». Я спросил: «Будь правдивой и искренней — ведь ты на самом деле получала удовольствие, когда тебя изводили?»

Наступила пауза, но ее слезы исчезли. Я спросил ее: «Ты бы предпочла, чтобы никто не прокалывал твой велосипед, не швырял в тебя камни, никогда не писал ни одного письма?»

«Я никогда не думала об этом таким образом, — сказала она. — Нет, я не предпочту такого».

И я спросил ее: «Будь искренней. Твой приход сюда, чтобы сообщить, — нет ли в нем какой-то радости внутри, что именно ты — самая прекрасная девушка? — и к тому же представляешь все доказательства этому».

Она спросила: «Но откуда вы знаете?»

Я сказал: «Узнать об этом не проблема, тут совсем простая психология: женщина страдает больше всего, если никто не смотрит на нее». Хотя, если вы смотрите на нее больше трех секунд, она сильно рассердится. Три секунды — это предел, обнаруженный психологами. Три секунды — это случайно, между прочим; но взгляд более длительный становится пристальным. Однако если женщину никто никогда не разглядывает пристально, ее страдания будут невыносимы.

Я сказал девушке: «Я вижу, ты гордишься, даже когда плачешь». Это была прекрасная девушка. Я добавил: «Парень не сделал ничего неправильного, просто он глуп и не знает, как разговаривать с девушкой».

Я сказал проректору: «Вы не должны вмешиваться. Пришлите парня ко мне — я научу его, как ухаживать».

«Но это же университет, обитель мудрости», — проговорил он.

А я спросил девушку: «Чего ты хочешь? Так, как ты скажешь, будет сделано. Если захочешь, чтобы парня исключили, он будет исключен».

Она сказала: «Нет, я не хочу, чтобы его исключили. Знаете, без него весь этот университет опустеет для меня... Он замечательный».

Проректор сказал: «Странно... если он такой замечательный и вы не в силах жить без него, тогда зачем приходить жаловаться?»

Я ответил: «Это просто реклама». А потом сказал девушке: «Итак, мне уже не нужно звать парня?»

«Не нужно, — ответила она, — ведь если он выпускает воздух... он наготове держит насос, чтобы помочь мне. Если он швыряет в меня камни, он уверен, что не ударит и не поранит меня. А если пишет письма, в тех письмах нет ничего плохого. И наверное, вы правы, что я приходила сюда ради того, чтобы и вы узнали об этом».

Я сказал проректору: «Я справлюсь. Не нужно вмешательства с вашей стороны — в противном случае я созову на митинг всех парней и девушек университета и скажу им, что этого проректора нужно исключить, потому что он не уважает любовь».

Он обратился к девушке: «Можете идти — вам не нужно слышать такие вещи. Забудьте то, что он говорил, это просто между мной и им».

Потом он повернулся ко мне и сказал: «Не следует произносить такие речи перед студентами».

Я сказал: «Только один вопрос, и я пойду, потому что у меня урок, а я получил тему...»

Он спросил: «Какую тему?»

«Эту самую тему, — сказал я, — ведь у меня нет никакой программы, я никогда не планирую, чему буду учить. Это такой замечательный сюжет... но один вопрос перед моим уходом. Помните дни своей молодости, когда вы были студентом в университете? И будьте правдивы — разве не смотрели вы когда-либо на девушку с желанием, со страстью? Разве не писали любовных писем?»

Он сказал: «С вами очень трудно быть неправдивым, потому что ваши глаза проникают внутрь так глубоко, что я знаю — вы заставите раскрыть истину. Вы правы. Но сейчас я проректор и должен управлять университетом с десятью тысячами студентов».

Я сказал: «Вы не знаете, как управлять. Исключать за то, что парень любит девушку? А девушка на самом деле замечательная — как вы считаете? Вам не хочется написать любовное письмо?»

«В моем возрасте?» — сказал он.

Я ответил: «Любовь не знает возраста».

Он сказал: «Это верно, только не рассказывайте никому. Если моя жена узнает, что я признался вам в том, что мне нравится девушка, в моем доме начнется террор!»

Из-за того, что старшие не позволяют младшим, не дают им пользоваться благоприятными возможностями... Ни отец, ни мать, ни старший брат, ни профессор, ни учитель никогда не поделится со своими студентами, со своими детьми собственным опытом. Так что, естественно, каждый остается почти самоучкой в любви. Он никогда не успеет пройти всю азбуку, начиная с АБВ, а любовь после азбуки только начинается.

Любовь — это спящая в вас энергия.

Мой опыт таков: если ваш ум удастся опорожнить от всей чепухи, которой он наполнен, то в этой пустоте распускается цветок любви, радости, мира и всего самого прекрасного на свете.

А пока у вас этого нет, как можете вы дать это кому-нибудь? Ваши руки пусты, ваше сердце пусто.

Халиль Джебран продолжает толковать о прекрасных вещах, но те прекрасные вещи нуждаются в четком понимании — где и как вам все-таки найти их.

А если у вас они есть, все, чем вы займетесь, будет нести знак магического прикосновения вашего переживания. И дело тут не только в обмене — человек любви даже к стулу прикасается с любовью, хотя стул, может быть, и не чувствует этого. Но кто знает? — у стула, возможно, другой вид восприятия, не такой, как у нас.

Человек, который знает любовь, не может делать без нее ничего — это не в его силах. И когда я говорю так, я говорю с абсолютным авторитетом: я не могу даже двинуть своей рукой без любви, хотя двигаю ею в воздухе. С тех пор как я узнал собственное внутреннее существо, каждый поступок, малый или большой, стал полон любви, радости, мира и безмолвия.

А справедливость — только побочный продукт любви; человек любви не может быть несправедливым. Но ни вашим судьям, ни вашим законодателям не известно, что такое любовь. Вот отчего существуют безобразные законы, злые, бесчеловечные.

Справедливость — побочный продукт. И дело не в том, чтобы пойти в законодательный колледж, выучить все о законах и быть судьей. Я побывал в судах и видел судей — они так мертвы, так ужасающе мертвы и совершенно не заинтересованы в том, чем занимаются. Это специалисты. Они знают весь юридический жаргон.

На первом суде, куда меня привели после ареста в Америке, у меня еще была какая-то надежда, потому что судьей была женщина. Но я забыл совершенно, что женщина больше изголодалась по власти, по почету, больше жаждет взойти на вершину успеха, потому что ей отказывали в этом столетиями. Я просто подумал, что она женщина и она поймет.

Но ее подкупил Белый Дом, из-за меня, и с этим связаны высшие авторитеты закона в Каролине. Судебный исполнитель, который провожал меня в суд и обратно от суда до тюрьмы, говорил по дороге: «То, что происходит, абсолютно несправедливо, но вам придется потерпеть. Это дело нескольких дней. Им не удастся продержат вас в тюрьме больше недели, потому что давление мировой общественности увеличивается, все средства информации во всем мире сфокусированы только на одном вопросе — почему вас арестовали и где вас содержат».

Почему меня не доставили в Орегон, в Портланд, где суд собирался решать, отпускать меня на поруки или нет? Зачем меня переселяли все эти двенадцать дней из одной тюрьмы в другую? Коренная причина была в том, что эта толстая женщина, видно, чувствовала вину, ведь она никогда не смотрела мне в глаза. Очевидно, она испытывала и страх тоже, потому что она сказала судебному исполнителю: «Скажите Бхагвану, что он не может пользоваться своей чашкой в суде, поскольку в Америке это считается неуважением к суду».

Я сказал судебному исполнителю: «Я буду носить свою чашку, и если у нее достанет мужества, ей придется спрашивать меня в суде. Это вопрос, который должен быть решен: что же такое чашка — уважение к суду или неуважение».

Тот сильно разволновался, пошел и доложил женщине. Она сказала: «Не беспокойте его. Я не буду поднимать этот вопрос вообще, он может носить чашку». Возможно, я первый человек, который пользовался своей чашкой в американском суде, хотя это и является «неуважением к суду».

Я приготовился к борьбе — меня не заботило, отпустят ли меня на поруки, меня не волновали законы и преступления, которые они находили для меня. Тридцать шесть преступлений — меня это не интересовало. Я хотел стать прямо лицом к лицу с женщиной и увидеть, сколько мужества у нее было. Я хотел услышать, как чашку можно назвать неуважением к суду. Тогда почему моя ряса не является неуважением к суду? Я откажусь заодно и от нее, просто чтобы воздать почтение суду!

Она поняла, что лучше не связываться с таким человеком. Судебный исполнитель прибежал и сказал: «Можете пользоваться ею, тут нет ничего страшного. Не беспокойтесь об этом».

Я спросил: «Что произошло? Закон в Америке переменялся?»

Тот же судебный исполнитель рассказал мне по дороге в тюрьму: поскольку мне было отказано в поручительстве... Удивительный случай, исторический феномен — прокурор США доказывает три дня и не может доказать, что я совершил хоть одно преступление. В конце концов, он и сам признал это: «Я не смог доказать какой-либо его вины, однако я хочу, чтобы магистрат знал, что правительство не благоприятствует, чтобы ему предоставляли поручительство».

И повсюду в мире они продолжают говорить, что министерство юстиции не зависит от правительства, что правительство не может вмешиваться.

Судебный исполнитель сказал мне: «Реальность за кулисами состоит в том, что женщину подкупили. Ей сказали, что если она не выдаст вас на поруки, то ее сделают федеральным судьей». Она была только штатным судьей, и это было ее большой мечтой.

Я сказал: «Если бы она попросила меня, я бы даже не заботился о поручительстве. Я сказал бы моим адвокатам: "Не спорьте. Если мое пребывание в тюрьме несколько дней поможет несчастной женщине стать федеральным судьей, пусть будет так"».

Справедливость — побочный продукт любви.

Но этого не знают ни мужчина, ни женщина; все они забыли, что такое любовь. Только слово остается, прямо как «Бог»... совсем пустое. Вы открываете слово «Бог», а внутри ничего. Тот же случай со словом «любовь».

Любовь возникает лишь в тех, кто знает себя.

Любовь — это свет, наполняющий медитативное сердце.

Любовь — это пламя, возникающее в вас, когда вы создаете пространство для него. Ваши мысли должны быть отброшены, ваши предрассудки должны быть отброшены. И тогда не будет проблем относительно справедливости — вы не сможете быть несправедливыми к кому-либо, даже к своим врагам вы не сможете быть несправедливыми.

Он говорит прекрасно:

Но если в обмене не будет любви и доброй справедливости, то одних он приведет к жадности, а других к голоду.

Так и произошло. Нет справедливости в мире, нет любви в мире — есть только жадность и голод. Голод существует из-за жадности, из-за немногих людей, настолько загипнотизированных деньгами, что они продолжают собирать, не беспокоясь, что чем больше денег они соберут, тем больше людей умрет в Эфиопии, в Индии, по всему бедному Востоку.

Все ваши деньги промокли от крови.

Ваш банковский счет показывает, скольких людей вы убили.

Жадность — слово очень красивое: вы не представляете, как глубок его смысл. Оно происходит от санскритского корня, а в санскрите каждое слово имеет определенный смысл и глубину, чего не бывает в других языках. На санскрите стервятник называется *гиддха*. Стервятник поедает трупы людей, животных, птиц; он живет только смертью других, его жизнь зависит от смерти других. Английское же слово жадность (*greed*) — это трансформация на долгом пути слова *гиддха* (*giddha*). Всякий, кто жаден, абсолютно не сознает того факта, что его жадность создает где-то бедность, голод, болезнь, смерть.

Так что он прав: если есть жадность, тогда мир разделяется на два класса — тех, кто имеет, и тех, кто не имеет. Это бесчеловечно, так создавать мир, это абсолютно безобразно. Для стервятников такое было бы естественным. Но мир создают человеческие существа, и это становится совершенно недостойным.

В Афганистане, как раз недавно мне сообщили... вот уже долгое время этих несчастных афганцев убивают ни за что. Афганцы — одни из самых красивых мужчин на земле — рослые, живут долго, дольше, чем кто-либо еще; они прекрасны. Вам не найти толстого афганца. Они подобны превосходным, высоким деревьям: семь футов — их почти обычный рост. Прекрасные лица, прекрасные тела... и люди простые, совершенно счастливые, хотя у них и нет ничего.

Но из-за жадности Америки их раздавливают между американскими и советскими силами. Они стали полем боя. Америка снабжает оружием одну часть, одну политическую партию. И, с другой стороны, для остальных афганцев не было другого пути, как просить помощи у Советского Союза. Там есть общая граница, а Америка далеко.

Но у жадности есть крылья, совсем как у стервятников, — большие крылья.

Поэтому сейчас Советский Союз продолжает поставлять все виды оружия одним, Америка продолжает снабжать устаревшим оружием другую партию, и афганцы убивают друг друга.

Ныне Советский Союз, похоже, вступает в новую эпоху. С новым премьер-министром Советский Союз уже не прежнее закрытое сталинское общество, он становится более открытым. И освобождение академика Сахарова от пожизненного заключения — историческое событие в Советском Союзе. Через шестьдесят лет после революции впервые кто-то возвращается живым из пожизненного заключения. Пожизненное заключение означает, что о вас вспомнят, только когда вы умрете.

И Сахаров демонстрирует дух нового человека. Перед своим освобождением он позвонил премьер-министру и заявил: «Я соглашусь возвратиться из Сибири, только если моя индивидуальность будет целостна, если моя свобода самовыражения и свобода передвижения не будут ограничены только Россией, даже если я захочу выехать из России; если все эти права

будут предоставлены, только тогда я хочу возвратиться. Иначе, какой в этом смысл? Смерть придет где угодно, будь то в Сибири или в Москве. По крайней мере, в Сибири есть глубокое удовлетворение, что я умираю за свободу. В Москве даже этого удовлетворения не будет».

И новый премьер-министр принял его условия, сказав так: «Вашей свободе самовыражения не будут препятствовать. Вы будете восстановлены как директор физической академии, и ваше передвижение будет целиком зависеть от вас — можете ехать куда захотите.

Россия, конечно, вступает в новую эпоху, выходит из темноты, в то время как Америка соскальзывает во тьму.

Я наказан за проявление своей свободы выражения. С одной стороны, меня выгнали из Америки. А с другой — моя коммуна была уничтожена, таким фашистским и безобразным способом, что даже Адольфу Гитлеру стало бы стыдно.

Советский Союз открывается. Следовательно, Советский Союз хочет уйти из Афганистана — но Америка не желает. Ныне проблема такова: если Советский Союз уйдет из Афганистана полностью, Америка намерена прибрать к рукам весь Афганистан. Это будет, таким образом, предательством тех афганцев, которые зависели от Советского Союза в своей борьбе с Америкой. Они люди бедные, без армии, без оружия... но это очень гордые люди.

Британское правительство пыталось много раз. Небольшая часть Афганистана соприкасается с индийской границей. А еще лучше афганцев пакистанцы — они самые замечательные, самые простые люди. Британское правительство много раз пыталось прибрать к рукам пакистанцев с Пакистаном. Ведь если занять Пакистан, то приближается граница Афганистана, и вторым шагом можно занять Афганистан.

Но британские империалисты испугались по простой причине — пакистанцы были готовы умереть, но не попасть в рабство. У них не было никакого оружия, и у них не было никакой армии. Они провозгласили: «Мы грудью встретим ваше оружие. Можете уничтожить каждого пакистанца от малых детей до стариков, всех мужчин и женщин, но пока жив хоть один пакистанец, вам не удастся сказать, что вы победили. Вы победите, только когда весь Пакистан превратится в кладбище. Так что, если вы желаете получить кладбище, мы готовы».

Увидав их решимость, узнав их достоинство, британские империалисты отбросили саму эту идею. Вот почему Британия никогда не была озабочена Афганистаном — на их пути стояли пакистанцы.

Сейчас Советский Союз хочет уйти, потому что это ненужное убийство, в этом нет справедливости. Они ведь не вредят никому. Они не политики, у них нет никакого желания вторгаться. В течение двух тысяч лет Индию непрерывно захватывал каждый сосед, кроме Афганистана и пакистанцев. По-настоящему свободолюбивые люди никого не желают поработить — несмотря на то, что они бедны и были все соблазны захватить Индию. Но простое желание оставаться свободными дает дополнительный эффект — пусть и другие тоже будут свободны.

Если вы знаете любовь, вы будете знать и справедливость.

Если вы знаете любовь и справедливость, вы не сможете быть жадными, потому что ваша жадность непременно где-то кого-то убивает.

Если вы посредством убитых людей сможете увеличить банковский счет, то в чем же приобретение? Убивая всех тех людей, вы убивали также и свою собственную душу.

Когда вы, труженики моря, полей и виноградников, повстречаете на рыночной площади ткачей, гончаров и собирателей пряностей,

Взывайте тогда к духу — владыке земли, чтобы он появился среди вас и освятил весы и расчеты, сравнивающие одни ценности с другими.

Это сущее невежество.

Что вы подразумеваете под «взыванием к духу земли»? Религиозные люди занимались этим веками — в Индии это ежедневное дело. Если не приходят дожди, они заклинают дух неба, но дожди по-прежнему не приходят. Когда бывает слишком сильный дождь и наводнение затапливает тысячи деревень, они снова заклинают дух неба. Но что вы сделаете своими заклинаниями? Мольбы пустому небу, которое не понимает вашего языка...

Это никогда не работает.

Тем не менее, уже столетия, даже зная, что это не работает, они продолжают заниматься одним и тем же.

Халиль Джебран просто повторяет самое первобытное суеверие всего человечества. Дело не в заклинании духа небес или земли, — дело в том, чтобы разыскать свою собственную душу.

Поэтому я говорю вам — взывайте к своему сознанию. Взывайте к безмолвию в своем существе. Этого невозможно достичь мантрами, песнопениями, молитвами. Это может быть сделано только через медитацию, нет другого метода.

Только ваше медитативное молчание, исполненное любви и благоухания, освятит каждое ваше действие. Оно также будет освящать вашу неактивность, если вы не делаете ничего. Само ваше молчание станет харизматическим присутствием и будет создавать волны любви, которые пойдут далеко через океаны к звездам.

Пробудитесь. Удивительно — люди пытаются разбудить дух земли, а сами крепко спят и храпят!

Вы и есть дух земли.

Вы и есть дух неба.

Кроме вас, сознания нет нигде.

Только вы можете исполниться любви, только вы можете быть справедливыми.

И не допускайте к обмену людей с пустыми руками.

Кто с пустыми руками? Наверное и сам Халиль Джебран понятия не имеет, у кого пустые руки. Ваши святые, ваши монахи, ваши так называемые духовные проводники — это они и есть с пустыми руками. Они не производят ничего, они не создают ничего. Они — бремя человечества.

Таких людей миллионы. В каждой религии миллионы монахов, которые живут вашим трудом. Они настоящие паразиты — нужно изобрести какой-то сорт аэрозоля, чтобы уничтожить этих паразитов.

И не допускайте к обмену людей с пустыми руками, которые расплачиваются за ваш труд своими словами. Проповедники, священники — что они принесли? Словами, явно услышанными от других, они будут продолжать платить, своими пустыми словами — в обмен за ваш труд. Вы делали, создавали, производили, а непродуцированные, нетворческие люди стали вашими лидерами, посредниками между вами и Богом. Это самые подлые обманщики — потому что все, что они говорят, ложь. Но они расплачивались этой ложью столетиями.

Пора остановить этих кровососов. Если мы сможем освободиться от священников и проповедников, человечество снимет бремя — бремя вины, бремя страха. Оно освободится от жадности, потому что небеса — не что иное, как жадность, продленная за пределы смерти. Освободится от ада, потому что ад — не что иное, как страх, продленный за пределы смерти.

Эти люди очень искусны и красноречивы, потому что это было их делом испокон веков.

Скажите таким людям: «Идите с нами в поле или отправляйтесь с нашими братьями в море и закиньте там свои сети; ибо земля и море будут так же щедры к вам, как и к нам».

Я согласен с духом утверждения, только я не буду говорить: *или отправляйтесь с нашими братьями в море и закиньте там свои сети*, потому что вы опять забыли, что собираетесь убивать живые существа. Куда делась ваша любовь? Где теперь ваша справедливость?

Вот почему я говорю, что Халиль Джебран грезит прекрасными грезами, но это не его

переживание в ясном свете дня пробужденной души. Великий поэт, но вся его поэзия только время от времени касается высот и скатывается вниз снова и снова.

И если туда придут певцы, плясуны и флейтисты, купите и их дары.

Вы видите — он совсем как волна, поднимается и опускается. Сейчас он опять поднялся к великому прозрению: *И если туда придут певцы, плясуны и флейтисты, купите и их дары*, ведь и они тоже создатели. Но заметьте, он совершенно забывает включить мистиков.

А мистики — это величайшие творцы в мире; но их творчество невидимо. Это не скульпторы, чьи статуи вы можете увидеть, и не поэты, у которых есть их стихи. Это не гончары, не танцоры, не певцы. Что же они создают? Они создают человека, они творят более высокие вершины сознания в человечестве.

Все, что есть в человеке великого, создано мистиками, только этого, конечно, нельзя увидеть.

Не важно, что Халиль Джебран забывает мистиков полностью. Я не могу забыть их. Мне хочется вам сказать, что мистики не придут к вам на базары — вам придется идти к мистикам. Ведь на базаре их не поймут. Что за товар они принесли? Даже флейтист может убедить людей, что он что-то принес, он принес нечто развлекательное — прекрасную песню. Но что будет показывать мистик?

Его руки пусты, но его душа полна.

Но чтобы увидеть это, вам придется пойти к мистикам, потому что только те, в ком есть побуждение, в ком возникла жажда истины, будут в состоянии понять что-то.

Ибо они тоже собиратели плодов и благовоний, и хотя то, что они приносят, соткано из грез — это одеяние и пища для вашей души.

Нет, безусловно нет. Грезы не бывают пищей для души. Самое большее, грезы могут быть лишь развлечением для ума и сердца. Если ваше тело голодает, то музыка не поможет. Тогда вам понадобится хлеб. Если голодна ваша душа, то музыка также не поможет. Тогда вам нужна медитация. Тогда вам нужно благословение того, кто прибыл и чья душа настолько переполнена, что он готов разделить богатство.

И прежде чем покинуть рыночную площадь, уверьтесь, что ни один не ушел оттуда с пустыми руками.

Ибо дух — владыка земли — не заснет мирно на ветру, пока не исполнятся нужды самого меньшего из вас.

Опять он несет какой-то вздор про «дух земли». В том, что он говорит, хороший замысел: *И прежде чем покинуть рыночную площадь, уверьтесь, что ни один не ушел оттуда с пустыми руками*. Не потому, что дух — владыка земли — не заснет мирно. Он спит мирно — здесь вы или нет, безразлично! Он никогда не просыпается. Но дух тех, кто ушел с пустыми руками, не заснет мирно — как вы сможете мирно спать голодными?

Чем больше я смотрю на Халиля Джебрана... Я чувствую, он человек с одним глазом. У него нет второго глаза, поэтому существует дисбаланс. Для уравновешенного подхода нужны два глаза, точно так же, как два крыла нужны для полета.

Вы не можете летать высоко с одним крылом. Может быть, вы скачете, но не летаете. Личность с одним глазом тоже видит, но такое видение половинчато. И, разумеется, что касается внутреннего мира, полувидение может оказаться иногда очень опасным.

Теперь его не волнуют те, кто уходят с пустыми руками, что они не смогут спать мирно. Он озабочен духом земли... *на ветру, пока не исполнятся нужды самого меньшего из вас.*

Похоже, иногда он загипнотизирован своими собственными словами, а у слов есть тенденция: одно слово ведет к другому слову. И он забывает — или, возможно, вообще не знает — всю истину.

Но все, что он говорит, — хорошее начало. Мы собираемся рассмотреть многих великих поэтов с этим новым видом комментария, ибо у меня есть свое целостное видение. Поэтому когда я вижу что-то неправильное, не имеет значения, кто утверждает это, — ошибка есть ошибка, а верное есть верное. Такого никогда не бывало прежде, и я, конечно, вызову раздражение у многих людей.

Есть миллионы людей, которые любят Халиля Джебрана, — они будут сильно раздражены. Но должен ли я заботиться о людях и их раздражении, или я должен заботиться о том, что правильно и что неправильно?

Мой выбор безусловен: в пользу истины.

Даже если весь мир против меня, это не имеет значения вообще.

Для меня и для моего абсолютного удовлетворения достаточно того, что я всегда был на стороне истины; я никогда не пытался тащить истину на свою сторону.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

20. ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ПСИХОЛОГИЯ ТОЛПЫ

18 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Потом вышел городской судья и просил: «Скажи нам о Преступлении и Наказании». И сказал он в ответ: «В тот час, когда ваш дух странствует по ветру, Вы, одинокие и незащищенные, причиняете зло другим, а значит, и себе. И потому вы будете стучаться и ожидать, оставаясь незамеченными, у врат благословенного.

Подобно океану ваше божественное Я:

Оно всегда остается незапятнанным.

И, как эфир, оно поднимет лишь окрыленных.

Самому солнцу подобно ваше божественное Я:

Оно не знает ходов крота и не ищет змеиных нор.

Но не одно лишь божественное Я обитает в вашем существе.

Многое в вас уже человек, и многое в вас еще не человек, а лишь уродливый карлик — сонный, блуждает он в тумане в поисках своего пробуждения.

О человеке в вас хочу я сейчас сказать.

Ибо это он, а не ваше божественное Я и не карлик в тумане, знает о преступлении и наказании за преступление.

Я постоянно чувствую печаль и сожаление за Халиля Джебрана. Он действительно не принадлежит толпе. Он принадлежит высочайшим вершинам человеческого сознания, но он не знает пути.

Похоже, в сути своей он поэт, но время от времени, в грезах, он видит залитые солнцем вершины своего сознания. Он старался как можно лучше передать то, что его грезы раскрыли ему, — но грезы не открывают истину.

Лучшая греза — самое большое — не что иное, как полнолунная ночь, полная теней, отраженная в озере. Если озеро тихо — нет ряби, нет ветра, который дует и поднимает волнение, — оно становится зеркалом, и в этом зеркале можно увидеть луну. Но это не настоящая луна, это только отражение. Небольшой камень, брошенный в озеро, — и лунное серебро рассыпается рябью по всей поверхности, а сама луна исчезает.

Такой случай, к несчастью, и с Халилем Джебраном.

Когда он описывает луну, он на самом деле описывает отражение луны. Отражение почти в точности подобно луне — а иногда даже более прекрасно. Озеро еще больше усиливает красоту, и тишина, окружающая озеро, также делает грезу богаче. Но как бы богата ни была греза, это всего лишь греза.

Снова я могу провести различие между поэтом и мистиком: поэт, в лучшем случае, видит отражение, а мистик видит луну. Так что они очень близки, и иногда поэт умудряется описать луну настолько реалистично, что почти все могут заблуждаться. Кроме того, у поэта есть красноречие, что не обязательно для мистика, поэтому вы можете обмануться. В своем способе выражения мистик может выглядеть заурядно, а поэт способен украсить свои грезы благодаря собственному красноречию.

Я чувствую печаль и сожаление из-за того, что Халиль Джебран удовлетворился

отражением в озере. Он никогда не думал над тем, откуда берется отражение. Он был великий мечтатель, и его грезы принесли магию в его слова. Снова и снова вы видите, как он подходит совсем близко к истине, но продолжает упускать суть.

Потом вышел городской судья и просил:

«Скажи нам о Преступлении и Наказании».

И сказал он в ответ:

«В тот час, когда ваш дух странствует по ветру, вы, одинокие и беззащитные, причиняете зло другим, а значит и себе».

Такое никогда не может быть сказано человеком, который пробудился, который узрел настоящую луну. В действительности, он будет говорить прямо противоположное.

Позвольте мне повторить Халиля Джебрана и показать вам, как он продолжает — не будучи Гаутамой Буддой — упускать суть снова и снова. Я не чувствую печали и сожаления из-за каждого, но у Халиля Джебрана есть потенциал и есть неосознавание этого потенциала. Он говорит:

В тот час, когда ваш дух странствует по ветру,

Вы, одинокие и беззащитные, причиняете зло другим, а значит и себе.

Вот истина: когда ваш дух странствует по ветру, вы, одинокие — совершенно одни — впервые узнаете, что есть добро.

Человек никогда не совершал преступлений по отношению к другим и себе в своей полной самостоятельности. Он совершает преступления в толпе и с толпой, — потому что в толпе и с толпой он не чувствует ответственности за то, что делает. Он просто зубчик в механизме. Он может спокойно сказать: «Я делал то, что делали все другие».

В Индии почти каждый день то здесь, то там вспыхивают беспорядки среди индусов и мусульман, джайнов и мусульман... Я прежде жил в городе, известном только своими беспорядками. Небольшой предлог — и весь город в огне, потому что в том городе было почти равное количество мусульман и индусов. А пустяковые и глупые вещи, которые считались религиозными, духовными... Например, если вы — со своей музыкой, барабанами, песнями, флейтами, — проходя мимо мусульманской мечети, не прекратите музыку, этого будет достаточно, чтобы убить сотни людей, испепелить дюжины домов.

И первая жертва всех этих беспорядков — женщина. Если ее изнасиловали и выгнали, индус не сможет принять женщину, которую изнасиловал мусульманин. Даже если он и не насиловал ее, но женщина оставалась в доме мусульманина только одну ночь, этого достаточно для первобытного индусского ума, чтобы осудить ее: она лишилась своей души, своей духовности, она не может быть принята.

Я наблюдал эти беспорядки около двадцати лет непрерывно и удивлялся — милые, прекрасные, очень любящие люди — как внезапно они меняются! Довольно просто слуха, и начинается резня, убийство, насилие.

В университете был один профессор — очень милый, любящий человек, — и когда я увидел, как он поджигал индуистский храм, то не смог устоять перед искушением задать ему вопрос. После того как беспорядки закончились и комендантский час был отменен, я сказал: «Я мог бы поверить, что кто угодно может быть таким безобразным и насильственным, только не вы. Я хочу задать несколько вопросов; во-первых, могли бы вы сами сжечь индуистский храм, который не вредил ни вам, ни кому бы то ни было?»

Он спросил: «Почему вас интересует это?»

Я ответил: «Хочу понять психологию преступления».

Слезы навернулись ему на глаза, и он произнес: «Самому это невозможно, но в толпе становишься просто частью толпы. А когда столько людей поджигают храм, всплывает какое-то

бессознательное побуждение к насилию, разрушению, животности».

Забывается полностью собственная индивидуальность, человек становится просто зубчиком в механизме. Все, что он делает, — не его действие, это действие бессознательной толпы. И он втянут толпой.

Халиль Джебран, кажется, абсолютно не осознает, что странствуя с ветром, в полной самостоятельности, становишься просветленным, а не преступником. Преступление как таковое есть часть психологии сборища. Сознание похоже на воду — вода всегда поддерживает одинаковый уровень, и когда вы часть толпы, вашему сознанию приходится поддерживать тот же уровень, ту же слепоту, что и у сборища.

Люди в своей самостоятельности становятся Эверестами, высочайшими вершинами сознания. Но толпа никогда не поднималась к сознанию; никто никогда не слышал о просветленной толпе. Только индивидуальность способна подняться на крыльях, словно одинокий орел, летящий прямо через солнце к все большей и большей свободе.

Сборище всегда состоит из рабов, запуганных людей, — людей, чье существо наполнено страхом. Львы не собираются в толпы. В своем благородстве и гордости, в своей славе и великолепии они стоят одиноко. Только овцы, трусы, полные страха, всегда озабоченные своей смертью, остаются в толпе. Вы не увидите овцу одну. Одна, она начинает ощущать потерянность. Она не знает, что делать, куда идти. Психология толпы всегда доминировала в ней.

Преступление не рождено самостоятельностью человека. Оно порождается трусами, которые не в состоянии быть самими собой.

Толпа дает определенную безопасность, некоторый уют — понаблюдайте за стадом овец, как они движутся. Между ними даже нет просвета. Касаясь телами друг дружки, они движутся так, будто у них общее сознание. И они счастливы в своей неиндивидуальности.

Преступление исходит не от индивидуальностей, оно исходит от тех, кто не может вынести самостоятельности и высотных ветров, кто не в силах раскрыть свои крылья из-за страха потерять их. Идея Халиля Джебрана — абсолютное заблуждение, она категорически неверна.

Но последняя часть его утверждения, отделенная от всего, несет отражение луны — когда он говорит, что, совершая преступление против других, вы совершаете преступление также и против себя. Я говорю, что это отражение, поскольку в отражении происходит подмена. Когда вы стоите перед зеркалом, ваш правый глаз в отражении становится левым глазом; ваш левый глаз в отражении становится правым глазом. То же случилось и с этим изречением, которое несет некое отражение; оно является отражением, оно не может точно передать истину. Он говорит, что, если вы совершаете преступление против других людей, вы также совершаете преступление против себя. Однако истина в том, что *перед* совершением преступления против других вы *уже* совершили преступление против себя. Пока вы не совершили преступления против себя, невозможно совершить преступление против других.

Это доказывает мое предположение, что он смотрит на отражение. Как вы можете быть полны ненависти к другим, если вы не полны ненависти к самому себе? И как вы можете любить других, если не любите самого себя? Сперва идете вы — а потом вы делаете другим людям то же самое, что делаете себе. Так что в действительности все почти наоборот.

В одиночестве рождена ваша свобода, ваша независимость. В одиночестве вашему сознанию нечем заняться — оставаясь в одиночестве, оно начинает обращаться к самому себе: идти некуда. А когда сознание становится кольцом, возвращается к истоку, из которого произошло, то ваша жизнь — уже больше не ваша прежняя бессознательная жизнь. Потому что возвращаясь, сознание продолжает рассеивать всю тьму в каждом уголке и закоулке вашего существа. А когда вы наполнились светом — вы впервые вкусили божественное. Самостоятельно никто не

совершает преступление — просто не может совершить преступление.

И потому вы будете стучать и ожидать, оставаясь незамеченными у врат благословенного.

Нет нужды ожидать у врат благословенного, потому что в своем одиночестве вы становитесь благословенны. Это и есть значение санскритского слова bhagwan — благословенный человек.

Но даже такие люди, как Иисус, не осознают, что они говорят и что делают. Всю свою жизнь он говорил людям: «Вы овцы, а я ваш пастух». Это же унижение! Назвать человеческое существо овцой означает отнять все его достоинство; вы разрушили его свободу, вы сделали его частью толпы.

Так делали все религии — говорят они об этом или нет — по одной простой причине: ведь если люди не овцы, как же быть пастырям? Священники, теологи, политики, — всем им необходимо, чтобы вы оставались овцами — просто толпой. Было сделано все возможное, чтобы разрушить вашу индивидуальность и уничтожить самостоятельность, ведь если вы сами — вы лев, а львам не нужны никакие пастухи.

Разве что иногда на завтрак...

Я пытаюсь вывести вас из вашего обычного состояния, в котором вы — часть толпы; нет, вы — это просто вы. И вы не овцы, вы львы.

Вот где вы можете увидеть разницу между Иисусом и Гаутамой Буддой. Гаутама Будда обычно говорил, что всякий раз, когда человек посвящается в медитацию, входит в свою собственную душу — куда не может войти никто другой, где он будет совершенно один, — внутри него возникает львиный рык. Будда дает вам достоинство, он трансформирует вас из мира овцы во славу львиного бытия.

Я хочу, чтобы мои люди были львами.

Вы можете быть вместе — не как толпа, но как собрание львов; каждый, отдельный и индивидуальный, предоставляет пространство для всех других.

Из-за таких людей, как Иисус, — которые во многом прекрасны — мир страдает всеми видами подавления, эксплуатации. Ибо что может овца? Вы когда-нибудь слышали, чтобы какая-нибудь революция произошла в толпе овец? Овцы очень покорны толпе. Они очень покорны пастуху.

Пастух не собирается спасать их: он уже уничтожил их. И звать себя пастухом, а всех других людей просто овцами — это демонстрация глубоко укорененного эго, но не просветления, в котором эго исчезает, в котором человек есть, но не существует Я, нет эго, нет стремления, быть выше и святее, чем другие.

Неверное понимание у Халиля Джебрана глубоко связано с тем, что неверно понимает и Иисус Христос. Он любил Иисуса — его язык отражает Иисуса, его утверждения отражают Иисуса, хотя он гораздо более поэтичен. Намного прекраснее и его способ выражения — но никогда не обманывайтесь выражениями, как бы прекрасны они ни были. Проанализируйте все те прекрасные выражения, и вы не обнаружите ничего внутри них. Или же вы найдете там темноту, неверное понимание, невежество.

Люди, которые искали истину, всегда шли в уединение. И люди, которые стремились найти смысл жизни, всегда уходили в себя, куда никто другой не может войти.

Уединение снаружи... уединение внутри... и вы приходите к точке, где можете зарычать, как лев. Разумеется, миллионы овец будут раздражены вами, потому что они не могут рычать, как лев, и не могут парить, как орел. Их научили просто верить толпе, в которой они случайно родились.

Личность, остающаяся частью толпы, никогда не достигнет своей подлинной

индивидуальности. Она остается подделкой.

Вы слышали выражение, существующее почти во всех языках: овца, скрывающаяся под лвиной шкурой. Эта пословица не от мудрости веков, она от векового невежества. Мне хотелось бы предложить верную поговорку: истина в том, что вы — лев, вынужденный жить в овечьей шкуре.

Не требуется и не существует такого места, куда вы должны стучать, чтобы найти благословенного. Да, есть пространство, где благословенный уже ждет вас, — и оно внутри вас. Ни Иисус, ни кто-либо другой не может привести вас туда — никто, кроме вас самих. Если вы восстанете против овечьего существования, и наберетесь мужества рычать как лев, и двигаться как лев, вы будете благословенным.

Подобно океану ваше божественное Я, оно всегда остается незапятнанным.

В этом красота Халиля Джебрана: падая снова и снова, он снова подымается...

Он прожил почти всю жизнь в Америке, где девиз каждого американца: пробуй, пробуй и пробуй еще раз! Бедный парень старается изо всех сил, но он падает — вы должны помнить об этом, и должны быть очень внимательны, очень бдительны, когда читаете Халиля Джебрана или кого бы то ни было.

Великое бедствие произошло с человечеством. В умах людей установилась идея, что если кто-то прав, он всегда прав, а если кто-то ошибается, он всегда ошибается. Если кто-нибудь свят, он всегда свят — днем и ночью; а если кто-нибудь грешен, он всегда грешник — днем и ночью. На самом деле это не так. Даже у грешников бывают моменты, когда они святы, и даже у святых есть выходной.

Это бедствие ходит по пятам за Аристотелем, отцом западной логики, потому что он признает только две категории: либо вы правы, либо вы ошибаетесь. Он забывает, что существует возможность множества позиций между правильным и ошибочным. Он к тому же забыл о том простом факте, что вы можете быть правы в одном и ошибаться в другом.

Но требуется величайшая бдительность — особенно с такими людьми, как Халиль Джебран, чьи слова гипнотизируют, даже если они и ошибочны. Вы находитесь под таким впечатлением от них, что теряете весь свой потенциал трезвости, осознания, бдительности.

Подобно океану ваше божественное Я... Это верно. Ваше существо не ограничено вашими костями. Ваше существо не ограничено мешком из кожи, в котором вы живете, — вы зовете его своим телом. Ваше существо так же огромно, как океан.

Все реки мира продолжают приносить всевозможный хлам, чепуху, грязь, сор, ведь они прошли миллионы миль. И в течение миллионов лет они впадали в океан, и все же океан остается *незапятнанным*. Запомните эту истину. Она должна быть записана золотыми буквами.

Вы совершали всевозможные поступки, хорошие и плохие. Вы бывали правыми и ошибались, вы видели все дни и ночи своей жизни, вы побывали в храмах и у проституток — но ваше существо остается *незапятнанным*, совсем как океан. Вы настолько огромны... в конечном счете, те незначительные вещи вообще не имеют значения.

Поэтому я говорю вам: никогда никого не судите за каждый незначительный поступок, который он совершил. Кто-то украл, кто-то убил, кто-то солгал, — все это незначительные поступки. Не судите человека и всю его жизнь на основании незначительного поступка.

И запомните окончательную истину — что бы вы ни делали, ваша сокровенная суть остается *незапятнанной*. Нет способа осквернить ваше существо, испортить вашу душу за секунду... если вы осознаете свое внутреннее существо, то будете поражены: «Меня осуждал каждый, я осуждал сам себя, но мое подлинное существо осталось незатронутым. Всегда девственное, всегда чистое».

Мне хочется рассказать вам замечательную историю.

Тысячи лет тому назад был человек. Его звали Валмик; по профессии он был грабитель. И если приходилось, он не колеблясь убивал людей. Если они сопротивлялись, не отдавая ему свои деньги, свои ценности, он убивал их, не задумываясь ни на мгновение. Это был сильный человек.

В то время он не был известен как Валмик, его звали Валья Бхила; бхилы — это аборигены, первобытные племена. Кто же назвал Валья Бхила «Валмик», ведь Валмик означает то же самое, но с почтительным отношением, а он был грабитель и убийца, и каждый знал это.

Очень редко случалось, чтобы кто-то пошел через лес, где он жил. Дорогой почти совсем перестали пользоваться, потому что кто бы ни проходил тем путем, был ограблен или убит.

Музыкант, поэт и очень замечательный человек, Нарада, всегда — даже на ходу — продолжал играть на самом простом музыкальном инструменте, — запомните, чем проще инструмент, тем сложнее сочинять великую музыку на нем. Он всегда носил простой инструмент, эктару — однострунную ситару. Когда струн много, легко сочинять музыку, потому что разными струнами вы можете создавать разные ноты. Эктара имеет только одну струну, это и значит *эктара*. «Эк» — значит один, «тара» — струна. Она стала почти символом Нарады, вы не найдете его статуи или картины без эктары. Он был мастер-музыкант и великий поэт — и, быть может, единственный человек в Индии, который знал ликование существования, который привык смеяться...

И когда Нарада намерился пойти через лес Валья Бхилы, люди говорили ему: «Не ходи — иначе потеряешь свою эктару. Этому Валье безразлично кто ты, и если ты попытаешься спасти свою эктару, то лишишься головы. Лучше следовать другим маршрутом, даже если он немного длиннее».

Нарада сказал: «Если бы я не знал, я мог бы пойти другим маршрутом, но теперь это вызов, вызов Вальи — Нараде. Я очень хочу видеть этого человека, который сделал вас всех трусами, такими запуганными. Всего один человек, и все движение на дороге пропало. Должно быть, лев живет в лесу... а по этой дороге обычно проходили тысячи людей. Теперь никто не ходит там; дорога закрыта — не на ремонт же!»

Нарада пошел, потому что он верил в музыку больше, чем в кровожадность человека. Что же это за музыка, которой не под силу трансформировать кровожадный животный инстинкт в человеке?

Валья услышал музыку — она очаровывала, обладая магией. А когда он увидел одинокого Нараду — без оружия, без имущества, всего одна эктара, — человек оказался еще прекраснее, чем его музыка. Так и должно быть, ведь творец чего угодно всегда больше, чем его творение; творение не бывает больше творца.

Впервые Валья ощутил нерешительность, неопределенность — позволить ли этому прекрасному человеку пройти? Но делать исключение было бы неверным, это был вопрос его репутации, — никому не удавалось пройти по этой дороге без того, чтобы не быть ограбленным или убитым.

Поэтому он предупредил великого музыканта и пророка: «Умоляю тебя, возвращайся. Если не вернешься, мне придется отнять твою собственность, все, что у тебя есть. Если же ты воспротивишься, то можешь потерять свою жизнь, а я не хочу ничего делать тебе — ни отнимать твой инструмент, ни лишать тебя жизни. Не говори потом, что я не предостерегал тебя».

Но Нарада шел, играя на своей эктаре, и вместо того чтобы идти по дороге, он подошел и уселся рядом с Вальей, который точил свой меч. Нарада сказал: «Ты замечательный человек, но отчего ты занимаешься таким делом?»

Тот сказал: «Что же я еще могу? У меня нет никакого образования, я — неприкасаемый; это низший и самый осуждаемый класс индусов. Я не могу пойти в храм, я не могу пойти в город —

а я должен позаботиться о моей жене, старой матери, отце и о детях».

Нарада сказал: «Если дело только в этом, то отправляйся домой и поговори с каждым из них. Ты совершаешь бесчеловечные дела ради них, а кто понесет наказание? Ты, совершающий все эти дела ради своей старой матери и отца, спроси их: «Вы можете разделить со мной наказание?» Спроси свою жену и своих детей: "Все, что я делаю, я делаю ради вас — вы собираетесь разделить со мной наказание?"»

Валья засмеялся и сказал: «Ты, похоже, большой ловкач и хитрец! Я уйду домой, а ты исчезнешь. Валью никому не провести».

Нарада сказал: «Обман здесь ни при чем. Можешь привязать меня веревкой к дереву — ты ведь знаешь, сюда никто не приходит. Я никуда не денусь, и все, что ты пожелаешь потом сделать, ты сделаешь, — но сначала принеси мне ответ».

Об этом Валья еще никогда не думал. Он отправился домой и спросил своего отца и мать, свою жену, своих детей — никто не был готов разделить наказание. Они заявили: «Это не наше дело. На тебе лежит забота о своей семье, и нас не интересует, как ты это делаешь. То, что ты делаешь, лежит целиком на *твоей* ответственности».

Это было великое потрясение. Он не мог поверить, что родители, которых он любил так сильно, жена, которую он любил так сильно... его собственные дети, ради которых он совершал всевозможные преступления... — все они категорически отказались. «Это твой долг — заботиться о нас. Вопрос о разделении твоего наказания нас не касается».

Он возвратился со слезами на глазах, развязал Нараду, коснулся его стоп и сказал: «Всего одним вопросом ты преобразил меня. У меня нет семьи. Если они не желают разделить мое наказание, если они не любят меня, значит, я жил в иллюзии. Они любили только деньги, которые я приносил им, но когда возник вопрос о наказании, ни один не сказал: «Я разделю его с тобой». Теперь у меня нет никакой семьи».

Он зашвырнул свой меч в лес и попросил Нараду: «Посвяти меня, чтобы однажды я тоже смог почувствовать ту же музыку, ту же поэзию и ту же радость, что вижу на твоём лице».

Нарада сказал: «Многого не нужно — просто имя Бога. Ты должен начать петь имя Бога, *Рам*».

Помните, это очень запутывает, — это не то же самое имя, которое я обсуждал раньше, короля Рамы, который вел себя со своей женой очень примитивно, грубо и безобразно. Рам старше, чем Рама, которого я обсуждал с вами; хотя, и вправду, Рама получил свое имя от имени Рам, которое существовало до него. Это индуистский эквивалент имени Бога.

Нарада сказал: «Делай так: сиди тихо и повторяй — «Рам, Рам, Рам», — так, чтобы все, что происходит в твоём уме, постепенно заменилось на Рам. И в этом своя красота — когда все будет заменено, Рам тоже исчезнет. То же происходит, когда вы зажигаете свечу: пламя невозможно без свечи, однако постепенно пламя сожжет свечу, а когда свеча сгорит, пламя исчезнет само собой».

Здесь есть нечто очень важное. Он сказал: «Занимайся простыми вещами. Не вовлекайся ни в какое сложное дело, ведь ты человек простой, смелый человек. Через несколько месяцев я вернусь и посмотрю, что происходит. Если понадобится какая-либо другая помощь, я всегда буду в твоём распоряжении».

Но это был необразованный, темный, первобытный человек — нецивилизованный, некультурный. Он начал с доверия — а этот вид простых людей всегда доверяет. Он принялся повторять: «Рам... Рам... Рам... Рам...», и Нарада сказал ему: «Продолжай повторять быстрее и быстрее — не оставляй никакого промежутка между двумя Рам».

Бедный парень попал в беду. Все повторяя «Рам, Рам, Рам...» — а он был необразован и никогда не слышал этого имени — он перепутал; он начал повторять «Мара, Мара, Мара...». Рам

означает Бог, но если повторить Рам дважды подряд — необразованный человек может перепутать. *Мара* означает: «смерть, смерть, смерть...».

В некотором смысле эта история многозначительна. Если вы на самом деле хотите достичь состояния божественности, смерть вашего эго, безусловно, необходима. Так что, хоть сюда и вкралась ошибка, когда через три месяца Нарада возвратился, Валья был трансформированным существом. Он излучал свет, новой энергией пульсировала вся атмосфера. Даже Нарада почувствовал поражение: всю свою жизнь он повторял, декламировал, распевал имя Божье, играя на своем музыкальном инструменте, но его достижение не было таким большим, как у Вальи. Тот сам стал почти светом, вокруг него сияла светлая аура... Нарада не мог называть его Вальей опять, так как это было бы непочтительно. Он заменил *Валья* на *Валмик* и сказал ему: «Ты совершил чудо, ведь то же самое имя я повторял всю свою жизнь, а ты всего за три месяца оставил меня далеко позади. Мне потребуются жизни, чтобы догнать тебя».

Тот ответил: «Я не делал ничего, кроме того, что ты сказал мне. Я повторял "Мара, Мара, Мара..."»

Нарада воскликнул: «Боже мой! Я никогда не говорил тебе такого — я сказал тебе *Рам*».

Он ответил: «Я человек необразованный, совершенно несведущий ни в какой религии и ни в чем другом. Вся моя жизнь была просто грабежом и убийством. Я забыл — вместо Рам порядок поменялся; М из Рам стало перед Р. Прости меня».

Нарада сказал: «Нет нужды прощать тебя. Ты и так невинен: безо всякой жадности, безо всякого желания награды на небесах, даже повторяя «Мара, Мара», ты стал новым человеком. Не беспокойся, продолжай; все, что ты делал, — правильно».

«Но, — сказал тот — как это может быть? Как же мои убийства? Я не умею считать, так что не могу даже сказать, скольких людей я убил. Как же мои грабежи?»

Нарада сказал ему: «Забудь все это. Ты достиг океана своего существа. Это излучается отовсюду; даже слепец может видеть, или, по крайней мере, чувствовать это — радость, благоухание. И не размышляй о том, что ты делал раньше. Те поступки незначительны. Небольшие речки, мутные, грязные впадали в океан, но океан никогда не загрязнялся этими речками. Он остается *незапятнанным*».

И, как эфир, оно подьмлет лишь окрыленных.

Даже солнцу подобно ваше божественное Я.

И, как эфир, оно подьмлет лишь окрыленных... Все, что вам нужно, это крылья, смелость быть самому в огромном небе — без провожатого, без карты, без дорог, без указателей, без километровых вех. Требуется только смелость и крылья — и все небо ваше.

Даже солнцу подобно ваше божественное Я. Иначе говоря, ваша сокровенная сущность подобна солнцу.

Оно не знает ходов крота и не ищет змеиных нор. Оно восходит для каждого, и каждый может разделить и воспринимать новизну жизни ежедневно. Но оно не знает *ходов крота и не ищет змеиных нор.* Оно доступно — змея может выйти из своей норы, крот может выйти из своей норы.

Ваше Я тоже подобно солнцу — оно доступно, но вы живете в норе, во всевозможных норах.

Солнце не постучит в ваши двери. На самом деле оно внутри вас. Вы должны открыть все двери и все окна так, чтобы благоухание жизни начало изливаться на вас, так, чтобы свет, который всегда был в вас, начал излучаться.

Все эти предшествующие строки я поддерживаю всем своим существом. Но дальше он говорит:

Но не одно лишь божественное Я обитает в вашем существе.

Это тоже верно — все, что обитает в вашем существе, обитает в каждом существе. А полнота всех существ — это океан сознания. Вы можете называть это Богом — я предпочитаю слово *божественное*, потому что оно большего достоинства, чем существительное. Это больше присутствие, чем личность.

Многое в вас уже человек, и многое в вас еще не человек... Многое в вас спит — ваша человечность, ваша гуманность. И многое в вас еще даже не человек... ваши животные начала тоже там.

В Индии у индуистов есть прекраснейшее представление одной из их Божественных инкарнаций — наполовину человек, наполовину животное. Весь мир смеялся над этим: «что за глупость?». А это — просто символ вашей внутренней психологии.

Наполовину вы человек, а наполовину все еще животное. И беда в том, что животное полностью пробуждено, а человек полностью спит.

...а лишь уродливый карлик, который, сонный, блуждает в тумане в поисках своего пробуждения.

Человек в вас пытается пробудиться. Вам это знакомо — порой в кошмаре вы хотите проснуться, но не можете. Вы не можете открыть глаза, не можете шевельнуть руками — как будто все парализовано. Влияние кошмара так сильно, что несколько мгновений вы почти мертвы. Вы посмеетесь над этим, когда проснетесь, но во время сна вы дрожите от страха; даже после пробуждения вы обнаружите последствия пережитого. У вас возможна испарина — ночь могла быть прохладной, но кошмар настолько силен, что ваше тело приняло его за реальность. Тело слепо, оно начинает потеть от страха. Вы обнаружите, что ваше сердце бьется сильнее; хоть вы и проснулись, эффекты кошмара могут быть заметны. Слоно прошел через дверь, а его хвост до сих пор в комнате.

О человеке в вас хочу я сейчас сказать.

Ибо это он, а не ваше божественное Я и не карлик в тумане, знает о преступлении и наказании за преступление.

Здесь он становится гипотетичным. Он не знает; он сам идет наощупь. То, что он говорит... в этом есть кое-что правильное и кое-что ошибочное.

Ибо это он, а не ваше божественное Я и не карлик в тумане, знает о преступлении и наказании за преступление.

Он делит вас на три части: первая — карлик, животное; вторая — человек, который спит, идет ощупью и пытается пробудиться; и третья — божественное Я. Это разделение ошибочное.

Там нет божественного Я — только пробужденный человек. Божественное Я — это еще одно название для пробужденного человека. Вот отчего такой человек, как Гаутама Будда, сказал, что Бога нет. И вы можете игнорировать атеистов, которые никогда не исследовали свое внутреннее существо, но не можете игнорировать Гаутаму Будду или Махавиру. Оба заявляют, что Бога нет.

Или другими словами: когда Бог спит, мы зовем его человеком, а когда человек пробужден, мы зовем его Богом. Пробуждение человека — это его божественность; нет другого бога. Так что разделение не тройное.

Вы разделены на животное и человека — животное должно уйти спать, а человек должен прийти к пробуждению. И обе вещи происходят одновременно. Пробужденного человека вы можете называть богом.

Г. Уэллс писал о мировой истории. Когда он подошел к описанию Будды, он изучил многое о Будде и был очень сильно озадачен: что сказать об этом человеке? То, что он сказал, настолько значительно, что, наверное, трудно найти более значительное изречение, сделанное в этом веке. Он сказал о Будде: «Гаутама Будда — самый безбожный человек, и все же самый

одухотворенный».

Нет нужды ни в каком Боге, когда вы пробуждены.

Ваше пробуждение, ваше просветление рассмешит вас: «Я разыскивал Бога в небесах, а он скрывался внутри меня».

Небольшая сказка... Это просто сказка, но полная смысла и сути.

Когда Бог сотворил мир, он жил в этом мире. Но он устал, потому что с утра все обычно шли с жалобами: кто-то не может родить ребенка, чей-то ребенок болен, чей-то ребенок умер; кто-то влюблен, но родители не позволяют ему жениться на женщине... миллионы проблем. И всего один несчастный Бог! А те, кому не удавалось добраться до него днем, обычно мучили его ночью — он не мог даже поспать.

В конце концов, он спросил своего советника: «Что же мне делать? Эти люди убьют меня! Они не дают мне отдохнуть и приносят тысячу и одну проблему. Те проблемы должны решать *они*. Я дал каждому из них способности и разум для решения всех их проблем, но они хотят сбросить всю ответственность на меня: "Чего нам беспокоиться? Во-первых, зачем ты создавал нас? И во-вторых, если уж ты создал нас, тогда позаботься о наших проблемах"».

Советник прошептал ему на ухо: «Есть место, куда эти люди никогда не придут».

Тот попросил: «Только покажи его мне».

И он сказал: «А ты скройся внутри самих этих людей. Они будут ходить, и разыскивать тебя по всему свету, но никогда не пойдут внутрь. Ты сможешь отдохнуть, расслабиться». И вот теперь он отдыхает и расслабляется там.

Если хотите узнать, подлинная это история или сказка, — войдите!

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

21. ЛИСТЬЯ ОДНОГО ДЕРЕВА

18 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Часто я слышал, как вы говорили о том, кто творит зло, так, будто он не один из вас, а чуждой вам и незваный гость в вашем мире.

Но я говорю: подобно тому, как святые и праведники не могут возвыситься над высочайшим, что есть в каждом из вас,

Так злочестивые и слабые не могут пасть ниже ничтожнейшего, что тоже есть в вас.

И как ни единый лист не пожелтеет без молчаливого согласия всего дерева,

Так и причиняющий зло не может творить его без скрытой воли на то всех вас.

Подобно процессии, идете вы вместе к своему божественному Я. Вы — путь, и вы же путники.

И когда один из вас падает, он падает за тех, кто идет позади, предупреждая о камне преткновения.

Он падает и за тех, кто идет впереди, за тех, которые хотя и шагают быстрее и увереннее, но не убрали камень.

И вот что я скажу вам еще, хотя слово это тяжким грузом ляжет вам на сердце:

Убитый не беспричастен к своему убийству, И ограбленный виновен в том, что его ограбили, Праведник не безвинен в поступках нечестивого,

И чистый ото всякого греха не беспорочен в провинностях злодея.

Да, виновный часто бывает жертвой оскорбленного,

Но куда чаще осужденный несет бремя за неповинных и безупречных. Вам не дано отделить справедливого от несправедливого и благочестивого от злого;

Ибо они стоят вместе перед лицом солнца, подобно тому, как сплетены воедино черная нить и белая. И когда черная нить обрывается, ткач осматривает всю ткань и проверяет ткацкий стан.

Сама идея судить других абсолютно нерелигиозна. Но все религии совершали преступление, осуждая других. Все религии давали вам идеи о том, что хорошо, что плохо, что правильно и что неправильно, что добродетель и что грех. Они развратили вас этими идеями, ибо один и тот же поступок может быть хорош в одном контексте и может быть плох в другом. За один поступок вы не можете осудить всю жизнь человека.

И кто вы, чтобы судить? Кто дал вам право судить кого-нибудь как святого или как грешника?

У вас нет глаз, чтобы заглянуть в сущность людей, в их внутреннюю суматоху, в их бессознательные стремления. Все, что вы можете видеть, — это их поступок. Но вы не можете видеть их сознание, а без знания их сознания ваш суд не только поверхностен, но и бесчеловечен. Сама ваша попытка вынести решение — не что иное, как желание осудить или желание одобрить.

Вы осуждаете то, что хотите делать сами, но опасаетесь последствий, вы трусливы. И вы одобряете то, чем хотите стать, — это ваше желание, ваше стремление, ваша жажда власти, престижа, респектабельности. Посмотрите на себя — ваши приговоры выдают вас гораздо больше, чем осужденного.

Человек подлинного понимания не судит, потому что он не подавил ни одного желания, и у него нет никакой жажды власти, престижа и респектабельности. Он чист и непорочен. Как же ему судить?

Здесь Халиль Джебран говорит несколько очень важных вещей:

Часто я слышал, как вы говорили о том, кто творит зло, так, будто он не один из вас, а чужой вам и незванный гость в вашем мире.

У вас есть какое-нибудь понятие о том, что такое «неправильно»? Ибо то, что неверно в одной культуре, верно в другой; то, что неверно в одном столетии, становится верным в другом столетии! То, что правильно сегодня, может не быть правильным завтра, и то, что правильно в этот миг, может оказаться неправильным в следующий миг. Жизнь — это поток, непрерывное течение, меняющее направления, находящее неизведанный путь и движущееся к океану безо всякой карты и руководства.

Так и есть, это река — река вашей жизни.

Случилось так, что император Китая сделал Лао-цзы главным судьей своего верховного суда. Лао-цзы тщетно пытался убедить его: «Ты будешь раскаиваться, если сделаешь меня главным судьей твоего высшего суда, так как мои пути понимания и видения целиком отличны от твоих».

Но император был очень настойчив, поскольку уже слышал так много о мудрости этого человека. Он сказал: «Я так решил, и ты не можешь отказаться».

Первое дело в первый день, как Лао-цзы занял место главного судьи, было о человеке, которого поймали на месте преступления, — он воровал в доме самого богатого человека столицы. В сущности, дела не было — его схватили с поличным. Там были очевидцы, и он сам признался: «Все, что они говорят, правда».

Лао-цзы вынес ему знаменитый приговор, настолько уникальный и исполненный понимания, что никогда и никто не присуждал такого до того или после. Приговор гласил, что вора нужно отправить в тюрьму на шесть месяцев, а вместе с ним — и богача отправить в тюрьму на шесть месяцев! Весь суд, вся судейская коллегия не могли поверить в то, что он сказал. Они подумали, что он безумен! — что неверного сделал богач?

Богач промолвил: «Не могу поверить своим ушам. Мои деньги украдены, и меня же наказывают? Такое же наказание, как и вору?»

Лао-цзы сказал: «Ты и есть первый преступник; вор, выходит, второй. Просто из сострадания я даю тебе всего шесть месяцев, тебе следовало бы назначить больший срок заключения, чем вору. Ты собрал все деньги столицы, ты сделал тысячи людей голодающими, погибающими от истощения, мертвыми, — и это тех людей, которые работают. Ты величайший эксплуататор. Деньги принадлежат им; он не воровал, он просто забрал деньги, которые ему принадлежат. Ты был вором, величайшим вором в столице. Так что благодари, что я не отправил тебя на шесть лет».

Его рассуждение, таким образом, было абсолютно точным: если люди продолжают скапливать деньги с одной стороны, тогда кто же еще создает воров? И если кто-нибудь от голода, истощения, болезни, старости не находит другого способа выжить и становится вором, кто в ответе за это?

Весь суд хранил молчание. Богач сказал: «Возможно, ты и прав, но перед тем, как ты отправишь меня в тюрьму, я хочу видеть императора».

И он сказал императору: «Ты поставил главным судьей своего верховного суда безумца. Помни: если я — вор, то ты — еще больший вор; и если сегодня я отправляюсь в тюрьму, то и ты жди своего часа. Мы встретимся в тюрьме. Ты эксплуатировал целую страну, и если хочешь спасти свою шкуру, отстрани этого человека сейчас же и отмени его приговор».

Император признал: «Моя вина. Тот человек усердно пытался переубедить меня, он предупреждал меня: "Не помещай меня в кресло главного судьи, потому что мои пути видения и понимания полностью отличаются от твоих путей видения и понимания. Ты живешь в полной темноте и слепоте, ты не видишь простых фактов — что вор не преступник, а жертва, и ему нужно все возможное сочувствие, а он получает наказание. Богач же не нуждается ни в чем сочувствии, но никто даже и не подумает, что его следует наказывать. Вся ваша шайка создает такие законы, которые устраивают вас и неблагоприятны для бедняков, чью кровь все вы сосете!"».

Лао-цзы освободили от его обязанностей, и император сказал: «Ты был прав. Пожалуйста, прости меня. У нас совершенно разные способы мышления». Лао-цзы сказал: «Ты когда-нибудь задумывался над этим? Ты говоришь, что у нас совершенно разные способы мышления... если бы ты когда-либо подумал над этим, они бы не различались. Они различны из-за того, что я стараюсь увидеть коренную причину — почему столько несчастья, почему столько несправедливости. Ты же заинтересован только в накоплении все большей власти, все большего богатства. Жадность бездумна, амбиция слепа. Хорошо, что ты пришел к какому-то пониманию в первый же день, потому что в моих глазах ты преступник, и раньше или позже я собирался отправить тебя в тюрьму. Хорошо, что ты освободил меня от хлопот по отсылке тебя в тюрьму. Но помни, что ты и есть причина всех преступлений, и тебя никогда не наказывали за это, а несчастные жертвы наказаны».

Что же неправильно? Кто может определить это?

Согласно джайнам, насилие несправедливо. Любой поступок, который разрушает жизнь, — преступление, грех. Но согласно индуистам, мусульманам, христианам, насилие — это способ жизни.

Сколько жизней вы уничтожили только ради своей пищи, никогда не задумываясь: «Что же я делаю?». И даже величайшие среди вас так слепы и так связаны прошлым, что я порой сомневаюсь в том, что человечество когда-либо выйдет из этой темноты.

Даже такой человек, как Рамакришна, убивает рыбу для еды. Даже такой человек, как Иисус, ест мясо. И в то же время они продолжают рассказывать о любви, о Боге и великих вещах... Они не имеют права даже говорить о любви, ведь у них нет никакого благоговения перед жизнью.

Христиане не видят ничего плохого в употреблении алкоголя, даже сам Иисус пил спиртное. Индуисты... Столетиями все их так называемые святые использовали наркотики — марихуану, гашиш, — а им поклонялись, и никто никогда и не думал, что наркоман не может быть святым. Да, вы можете использовать наркотики в медицине — это совершенно другое. Только не для наркомании.

И так везде. Что неправильно? И что правильно? И кто сможет решить?

Поэтому первый вопрос огромной важности для меня — как решите вы сами для себя? Пусть вас не заботят другие, их проблемы — это их проблемы. Не судите их, это совсем не ваше дело. Но для вас самих, каков критерий?

Ни одна религия не дала вам критерия, — а меня еще просят не критиковать никакой религии. Они давали вам идеи, как судить других, фиксированные идеи; жизнь не бывает фиксированной. Но они никогда не рассказывали вам, как они приходят к убеждению, что неправильно, а что правильно, — просто их предки дали им эти же идеи.

Все традиции слепы. И любая традиционная личность больна, потому что все еще не сумела найти свое собственное понимание.

Но я даю вам критерий. Я не говорю, что правильно, а что неправильно; я даю вам такой критерий, что какой бы ни была ситуация, каким бы ни был контекст, — вы всегда будете в

состоянии решить в этом особом контексте и ситуации, что правильно и что неправильно.

И такую простую вещь упускали тысячелетиями. Возможно, она самая простая и очевидная, поэтому ее и упускали все эти так называемые великие мыслители, философы и теологи-звездочеты. Они не видят того, что вблизи; их глаза устремлены вдаль, на воображаемого Бога, рай за пределами смерти.

Я совсем не озабочен вашими богами, и меня не интересует вообще, что происходит с вами после вашей смерти. Меня интересует то, что происходит с вами, с вашим сознанием сейчас, сию минуту. Ведь это всегда будет с вами, и по ту сторону смерти; где бы вы ни были, ваше сознание будет нести тот свет, который отделяет неправильное от правильного.

Все, что делает вас бдительнее, сознательнее, умиротвореннее, тише, делает вас празднующими и ликующими, — добро.

Все, что делает вас бессознательными, несчастными, ревнивыми, разгневанными, деструктивными, — зло.

Я не даю вам перечень правильных и неправильных вещей. Я просто даю вам ясность — как решить в каждый момент жизни, без всякой консультации с десятью заповедями Шримад Бхагавадгиты, не спрашивая мертвых.

Почему не спросить у живого источника бытия внутри вас?

Вы — единственное священное писание в мире.

И если вам не ясна такая простая и очевидная вещь... — попробуйте, каждый миг приносит удобный случай. Вы увидите, что это всегда помогает, без всякого предписания от мертвого. Это ваше собственное понимание, которое просто продолжает движение.

Не слушайте никого, кроме своего собственного сознания.

Когда вы разгневаны, вы теряете сознание, делаетесь бессознательными. Гнев накрывает вас, как черная туча. Вы можете совершить убийство, можете разрушить жизнь. Но когда вы любите, колокольчики радости начинают звенеть в вашем сердце, и вы начинаете ощущать, как поднимается ваше сознание. Если же в любви вы тоже лишаетесь сознания, делаетесь бессознательными, то знайте: вы называете любовью вождление. А такой сорт любви никуда не годится, потому что он не поможет вам вырасти, расшириться, осуществить свой потенциал.

Все, что помогает вам осуществить свой потенциал, — добро. Это не только благословение вам, это благословение всему существу. Человек не остров, все мы — огромный, безграничный континент, соединенный воедино корнями. Быть может, наши ветви и отдельные, но наши корни — одно.

Реализация единого потенциала и есть единственная нравственность, которая существует.

Утеря единого потенциала и падение во тьму и отсталость — вот единственный грех, единственное зло.

Халиль Джебран прав, когда говорит:

Часто я слышал, как вы говорили о том, кто творит зло, так, будто он не один из вас, а чужой вам и незваный гость в вашем мире.

Но я говорю: подобно тому, как святые и праведники не могут возвыситься над высочайшим, что есть в каждом из вас,

Так злочестивые и слабые не могут пасть ниже ничтожнейшего, что тоже есть в вас.

В этой жизни никто не посторонний.

Грешник и святой — не два отдельных мира.

Настоящий святой тот, кто становится настолько сознательным, что третий — свидетель, наблюдатель — возникает в нем. Этот свидетель может видеть грешника, он может видеть святого, и он знает, что и святой, и грешник — две стороны одной медали. Некоторые люди выбрали одну сторону, некоторые люди выбрали другую сторону, но помните — другая сторона

всегда присутствует. Любой грешник может мгновенно превратиться в святого, и любой святой может упасть и стать грешником тоже в мгновение ока. Между ними нет качественного различия, каждый из них подавляет другую половину своего существа. Святой подавляет грешника...

Меня всегда очень сильно удивляло, что все религиозные писания, написанные так называемыми святыми, продолжают осуждать грешника. Почему они настолько озабочены грешником? Они должны петь песню своего собственного осуществления, они должны привести мир к осознанию красоты, которой они сами достигли, они должны излучать собственный свет и благоухание.

Но нет, вся их забота — продолжать осуждать грешника, да так искусно, что удивляешься, сколько всего они подавили в себе. Они пытаются получить удовольствие, хотя бы разговаривая об этом.

Я слышал о женщине, которая приходила исповедоваться к католическому священнику. Она говорила: «Отец, простите меня — меня снова изнасиловали. Помолитесь за меня Богу».

Священник сказал: «Однако это выглядит весьма странно, ведь это в третий раз! Каждое воскресенье вы приходите исповедоваться, что вас изнасиловали. Какое странное совпадение».

«Дело в том, что меня изнасиловали только однажды», — промолвила она.

«Но тогда, — сказал священник, — когда вы просили прощения, я помолился Богу. Зачем беспокоить меня снова и снова?»

Она сказала: «Просто рассказ об этом доставляет мне такое удовольствие, даже само воспоминание об этом — радость; хоть я и сопротивлялась для виду, но на самом деле я так наслаждалась актом. За три недели никто больше не изнасиловал меня, так что же мне делать? А вы еще и не даете мне насладиться рассказом об этом».

Мое ощущение, мое понимание состоит в том, что так называемые святые осуждают столь детально все грехи человека, способного на это, так как они наслаждаются, рассказывая об этом, описывая это, проповедуя это.

С другой стороны, грешник всегда надеется, что однажды он станет святым, однажды он отбросит эту безобразную жизнь грешника. Он всегда мечтает стать святым, ведь именно эту часть он и подавил. А ваши святые всегда бредят всеми видами грехов, которые они отбросили, которые они подавили.

Грех и добродетель — это не различные вещи. Поэтому не принимайте за святого того, кто просто отбросил все названное в ваших писаниях грехом. На самом деле ничто не отброшено, все продолжает накапливаться в бессознательном и раньше или позже взорвется, мстя вовсю.

Я учу вас не беспокоиться о грешниках и не беспокоиться о святых; они относятся к одной и той же категории. Я хочу, чтобы вы стали наблюдателем.

И если вы можете наблюдать безо всякого суждения свою грешную сторону, свою святую сторону, свою темноту, свой свет — чудо случится. И это единственное чудо, которое трансформирует человека в религиозное существо. И святой, и грешник — оба исчезают. Выберите одного — и другой окажется тут же, потому что они одно, они не отделены. Они неразделимы. Поэтому и не выбирайте.

Я говорю вам: станьте осознанием без выбора, только тогда вы выйдете за пределы обоих, за пределы дуальности хорошего и плохого, Бога и Зла. И эта трансценденция принесет вам все цветы, о которых вы даже не мечтали, музыку, которую не сыграть на инструменте, и поэзию, которую невозможно выразить словами.

Но я говорю: подобно тому, как святые и праведники не могут возвыситься над высочайшим, что есть в каждом из вас,

Так злочестивые и слабые не могут пасть ниже ничтожнейшего, что тоже есть в вас.

*И как ни единый лист не пожелтеет без молчаливого согласия всего дерева,
Так и причиняющий зло не может творить его без скрытой воли на то всех вас.*

Это очень глубокое прозрение: ни единый лист не может пожелтеть без согласия всего дерева. Вы не можете осуждать одинокий лист — все дерево знает это, позволяет это, так же как и одинокий человек не становится злодеем без глубочайшего участия всех вас в его злодействе.

Все мы листья одного дерева. Если вы зелены, не осуждайте, если какой-то лист пожелтел. Быть может, тот одинокий лист просто опадает с дерева, чтобы освободить место для прибытия нового гостя, нового листка, свежего и молодого. Быть может, вы лучше цепляетесь, и вам понадобится немного больше времени, чтобы пожелтеть. Неужели, прежде чем пожелтеть самому, вы будете осуждать тот листок, как будто он предал дерево? Нет, все дерево вовлечено в каждое действие мельчайшего листочка.

Это огромное прозрение: если есть убийца, то мы все в ответе за это, и пока все человечество не возьмет ответственность за убийц, воров и грабителей, мы не сможем изменить ничего. Мы осуждали их столетиями, и то, что мы делали с ними, просто нелепо...

Если человека хватали при попытке покончить с собой, то — на протяжении столетий! — его наказывали смертью. Странно... экая мудрость! То, что он делал себе сам, вы делаете ему в наказание.

Если убийцу приговаривают к смерти, то все ваше общество убийственно, ваш закон убийствен. Где разница? Тот человек уничтожил жизнь, а вы уничтожаете еще одну жизнь; вы думаете, уничтожая этого убийцу, вы вернете жизнь убитому? Нет, вместо одного убитого человека теперь два убитых человека — велика справедливость, велика любовь!

Если человек кого-то убил, то где-то глубоко в себе мы обнаруживаем то же самое желание — и это стало законом в суде. Мы создали закон, и наш закон смертоносен, как никакой убийца. Это не справедливость, это просто месть. Вы мстите во имя справедливости. Из-за того, что тот человек провинился, он не должен оставаться в живых. Но уверены ли вы, что этот убийца не превратится в великого поэта, музыканта или художника, если не будет убит законом?

Или даже в мистика?

Вы отнимаете возможность его роста, никогда не задумываясь, отчего же все-таки он убивал. Никто не озабочен причинами, все глядят лишь на симптомы. Возможно, что тот человек сильно пострадал от рук общества, что вы низвели его до животного. А коль он животное, он и будет вести себя как животное. Но помните: он жертва, а вы причина.

Вот почему законы продолжают расти, создаются новые законы, новые суды, новые судьи, больше полиции, больше войск — и все же вам не удалось снизить число преступлений. Они растут одновременно; должна быть какая-то глубокая связь между этими двумя явлениями. Рост ваших правовых систем и рост количества преступников одинаковы. Странное совпадение. При вашей правоте, имея столько полиции, столько больших армий, столько судов, столько парламентов, столько правовых экспертов... и вам не удается ничего предотвратить. В этом повинна сама ваша сущность, это приговор вашему разуму. Есть что-то крайне ошибочное во всей этой системе.

С убийцей, вором нужно обращаться с достоинством. Он — человеческое существо, и если он совершил убийство, то он психически болен. Вы ведь не наказываете больных людей, вы отправляете их в психбольницу, где о них смогут позаботиться.

Не нужна никакая тюрьма. Все тюрьмы должны быть превращены в прекрасные психиатрические дома по уходу, где люди, утратившие свою человечность из-за безобразного поведения общества — эксплуатации, угнетения и всех видов репрессий — должны обрести снова свои достоинство и честь, должны вылечиться ментально и физически, должны выучиться и стать образованными, должны получить возможность, которой прежде не было. Тогда только я

скажу, что существует система правосудия, что существует законодательная система.

Нынешним утром я узнал, что во всех газетах сообщается о том, как у одного саньясина с его подружкой были обнаружены наркотики. Сейчас полицейский комиссар должен будет оправдать свою акцию против меня, так что будут наняты фальшивые саньясины, и они принесут наркотики в лагерь. Просто два-три примера газетной пропаганды, и тогда они смогут заявить, что требование полицейского комиссара, чтобы я покинул Пуну за тридцать минут, было правильным.

А полицейский комиссар, похоже, полный трус. Ему не удалось убедить моих адвокатов в законности своего странного и абсурдного приказа мне, покинуть Пуну за тридцать минут... Это моя страна и он мой слуга, точно так же как он слуга для всех. Странно, что слуги поступают как хозяева и издают нелепые, бессмысленные приказы. Однако он не был готов отменить его, хотя у него и не имелось основания издавать его, — ведь это шло бы против его эго. Если бы в его уме было хоть какое-то понятие о справедливости, он бы уже извинился и отменил приказ.

Он не намерен отменять его. Он занял целый день у моих адвокатов, и результатом было то, что он только приостановил приказ, — это означает, что он может открыть дело в любой момент. Теперь он будет создавать ситуации, которые смогут подтвердить, что его первоначальное решение было верно. Он пришлет сюда в ашрам людей с запрещенными наркотиками, а потом их схватят. А если вы помешаете им у ворот, они начнут драться с вами, нападать на вас.

Он арендовал дом совсем рядом с ашрамом, так что за одну минуту, если нужно, винтовки его людей будут в ашраме.

Это и есть все его желание.

Но я хочу предупредить вас — и сказать ему и правительству, — что такая низость несправедлива, и мы не намерены терпеть это.

Сегодня опять было получено уведомление одним из распорядителей ашрама. Две поразительные вещи были в уведомлении. Во-первых, что он не давал мне предупреждения, — трусы, последние трусы. Он, очевидно, понял, что совершил ошибку. Войти в конфликт со мной — это войти в конфликт с огнем: вы будете сожжены и поглощены... ибо это не обычное место, это храм Бога.

Здесь люди, которые ищут, которые не приходят сражаться с кем-то. Отчасти поэтому он не прислал предупреждение на мое имя... ведь ему известно, что я примусь колотить его так крепко, как смогу.

Теперь он прячется за своего подчиненного. Приказ полицейского инспектора. Он что, забыл свои полномочия? Всего несколько дней назад он уже издал приказ против меня. Теперь же распоряжение приходит не на мое имя и не от него, а от его подчиненного, рядового полицейского инспектора. И опять он требует нелепых вещей: чтобы мы сообщали каждый день, сколько здесь иностранцев, чтобы мы информировали, сколько иностранцев можно разместить в ашраме. Если бы это требовалось от каждого храма страны, тогда, может, это и было бы резонно. Но потребовать этого только от меня или моих людей — это же нелепо. Такую дискриминацию нельзя терпеть.

Я попросил распорядителей передать ему, что придут наши поверенные и мы обсудим с ним все нелепые запросы, которые он составляет. И если мы не сможем прийти к соглашению, то мы намерены подать на него в суд, в верховный суд.

А если и он, просто марионетка в руках «Нью-Дели», то существует суд и над верховным судом — люди этой страны. Я пойду в каждую деревню этой страны — чтобы не только его вышвырнуть, но и вышвырнуть вон всю бюрократию и совершенно слепое и глухое

правительство.

Вот как ваше общество провоцирует людей. Я никогда и никоим образом не был заинтересован в политике; не интересуюсь я ею и сейчас. Но не дразните льва во время медитации! Я могу вышвырнуть всех этих болванов от Пуны до Дели из их вотчин — один. Мне не понадобится чья-то еще поддержка. Я не хочу власти и для себя. Я буду просто разоблачать всю эту систему — абсурд, созданный британскими империалистами, который по-прежнему продолжает существовать и подавлять человеческое достоинство. Что это за нонсенс, что каждый день ашрам обязан докладывать имена тысяч иностранцев, допущенных в ашрам? Это ашрам, или он считает это правительственной тюрьмой?

Я был бы очень счастлив, если бы у него хватило духу прийти сюда и поспорить со мной перед моими людьми. Я не знаю закона, но знаю нечто большее. Законы — просто человеческое творение, и они продолжают изменяться, мне же известно нечто вечное и не созданное человеком. Как я понял, он занят богослужением в рабочее время. Придется поспорить с ним и о богослужении тоже, и я должен посмотреть, что у него за религиозность, — то, что он демонстрирует, — это не религиозность. Это гадко и жестоко, примитивно и бескультурно. Этого человека нужно немедленно понизить в должности, отстранить и отправить в Нагарланд, где он будет, по крайней мере, выглядеть образованным.

Я снова предостерегаю их — не надоедайте мне и моим людям, потому что если вы как-нибудь побеспокоите моих людей, то я буду беспокоить все ваше правительство. У Махатмы Ганди когда-нибудь спрашивали, сколько людей находится с ним в его ашраме? Нет — даже британское правительство. Что же за свободу мы получили? Кажется, Махатма Ганди жил при британском правительстве более вольно, чем мы живем при нашем собственном правительстве.

Выбранных нами людей мы можем вышвырнуть в любой момент. И у меня хватит огня сжечь всех этих болванов и ископаемых, ибо я не вижу ни единого человека в этом правительстве, который бы имел хоть какое-то достоинство и характер.

Зачем держать полицейских с ружьями наизготовку рядом с ашрамом? Что за необходимость возникла? Мы прожили здесь уже семь лет безо всякой борьбы, без всякого огнестрельного оружия. И нам не нужно огнестрельного оружия, у нас есть огонь в наших душах.

Я никогда никого не проклинал — я воздерживался, накапливая силу. В тот день, когда я решу проклясть, это не будет обычным проклятием, оно будет ядерным!

Подобно процессии, идете вы к своему божественному Я.

Не судите, кто прав, кто виноват. Идите в процессии вместе к своему внутреннему храму Божию.

Вы — путь, и вы же путники.

Небольшое дополнение, и его предложение станет более глубоким: *Вы — путь... вы — путники* и вы — цель, и вы — источник. Фактически, вы — это целый мир, миниатюрный мир. Если спящий, то понапрасну страдающий в кошмарах; если пробужденный, то исполненный великолепных благословений и экстазов, которые ведомы только очень немногим людям в мире.

Но у меня огромная вера в вас, в то, что каждый из вас может коснуться высочайшей вершины сознания — вопреки всем этим полицейским комиссарам и их шайке. Я считаю их преступниками.

В Америке я оставался молчаливым в суде просто из-за того, что был там только туристом. У туриста нет прав, в любой момент страна может заявить: «Вы должны уехать», — и он не может даже узнать причину. Так не должно быть, но это так.

Но в этой стране мне не нужны даже правовые эксперты, адвокаты и вся эта бессмыслица, я намерен сам смотреть им в лицо в верховном суде — от полицейского комиссара до премьер-министра. Им следовало бы быть очень внимательными к шагам, которые они предпринимают.

Никто из них не обладает мужеством или разумом. Я вот уже целых двадцать лет езжу по этой стране, мне известны лидеры этой страны — просто святой коровий навоз. Если даже сделать тем людям операцию на мозге, там не найдется ничего, кроме коровьего навоза.

Вы будете удивлены, узнав кое-что об одном из самых ближайших последователей Махатмы Ганди в ашраме... Человек культурный, образованный, он был профессором в университете. Он бросил свою службу, чтобы оставаться рядом с Махатмой Ганди и поклоняться ему как богу, и его единственное достоинство заключалось в том, что непрерывно в течение шести месяцев он питался коровьим навозом и пил коровью мочу. Это было его питанием шесть месяцев, и это сделало его таким чистым... Он победил Махатму Ганди, Виноба Бхаву, Шанкар Рао Дэва, всех великих последователей Махатмы Ганди. В течение шести месяцев он был на вершине, ибо никто не мог отважиться на то, что делал он.

Теперь, если вы прооперируете мозг этого человека, что вы рассчитываете там обнаружить?

Я знал близко многих президентов правящей партии, и не считаю, что у кого-либо из них есть сколь-нибудь высокие достоинства разума. И вот даже обычный полицейский комиссар считает, что у него достаточно власти, чтобы приказывать мне оставить его округ в течение тридцати минут. Хорошо еще, что Будда, Махавира, Бодхидхарма, Тилопа и все величайшие были до того, как такие люди пришли к власти в этой стране. Вы можете найти более противоречивую личность, чем Гаутама Будда? Этот полицейский комиссар тотчас же приказал бы ему оставить Пуну — поскольку он противоречил.

Любой человек, у которого есть хоть какое-то понимание и ясность, обязан противоречить. А любая культура и любое общество, которое старается уничтожить противоречащего человека, уничтожает свои собственные цветы.

Подобно процессии, идете вы вместе к своему божественному Я.

Вы — путь, и вы же путники, вы — цель и вы — исток, потому что после всего паломничества вы должны будете прийти к себе — конечно, с новыми глазами, новыми прозрениями, новым сознанием. Вы начнете путешествие в темноте, а придете домой ранним утром, когда солнце восходит и птицы начали петь, приветствуя вас.

И когда один из вас падает, он падает за тех, кто идет позади, предупреждая о камне преткновения.

Не осуждайте, не судите.

Он падает и за тех, кто идет впереди, за тех, которые хотя и шагают быстрее и увереннее, но не убрали камень.

Мы объединенное целое — прошлое, настоящее, будущее. Мы единый органичный союз, а те, кто пытается отделить человека от человека, то ли ради религии, то ли ради политики, то ли по любой другой причине, являются преступниками. С ними следует обращаться любяще, заботливо — они психически больны.

И вот я скажу вам еще, хотя слово это тяжким грузом ляжет вам на сердце:

Убитый не беспричастен к своему убийству,

И ограбленный виновен в том, что его ограбили.

Кого вы вините? — ведь тем же самым по-своему занимаетесь и вы — возможно, какого-то беднягу уже схватили, а вас еще нет. Но разница не велика. Вы несете убийцу в себе, и вы несете все человечество со всеми его слабостями — а также со всеми его возможностями роста — выше, к звездам. Так что помните, не надо судить. Если кто-нибудь падает, подайте ему руку, так как его падением вы тоже упали. И когда кто-нибудь восходит, празднуйте, потому что его возвышением вы тоже возвышаетесь. *Праведник не безвинен в поступках нечестивого, И чистый ото всякого греха не беспорочен в провинностях злодея, Да, виновный часто бывает жертвой оскорбленного, Но куда чаще осужденный несет бремя за неповинных и безупречных.* Я побывал

во многих тюрьмах Индии как посторонний, чтобы поговорить с заключенными, дать им понять простые методы медитации. И меня удивило то, что они более невинны, чем ваши политики. Они более невинны, чем служащие тюрьмы. Они люди простые. Может, по своей наивности они совершили что-то, не осознавая последствий. Или, возможно, они не совершали ничего, они невинны, но они были бедными и не смогли получить защиту лучше против правительства, которое обвинило их в вымышленных преступлениях. Ибо теперь это мой личный опыт, я уже видел тюрьму снаружи, и я счастлив, что теперь увидел тюрьму изнутри. В шести тюрьмах Америки я не столкнулся ни с одним заключенным — а в каждой тюрьме было шестьсот, семьсот, тысяча человек, — который бы выглядел преступником. А все другие люди — штат тюрьмы, полиция, судьи, — их лица не были лицами, которые можно назвать невинными. Они были хитрыми.

Вы поразитесь, узнав, что, хоть им и было известно о том, что я вегетарианец, — как только я входил в какую-то тюрьму, то сообщал им, что я вегетарианец, — во время приема пищи они обязательно приходили и говорили мне: «У нас нет никакой вегетарианской пищи».

Я предлагал им: «Можете давать мне фрукты». А в ответ одно и то же: «У нас нет никаких фруктов». Это было такой ложью, что другие заключенные, которые слышали это, возмущались. Когда тюремщик уходил, они говорили: «Он безусловно лжет, у нас есть овощи, у нас есть молоко, у нас есть фрукты, орехи, которые можно использовать». И заключенные стали приносить мне фрукты, которые выдавались им, а не мне. Они начали приносить молоко, которое выдавалось им, а не мне. Я говорил: «Но это ваше, и вам нужно это. Я справлюсь. Десять, двенадцать дней голода — от этого не умирают. Требуется девяносто дней без пищи, чтобы убить человека, так что не беспокойтесь».

Но со слезами в глазах, от огромной любви, они просили: «Нет, вы должны принять, ведь мы можем есть все. Нам доступна невегетарианская еда».

И всякий раз, как я проходил коридором, входя в тюрьму или выходя из тюрьмы, все они стояли за решетками, скандируя: «Бхагван! Победа будет за тобой! Мы не знаем тебя, как следует, но мы видели тебя по телевизору — твоих глаз довольно, чтобы убедить нас». Они подавали знак победы двумя пальцами из каждой камеры. И они говорили снова и снова: «Мы так счастливы, мы запомним на всю жизнь, что провели, по крайней мере, одну ночь с тобой».

Они писали мне письма, которые шли от одной камеры к другой и доходили до меня: «Бхагван, мы любим тебя. Когда ты выйдешь — а им не продержат тебя больше недели, — не забывай нас». Они вырезали из газет мои фотографии, и присылали эти фотографии, — «Пожалуйста, подпиши это как свидетельство и доказательство, что мы были с тобой, по крайней мере, ночь или день, или несколько часов». Тысячи фотографий я подписал людям, которых не знаю.

Они были так любящи, так заботливы, так человечны. Я не видел такой человечности в глазах судей, правительственных прокуроров.

Это странный мир, где невинный может пострадать из-за хитрого, который всегда изловчится выйти там, где бедному придется страдать, потому что он не в состоянии найти себе необходимую защиту. И вопрос не в том, совершали вы преступление или нет. Вопрос в том, чей адвокат более эффективен, более умен, более ловко пользуется законом.

Закон не может определять истину.

Но происходит именно так. Мы живем в варварском мире, со всеми видами дискриминации.

Это храм Бога или полицейский пост — почему мы должны справляться, кто иностранец?

Для нас никто не иностранец.

Все человечество наше, и вся земля наша.

Недалек тот день, когда не будет границ, наций или религий. И если придётся пожертвовать собой и моими людьми ради рождения новой земли и нового человечества, я буду совершенно счастлив сделать это. Ибо жизнь, которая не способна жертвовать собой ради истины, ради красоты, — это вообще не жизнь; такой человек уже мертв.

Вам не дано отделить справедливого от несправедливого и благочестивого от злого;

Ибо они стоят вместе перед лицом солнца, подобно тому, как сплетены воедино черная нить и белая, Не судите, не разделяйте.

Сущее знает, что нужно, так же как ткач знает, что для создания прекрасных узоров нужны черные нити и белые нити.

И когда черная нить обрывается, ткач осматривает всю ткань и проверяет ткацкий стан.

Это и есть то, что я стараюсь делать. Если хоть один бессознательный человек поступает бессознательно — я никак не осуждаю его. Возможно, он самая слабая часть этого общества, возможно, болезнь распространена во всем обществе. Из-за того, что он слабейшее звено, болезнь выразилась через него, но он — не болезнь.

Я не могу представить, зачем людям воровать, если бы не было эксплуатации, зачем людям насиловать, если бы не было брака, навязанного законом или обществом, зачем проститутки, если бы людям позволили жить вместе только на то время, пока они любят.

Но проституток мучает полиция, правительство изводит их любым возможным способом, — а они просто несчастные жертвы общества, где муж не любит жену, где жена не любит мужа, но все же по закону им приходится оставаться вместе. А любви необходимо питание.

Вы слышали в этой стране только о женщинах-проститутках, но в Англии или Америке в двадцатом веке стали доступны мужчины-проститутки. Мы действительно развиваемся к большим высотам! Возможно, скоро мы опять будем на деревьях, совсем как наши предки.

Это не эволюция.

Вся наша структура порочна.

Люди продолжают говорить мне: «Если вы просто сосредоточитесь со своими учениками на медитации, и ничего не будете говорить ни за, ни против общества, религии, прошлого, традиций, закона... тогда у вас не будет врагов».

Разумеется, у меня не будет врагов, ведь я не задену ничьи имущественные интересы, я не принесу революцию, которая пылает в моем существе.

Я хочу воспламенить всех вас.

Прежде чем я уйду, оставлю тело, я хочу тем же самым огнем воспламенить миллионы тел по всему свету.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

22. ГРЕШНИКИ И СВЯТЫЕ: ДРАМА СПЯЩИХ ЛЮДЕЙ

19 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Если же кто приведет на суд неверную жену, Пусть он также взвесит на весах, сердце ее мужа и измерит мерилami его душу.

И пусть тот, кто захочет ударить обидчика, вникнет в дух обиженного.

И если кто из вас захочет покарать во имя справедливости и вонзить топор в худое дерево, пусть он посмотрит на его корни;

Истинно, он найдет корни хорошие и плохие, плодоносные и бесплодные, сплетенные воедино в молчаливом сердце земли.

А вы, судьи, которые хотят быть справедливыми,

Какой приговор вынесете вы тому, кто честен по плоти, но вор по духу?

Какому наказанию вы подвергаете того, кто умерщвляет по плоти, но сам умерщвлен по духу?

Как можете вы обвинять того, кто поступает как обманщик и притеснитель, но сам обижен и поруган?

Как вы покарате тех, чье раскаяние уже превосходит их злодеяния?

Не есть ли раскаяние — правосудие, что отправляется тем самым законом, которому вы с радостью бы услужили?

Но вы не можете внушить безвинному раскаяние и не можете сердце виноватого избавить от раскаяния.

Непрошенное, оно будет звать в ночи, чтобы люди проснулись и взгляделись в себя.

Вы, желающие понять, что есть правосудие, как вам постичь его, пока вы не посмотрите на все деяния при ясном свете?

Лишь тогда узнаете вы, что поднявшийся и павший — один и тот же человек, стоящий в сумерках — между ночью своей сущности карлика и днем своей божественной сущности.

И что краеугольный камень храма не выше самого нижнего камня в его основании.

Халиль Джебран говорит замечательные вещи, и время от времени подходит очень близко к истине. И все же в большинстве случаев он не видит цели: он хороший поэт, но не великий лучник.

Он точно врач, который может помочь вам, но который знает только симптомы вашей болезни и лечит симптомы. Но причины не в симптомах. Если вы лечите симптомы, болезнь прорвется когда-нибудь снова. Его размышления больше касаются действий, а не источника действий, но никто никогда не переживал никакой трансформации, пока не сталкивался лицом к лицу с причинами.

Он говорит:

Если же кто приведет на суд неверную жену,

Пусть он также взвесит на весах сердце ее мужа и измерит мерилami его душу.

Это хорошо, в этом есть какое-то сострадание — но не подлинное прозрение в истинный источник проблемы. Проблема такова: кто вы, чтобы требовать верности от кого-то еще? Будь

это ваша жена или ваш муж — требование верности — это требование рабства. За прекрасным словом «верность» вы скрываете безобразную болезнь, настоящий рак души, который убил человеческую радость.

Какое вы имеете право требовать верности от своей жены или от своего мужа? Поэтому реальная проблема не затронута; реальная проблема — супружество.

Брак дал людям ошибочное представление, что любовь — это нечто неизменное. Только камни неизменны, только мертвецы неизменны. Лишь идиоты никогда не меняются. Чем вы разумнее, тем более ваша жизнь будет жизнью непрерывной перемены.

Не осуждайте жену или мужа за неверность. Во-первых, требование верности неправомерно. Была пора, весна — и любовь возникла в вас. Не вы ее создали, не вы даятели — это случается. Словно ветерок приходит, и словно ветерок уходит.

Когда он приходит, радуйтесь.

А когда уходит, попрощайтесь.

Проявите свою благодарность за те прекрасные дни, когда ветерок плясал вокруг вас и заставлял плясать вас, когда ветерок обвевал вас и заставлял вас петь.

Да, это печально, но это не грех.

Халиль Джебран все еще повторяет старую, гнилую идею верности. Но верность означает просто рабство, и рабство в вас самих. Миллионы пар в мире знают, что любви больше нет, но по-прежнему — из-за респектабельности, из-за репутации, из-за общества, по другим причинам — они продолжают делать вид, что любят друг друга.

Это и есть настоящий грех, настоящее преступление.

Если вы любили кого-то, то, когда любовь ушла, вы должны быть достаточно честными и искренними, чтобы открыть свое сердце — грустное, печальное, но все же благодарное. Даже если она продолжалась несколько дней, несколько месяцев, запомните те месяцы; те сладостные мгновения могут наполнить ваше сердце. Радуйтесь одному — что ваша жена честная, правдивая, и будьте тоже честны и правдивы.

Проблема верности до такой степени измучила человека, что, возможно, нет другой проблемы, которая бы так мучила человечество. Она создает всю гадость, которая есть внутри вас.

Во-первых, вы постоянно следите, становитесь детективом: верна ли ваша жена вам или нет, верен ли ваш муж вам или нет. Но почему кто-то должен быть верным кому-то еще? Любовь верна, но если любовь исчезает, верность тоже исчезает.

Халиль Джебран указывает на важную вещь: *Если же кто приведет на суд неверную жену, пусть он также взвесит на весах сердце ее мужа*, потому что любовь или отсутствие любви происходит почти одновременно — если она исчезла в сердце женщины, она также исчезает и в сердце мужчины.

Возможно, это страсть остается — страсть более постоянна, чем любовь, страсть не является частью вашего существа. Она — часть вашей химии, часть ваших гормонов; она биологична, в ней нет ничего духовного. Но великое недоразумение остается: вы продолжаете называть свою страсть любовью — не для того, чтобы обмануть других, хоть они и обмануты, но чтобы обмануть самих себя, хоть и бессознательно.

Вы не можете жить без жены, это становится привычкой. Любовь не привычка, и она не знает границ. Если женщина может любить вас, почему она не может любить кого-то еще? Она может найти кого-то более любящего, чем вы, но общество ожидает, что вы будете продолжать цепляться друг за друга — любите вы или нет. Поэтому и есть подозрение, есть непрерывная тревога, и раньше или позже — скажете вы об этом или нет — это раскроется. Вам не скрыть ни своей любви, ни отсутствия любви в себе.

Вам не скрыть пламени, вам не скрыть и его отсутствия.

Когда было пламя, молодое и танцующее, вокруг было светло. Когда пламя гаснет, то же пространство заполняется темнотой.

Я расхожусь с Халилем Джебраном в этом вопросе. Мне хочется, чтобы вы любили — и любовь может быть делом всей вашей жизни, — но не будьте связанными, заключенными.

В подлинном человеческом обществе институт брака был бы преступлением.

Двоим влюбленным хорошо вместе — зачем нужен брак? Однажды они обнаружат, что неведомый посетитель, гость из запредельного, ушел. Они опять становятся далекими друг другу. Истина требует, чтобы они с грустью и печалью открыли свои сердца друг перед другом: они больше не пульсируют в гармонии, их время уходит. Расстаньтесь друзьями, и не нужно никакого развода.

Развод — это побочный продукт брака, а поскольку брак не нужен, то не нужен и развод. Оба отвратительны, насильственны.

Это основное право человека: когда любовь стучится к нему в двери, он должен открывать, и не имеет значения, кто возлюбленный — ваш прежний партнер или новый гость. Любовь должна быть суверенной в человеческой жизни, а не подделываться браками.

Вы создаете ненужную вещь, заставляете людей страдать, а потом, в конце концов, после целых лет страдания они хотят расстаться. Вы обращали внимание, что если вы хотите вступить в брак, то можно просто пойти в службу бракосочетаний и расписаться, но если вы хотите расстаться... общество, закон, правительство — все стараются создать препятствия для вас?

Брак — это их изобретение, а развод — ответ мятежного духа в человеке. А человек, который не имеет мятежного духа, не имеет духа вообще. Трупы всегда верны — просто они не могут обратиться в службу регистрации развода.

Хорошо Халиль Джебран говорит, что если муж приводит свою жену на суд как неверную, то неправильно будет выслушать только одну сторону. Почему она не верна? Потому что любви больше нет, а у мужа есть полная свобода передвижения в обществе, он может иметь новые связи с женщинами или даже пойти к проституткам. Только женщина заключена в жилище, которое когда-то было домом. Когда любовь была гостьей, оно было домом; теперь это снова просто мертвое жилище.

Естественно, когда любовь исчезает, остаются ссоры, постоянные придирки, постоянные проблемы. Вы выбирали жену или мужа жить мирной, радостной совместной жизнью — вы и живете вместе, но безо всякой радости, без всякого мира, без всякой любви.

Проституция — это побочный продукт брака.

Все религии проповедуют брак и все осуждают проституцию, но никто не видит связи. Почему существуют проститутки? Любовь нельзя купить, только страсть может быть куплена, но что-то — лучше, чем ничего.

Брак — это неестественное явление. Он искусственен, произволен, и когда любовь исчезает, вы никак не сможете вернуть ее назад. Вы можете притворяться, станете лицемером, но ваше притворство не обманет женщину, ибо ей известна ваша любовь — имитация не может стать заменой. Единственный выход — это по-дружески расстаться, ведь вы дали друг другу так много.

Но вместо того, чтобы расставаться по-дружески, люди расстаются врагами, сражаясь в суде, доказывая, что они не любят друг друга абсолютно. Любовь — это нечто незримое, суд же требует чего-то объективного, доказательного, и женщина должна доказывать, что мужчина ходит к другим женщинам или что он импотент.

Женщина обижает мужчину, того же мужчину, которого любила. Мы вынуждаем ее причинять боль мужчине. И мужчина обижает женщину, утверждая, что она не верна, была с

другими, или что она бесплодна. Но все это лишь предлоги.

И взгляните на нелепость: тогда, когда они приходят расписываться, они не должны предъявлять никаких причин, по которым они хотят пожениться. А было бы гораздо лучше, если бы бракосочетание усложнилось. Года два нужно давать им пожить вместе и посмотреть после двух лет: хотят ли они продолжать совместную жизнь? Я уверен, что двух лет будет достаточно! — не будет нужды ни в каком браке и ни в каком разводе.

Одну вещь люди продолжают упускать — возможно, они не хотят видеть, что жизнь не знает ничего, кроме перемен. Жизнь есть перемена. Только смерть постоянна.

Я повстречал одного старого друга в лондонском аэропорту. Я спросил его: «Ну как ты?»

Он сказал: «Все в порядке...» Это была его прежняя привычка, отвечать во всех случаях: «Все в порядке».

— Как твоя жена?

— Все в порядке.

— Как твои дети?

— Все в порядке.

Я спросил: «Как твой старый отец?»

— Он в порядке вот уже пять лет, — сказал он. Я не мог понять сперва, что он подразумевает, говоря: «Он в порядке вот уже пять лет...» Я спросил: «Может, пояснишь немного?»

Он сказал: «Он умер. Теперь у него нет проблем, так же как и у нас нет никаких проблем с ним. Он в порядке в своей могиле». Только мертвые люди в полном порядке. У живых людей все не так!

Хорошо, что Халиль Джебран ставит этот вопрос: если один из партнеров ведет другого в суд, чтобы осудить или наказать, его тоже следует брать в расчет. Ведь любовь была рекой между двух берегов — если любовь исчезла, она не может исчезнуть только у одного берега. Ни одна река не может ухитриться течь лишь с одним берегом. Любовь была движением энергии между двумя личностями, и если одного больше нет, другой может желать, но его желание — это только страсть. Это не любовь.

Страсть может быть постоянной — вот почему у животных не бывает брака и развода. Когда приходит пора произвести потомство, они выбирают партнера; каждый сезон — новый партнер. Только человек одержим постоянством, но никто не может любить неизменно и всегда.

Муллу Насреддина назначили советником короля. А советник должен был оставаться с королем, ведь в любой миг может возникнуть какая-нибудь проблема и может понадобиться его совет. Поэтому он был с королем почти двадцать четыре часа — он спал в королевском дворце и сопровождал его целый день.

В первый день они ели, сидя за обеденным столом. Повар приготовил превосходные фаршированные биндхи; королю они понравились, и он спросил Насреддина: «Мулла, как твое мнение?»

Тот сказал: «Господин, биндхи — лучшие овощи для здоровья, для долголетия, для повышения разума... защита от всевозможных болезней. В старинных писаниях они описывались как лучшая профилактическая медицина, а ваш повар великолепен».

Повар слышал это, и начал делать биндхи каждый день. На второй день король стерпел, на третий день это было уже многовато, а на четвертый день он стал раздраженным. На пятый день он швырнул на пол тарелку и позвал повара: «Ты что, спятил? Каждый день биндхи, биндхи и биндхи! — человек я или буйвол?»

Повар сказал: «Я человек невежественный. Я слышал, ваш великий советник говорил, что

биндхи — это нектар, они предупреждают болезни, способствуют здоровью, дают долгую жизнь, разум... я и подумал: если у биндхи столько достоинств, их нужно подавать моему господину как можно чаще».

Король сказал: «Мулла, что ты скажешь?»

Мулла произнес: «Биндхи? — это отравы! Никогда не притрагивайтесь к ним».

Король сказал: «Ты, похоже, очень странная личность. Всего пять дней назад ты расхваливал их».

Тот ответил: «Послушайте, мой господин: я ваш слуга, а не слуга биндхи. Все, что вам понравится, я буду хвалить — даже если это отравы, я назову ее нектаром. А если вам не понравится что-нибудь, то даже если это будет нектар, я назову его отравой. Я — ваш слуга».

Вам хочется попробовать разной пищи, хочется носить разную одежду... Вы хотите посетить новые места, хотите завести новых друзей... Что же плохого, если вы находите нового возлюбленного? Кто говорит, что это неверность? Сама идея неверности фашистская, ибо это требование: «Продолжай есть биндхи, биндхи, биндхи... Биндхи не могут разговаривать... иначе бы они завопили с пола: «Ты нарушаешь верность нам! Уже пять дней мы состояли в браке, а ты швыряешь нас на пол — и это твоя благодарность?»

Я уверен, что следует быть верным только любви — не возлюбленному. Оба должны быть верны любви столько, сколько она продолжается. Если она сохраняется всю вашу жизнь, хорошо. Если она не сохраняется всю вашу жизнь, еще лучше! В этом нет преступления.

Но собственничество, жадность... Почему человек придумал брак? — брак не всегда был на земле. Мужчина стал жениться на женщине, чтобы быть уверенным, что в любое время, когда он захочет женщину, она будет к его услугам. Теперь он требует любви, верности... Мужчина дошел до абсурдного предела: верной жене надлежит умереть, когда умирает муж. Живая, она должна прыгнуть в погребальный костер мертвого супруга.

В этой стране миллионам живых существ приходилось уничтожать самих себя, просто доказывая обществу, что они верны своим мужьям. Но никого никогда не заинтересовало, что за десять тысяч лет ни один мужчина не прыгнул в погребальный костер своей жены — что, все мужья неверны?

Это мужской мир, и он создал законы, мораль и этику, предопределив порабощение женщины. Даже мертвый, он тревожится, чтобы его жена не осталась живой, — время лечит раны, и вдруг она опять в кого-то влюбится! Он не будет в состоянии поделаться ничем, ведь он мертвый; будет просто метаться и ворочаться в своей могиле. Нет, лучше и жену забрать с собой в могилу.

И общество принуждало жену, если она была не согласна, — а кто же согласится? Она может грустить и печалиться о смерти супруга, но это же не значит, что она должна совершить самоубийство; но если она отказывалась, все общество осуждало и бойкотировало ее, как неверную жену. Она теряла все уважение и престиж, — которые были бы у нее, если бы она прыгнула в огонь!

Но к чему уважение и почет, когда вы мертвы? Я согласен с Халилем Джебраном, что если один партнер — партнер этот почти всегда мужчина — ведет жену в суд и заявляет, что она неверна, то его сердце тоже должно быть исследовано. Возможно, он сам начал все дело: сначала он изменил, а жена лишь последовала ему. Однако я не могу согласиться с его поверхностным анализом. Сама идея неверности отвратительна, бесчеловечна, антижизненна.

Ясно, что одну личность нельзя слушать, если она хочет вступить с кем-то в брак, необходимо согласие обоих. Но все это общество стоит вверх дном: вступить в брак легко, доказательства не нужны, развод же затруднен настолько, насколько это возможно, как можно более ужасен.

Чтобы только развестись, пара вынуждена лгать: либо женщине приходится сказать, что мужчина импотент, либо мужчине приходится доказывать, что женщина влюбилась в кого-то другого. Это, может, и не так, возможно, просто любовь исчезла, но суд не верит в то, что невидимо. Вам придется предъявить основание, логические и юридические доказательства, иначе суд заставит вас жить вместе.

Все культуры и все цивилизации вынуждают людей жить совместно. Вот отчего вы редко видите улыбающееся лицо, редко видите счастливых людей — особенно если они со своими женами и со своими мужьями. Почти невозможно для них даже улыбнуться — если жена кому-то улыбается, этого довольно, чтобы муж вышел из себя. Если муж посмотрит на какую-то женщину... Когда прекрасная женщина проходит рядом, не посмотреть на нее бесчеловечно — и все же он не может смотреть, ведь жена не спускает с него глаз. Просто взгляда на другую женщину достаточно, чтобы нарушить всю их жизнь. Какое же больное общество мы сотворили!

Правительства же существуют для защиты этого общества, ведь чем более люди несчастны, тем более они послушны.

Один из моих друзей устраивался на работу и пошел на собеседование. Первый вопрос не касался работы вовсе: «Вы женаты?»

Он жил со мной несколько лет, и поэтому сказал: «Что за ерунду вы спрашиваете? — какое отношение имеет моя женитьба к работе? Вот мои сертификаты, моя квалификация, а вы спрашиваете, женат ли я!»

А человек, беседующий с ним, сказал: «Не горячитесь. Мы не принимаем неженатых людей из-за того, что они непослушны. Женатый человек знает, как повиноваться, он невольник, а нам нужны именно невольники, мы не хотим свободных, не хотим восстаний. Нам надо продвигать наши дела, нашу индустрию, всю нашу империю зарабатывания денег — здесь нам нужны люди, которые всегда послушны. Мужья оказались лучшими людьми, так как они выдрессированы, приручены, они не дикие. Их жены оказали великую услугу всем материальным интересам».

Если брак исчезнет из мира, развод тоже исчезнет из мира; люди вольны будут жить друг с другом столько, сколько пожелают... Раздоры не нужны: момент, когда ссора начинается, — это то самое время. Ссора подает окончательный знак, что отныне ваши дороги расходятся.

И если кто из вас захочет покарать во имя справедливости и вонзить топор в худое дерево, пусть он посмотрит на его корни;

Истинно, он найдет корни хорошие и плохие, плодоносные и бесплодные, сплетенные воедино в молчаливом сердце земли.

Я уже говорил вам, что Халиль Джебран не смог освободиться от своего христианского воспитания. Он был человеком великого разума, но не смог понять, что даже Иисус не был в состоянии видеть то, о чем говорил. А он поклонялся Иисусу.

Он говорит, что хороший человек и плохой человек не разделены: скрытые где-то в глубине земли, их корни переплетаются. Так что не осуждайте бесплодное дерево — может, бесплодное дерево не получает достаточно питания, не получает достаточно воды. Плоды не приходят с небес, им нужно питание.

Возможно, бесплодное дерево находится в тени большого дерева и не может получить пространства для дыхания, не может получить животворных солнечных лучей. Не надо судить слишком скоро.

Однако он никогда не критиковал Иисуса Христа, а это, я полагаю, не совсем искренне — ведь Халиль Джебран не мог не вспомнить Иисуса Христа, записывая эти предложения. Если я, кому нет никакого дела до Иисуса Христа, не могу забыть... его же все воспитание было христианским. Все это воспитание ослепляет вас. Вы не можете видеть, что что-то не так с вашим воспитанием, — вы можете видеть только ошибки других.

Иисус упал в моих глазах из-за, казалось бы, незначительных мелочей. Он путешествовал со своими апостолами, и в трех деревнях, пройденных ими, люди не позволили им войти; они не предлагали им пищу и воду, и те вынуждены были искать новое место. По пути, когда солнце садилось, они подошли к фиговому дереву, на котором не было плодов, — для фиг был не сезон. И Иисус проклял фиговое дерево: «Мы голодны, а ты не приветствовало единорожденного сына Божьего. У тебя должны быть подготовлены сочные плоды — я проклинаю и осуждаю тебя навсегда, ты никогда больше не будешь прекрасным деревом».

Какой разум у этого человека? Что могло поделаться несчастное дерево? — ведь был не сезон для плодов.

Халиль Джебран совершенно игнорировал тот факт, что Иисус был во многом фанатичен и немного безумен. Ему требовалась огромная тренировка где-то на Востоке, чтобы стать более медитативным. Ему не удалось понять простой факт, что несчастному дереву ничего не поделаться с этим, ему требуется время, подходящий сезон, питание — и только потом могут быть плоды.

Когда вы осуждаете кого-то, то будьте терпеливы и подумайте: возможно, на его месте вы были бы точно таким же, как и он.

Человек с чувством справедливости всегда ставит себя в то положение, с которым пытается разобраться.

Каждый юридический институт должен ввести это в фундаментальный курс для всех учащихся, которые станут судьями, адвокатами, поверенными, защитниками: прежде чем судить кого-то, поставьте себя в его положение.

И вы найдете почти невозможным осудить человека.

Вы можете осуждать человека, вы можете наказывать человека по той простой причине, что ваше воспитание было различно. Голодный человек крадет пищу — а вы поставьте себя на его место.

Однажды одна женщина пришла к суфийскому мистика Фариду со своим юным чадом и попросила мистика: «Баба, кроме вас некому повлиять на моего ребенка. Он ест слишком много сладкого, толстеет. Белый сахар — это почти яд, но он не слушает меня».

Фарид сказал: «Приведи его через две недели».

Женщина спросила: «Не скажешь ли что-нибудь ему прямо сейчас?»

Фарид сказал: «Нет, мне потребуется две недели, чтобы разобраться в этой ситуации».

Женщина была озадачена. Она слыхала, как Фарид говорит о великих проблемах жизни... и ему нужны две недели подготовки, чтобы приказать малому ребенку не есть слишком много сладкого?

Но поскольку он не был готов, она вернулась через две недели, и Фарид сказал ребенку: «Дитя мое, вот уже две недели я ставлю себя в твое положение, ведь я сам люблю есть сладости. С каким же лицом я мог советовать что-нибудь тебе? Вот уже две недели, как я перестал есть сладости. Я потерял вес, чувствую себя здоровее, моложе и лучше, чем когда-либо. Ты молод, тебе предстоит долгая жизнь — пожалуйста, перестань есть слишком много сладостей. Я не говорю — прекратить полностью — время от времени можешь есть их».

Мальчик коснулся стоп Фариды, и его мать удивилась: он никогда не был таким. Он никогда не касался чьих-либо стоп.

Она сказала: «Я озадачена — ты меня озадачил. Тебе понадобилось две недели, чтобы сказать ему то, что ты мог бы сказать в тот же день. Ведь ни я, ни он не знали, что ты любишь сладости...»

Фарид произнес: «Дело не в том, знаешь ли ты, или знает ли он. Мои слова оказались бы ложью, а ложь не может преобразить никого. Сначала я должен был поставить себя в его

положение. Эти две недели оказались тяжелыми, но я приобрел великое понимание благодаря твоему ребенку. Я благодарен ему».

А она спросила своего ребенка: «Почему ты коснулся стоп Фариды? Ты никогда не касался чужих стоп... к тому же мы индуисты, а он мусульманин».

Мальчик сказал: «Я не могу тебе ничего доказать, но человеку, который оставался две недели без сладостей, просто чтобы ответить мне, нужно оказать почтение. Он не похож на других твоих попугаев. Ты брала меня то к одному монаху, то к другому, и они всегда были готовы — совсем как попугаи, твердили одно и то же. Этот человек — другой, он уважает меня, несмотря на то, что я ребенок; он страдал из-за меня. Я последую его совету».

Халиль Джебран кое-что говорит правильно, но он никогда не критикует Иисуса — хоть и писал книги об Иисусе — по одной причине: проклинать фиговое дерево было безумием, а не просто ошибкой. Только безумная личность способна на такое.

Не судите никого, это во-первых. Но если вы *должны* судить, если не в силах сопротивляться искушению судить... Помните, я называю это искушением, потому что, когда вы судите кого-нибудь, вы помещаете себя выше. Вы становитесь судьей, как если бы он оказался на суде перед вами, вы забываете свою собственную человечность.

Он к тому же не упоминает, что вы должны заглядывать и в свою собственную душу. Возможно, ваш убийца и спит, но его можно спровоцировать в любой миг. Ибо никто, кто убивал, всего за мгновение не был способен увидеть, что будет убивать.

В детстве я знал одного человека, у которого был гимнастический зал рядом с моим домом. Он был хорошим борцом и очень любящим человеком. Я не интересовался физической борьбой, у меня был собственный вид борьбы! Физически вы можете бороться только с одной личностью, я же борюсь со всем прошлым, я борюсь со всеми, так называемыми современниками и я борюсь с теми, кто еще не родился.

Время от времени я, бывало, ходил туда — просто посидеть и понаблюдать. Его ученики боролись, тренировались, и он иногда подходил ко мне и говорил: «Странно, почему ты приходишь, если не желаешь принимать участие?»

Я сказал: «Я не хочу участвовать, но я пользуюсь каждой возможностью для наблюдения, ведь в конечном счете это и есть мое стремление: просто быть наблюдателем — не имеет значения, что наблюдать».

Он сказал: «Ты странный», — но стал относиться ко мне очень заботливо. Я никогда и не думал, что однажды этот человек может стать убийцей. А он убил на моих глазах — это было не поздней ночью, было всего около десяти часов. Я что-то читал, как вдруг увидел на улице, как он подошел и спрятался за деревом. Я был озадачен: что он делает? А потом какой-то человек проходил мимо, и он застрелил его, не зная, что есть свидетель.

Для меня проблемой было то, что всего мгновением раньше я не мог и помыслить, представить, вообразить такого замечательного человека в качестве убийцы. Его схватили. Мне удалось увидеться с ним, потому что его собирались казнить. Я спросил его только об одном: «Этот убийца, наверное, находился внутри вас всегда, спящий — вы осознавали это?»

Он сказал: «Я никогда не осознавал этого. Я осознал, только когда было слишком поздно. Разгневавшись, я убил того человека», — из-за того, что тот открыл еще один гимнастический зал и готовил людей сражаться против его борцов. А тот человек был очень богат, обеспечен едой, молоком и другим питанием для своих борцов, чего этот несчастный добыть не мог, — и он испугался, что, когда будут ежегодные соревнования, его борцы не смогут победить. Он был настолько взбешен, что просто застрелил соперника.

Он сказал: «Но где же был ты?»

Я сказал: «В той же позиции — наблюдающим. В этом и состоит весь мой подход к жизни.

Я могу научиться многому, просто наблюдая других, себя самого, их поступки, свои поступки. Я не могу увидеть их умы, но я могу видеть свой ум и я могу наблюдать его».

Прежде чем любое желание, любое искушение судить кого-то войдет в ваш ум, загляните в себя, и вы обнаружите ту же самую личность спящей внутри себя. Поэтому настоящая задача — не осудить его вашим суждением, а трансформировать себя, ибо все вы в одной лодке.

Какой приговор выносите вы тому, кто честен по плоти, но вор по духу?

Он спрашивает каждого, ведь каждый судья. Это становится некоей бессознательной привычкой в вас. Вы продолжаете судить.

Во вчерашнем уведомлении от полицейского инспектора Пуны — очевидно, по указанию полицейского комиссара — была такая нелепость, что мне не верилось, как может человек, если у него есть хоть капля разума, требовать от нас что-либо подобное.

Он требует... во-первых, кто он, чтобы требовать? Мы не заключенные, мы свободные граждане страны. Он может просить, но не может требовать. Но он требует от нас, чтобы мы поместили перед своими воротами доску с объявлением, гласящим, что ни одному последователю Бхагвана Шри Раджниша не разрешена нелегальная деятельность ни внутри ашрама, ни снаружи ашрама.

До меня дошло, во-первых, что это только нам не позволено; всем другим разрешено заниматься нелегальной деятельностью у себя дома, и вне своих домов. Поэтому я сказал моим людям: «Ответьте ему и пригласите для дискуссии на следующей неделе. И скажите, что вместо того, чтобы требовать установить такую нелепую доску, будет лучше... ему самому расставить доски по всей Пуне, объявляющие, что всем, кроме последователей Бхагвана Шри Раджниша, разрешено заниматься нелегальной деятельностью и что это не просьба, это требование».

Я много видел идиотов, и привык считать, что уже видел все их разновидности, но в Пуне я обнаружил новую категорию идиотов. Сама формулировка этого предложения противозаконна, и я сказал моим людям, что мы можем привлечь его к суду. Что это значит? Смысл ясен: только нашим людям запрещена нелегальная деятельность — ну а другим что же, другим позволена?

А ведь нас меньшинство. Но, по-видимому, он не сознавал того, чего требовал, — он станет посмешищем в суде. И еще в суде мы потребуем, чтобы всем этим полицейским платили жалованье — из общественных денег — для обучения людей нелегальной деятельности. Они должны открыть колледж в Пуне для всех, кто желает научиться незаконной деятельности... разумеется, моим последователям запрещено.

Меня иногда просто удивляют эти глупцы.

Он требует, чтобы только одной тысяче иностранцев разрешалось слушать мои лекции. Есть ли в Индийской конституции указание для определения числа? Есть ли какой-то закон, определяющий количество, сколько людей может слушать меня, или такого закона нет? И на каком основании выбрано количество — одна тысяча? Почему не тысяча и один, что было бы более по-индийски, ведь это индийская традиция — когда кто-то дарит вам подарок, он не подарит десять рупий, он будет дарить одиннадцать. Он не подарит вам сто рупий, он будет дарить сто одну. Тысяча и один будет более по-индийски, хоть и без всякого основания, без всякого довода.

Почему одна тысяча, почему не десять тысяч? И кто вы, чтобы определять количество? Вы определили то же самое для Раджива Ганди — сколько людей должны слушать его? Вы определили для любых религиозных институтов — мечети, храма, церкви? Или вам придется создавать совершенно новую конституцию для меня и моих последователей?

Почему такое особое внимание уделяется нам? Мы никак не озабочены вами, почему вы беспокоитесь?

Я намерен привлечь этих людей к суду. Это слепые люди.

Он требует, чтобы мы каждый день сообщали, сколько в ашраме людей. Вы задавали тот же вопрос другим ашрамам по всей стране? Вы разузнавали у всех других? Так вам понадобится особый закон в вашем парламенте.

Весь мир будет смеяться, что третьеклассный полицейский инспектор решает и требует. А ваш полицейский комиссар полный трус, он проявил себя с самого начала. Видя, что у него нет оснований... я колотил его беспрерывно. Теперь это письмо пришло от полицейского инспектора. И они до того глупы, что прислали письмо на имя человека, который не занимает никакого положения в ашраме. Он не отвечает за ашрам, он не распорядитель в ашраме.

Теперь эти трусы перепуганы, но я разоблачу этого полицейского инспектора и заставлю его признать, что письмо было продиктовано полицейским комиссаром. Если он хочет спасти свою шкуру, он должен честно сказать, что письмо продиктовал полицейский комиссар — вот отчего эти упущения вкрались в него. Оно не адресовано управляющему ашрамом, оно не адресовано никому из распорядителей.

Оно адресовано саньясину, который не имеет никакого отношения к этому. Он мог бы попросту отказаться, но я хочу ясного противостояния. Он спросил меня: «Мне отказаться? Ведь я не имею отношения к этому, это не мое дело». Я сказал: «Не беспокойся, принимай его. И скажи им: "Наши юристы будут готовы на следующей неделе. Сначала вы должны обосновать каждое требование либо конституцией, либо через ваши правовые суды. А если нам не удастся прийти к заключению, тогда вы и мои юристы должны присутствовать в суде, чтобы судья смог увидеть, какая бессмыслица нам подсовывается"».

А вам я хочу сказать: будьте очень бдительными.

Ведь эти люди ищут что-нибудь для оправдания своего приказа, чтобы я оставил Пуну в течение тридцати минут, — у них до сих пор нет никакого оправдания. Так что помните это на улицах, не давайте им никакого шанса. Они умирают, так хотят найти какую-нибудь возможность получить хоть какое-то основание.

Как раз на днях два типа в полицейской форме подошли к воротам ашрама и хотели осмотреть весь ашрам. А когда у них попросили удостоверения личности — потому что как же еще решить, настоящие это полицейские или просто актеры из индийского кино, где любой может быть полицейским инспектором, полицейским комиссаром? — они сказали, что забыли свои удостоверения в тележке рикши, и они принесут их, рикша стоит снаружи. Они убежали прочь и уже больше не возвращались.

Теперь такие люди могут войти сюда с любым наркотиком, могут подбросить наркотик где угодно в ашраме, чтобы доказать, что торговля наркотиками продолжается.

Поэтому каждый саньясин должен осознать — я тотально на тропе войны, и любой проступок с вашей стороны повредит мне. Так что не предпринимайте ничего против слепых, глухих и глупых идей. Будьте бдительны, чтобы не попасть к ним в сети.

Они переключились с меня на моих последователей. Первое уведомление было против меня. Увидев, что невозможно ничем поддержать свое распоряжение против меня, они теперь переключились. Второе распоряжение... эти требования — смешные, наивные — все к ученикам. Теперь они пробуют навредить мне через вас.

Поэтому вам придется быть очень бдительными и внимательными.

Но это хорошая тренировка, потому что вы будете встречаться с той же проблемой повсюду в мире. Сейчас они спровоцировали нас, и им придется раскаиваться.

Даже если кто-нибудь будет задираться с вами на улице, ступайте и сообщите в ближайший полицейский пост, что вы последователь Бхагвана Шри Раджниша и несколько хулиганов, нетерпимых фанатиков, напало на вас. Не деритесь с ними. Я хочу, чтобы вы полностью осознавали, потому что я видел своими собственными глазами индусско-мусульманские

беспорядки. Индусская полиция стоит, просто наблюдая сцену, зрелище, когда индуисты убивают мусульман, — они не препятствуют этому. Если же мусульмане начинают убивать индусов, они вмешиваются — мусульман хватают и заявляют, что это те люди, которые затеяли беспорядки и насилие в городе. И то же самое в городах, где мусульманская полиция будет просто наблюдать, как индуистов сжигают заживо, а их храмы разрушают, но если любой индуист среагирует на это, его немедленно схватят — «он создает беспорядки».

Мне хорошо известна стратегия этой тупой системы. Не поймайтесь в их сети. Я видел политиков... которые просто бросали перед индуистским храмом мертвую корову. Естественно, индусы посчитают, что это наверняка дело мусульман, — и вот вам беспорядок. А потом те же политики произносят речи за мир и братство.

Мы живем в действительно безумном мире.

Я знаю политиков — они создают беспорядки, а когда сотни людей будут сожжены и убиты, мечети и храмы будут разрушены, они созовут общий съезд всех религий и будут говорить о мире, гуманности, прогрессе. И это те люди, которые препятствуют всякому прогрессу.

Однажды я говорил вам, что если бы всех неугодных людей удалили из человечества, то остались бы только буйволы и ослы. Я хочу дополнить, что политики и полицейские тоже останутся — политики создадут беспорядки между буйволами и осликами — очень миролюбивыми и ненасильственными существами. Никто никогда не слышал, чтобы осел нападал на буйвола или буйвол нападал на осла. За миллионы лет они никогда не создали никаких беспорядков. Но создавать беспорядки политикам будет необходимо, и тогда понадобится полиция — вводить комендантский час и сажать ослов и буйволов в тюрьмы.

Их сила, их политическая власть — в вашей неосведомленности.

А здесь не просто полицейские чиновники — за ними вся политика индуистских шовинистов.

Я намерен противостоять всюду, просто потому что я ни христианин, ни индуист, ни мусульманин, ни джайн, ни буддист, ни сикх... Все эти религиозные люди, которые сражались между собой, объединятся вместе. Они обнаружат общего врага. А все политики всегда с толпой, ведь они эксплуатируют толпу, свои голоса.

Мы — меньшинство, но любое меньшинство имеет право на существование в мире. Вначале я был сам — меньшинство из одного. Потом начали приходить люди — любящие, ищущие истину. Как они получали весть? Как они начинали идти ко мне? Караван становился больше, больше и больше, и вот он уже вокруг всей земли.

Чтобы защитить вас, я отменил ваши малы. Вы будете огорчены этим, но это необходимо, чтобы вас не узнавали как моих людей. В противном случае, повсюду вас станут преследовать. Не только в Индии — саньясинов избивали в Австралии, саньясинов избивали в Англии, в Германии саньясинов выгоняли с работы. Это глобальный феномен.

В Америке они уничтожили нашу коммуну, а сейчас признают — сам генеральный прокурор Соединенных Штатов признает, что они не имели ничего против меня. Тогда почему меня оштрафовали на четыреста тысяч долларов? Почему мне запретили въезд в Америку в течение пяти лет? И прокурор признал на пресс-конференции: «Нашей задачей было уничтожение коммуны». Но зачем?

Если кто-то действует неправильно, только этот человек должен отвечать перед судом. Но пять тысяч невинных людей — за что вы должны уничтожить их? Вы считаете, что если Махатму Ганди убил индус, то всех индусов следует уничтожить? И если в Пуне так много преступников, которых следует отправить в тюрьму, то не считаете ли вы задачей правительства уничтожение целого города?

Я собираюсь представить дело в верховный суд Америки, ведь тот же человек —

генеральный прокурор Америки, мистер Мис — стоит за делом Ирангейт. Рональд Рейган, мистер Мис и шеф Си-Ай-Эй — эти трое в той же ситуации, в какой был Ричард Никсон несколькими годами раньше. Конечно, их преступление гораздо серьезнее.

Скоро, я предсказываю, они пойдут на дно. Я просто хочу им напомнить: по пути на дно вспоминайте Раджнишпурам и преступление, которое вы совершили против пяти тысяч невинных людей.

Весь Белый Дом нужно окрасить черным, потому что это отвратительнейшее место на земле, самое нечестивое. Всевозможные преступления исходят от Белого Дома. Может, поэтому с самого начала они и стали звать его Белым Домом, — чтобы скрыть все темное и злое за названием «Белый Дом». Но помните, есть и белая ложь — гораздо хуже...

Итак, вам следует быть осторожными — не только здесь, но и по возвращении домой, — где бы вы ни были, прошу вас не пользоваться малами, не пользоваться оранжевой одеждой, если это создает какие-нибудь неприятности. С тяжелым сердцем я говорю это, но я люблю вас и не хочу, чтобы вы попали в беду. Я готов на любую неприятность для себя — но не для вас.

И так вы сможете привести ко мне намного больше людей, ищущих, но опасавшихся стать саньясинами.

У вас дома могут быть мои фотографии, но сейчас движение саньясы должно полностью уйти в подполье. Я буду в вашем сердце, не нужно беспокоиться, относительно малы или одежды. Вся моя религия состоит только из одного: не забывайте медитацию.

Все другое несущественно.

Халиль Джебран спрашивает:

Какому наказанию вы подвергаете того, кто умерщвляет по плоти, но сам умерщвлен по духу?

Вся ваша законодательная система поверхностна.

Если кто-то умерщвлен по духу, ваш закон не сможет даже выявить это. Почти каждый был убит в своем духе, но только когда кто-то убьет ваше тело, закон сможет увидеть это. Закон все еще на самом низком уровне.

Ваши судьи не способны заглянуть вам в глаза и увидеть, что было сделано с вашим существом.

Как можете вы обвинять того, кто поступает как обманщик и притеснитель, но сам обижен и поруган?

Любой обманщик и притеснитель, наверняка был создан определенными обстоятельствами. Какое же средство есть у вашего закона против таких обстоятельств, которые создают убийц, воров, эксплуататоров, преступников всех мастей?

У нас в действительности нет подлинной системы закона, ведь судья, член магистрата, может быть судьей, только если знает медитацию, если знает любовь, если он способен заглянуть в глубочайшую сердцевину вашего существа, если он может поставить себя на ваше место и постичь все обстоятельства.

Но законодательную коллегию не интересует все это. Вот почему преступность продолжает увеличиваться, невинность идет на убыль, — и мы все ответственны за это.

Мне хочется, чтобы мои саньясины сначала прошли через внутреннюю трансформацию, а потом восстали против всей несправедливости, где бы то ни было в обществе. Мы должны создать новый мир... ибо нет большего созидания.

Как вы наказаете тех, чье раскаяние уже превосходит их злодеяния?

Во-первых, сама идея наказания ошибочна, ибо тысячелетний опыт доказывает, что наказание не изменило никого. Посылать кого-то в тюрьму — значит посылать его в университет для преступников. Может, это первое преступление, он еще неопытный — иначе

вам не удалось бы схватить его. В тюрьме же сидят матерые преступники.

Я слышал, молодого человека осудили на три года за то, что он украл лекарство для своей умирающей матери. Я не вижу в этом преступления, я понимаю, что такое может произойти только в преступном обществе: его мать умирает, но никого это не трогает. У него нет даже денег на лекарство или чтобы вызвать доктора — чего же вы хотите от него?

Его приговорили к трем годам тюрьмы, и когда он вошел в тюремную камеру, один тип отдыхал на его койке, а двое других преступников массажировали его. Этот человек спросил: «Сколько лет ты будешь здесь?»

Он сказал: «Три года».

Тот сказал: «Очень хорошо, твоя кровать будет возле двери, поскольку мы остаемся здесь — кто на двадцать, кто на тридцать лет, — ты же еще дитя. Оставайся там — все равно за три года ты выйдешь, так что оставайся около двери. Не входи дальше».

Вы слышали когда-нибудь, чтобы какой-то преступник, которого наказали, вышел в общество изменившимся? Да, он в некотором роде меняется — он возвращается с большой уверенностью, что ошибка состоит не в совершении преступления, а в том, что его поймали, и поэтому нужно быть четче — профессиональнее. Пожив со старыми преступниками, теперь он выходит вроде как выпускник университета.

А снаружи общество не будет достойно относиться к нему, как к любому человеку, хорош он или плох. Общество будет смотреть на него как на злого, плохого, преступного — кто же даст ему работу? Кто приютит его? Скоро обстоятельства вынудят его совершить еще большее преступление, ведь теперь ему известно, как это делается.

В моей деревне был один замечательный человек, мусульманин, — мы были близкими друзьями с ним. Вся моя семья, вся деревня, мои учителя, — каждый был против какой-либо дружбы с тем человеком — его звали Бартак Али, — потому что он находился три месяца в тюрьме и один месяц на воле; шесть месяцев в тюрьме и два месяца на воле; три года в тюрьме...

В последний раз я видел его после пяти лет тюрьмы, а отправил его в тюрьму один из моих соседей, который был очень богатым человеком. Его поймали с поличным на воровстве.

Но Бартак Али был человеком, которого ничто не могло унижить. Денег у него не было. Как только его освободили из тюрьмы, он нанял тонгу — экипаж с лошадьёю. Извозчик спросил: «Куда ты хочешь отправиться? — ведь у тебя нет дома...»

Он сказал: «У меня есть дом, я только вышел оттуда. Три четверти времени я отдыхаю у себя дома, одну четверть я выхожу в мир, посмотреть, что происходит, — просто для разнообразия. Доставь меня к магазину мистера Моуди», — это было то место, где его поймали на воровстве, и Моуди был тем человеком, который сумел отправить его на пять лет в тюрьму.

Извозчик сказал: «Ты действительно уникальная личность...»

Он сказал: «Куда же еще мне отправиться? Он разрушил мой дом, он отправил меня в тюрьму. У меня нет денег, даже заплатить тебе — платить придется ему. Он должен будет заплатить тебе деньги, и к тому же ему придется найти приют для меня. Но если он не сделает этого, то я сделаю нечто такое, что мне придется остаться в моем доме навсегда».

Я встретил его, как раз когда он выходил из экипажа. Этот богач был на грани нервного приступа, когда увидел его. А он был очень сильным человеком, в своем роде очень внушительным — его невозможно было забыть, увидев однажды.

Он сказал: «Доброе утро», — и мистер Моуди затрясся. Он зашел в магазин, сел на стул и сказал: «Заплати извозчику, потому что у меня нет никаких денег. И найди мне место, где остановиться, и дай работу — или жалование без работы, я не возражаю».

Я присутствовал при этом. Я сказал: «Бартак, это слишком. Этот человек в таком

состоянии, что у него может быть сердечный приступ! Ты мог прийти ко мне домой, ты мог прийти к кому-то другому — у тебя столько друзей...»

Но он сказал: «Почему я должен ходить куда-то еще? Этот человек в ответе за давление на судью — и только на пять лет! Я хотел мирно поселиться навсегда в своем доме, но теперь это его долг».

И мистер Моуди, заикаясь, сказал: «Не беспокойся». Он расплатился с извозчиком, заказал еду из отеля и сказал: «У меня есть небольшой домик возле реки, куда я редко хожу, — можешь остановиться там».

Тот спросил: «А как насчет моих расходов?»

Моуди сказал: «Я позабочусь об этом, но не беспокой меня слишком... мое сердце прыгает как никогда прежде. Ступай. Вот ключ, еду буду приносить каждый день дважды, чай утром. Все».

Он сказал: «Запомни, если хоть когда-нибудь что-то будет упущено, твой сейф исчезнет. Сейчас-то мне известно намного больше о том, как заставить вещи исчезнуть. Последнее время я развернулся в новом направлении — хотя в основном я карманник, но в карманах находишь такую дрянь после стольких усилий, что я решил заняться кое-чем получше. И вот я пришел полностью подготовленным — пятилетний выпускник университета преступности».

Ваши тюрьмы — это университеты, они создают преступников. Это не наказание, это просто глупость. Никого не нужно наказывать, каждый человек, который делает что-то дурное, нуждается в сострадании всего общества; он — часть нас.

Это было в суде. Человек убил кого-то, и судья приговорил его к смерти. Тот сказал: «Это несправедливо, ведь я не убивал его — моя рука виновата».

Судья тоже был в хорошем настроении — он сказал: «Это правда. Твоя рука убила человека, поэтому мы отправим ее в тюрьму».

Тот сказал: «Отлично, каждый преступник должен быть наказан», — а затем сбросил свою рубашку, снял руку — это была искусственная рука — и подал ее судье со словами: «Ваша честь, теперь я могу идти?»

Кто бы ни делал ошибку, это именно часть, и не искусственная — естественная, экзистенциальная.

Далее, он говорит, что если человеческое раскаяние превосходит его злодеяния, то какое еще наказание можно назначить ему? Если он раскаивается, если понимает, что нечто плохое произошло по его вине, если у него на совести тяжело, ему стыдно за свой поступок, — какое большее наказание можете дать вы?

Снова христианское влияние, не оригинальная идея. Христианство говорит вам: идите в церковь, исповедайтесь, и Бог простит вас. Ваша исповедь — это ваше раскаяние.

Но это слишком просто. Вы снова вольны совершать преступления, а в следующее воскресенье придете тайно исповедоваться — священнику запрещено разглашать тайну исповеди — и будете прощены.

Нет, простого раскаяния недостаточно. К тому же раскаяние может убить человека чувством вины намного быстрее, чем любое наказание. Я против сожаления, против раскаяния.

Мой подход заключается в понимании. Преступник должен понять, что его бессознательное — это животное, а все, что он сделал, произошло потому, что он никогда не пытался подняться над бессознательным, над обычным сознанием — к сверхсознанию и высшим уровням бытия. Точно так же, как из бессознательного рождаются преступления, из сверхсознания пришло все ценное и прекрасное.

Каждый совершивший что-нибудь дурное должен искать мистическую школу, мастера, который может научить его, как стать более сознательным.

Есть вершины сознания — у высочайшей вершины преступление, грех или что-нибудь ошибочное становятся невозможными. Но через раскаяние ничего не получится. Хоть он и не пишет книгу по христианству, но поскольку он в основном воспитан как христианин, он продолжает — возможно бессознательно — повторять то, что слышал.

Иисус все время повторяет в Библии: «Покайтесь! Покайтесь, и вам простится». Простая формула; такая простая, что не может изменить людей.

Но вы не можете внушить безвинному раскаяние и не можете сердце виновного избавить от раскаяния.

Конечно, ваши судьи неспособны на это. Чем дольше они служат судьями, тем черствее становятся их сердца.

Вы, желающие понять, что есть правосудие, как вам постичь его, пока вы не посмотрите на все деяния при ясном свете?

Не судите часть действия. Нельзя судить о романе, вырвав из середины страницу и прочитав ее; так невозможно решить, является ли роман великим произведением искусства, творчества или просто ерундой. Как же вы можете судить кого-нибудь по малому поступку?

Но вы сами не способны увидеть себя целиком, как же вам удастся увидеть всю жизнь другого человека? Разберитесь сперва с собой, и чем больше вы поймете себя, тем более сострадательными вы будете.

В день, когда вы поймете свое существо целиком, вы узнаете, что нет грешников и нет святых — все это драма спящих людей.

Лишь тогда узнаете вы, что поднявшийся и павший — один и тот же человек, стоящий в сумерках — между ночью своей сущности карлика и днем своей божественной сущности.

И что краеугольный камень храма не выше самого нижнего камня в его основании.

Никто не ниже, никто не выше. Никто не грешник, никто не святой. Все мы одно, единое целое. Если кто-то совершает грех, мы совершили его. И если кто-то становится Гаутамой Буддой, мы также ощутили вкус запредельного.

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер.

23. КРОМЕ ЛЮБВИ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ЗАКОНА

19 января 1987.

Возлюбленный Мастер,

Потом спросил законник:

«А как же наши Законы, мастер?»

И он ответил:

«Вы охотно устанавливаете законы,

Но куда охотнее попираете их,

Как дети, которые играют на берегу океана, все время строят башни из песка, а потом смеясь разрушают их.

Но пока вы строите свои башни из песка, океан вновь приносит песок на берег. И когда вы разрушаете их, океан смеется вместе с вами.

Истинно, океан всегда смеется вместе с невинными.

Но как же те, для кого жизнь — не океан, и законы, созданные человеком, — не башни из песка,

Для кого жизнь — скала, а закон — резец, которым они обращают ее в свое подобие?

Что сказать о хромом, который ненавидит плясунов?

Что сказать о воле, который любит свое ярмо и мнит лесного лося и оленя бездомными бродягами?

Что сказать о старой змее, которая не в силах сбросить кожу и называет всех остальных голыми и бесстыжими?

И о том, кто рано приходит на свадебный пир и, пресытившись, уходит, заявляя, что все пиры отвратительны и все пирующие преступают закон?

Что сказать мне о них, кроме того, что они тоже стоят под лучами солнца, но спиной к нему?

Они видят лишь свои тени, и эти тени — законы для них.

Что для них солнце, как не создатель теней?

И что значит признавать законы, как не склоняться и чертить свои тени на земле?

Но вы, идущие лицом к солнцу, — какие образы, начертанные на земле, могут удержать вас?

Вы, странствующие с ветром, — какой флюгер укажет вам путь?

Какой человеческий закон свяжет вас, если вы сбросите свое ярмо, но не перед дверью тюрьмы человека?

Каких законов вы убоитесь, если будете плясать, не наталкиваясь на железные цепи человека?

И кто приведет вас на суд, если вы скинете с себя одежды, но не оставите их на пути человека?

Народ Орфалеса, ты можешь заглушить барабан и ослабить струны лиры, но кто возбранит жаворонку петь?»

Потом спросил законник: «А как же наши Законы, мастер?»

И он ответил: «Вы охотно устанавливаете законы, но куда охотнее попираете их,

Как дети, которые играют на берегу океана, все время строят башни из песка, а потом,

смеясь, разрушают их».

Это важное изречение, поймите его смысл. Во-первых, кто эти люди, которые *охотно устанавливают законы?*

Халиль Джебран совершенно забыл об одном качестве людей, которые устанавливают законы, — они самые слабые в человечестве. Из-за того, что они слабы, они собираются в толпу, а все законы они составляют, просто чтобы помешать сильным людям и их шайке. Слабейшее большинство человечества устанавливает законы через своих представителей, чтобы скрыть свою слабость и стать сильными своим большинством.

Ваши законы не от любви, не от искренности, не от безмолвия. Ваши законы от страха. Но все, основанное на страхе, уродливо.

Хоть и есть законы для защиты слабого, сильный гораздо более ловок, более хитер. Законы составлены представителями слабых, чтобы защитить их, но на деле они обычно защищают хитрого и ловкого, богатого и власть имущего — защищают *от* бедного, *от* слабого.

Это очень сложный вопрос. Вы составляете законы, но вы же и будете жертвами своих собственных законов, ибо вы не сможете помешать сильным людям, захватить ваши законы и использовать их против вас.

Когда Адольф Гитлер был в Германии, его выбрали — демократически избрали — канцлером страны. Но как только он стал канцлером страны, он сам *стал* законом, и те же законы обернулись против людей, которые избрали его.

Не существует законности в мире, потому что основной камень фундамента отсутствует. Любви нет — как может существовать закон?

Наполеон Бонапарт, говорят, изрекал: «Закон — это я. Мое слово — закон». Сила всегда была правом во все прошлые времена, и мы еще не вышли из темных эпох. Сила все еще право.

Сила не должна быть правом; право гораздо выше силы. Сила — это животное свойство, право — человеческое.

Зачем же существуют эти войска? Почему людям запрещают носить оружие, а полиция, правительство и армия имеют смертоносное оружие, убийственное оружие — защищать вас? Помните: каждый власть имущий, именем защиты становится вашим повелителем, и его власть разрушает ваше достоинство, вашу человечность, вашу честь.

Миру необходимо разоружение; не только Советскому Союзу или Америке — всему миру нужно разоружение. Если люди разоружены, зачем вам все это оружие? С какой целью? Просто вы делаете себя все более и более могущественным, а людей все более и более слабыми! Они не могут бороться, они не могут даже подумать о борьбе — у них нет никаких средств. Вместо того чтобы делать людей более любящими, более понимающими, более человечными друг с другом, ваши так называемые правительства просто используют правило джунглей: кто силен, тот и прав.

В притчах Эзопа есть прекрасный рассказ — все притчи Эзопа прекрасны, но эта притча очень подходит к теме, которую мы будем обсуждать.

Маленький ягненок пьет воду из ручья, тут подходит лев и чувствует хорошую возможность позавтракать. Он говорит ягненку: «И у тебя хватает нахальства — я здесь пью воду, а ты мутишь ее, поднимая ил».

Но ягненок оказался до крайности умным. Он сказал: «Дядя, ручей течет вниз, а ты находишься вверх по ручью, — как могу я испортить воду для тебя? Здесь все так просто».

Увидев, что ягненок попался умный, лев сказал: «Твой отец оскорбил меня».

Ягненок спросил: «Когда?»

Лев сказал: «На днях».

Ягненок сказал: «Очевидно, это был кто-то другой, ведь мой отец умер еще полгода назад».

Как же вы могли повстречаться с ним на днях?»

Видя, что все его поползновения, хорошенько позавтракать ягненком, интеллектуально изобличив того в совершении преступления против себя, напрасны... а ягненок еще добавил: «В любом случае, даже если бы мой отец и оскорбил вас, я невиновен. Не сердитесь на меня».

Лев был обескуражен — что делать с этим разумным ягненком? Наконец он сказал: «Ты не умеешь говорить со старшими. Ты непочтителен со мной. Ты продолжаешь говорить, отвечая на все, что я скажу, и противореча мне. Я не потерплю этого».

Ягненок сказал: «Зачем было беспокоиться обо всем этом? Ты хочешь убить меня, так убивай».

Сила не нуждается в аргументации — хотя вначале слабейшая часть человечества считала, что существует один способ защитить себя — создать закон. Любой, кто идет против закона, подлежит наказанию, и все равны в глазах закона. Но они совершенно не понимали, что если сильные, хитрые, ловкие политики захотят власти, они справятся с этим.

Что такое ваша так называемая демократия, определяемая как правление народа, для народа, за народ? Иногда ложь можно тоже выразить прекрасными словами. Ни одно правительство в мире — не за народ, не для народа и не народное. Это жульничество, и вы можете выбрать более сильного, ловкого и хитрого. А после избрания вся власть оказывается у них в руках, и они пользуются всей этой властью для своей собственной выгоды, а не для выгоды народа.

Кто же такие законодатели? И почему, прежде всего, нужны законы, нужны правительства, армии и полиция; для чего? Чтобы держать вас в рабстве всегда, давая вам хорошие обещания и не принося ничего хорошего!

Пришла пора человеку перенести внимание с законов — они не были полезными, они были вредными и ядовитыми — на любовь.

Кроме любви не должно быть закона.

А если людские сердца полны любви, закон не нужен вообще.

Потом спросил законник: «А как же наши законы?»

И он ответил: «Вы охотно устанавливаете законы...» — охотно, потому что те законы делают вас могущественными, — «Но куда охотнее попираете их». Истина, которую нельзя отрицать, состоит в том, что наибольшие политики выходят из профессиональных законников. Зная закон, они знают все лазейки. У невинного нет возможности понять юридический жаргон.

Мулла Насреддин пришел к законнику и сказал: «Я хочу, чтобы вы мне помогли. Вот обвинения, которые оппозиционная партия выдвигает против меня. Что вы скажете?»

Законник сказал: «Не беспокойтесь. Уверю вас, что никто не смог бы спасти того, кто совершил преступления, о которых вы рассказали мне, — кроме великого юридического эксперта — и вы пришли именно к нему».

Тут Мулла собрался уходить. Юрист сказал: «А как же мой гонорар? Ведь я всегда беру половину гонорара вперед — а половину после вашей победы».

Мулла Насреддин сказал: «Эти преступления совершены не мною, эти преступления совершила другая партия. Мне не нужна ваша помощь».

Вы идете к любому законнику, и он готов сражаться за вас. Разумеется, обе спорящие стороны не могут быть правы; обе они могут ошибаться, но не могут быть обе правыми. Что касается правоты, только одна может быть права.

Но законник не говорит своим клиентам: «Ваше дело плохо, вам не выиграть», — иначе он лишится всей своей профессии. Даже убийце он скажет: «Не волнуйся. Если я защищаю тебя — ты не совершал убийства. Позабудь все это, ты, должно быть, видел сон».

Удивительная профессия: двум законникам нужно платить — и судье нужно платить — из

карманов людей, которые не имеют к этому отношения.

Если на свете исчезнут преступления, то исчезнут законники, исчезнут судьи, исчезнут суды. Это показатели нашего уродства, это показатели нашей глупости.

Так что с одной стороны эти люди создают законы, а с другой стороны — защищают преступников. Люди попирают законы, ими же созданные. Это как игра, говорит Халиль Джебран: *Как дети, которые играют на берегу океана, все время строят башни из песка, а потом, смеясь, разрушают их.*

Они создали удивительную профессию — для их профессии необходимо преступление — чем больше преступлений, тем больше денег; чем больше преступлений, тем больше судов; чем больше преступлений, тем больше тюрем.

Вы думаете, эти люди захотели бы мира без преступлений? — они лишились бы всей своей власти, профессии, всех своих клиентов. Они стали бы нищими, а сейчас они хозяева.

И странно, что суды решают всегда в пользу богатого, в пользу эксплуататоров — и никогда в пользу бедного, слабого, угнетенного и эксплуатируемого. То, что вы называете законом, это фактически организованное преступление, скрытое изощренным жаргоном.

Если человек на самом деле хочет избавиться от преступлений, каждый суд должен стать медитационным центром. Каждая тюрьма должна стать полезной психологически и физически для людей, которых поместили туда, дать им чувство собственного достоинства, дать им кое-какие навыки, какое-то ремесло. А у всех у них есть дремлющие таланты, и те таланты необходимо выявить, чтобы после выхода на волю у них больше не было зависимости от преступления, а были все возможности заработать, заслужить — и сверх того они бы научились, как быть молчаливыми, как быть умиротворенными — как быть медитативными.

Я предлагаю всех политиков отправить, по меньшей мере, в такие места, которые вы называли тюрьмами, заключением — мне не хочется использовать эти грязные слова, — они должны быть отправлены для своего духовного роста в медитационные центры, в медитационные коммуны. Если мы сумеем трансформировать политиков, которые являются могущественными преступниками, то преступление просто исчезнет из мира.

Ведь преступление совершает не слабейший, это более сильный совершает преступление. Слабейший просто защищается, создает законы. Однако он не понимает, что хоть он и в большинстве, но если член парламента избран на пять лет — он ваш хозяин. А вы будете продолжать, как Ротари Клуб, менять своих хозяев каждые пять лет. Какое это имеет значение, кто хозяин? Любой хозяин будет разрушителен для человечества, тысячью и одним способом.

Но пока вы строите свои башни из песка, океан вновь приносит песок на берег. И когда вы разрушаете их, океан смеется вместе с вами.

Он говорит — метафорическим, символическим языком, — что все сущее смеется над глупостью человечества, которое всю жизнь строит песочные замки и надеется: «Вот этот замок не будет разрушен».

Сколько законов было создано за века? — и каждый нарушался. Для защиты законов создавались новые законы. И сейчас это стало совершенно нелепым: у вас есть все виды законов, изначально созданных слабыми для своей защиты, но они уже в руках у сильнейших людей, и применяются против слабого, против бедного.

Удивительно, эти законодатели свели все человечество к недочеловеческому состоянию — у них есть винтовки, и они не дают вам даже бумажного ножа. И власть переходит из одних рук в другие могущественные руки, а громадное большинство человечества все продолжает надеяться, что когда-то не будет ни преступления, ни изнасилования, ни убийства.

Но преступления растут, убийства растут, самоубийства растут, изнасилования растут, — а закон столь популистичен, он даже не приближается к корням проблемы.

Халиль Джебран говорит: океан, земля, луна, звезды смеются; что за человек появился на земле? Вы стали посмешищем целой вселенной.

Истинно, океан всегда смеется вместе с невинными.

Тут Халиль Джебран, похоже, скользит вниз снова. Сперва он говорит, что они смеются вместе с законодателями и правонарушителями, а сейчас говорит: *Истинно, океан всегда смеется вместе с невинными.*

Я говорю вам, океан кричит, плачет вместе с невинным, за невинного. Смех над законодателями и правонарушителями — это смех осуждения. Но как могут земля, океан, горы смеяться вместе с невинным — в его беспрерывных мучениях, тревоге, и нет ему заступника.

Самое большее, он может воззвать к пустому небу — ему пришлось создать Бога, хоть для какого-то утешения, куда он может обратиться, — есть суды, но окончательный суд гораздо выше, над облаками в небесах.

Все религии утешали людей. Иисус говорит: «Благословенны бедные, ибо их есть царство Божие. Благословен человек, стоящий последним в очереди, так как его примут первым в царстве Божьем». Явные утешения — кое-как перенести и вытерпеть в надежде, что однажды он будет первым, а первый будет последним; однажды невинных провозгласят непорочными и чистыми, а прославившие победителями будут повержены навечно.

Я всегда удивлялся, неизменно: как такого человека, как Халиль Джебран, угораздило остаться в третьеразрядной религии мира, христианстве. У него никогда не было вопросов к христианству.

Но как же те, для кого жизнь — не океан, и законы, созданные человеком, — не башни из песка, для кого жизнь — скала, а закон — резец, которым они обращают ее в свое подобие?

Временами он, похоже, лишался своего зрения. Он забывал, что Бог сотворил человека по своему собственному образу, и с тех пор каждый отец занимается тем же, делая попытку создать в своих детях собственный образ. Он уйдет, но его образ будет оставаться.

Но в тот момент, когда вы начинаете создавать свой собственный образ, вы становитесь насильственным, не любящим. Вы не даете другой личности иметь свое собственное оригинальное лицо; вы даете ей маску, похожую на вас.

Однажды я гостил в одной семье и сидел ранним утром в саду. Единственный ребенок семьи, восьми или девяти лет, очень подружился со мной. Он тоже подсел ко мне. Я спросил его: «Кем бы ты хотел стать в жизни?»

Он сказал: «Самое вероятное, я попаду в дурдом».

Я спросил: «Ты хочешь быть в дурдоме?»

Он сказал: «Я не хочу быть в дурдоме — но мой отец хочет сделать из меня доктора, моя мать хочет сделать из меня инженера, мой дядя хочет сделать из меня профессора, старшие моей семьи... каждый имеет свое представление, и все они хотят навязать его мне. Никто даже не спросит у меня, кем же я хочу стать, они не интересуются мною — они интересуются своими собственными амбициями. Они хотят создать меня точно собственную копию под копирку, каждый. Само собой, я окажусь в дурдоме — немножко доктор, немножко инженер, немножко этого и немножко того».

Я сказал: «Ты очень умен, никто не сможет поместить тебя в дурдом. Сегодня вечером я поговорю с твоими родителями и старшими».

Он сказал: «Так было с самого начала. С тех пор как я научился разговаривать, каждый приходит в дом — гость, друг — и обычно говорит моему отцу: «Его глаза выглядят точно как твои». Или: «Его нос выглядит точно как у его мамы», — и так далее, и тому подобное. И меня заинтересовало: а не выдумка ли я всех этих людей? — ничего похожего на меня! Мои глаза похожи на отцовские, мой нос как у матери, по цвету я как мой дядя — получил я что-нибудь

свое, или я просто составная картинка-загадка? Чей-то нос, чьи-то глаза, чей-то цвет кожи, чьи-то волосы... они сводят меня с ума с тех пор».

Все это преступное действие начинается с Бога. Не случайно все вы называете Бога «отцом» — все отцы старались делать то же, что делал он. А из-за того, что никому не давали быть самим собой, существуют сопротивление, гнев, насилие, глубокий разлад в сердце. И все эти сочетания создают преступника. Если людям позволять, помогать и любить их такими, как они есть, если не предъявлять им требований, а лишь дать им свободу быть самими собой, преступление исчезнет на земле. А с преступлением и все преступники — политики, судьи, законники — обязательно исчезнут. Естественно, вложен такой огромный капитал, что они не позволят человеку вроде меня даже разговаривать.

Ведь я могу пробудить бунтаря в вас. Они затолкали его глубоко в ваше бессознательное — я могу вывести его в ваше сознание и помочь вам поднять его к сверхсознательным уровням. Но тогда вы не будете выглядеть как ваш отец. Вы будете выглядеть просто самими собой. И у вас не будет никакого расстройств, никакого гнева, никакого буйства, никакого насилия, потому что насилие не было применено к вам.

Запомните фундаментальный закон существования: все, что делали с вами, вы возвращаете обратно обществу. Если вы преступник, общество совершило нечто преступное.

Мы прожили пять лет вместе — пять тысяч саньясинов — и мы никогда не нуждались ни в каком судье, ни в каком суде. Никто не сражался, потому что каждый был благодарен всем другим за предоставление ему его собственного пространства, его собственного существования. Как может он быть насильственным?

Насилие, незаконность, преступность — все это лишь симптомы очень глубокой причины; а причина в том, что никому не дали осуществить его собственное предназначение. Как же радоваться, как быть счастливым, как быть любящим? — это невозможно, это наперекор всем чувствам.

Что сказать о хромом, который ненавидит плясунов?..

Как может закон помочь калеке, который ненавидит плясунов? Это утверждение весьма чревато. Все американское правительство разгневалось на нас, потому что они искалечены, а мы танцевали, — они не могли простить нам. Они были слепы, а мы наслаждались всеми цветами радуги, солнечным светом и луной, — как они могут простить?

Медицина установила факт, который скрывали от людей все правительства — они против наркотиков, они против марихуаны: марихуана безвредна. Она просто делает вас более расслабленным, более радостным — и без похмелья. Но марихуана незаконна, а алкоголь законен. Кто же такие эти законодатели? Алкоголь разрушает вас, может привести вас к ранней смерти — с марихуаной не так. Но иметь марихуану — это преступление, а алкоголь вы можете пить сколько захотите.

Похоже, это из-за того, что марихуана дает людям расслабление, радость, — калеки, которые не способны танцевать, не позволят также танцевать никому. Убогий, который не может быть счастливым, не позволит быть счастливым никому.

Алкоголь не делает вас счастливым, он просто заставляет вас забыть свои несчастья. Но назавтра несчастий будет не меньше, даже больше прежнего — с головной болью и похмельем. Это законно, закон благоприятствует этому — но марихуана незаконна.

Только один человек понимания в этом столетии — Олдос Хаксли — имел мужество сказать, что марихуана должна быть легализована во всем мире, а алкоголь запрещен. Это был человек, который сказал, что марихуана определенно связана с древними ведическими временами, когда использовали какое-то вещество под названием *сомрас*. Это был наркотик, который находили только в Гималаях. Описанные эффекты очень напоминают марихуану.

Олдос Хаксли был смелым человеком и заявил, что у нас есть вся научная технология для извлечения всего вредного из любого наркотика, чтобы сделать наркотики не только безвредными, но и питающими ваше здоровье, вашу умственную стабильность — и, быть может, способными дать вам проблеск запредельного. Он назвал это основным открытием науки после самрасы.

Древнейшая книга в мире, Риг Веда, упоминает, что перед молитвой жрецы обычно принимали самрасу, и тогда им было легко танцевать, петь, радоваться. Олдос Хаксли говорил, что однажды, когда человечество придет к своим чувствам, мы создадим синтетический наркотик, который не дает плохих эффектов вообще, который выводится за двадцать четыре часа, не задерживается в теле. Он назвал его *сома* в память о тех первых пионерах, которые называли его *сомрас*, *сок сомы*. Слово *сома* означает луна. В тот миг, как выпивали сомрас, земля становилась прекрасной, словно в ночь полнолуния; отсюда название — *сомрас*.

Но никто не слушал его. Человечество не спешит слушать, а когда начинает — уже слишком поздно.

Я начал говорить еще в 1950 году, что нужно установить контроль над рождаемостью, а всякий противящийся этому должен считаться преступником. Меня забросали камнями, ведь я высказывался против религии, дети приходят от Бога. В то время население Индии составляло четыреста миллионов человек, и если бы они прислушались ко мне, то не оказались бы в такой беде. Сейчас население возросло более чем вдвое — почти девятьсот миллионов человек...

Но политик интересуется только властью. Его не интересует, что к концу этого столетия пятьдесят миллионов человек умрет от голода в этой стране — каждая улица, каждый дом будет окружен разлагающимися трупами. Действительно, лучше будет умереть, чем жить с пятьюдесятью миллионами трупов — никто не сможет доставить их на кладбище или на погребальный костер.

А когда пятьдесят миллионов людей умирает вокруг вас, вы можете улыбаться? Можете танцевать? Можете праздновать?

Что сказать о хромом, который ненавидит плясунов, об отсталых людях, которые ненавидят гениев — которые распяли Иисуса Христа, которые убили Аль-Хилладж Мансура, которые жили в Афинах и отравили Сократа... Все это заключено в простом предложении, что калека не в силах выносить кого-то другого танцующим.

Афины были на вершине своей цивилизации и культуры — и тем не менее им далеко было до гения Сократа. Они не могли выносить его, они не могли летать так высоко. Это было оскорбительно. Единственный способ, найденный ими, — «уничтожить этого человека, ибо он напоминает нам снова и снова, что мы искалечены».

Какой закон, спрашивает Альмустафа, может защитить танцующих от калек?

Что так разгневало Адольфа Гитлера, уничтожившего миллион евреев в Германии? — они были богатыми, разумными, а ему даже трудно было найти какую-нибудь работу. И в конце концов — из-за нехватки солдат в первую мировую — он пошел, и его взяли в армию.

Этот человек — без квалификации, без высших человеческих ценностей — накапливал огромную ненависть ко всем тем, у кого были деньги, кто имел образование, кто был культурным. Сорок процентов Нобелевских премий получили евреи, а евреи составляют незначительное меньшинство в мире. Трудно было искалеченному Адольфу Гитлеру переносить этих людей, и как только ему удалось достичь власти, первым делом: «Германия опустилась, она проигрывает войны из-за евреев». Такое неуместное, бессмысленное, абсурдное утверждение — но он продолжал повторять его, и люди начали верить.

Это почти как если бы он сказал: «Германия пала из-за велосипедов. Уничтожьте все велосипеды, и вы станете править всем миром». Но во имя Нордического Германского

Арийского превосходства... на представителя которого он не похож; он выглядит как копия Чарли Чаплина — но немного более тупая.

Но просто поддерживая это невежды, Германский Нордический народ пришел к выводу: «Этот человек прав. В мире только одна раса может быть избранной расой, а евреи рассказывали испокон веков, что они избранный народ Божий. Если Нордические Арийцы хотят быть избранным народом в мире и править всем миром, то враг — не кто иной, как евреи. Они должны быть стерты полностью, и следа не должно остаться в мире, что когда-то существовала некая раса евреев».

Он убедил людей, и шесть миллионов евреев были убиты. Разумеется, их деньги не сгорели, их дома не были сожжены. Их фабрики не сожгли; все они были присвоены немцами, и немцы очень обрадовались: «Это хороший, это огромный успех. Гитлер сделал многих немцев богатыми».

Можно продолжать убивать евреев и грабить все их деньги, но невозможно ограбить ничей гений и невозможно ограбить ничей дух. Адольф Гитлер оставался заторможенным, карликовым человеческим существом — мерзкой свиньей.

Как не дать калеке уничтожать танцующих? Как не дать немому уничтожать поющих?

Есть только один способ. Даже если человек искалечен, в нем сокрыт какой-то талант; помогите ему пробудить свой талант и выразить его. Искалеченная личность может рисовать, искалеченная личность может размышлять, искалеченная личность может писать стихи, искалеченная личность может быть лучшим певцом в мире. Лучше не сосредоточиваться на уничтожении танцующих — дайте калеке образование, возможности, чтобы он никоим образом не чувствовал унижения ни от кого.

Что сказать о воле, который любит свое ярмо и мнит лесного лося и оленя бездомными бродягами?

Что сказать о воле, который любит свое ярмо...

Потому что ярмо, рабство... хоть и за очень высокую цену — ведь ни один вол не рождается волком. Посмотрите на вола и быка, — и увидите разницу.

Бык — это слава, величественный феномен силы и энергии. Но его кастрировали — этого не забудешь... — потому что много быков не нужно.

Одного быка довольно, чтобы тысячи коров понесли телят, — так много у него энергии. Вам не удастся запрячь быка в ярмо как свой транспорт. Он столь могуч, что может вас с вашей телегой сбросить в канаву. Если он увидит прекрасную леди-корову на пути, он может напрочь позабыть о деле, отшвырнуть ярмо прочь — сначала основное!

Ни от одного быка нет никакой прагматической пользы — кроме того, что он может произвести больше быков. Но прежде чем они станут быками или осознают свою силу, их нужно кастрировать, сделать их импотентами. Тогда тот величественный бык — просто несчастный вол, все тянущий и тянущий воловью упряжку. Разумеется, он в большей безопасности: всегда вдоволь пищи, убежище от дождя, зноя. Естественно, он думает, что лось и олень, прекрасные дикие животные...

Вол — это преступление против несчастных животных, которые не умеют говорить, не могут пойти к законнику и спросить: «По какому праву нас делают импотентами?» Но, чтобы утешить себя, он считает, что олень, лось и все другие дикие животные понапрасну бегают туда-сюда, бродяги: «Я полезное существо, я тяну упряжку». И ярмо, рабство становится его безопасностью.

Воловья упряжка должна исчезнуть из мира. Когда есть автобусы, поезда и автомобили, к чему уничтожать миллионы прекрасных быков? Не беспокойтесь о том, где они достанут себе пищу, как они будут жить. Все дикие животные живут, достают себе пищу, и безмерно

счастливы. Быки тоже будут в лесах, в горах, среди своих сестер и братьев.

Воловья упряжка уродлива. Она показывает насилие человека над бессловесным животным, которое не может протестовать — и все же кое-как ему удастся утешить себя. И то же самое у всех людей, которые утешают себя тем или иным способом. Таким метафорическим языком Халиль Джебран говорит людям, что они полюбили свое рабство, потому что оно дает им гарантию, безопасность — хоть и отнимает все их достоинство, свободу, славу.

Что сказать о старой змее, которая не в силах сбросить кожу...

Змеи каждый год сбрасывают свою старую кожу, они просто выскользывают из нее с новой, молодой кожей. Точно деревья — они сбрасывают свои мертвые листья и вскоре снова красуются в зелени, в листве и цветах. Но старая змея так слаба к старости, ей не под силу выбраться из своей изношенной кожи — и все же она находит утешение: *Что сказать о старой змее, которая не в силах сбросить кожу и называет всех остальных голыми, и бесстыжими?*

Это касается моих людей. От вашего танца, от вашей песни, от вашей любви все искалеченные люди приходят в ярость, ведь они не могут танцевать. Но они наделены властью остановить ваш танец, и я говорю вам: лучше умереть, чем остановить свой танец только из-за страха, что вас могут убить. Ибо что такое жизнь, не знающая ни песни, ни танца, ни любви? Есть люди, которые называют наготу непристойной. Поставьте тысячу голых людей, и вы удивитесь, как безобразно они выглядят. Под своими одеждами они скрывают свое уродство.

И когда они видят кого-то обнаженного и прекрасного, они не могут терпеть этого человека: он напоминает им об их собственном уродстве. Но как ни скрывай под одеждой, это не поможет — они знают. Других можно обмануть, но как обмануть самого себя? И нагота становится непристойной — хотя все животные наги, все птицы наги.

Но я не предлагаю вам идти на улицу голыми, это время еще не пришло. Подождите немножко — когда у меня будут люди во всем мире, тогда наши протесты мы будем проводить обнаженными. Они требуют, чтобы мы выбросили оружие, — мы выбросим даже одежду! И когда они устыдятся, то устыдятся не вашей наготы; они устыдятся самих себя и своих тел, того, что они сделали с собой. Прячась за одеждой, они никак не заботились о своем теле.

Сейчас — из-за того, что вы среди этих искалеченных людей, — не пляшите на улицах; тех калек слишком много, а нас очень мало. Только из-за тех уродливых людей не обнажайтесь на улицах — вы спровоцируете их гнев, их зависть, их скудость: у них нет таких прекрасных тел.

Но я обещаю вам: тот день совсем близок, когда у нас будет достаточно людей. Тогда мы заполним все улицы всех городов мира нагими танцорами, тысячами поющих, и покажем им: «То, что вы потеряли, мы нашли. Не гневайтесь — присоединяйтесь к нам! И мы приведем и ваше тело в порядок, и ваш ум в порядок».

Но сейчас немного рановато, так что сегодня ведите себя как этого требуют от вас слепые, глухие и калеки. Это не наша «норма» — это просто временное согласие с безумным миром. Когда-то у нас будет достаточно людей, и мы покажем этим безумцам: «Если вы не обнажены на улице, вы непристойны. Чего вы боитесь? У себя дома можете пользоваться одеждой — но не на улице!»

И о том, кто рано приходит на свадебный пир и, пересытившись, уходит, заявляя, что все пиры отвратительны и все пирующие преступают закон.

На поверхностный взгляд это кажется чем-то совершенно неважным, но здесь есть глубина, которую вы должны открыть. Я знаю, что все политические лидеры, все бюрократы — пьяницы и курильщики. Даже во время запрета в самом кабинете Морарджи Десая были люди, употреблявшие алкоголь. Я не считаю, что в этом есть что-то плохое. Если Морарджи Десай волен пить свою собственную мочу... алкоголь совершенно вегетарианский. Фактически, он ненормальный — он полагает, что каждую болезнь можно лечить просто питьем своей мочи, и

не нужны ни медицинские колледжи, ни врачи, ни лекарства.

Я дискутировал с ним и сказал: «Расскажите мне, как же вы можете лечить человека, страдающего от рака, питьем собственной мочи? — или человека, который страдает туберкулезом... Моча выводит все яды прочь из тела, а вы забираете их назад! Поэтому, если вы любите запрещать, запретите каждому пить его собственную мочу. Вы будете вправе сказать: «Я — исключение, я премьер-министр Индии. Только премьер-министрам позволено». И я знаю о членах вашего кабинета, персонально, — все они пьют спиртное. Как вы можете навязывать свои идеи людям?»

Махатма Ганди, отец четырех детей, дав им рождение, принялся учить целибату. Дайте хотя бы такую же возможность каждому. И что же, в конце концов, случилось с его целибатом? — ведь это было не что иное, как подавление. В преклонном возрасте, в семьдесят лет, он начал спать с голой девицей, а его ученики хотели скрыть этот факт от широкой публики, иначе он лишился бы всей своей святости, махатмовости — в семидесятилетнем возрасте спать нагишом с девицей!

Но им не удалось скрыть это по простой причине. Несколькими годами раньше собственный личный секретарь Ганди, Пьярилал, влюбился в женщину. Это был молодой, умный человек, и замечательный писатель. Ганди воспрепятствовал ему, предъявив ультиматум: «Либо сохраняй целибат, либо оставь ашрам. Если хочешь — женись, у меня нет возражений; женись, но сохраняй целибат!»

Удивительная логика: постись, держа всевозможные великолепные блюда вокруг себя. Так поститься становится еще трудней, ведь невозможно думать ни о чем ином, кроме прекрасных блюд вокруг, а аромат, восходящий от них, постоянно напоминает о голоде.

Это Пьярилал — насколько я понимаю, из явной мести — раскрыл секрет всему миру. Он написал биографию Махатмы Ганди и посвятил почти сотню страниц его неестественной идее целибата. И в итоге перед самой своей смертью Махатма Ганди начал спать с девицей! Даже сейчас гандисты не говорят об этом. Про Ганди созданы фильмы, но этой части там нет. А такие люди, как Виноба Бхаве, Кака Каликар — его самые близкие ученики, — писали письма Пьярилалу, которые тот опубликовал: «Делайте все, что бы вам ни захотелось, но не выдавайте этот секрет». Вот вам люди, которые ищут истину.

Что сказать мне о них, кроме того, что они тоже стоят под лучами солнца, но спиной к нему?

Все эти люди, которые обвиняют и осуждают других, лишь чтобы почувствовать превосходство, только тем и озабочены, чтобы не обернуться лицом к солнцу, чтобы держать свои спины к солнцу. Они не желают видеть, они вполне довольны своей слепотой. Их слепота длится очень долго, она стала их философией, их религией, их образом жизни. Они не в силах изменить это, хотя изменить очень просто: один поворот на сто восемьдесят градусов — и нет тьмы, только свет.

Но даже если вы повернете этих людей, они будут держать глаза закрытыми. Они смотрят только на свои тени; они видят только свои тени, и их тени — это их законы. Вопрос был: «Скажи нам о законах».

Альмустафа говорит очень точно:

Они видят лишь свои тени, и эти тени — законы для них.

Их законы созданы их слепотой, их темнотой, их бессознательным.

Что для них солнце, как не создатель теней?

Солнце не свет для них, а лишь создатель теней. Если бы вы держались спиной к солнцу, то и ваше убеждение, конечно, было бы таким же.

И что значит признавать законы, как не склоняться и чертить свои тени на земле? У них

нет никакого света, только своя собственная тень — что же остается делать?

Что значит признавать законы, как не склоняться и чертить свои тени на земле? И то, что начерчено на земле по своим собственным теням, они хотят навязать всем остальным.

Но вы, идущие лицом к солнцу, — какие образы, начертанные на земле, могут удержать вас? Прекрасное изречение: Но вы, идущие лицом к солнцу, — какие образы, начертанные на земле, могут удержать вас? Солнце — ваш закон! Это и есть то, что я говорю: любовь — ваш единственный закон. Не идите против любви. Следуйте туда, куда ваша любовь ведет вас, и вы всегда будете невинными.

Вы, странствующие с ветром, какой флюгер укажет вам путь? Живите просто жизнью позволения, и ветры заботливо доставят вас туда, где находится ваша судьба.

Какой человеческий закон свяжет вас, если вы сбросите свое ярмо, но не перед дверью тюрьмы человека? Это в ваших руках — оставаться рабом или стать свободным человеком. Вы были рождены свободными; рабство — это дар всех тех, кто делает вид, что любит вас. Скорее всего, они даже не осознают, что делают вас рабами.

Разорвите все цепи, сбросьте ярма и следуйте своей собственной природе.

Куда бы она ни вела — там рай.

Вопрос не в местонахождении рая. Я говорю: если вы просто следуете своей природе, то куда бы вы ни пришли, вы найдете рай.

Какой человеческий закон свяжет вас, если вы сбросите свое ярмо, но не перед дверью тюрьмы человека?

Каких законов вы убоитесь, если будете плясать, не наталкиваясь на железные цепи человека? Это именно вам:

Танцуйте, но не спотыкайтесь о чьи-то цепи. Если кто-то решил оставаться в цепях, это его проблемы.

И кто приведет вас на суд, если вы скинете с себя одежды, но не оставите их на пути человека?

Кто имеет право помешать вам, отбросить вашу одежду, вашу обусловленность и стать индивидуальностью по своему собственному праву? — но не бросайте свои одежды и облачения ни на чьем пути.

Народ Орфалеса, ты можешь заглушить барабан и ослабить струны лиры, но кто возбранит жаворонку петь?

— Полицейский комиссар Пуны!

— Хорошо, Вимал?

— Да, Мастер!

КОММУНА ОШО

Международная Коммуна Ошо в Пуне, Индия, в своей жизни руководствуется видением просветленного мастера Ошо. Это своеобразная лаборатория, эксперимент по созданию *нового человека* — человека, живущего в согласии с собой и с окружающим миром, свободного от всех систем верований и идеологий, которые сейчас раздирают человечество.

Мультиверситет при Коммуне Ошо предлагает сотни мастерских, групп и тренингов занятий, которые проводятся на девяти факультетах:

Школа центрирования и боевых искусств дзэн

Школа творческих искусств Ошо

Международная Академия целительских искусств Ошо

Академия медитации Ошо

Институт любви и сознания Ошо

Школа мистицизма Ошо

Институт Тибетской пульсовой диагностики и целительства

Центр трансформации Ошо

Медитативный клуб творческого отдыха Ошо

Все эти программы рассчитаны на то, чтобы помочь участникам приобрести навыки медитации — пассивное созерцание мыслей, эмоций и действий без их оценки или идентификации. В отличие от многих традиционных дисциплин Востока, медитация в Международной Коммуне Ошо является неотделимой частью повседневной жизни — работы, общения и просто бытия. А результат таков, что люди не уходят от мира, но вносят в него дух осознания и празднования, с глубоким благоговением перед жизнью.

Кульминация дня в Коммуне — собрание Братства Белых Одежд Ошо. Этот двухчасовой праздник музыки, танца и тишины, с беседой от Ошо, неповторим: полная медитация в самой себе, когда тысячи ищущих, по словам Ошо, «растворяются в море сознания».